

БРАТЬЯ

Роман

А нужно ли искать свою дорогу?
А стоит ли позвать с собой друзей?

Пролог

Хлёсткий выстрел разорвал тишину притихшего осеннего леса. Пожелтевшие берёзы вдруг заволновались, зашелестели, зашумели, размахивая космами. На раскрасневшейся осине мелко задрожали листочки, словно испуганные резким звуком. Ворковала небольшая речушка, выныривая из-за крупных валунов и опираясь на небольшую песчаную косу, а потом пряталась в камнях и весело ворчала. На другом берегу речки высокая перезревшая трава склонила голову к воде. Речные струи цепляли её за макушку, тянули в воду и отпускали. Трава сердито дёргалась, но опять скрывалась под водой.

На песчаной косе лицом вниз лежал без движения человек. Ветерок слегка шевелил его разлохмаченные волосы и ветхую одежонку. Рядом едва дымился небольшой костерок, на котором стоял закопченный котелок, неподалёку валялись лопата, лоток для промывки песка и тощая котомка.

Через некоторое время на речную косу, озираясь, вышел рослый человек, одетый в самошитые одежды местной народности – карагасов¹. Суконный халат, вышитый по верху и низу орнаментом, запахнут и перехвачен широким поясом, на котором висели небольшие мешочки. Голова покрыта платком, завязанным на затылке, в руках приготовленное к выстрелу ружьё. Внешне человек был похож на карагаса, только любой опытный таёжник определил бы в нём не слишком умелого в тайге человека, а значит, это был не карагас. Да карагасы и не ходят с ружьями, они охотятся с луками. И походка у человека была не таёжная: широкая, тяжёлая, хотя и крадущаяся, шаг длинный, не осторожный. А самое главное, не станет карагас

¹ Карагасы – так в начале тридцатых годов XX века называли тофалар. Тофалары – народ, проживающий в предгорьях Восточных Саян, в Нижнеудинском районе Иркутской области.

стрелять в людей, не приучены они к такому делу. Всё отдаст: оленей отдаст, собак отдаст, но стрелять в человека не станет.

Странник, поглядывая в сторону леса, подошёл к лежащему на песке человеку, тронул его дулом ружья, перевернул ногой и стал вытряхивать из котомки вещи. Потом, не найдя ничего, принялся обшаривать убитого. Достал какую-то тряпочку, разложил на ладони содержимое, улыбнулся, спрятал добычу в мешочек на поясе и быстро скрылся в лесу.

– Недоброе дело сделал он, ох, недоброе, – сказал Евсей Цыганков брату Родиону.

– Может, догнать его и того? – спросил брат.

– Нехристь, – сказал Евсей. – Кому чужая кровь добро приносила? А догнать его стоит и присмотреться надо, кто это, а то ещё и доведётся встренуться. Ты давай его догони, разгляди издалека, но сам не показывайся. Может, узнаешь кого. Людей здесь немного, чужие не шляются.

– Я спехом.

– Родька, я сказал: не показывайся на глаза.

Родион кивнул и растворился в лесу, словно его и не было.

Братья Цыганковы понемногу промышляли золото. Уходили с ранней весны на промысел в верховья Бирюсы, где золото буквально валялось под ногами. Поначалу приходилось искать металл наугад на небольших речушках, притоках Бирюсы, но со временем удалось свести дружбу с карагасами, тем были известны хорошие золотоносные места, про которые они рассказывали братьям за искреннюю дружбу и за стоящие подарки. Поначалу младший Родька стал мыть золото как ошалелый, глаза у него сверкали от неумной жадности, но рассудительный старший Евсей быстро погасил тот огонёк. Сначала врезал посохом вдоль спины, а потом медленно и доходчиво объяснил, что золото – это лишь металл, за который дают хорошие деньги, как и за соболей и за другие товары.

Прошло немного времени, и Родион вылечился от этой болезни. Несколько раз они с братом находили убитых одиноких старателей, которых самим приходилось хоронить, тогда и понял младший брат, что прав Евсей, не стоит человеческая жизнь этих жёлтых комочков. С тех пор не стал Родька надрываться в работе, с уважением смотрел на брата, перенимая спокойный хозяйский подход к делу. И вместе они за лето намывали металла достаточно, чтобы пережить холода в своей деревушке из десятка домов, спрятавшейся в тальниках вдоль небольшой речки – и не больше. Никогда не хвалились ни перед кем золотом и не транжирили деньги на потеху людям. Просто жили, стараясь не отличаться от других, хотя и не бедствовали. Бывало, что и соседей выручали копеечкой, когда надо было, но не в долг, а за отработку. Когда приходила пора сенокоса, а братьев не было дома, деревенские мужики, Еремей Трухин, Иван и Семён Никитины, Маркел Дронов и другие, заготавливали сено на себя и на Цыганковых, так как знали, что обижены не будут.

Хмельное братья не жаловали, хотя в праздники и принимали для порядка, но это было в меру и без продолжения.

Когда брат вернулся, Евсей уже наполовину выкопал могилу. Место выбрал на берегу, куда не доставала вода, рядом с небольшим кедром.

– Я узнал его, того душегубца, – сказал Родька. – Это Чирей, мы его в Благодатской видели, он там гулеванил возле реки.

Евсей кивнул на слова брата и промолчал. Родька подменил его, быстро докопал яму, помог дотащить мертвеца до места. Аккуратно положили тело на еловый лапник, туда же расположили все вещи убитого, прикрыли ещё лапником.

– Будешь читать молитву? – спросил Родька Евсея.

– Конечно, буду, чай, крещёный был человек, крестик имеется.

Евсей медленно стал читать молитву. Затем Родька закопал покойника и принёс с реки большой валун, положив его вместо креста.

К вечеру они спустились к Бирюсе, где и устроились на ночлег. Костёр развели под крутым берегом напротив высокой скалы, чтобы не быть на виду. Раз народ пошаливает, то не стоит сидеть в отсветах пламени. Поужинали ещё засветло, попили чаю, настоянного на травах, приготовили лапник для постели. От земли даже летом в тёплую погоду натягивает холод, а уж осенью тем более. Но на толстой постели из еловых лап, да ещё у костра, можно спокойно спать, не боясь простудиться.

Евсей долго молчал, потом вдруг заговорил, вспомнив убийцу:

– Гляди-ка, чем промышляет? Бога совсем не боится. Надо держаться от него подальше.

– И чего? Вот он и будет ходить да злодействовать? Может, как-то остановить его? – спросил Родион.

– Он своё найдёт, Бог знает, как наказать убивца, а ты не смей, не бери грех на душу, – Евсей строго посмотрел на брата.

– Да я ничего, мне какое дело?

– Другое дело, если бороться от него будешь, дак и то не нужно до смерти убивать. Разве, что при нужде большой. О чём мы говорим, прости меня, Господи. Человека сгубить, словно курёнку голову отсечь. Нет, Родька, обходи такой грех подальше, потом всё спросится.

– Да я ничего. Я и обхожу подальше, – пробормотал Родион, укладываясь на лапник.

Костёр ещё потрескивал углями, успокаиваясь и покрываясь белесым пеплом; вздыхала, всхлипывая река, а Родька уже мирно посапывал. Евсей ещё долго ворочался с боку на бок, прислушиваясь к ночным шорохам, пытаясь уловить что-то необычное. Туман прохладным влажным покрывалом сполз с верхов речушки и, прикрыв путников, скатился в Бирюсу. Воздух стал плотнее и звонче, каждый шум усиливался. Но ничего постороннего не расслышав, Евсей расслабился, и сон сморил его.

1

Родом Цыганковы были из Алзамая. Там имели небольшую хатёнку, кусок земли, который не мог прокормить небольшую семью из четверых человек, поэтому нанимались на разные работы, приносящие дополнительный кусок хлеба. Отец Митрофан Цыганков с молодости был удачливым охотником, ходил к далёким Саянским гольцам и всегда возвращался с богатой добычей. Купить добротную пушнину желающих хватало, а за добрый товар и цену давали солидную. Скопил Митрофан немного денег да и сосватал себе невесту из зажиточной семьи. Пелагея не слыла первой красавицей, но и в последних не была, с хозяйством справлялась успешно. Вскоре родился первенец – Евсей, которого так называли в честь деда. Не купались в роскоши Цыганковы, но жили достойно, да только недолго.

Однажды Митрофан столкнулся в лесу с шатуном, а разойтись не получилось. Медведя охотник завалил, но и самому досталось с избытком, поломал зверь Митрофана изрядно. Лечился он долго, но так и остался хромым и немощным, в лес ходил только за грибами и ягодами недалеко от деревни. Тут и стало горюшко заглядывать к Цыганковым. Подрос Евсей и стал в лес бегать, иногда и добычу приносил: то птицу какую поймает, то белок добудет. Появилась, было, надежда на сына. Тогда-то родился и ещё сынок. Не знали: то ли горевать, то ли радоваться, решили, что это божья благодать и окрестили его Родионом, в честь другого деда. За делами и заботами рос парнишка, не требуя к себе особого внимания, по возможности помогал родителям. К тому времени Евсей уже многое перенял от своего отца и добывал соболей наравне с опытными охотниками.

Но тут новая беда обрушилась на семью Цыганковых. По осени отец с матерью пошли собирать клюкву и не вернулись. Искали их братья, искали, только не обнаружили никаких следов. Всякое передумали, да что толку? Так и не нашлись Митрофан и Пелагея Цыганковы, и стал Евсей брату ещё и за родителей. Две зимы мыкались братья в родительском доме, пытались приспособиться к жизни, но из нужды выбраться не удавалось. Тогда-то и услышал Евсей от людей, что на реке Бирюсе жизнь полегче будет, а ещё услышал, что там на речке Бирюсе золото под ногами валяется – только подбирай. Собрался Евсей, взял брата и направился за «лёгкой жизнью». Дошли до Бирюсы и остановились в селе Конторка, что раскинулось на берегу этой самой реки. Решили присмотреться, разузнать у людей, куда можно податься дальше.

Конторка – село большое по здешним меркам, людное. Здесь находилась волостная управа, власть государева, была большая церковь, имевшая достойный приход не только из своих жителей, но и из близлежащих небольших деревень. Село делилось на три части. Середина села, где проживали старожилы и зажиточная часть населения, называлась Тарай; селяне победнее жили в Мамаевке, на окраине

Конторки. Была ещё и Лавинка, там обитался пришлый люд со всей матушки России, пришедший сюда на свой страх и риск за лучшей долей. Люди, кому не удалось поймать птицу-удачу за хвост, ютились в небольших халупах, пробиваясь сезонными работами на богатеев, рыбачили на реке, охотились в окрестностях. Счастье, по словам старожил, попытать можно было в верховьях Бирюсы, Тагула или Туманшета. В тех краях населения практически не было: редко встречались одинокие заимки. Только далеко – далеко в отрогах Саян, откуда катила свои воды Бирюса, жили инородцы – карагасы. Жили они бедно, промышляли охотой. Всего богатства было у них – олешки да охотничьи собаки, которых они берегли и ценили пуще жизни. Добывали карагасы соболя, белку, били диких оленей и лосей на мясо, в быту использовали шкуры животных.

Евсей решил пристроиться к кому-нибудь в работники на первое время, а потом видно будет. Родька тоже уже был работник, по хозяйству управлялся исправно, и вдвоём можно было прожить до весны.

В поисках работы Евсей забрёл в лавку и спросил стоящего за прилавком молодого парня, нарядно одетого в косоворотку и широкие штаны, заправленные в сапоги, начищенные до блеска:

– Ты, что ли, за хозяина будешь?

Парень пригладил волосы, смазанные маслом, и внимательно осмотрел пришлых.

– По делу интересуетесь, али просто так?

– По делу, – твёрдо сказал Евсей.

– Тятя, к тебе по делу! – крикнул продавец.

Через некоторое время из двери показался невысокого роста полноватый хозяин в засаленном сюртуке. Он вопросительно посмотрел на посетителей.

– Ну?

– Работы не найдётся? Нам бы до весны дожить.

– Охотник?

– Приходилось и охотиться.

– Брат, что ли? – кивнул он на Родиона.

– Брат.

– Выходит сироты?

– Так найдётся место? Если нет, тогда пойдём дальше.

– Заходи, поговорим: глядишь, и сыщется чего-нибудь.

Хозяин кивнул, чтобы шли за ним, и направился внутрь лавки. Комнатёнка, куда привёл их лавочник, была тесная: небольшой стол, скамейка у стены да шкафчик с навесным замочком, распахнутый наполовину – вот и всё. На столе лежала закрытая толстая засаленная тетрадь в твёрдой обложке, стоял пузатый графин с водой и два гранёных стакана.

– Не по чину, но садитесь на лавку, – хозяин сел за столик напротив братьев. Взял тетрадь, открыв на нужном месте, поводил пальцем по строчкам, потом немного подумал и положил тетрадь в шкаф.

– Рассказывай о себе, а я послушаю, – сказал он Евсею.

– Говорить-то и нечего, – смутился Евсей.

– Так уж и нечего. Откуда пришёл сюда, чего замыслил? Я смотрю, ты парень не чета нашим деревенским ветродуям, может, и сгодишься мне. И работа найдётся, и наперёд жизнь определишь. Ты говори, говори.

Почувствовав участие к себе, Евсей рассказал всё без утайки с той детской наивностью, с которой малый ребёнок рассказывает матери про свои обиды. Только Евсей не жаловался, рассказывал, как пошли они с братом искать свою долю. Единственно, о чём умолчал Евсей – это о золоте, о котором слышал от людей.

– Что ж, коли так, то найду вам работу, а там поглядим, чего вы стоите. Зовут меня Илья Саввич. Скажи Нестору, чтобы определил вам место для проживания.

На удивлённый взгляд Евсея, хозяин кивнул в сторону двери:

– Сын мой там на торговле стоит, он покажет. Вечером обговорим работу.

Поселились братья в небольшом домике, стоявшем на краю двора, в котором жили работники. Вид комнаты был удручающий: почерневшие низкие потолки, закопченные стены, нары вдоль двух стен, покрытые толстым слоем соломы, укрытой мешковиной. Рядом находился большой стол из толстых плах, выскобленный добела; небольшое окошечко, через которое поступал хоть какой-то свет, выходило на огород. На давно не мытом стекле громко гомонили толстенные мухи. Пол был чистенько выметен, на печке, стоявшей посередине помещения, на загнетке лежали сосновые лучины, служившие для освещения в вечернее время.

– Выбирайте себе место, где понравится, пока свободно, скоро здесь будет не протолкнуться, – сказал Нестор и вернулся в лавку.

– Давай поближе к окну займём местечко, – сказал счастливый Родион. – Там посветлей будет.

– Нет, брат, давай поближе к печке, скоро зима покажет, где светлее, а где теплее.

Родька бросил котомку возле печки, а сам прошёл к окну. Из окна виднелся огород, за огородом стеной стоял лес, только немного сбоку виднелись просветы, там несла свои воды Бирюса.

– У окна веселее, – сказал Родька, но котомку оставил на месте.

Лето прошло быстро. Братья работали вместе сначала на покосе, потом на заготовке грибов и ягод, которые большей частью продавались в лавке проходящему мимо люду, остатки сохранялись для работников на зиму, а уж зима здесь, что тебе разогретая смола – тянется, тянется, и не дожидаться тёплых дней. Лишь только справили осенние работы – выпал снег. Покров отпраздновали, а там и братья разошлись по разным работам: Родион остался при хозяйстве, мал ещё для тяжёлой работы, а Евсей с небольшой компанией работников отправился на заготовку леса.

Родька работал на скотном дворе: чистил у коров и свиней, навоз выносил на середину двора и складывал в кучу, таскал сено скотине, стелил солому в хлевах. С работой справлялся, времени хватало и отдохнуть. Другие работники не трогали мальчишку, хотя многим хотелось переложить часть своих забот на парнишку. Боялись Евсея. Помнили случай, после которого на Евсея стали смотреть с уважением.

Как-то Евсей с братом поздно вечером шли с реки мимо компании подвыпивших парней. Среди них был деревенский кутила, силач и первый забияка – Маркел Дронов. Парни сидели в ожидании девчат, не упускавших случая сбегать на вечерку и потанцевать под гармошку Ваньки Хомутова. Ловко обращался Ванька с гармошкой, наловчился так перебирать кнопки, что чертям тошно было. Все ребята были из района Мамаевки, а значит, имели повод придраться ко всем, кто из другого района. Евсей жил на Тарае у лавочника Хрустова.

– Эй, стой! Ты чего здесь ходишь, как у себя дома? – начал Маркел.

Евсей остановился. Бегать от кого-либо он не собирался, хотя в кулачных потехах не был мастером. Приходилось в детстве драться со сверстниками, так это просто была забава, а здесь целый медведь перед ним.

– Давай сойдёмся на кулачки, если побьёшь меня, будешь спокойно здесь ходить, – улыбнулся Маркел.

Он говорил заносчиво ещё и потому, что Евсей на полголовы был ниже его. Парни посмеивались, лузгая семечки.

– Чего, боишься на кулачки, может, тогда с твоим братом стукнемся, он посмелее будет?

Толпа захохотала. Видя такую поддержку, Маркел ещё больше расхотелся.

– Ладно, давай сначала ты меня вдарь, а там посмотрим: может, ты баба в штанах, а не мужик.

Хохот разозлил Евсея, он хоть и не был велик, но скроен и сшит ладно, и рука у него была тяжёлая. Всё произошло мгновенно, Евсей всю свою злость вложил в удар, и попал удачно – прямо в подбородок. Маркел словно подрубленное дерево упал на дорогу прямо лицом в пыль. Когда он очухался, Евсея с братом уже не было.

– Что это было? Чем это он вдарил?

Над Маркелом никто не посмел смеяться, но деревенская молва быстро разнесла новость по селу. С тех пор к Евсею больше никто и не пытался приставать, а Маркел как-то встретил его, обнял, похлопал по плечу и сказал:

– Уважаю. Ты не бойся, тебя и твоего брата никто больше не тронет.

Евсей улыбнулся ему.

– Ну, ты врезал мне! Никто никогда так не бил! Уважаю! – Маркел, казалось, был даже доволен, что получил такой отпор, но характера не поменял и оставался всё таким же гулякой и дебоширом, но с Евсеем сблизился.

Вскоре Евсея с мужиками отправили на лесозаготовку. Лес готовили недалеко от реки. Таскали лошадьми на берег, на льду вязали небольшие плоты, чтобы весной по большой воде сплавить их до места. Поначалу молодые крепкие парни работали с шутками-прибаутками, но со временем замолчали. Работа вытягивала силы, а кормёжка была не ахти какая. Лавочник Хрустов для промысла выделил ружьё, которое доверил Евсею:

– Нужно будет мясо, добудешь для компании, работа тяжёлая, я знаю, сам прошёл всё. Только береги ружьё, цены немалой, две коровы стоит, не дал бы, да только без него в лесу нельзя.

Евсей добыл лося только через неделю охоты. Маркел ворчал:

– Видно, охотник ты никудышный.

– А лес – это не хлев, пошёл да забил, походить надо и поискать. Да и вы шумом всё зверьё поразогнали, даже следов не видно.

Нашёл зверя Евсей в густых пихтачах, достаточно далеко от заготовщиков. Одним выстрелом завалил молодого сохатого. Разделав лося, охотник взял мяса, сколько мог унести, и быстро направился к месту стоянки.

За остальным мясом ехали на санях. Снег был невелик, и лошадь шла ходко. Из чащобы мясо выносил Маркел, как самый крепкий из всей ватаги.

– Молодец, братушка, – так звал Маркел товарища, передразнивая Родиона, – теперь повеселимся ложками. Ещё бы четверть самогона на каждый глаз, и можно лес валить.

– Таскай, а то вечереет уже, скоро темно будет.

Приехали уже в глубоких сумерках. Кашевары сразу взялись за дело. Мужики дружно потянулись к столу, застучали деревянные ложки по одной большой миске, из которой ужинали все вместе. Ели мясо молча, наскучались на постной каше. Кашевар взял заднее стегно и вынёс на мороз, чтобы завтра порадовать работников деликатесом – строганиной. Мало, что может сравниться с тонкими кусочками мяса, наструганными ножом и сдобренными солью.

После еды пошли разговоры, слышался смех – полегчало.

2

Родион до обеда управлялся со скотиной, а потом помогал на кухне поварихе Никитичне, готовившей еду для работников и отдельно для семьи хозяина. Мальчик колот и носил дрова, которых требовалось много не только для кухни, но и для отопления дома. Там стояло две печки – дом большой. Потом запрягал лошадь в сани с большой деревянной бочкой и ехал за водой на реку. Ведром из проруби набирал бочку, закрывал чистой мешковиной, чтобы вода не плескалась, и домой вёл коня в поводу. Воды требовалось тоже много, одной поездкой не обойдёшься, приходилось каждый день два-три наведываться к проруби. Родион наловчился делать

работу быстро, и у него оставалось немного времени, чтобы послушать добродушное ворчание поварихи, а в награду получить кружку молока, горячий кусок хлеба или какую-нибудь постряпушку. Потом посидеть в уголочке, погреться, а то и подремать несколько минуток.

Однажды Родион уснул за печкой. Он проснулся, когда его стали дёргать за рукав, открыл глаза и увидел хозяйскую дочь. Девочка с любопытством разглядывала человека, которого она до этого видела только в окно. Ей было годика четыре. Наряженная в платьице с длинными рукавами, из-под которого виднелись беленькие аккуратные катанки, она была похожа на ангела с картинки. Светлые густые волосы были заплетены в две косички и уложены калачиком.

– Ты кто? – спросила девочка, удивляясь своей находке.

– Я Родион, – ответил мальчик, разглядывая ребёнка.

Он тоже видел эту девочку издали, знал, что это младшая и единственная сестра Нестора, сына хозяина. Нестор был уже достаточно взрослый, работал в лавке у отца, а девочку всюду сопровождала молодая женщина. Сама хозяйка, по слухам на кухне, постоянно болела и появлялась на людях очень редко.

– Родионами зовут больших дядьков, а ты ещё не большой дядька, – усомнилась девочка.

– Тогда просто Родька.

– Родька, а можно я с тобой посижу в уголке, мне так хочется.

– Здесь грязно для тебя, испачкаешься.

– Мне так хочется, – повторила девочка.

– Ну, иди, если тебя не заругают.

Он выбрался из угла, уступая ей место. Девочка, придерживая платье, пролезла в угол и присела на перевёрнутую деревянную кадешку.

– Здесь хорошо, – заявила маленькая хозяйка и стала разглядывать стены, увидев паутину, промолвила:

– Вот где Нестор сетки берёт на голову.

– Тебя как звать? А то я не знаю, – спросил Родион.

– Лизавета, только матушка зовёт просто Лиза. А ты как будешь меня звать?

Родион растерялся и промолчал.

– Если будешь со мной дружить, то зови меня как хочешь. Ты будешь со мной дружить? – девочка пристально посмотрела на Родиона.

– Если тебе позволят со мной дружить, тогда буду.

– Конечно, позволят, – заявила Лизавета.

– Лизавета! Девочка, ты здесь? – раздался испуганный голос.

На кухню забежала няня девочки и посмотрела по сторонам. Её испуганное лицо было жалким и вызывало сострадание.

– Мальчик, ты не видел девочку здесь, маленькая такая, – спросила с надеждой она.

– Я здесь, – откликнулась Лиза.

Няня оттолкнула Родиона и, заметив девочку, накинулась на мальчика:

– Ты зачем её туда затолкал?

– Это я сама залезла, он мне просто уступил место. Не ругайся, Аннушка, – обратилась Лиза к няне по имени.

– Лапушка, да там грязно и пыльно, там и мыши живут.

– Мышков я не видела, только сеточку. Хочу мышков посмотреть.

– Они страшные, хвостатые!

– Хвост как у нашей кошки, что ли?

– Пойдём, а то матушка будет сердиться, – Аннушка потянула девочку домой.

– Родя, ты мне мышку поймаешь? – крикнула Лизавета и скрылась за дверью в другом конце коридора, куда работникам ходить не разрешалось.

– Ишь ты, мышку? Испугаешься, небось.

Через несколько дней Лиза опять появилась на кухне, опять потихоньку сбежала от няни. Нашла Родиона в потайном уголке, заулыбалась:

– Аннушка меня не пускает сюда, но я потихонечку ушла, пока няня разговаривает с матушкой. Смотри, что у меня есть, – из складок на платье она вытащила пряник и протянула мальчику.

– Это мне?

– Тебе, у меня ещё есть, – и она достала другой пряник.

Они сидели рядышком и ели сладости. Родиону тяжело было отказаться от такого лакомства, но прежде он спросил, откуда она взяла это.

– В столовой дома целая чашка с пряниками стоит, вот я и взяла, – девочка доела свой кусочек и спросила. – Ты ещё хочешь? Я ещё схожу.

– Нет, не надо, мне хватит.

– Как хочешь. Я смотрела за тобой в окно, когда ты с лошадкой бочку катал по дороге, – девочка посмотрела в глаза Родиону. – Ты меня можешь покатай на лошадке? Мне так хочется, брат Нестор только смеётся, а матушка и слушать не желает.

– Батюшку попроси.

– Тятя всё работает и работает. Ты покатай меня, ладно?

– Хорошо, когда будешь гулять, я тебя покатаю, а ты не испугаешься?

– Я не пугливая, – заявила девочка.

– Это кто тебе такое сказал? – поинтересовался Родион, понимая, что так говорят взрослые, а девочка повторяет чьи-то слова.

– Я слышала, как тятя сказал, что я не пугливая и не боюсь оставаться одна в тёмной комнате.

– Молодец!

– Лизавета, лапушка, ты опять здесь? – Аннушка прибежала сразу сюда, потеряв девочку. – Не место здесь барышне, молодой человек, – сказала она Родиону и повела девочку.

– Родя, а ты мне мышку поймал? – вдруг вспомнила Лиза.

– Нет ещё, я не встречал здесь мышей.

Хлопнула дверь, и стало тихо.

«Как бы беды не было от этой дружбы, ей-то ничего, а вдруг хозяину не понравится? И Евсея нет давно, спросить не у кого».

Какие бы ни были мысли тревожные, а девочка ему нравилась своей открытостью, отсутствием всяких барских замашек. Родион решил, что бегать от Лизаветы он не станет, а там приедет брат и посоветует, как надо, если до тех пор ничего не случится. С такими мыслями Родион пошёл на улицу, работы было ещё много.

Прошла уже середина зимы, день немного увеличился, стало теплее. Пропали плотные утренние туманы, висевшие до полудня. Перестала «парить» вода в проруби, укрывшая прибрежные кусты плотным куржаком, заголубело небо. Сразу после обеда Родион навозил воды, разнёс куда надо и пошёл отдохнуть немного в облюбованный уголок. Повариха, бабка Никитична, поворчав немного о жизни, выделила водовозу кружку молока и кусок хлеба. Ей нравился этот молчаливый и услужливый батрачок, которого и просить ни о чём не надо, всё сам делает, будто мысли читает, такого и подкормить не грех.

Родион успел съесть половину, как раздался знакомый голосок:

– Вот ты где, а меня не пускали сюда, сделали крючок на двери, и я не могла открыть, а теперь матушку упростила, чтобы пускали, я ей про тебя всё рассказала.

Не давая Родиону вставить слово, она продолжала щебетать. Рассказала, как сначала принесла из комнаты стул, чтобы открыть крючок, как его забрала Аннушка.

– Потом я стала рассказывать матушке, какой ты хороший, а Аннушка меня не пускает к тебе дружить.

– И что? Матушка позволила?

– Нет, не позволила. Она сказала, что маленькой девочке на кухне делать нечего.

– А как ты пришла? Ослушалась?

– Ослушалась, – согласилась Лиза. – Что у тебя в кружке? Дай мне немножко.

Родион протянул её полкружки молока и оставшийся кусочек хлеба.

– Как вкусно, – прищурилась девочка от удовольствия, – будто век не ела.

– Хлеба век не ела? – вдруг раздался тихий женский голос. – Это и есть Родион?

– Да, – девочка не испугалась матери, а просто растерялась.

Высокая худая женщина с бледным лицом смотрела на мальчика, что-то шевельнулась в её усталом взгляде, и она произнесла:

– Ладно, можешь приходить к своему другу, но ненадолго.

– Хорошо, матушка, – заулыбалась Лиза.

К концу марта солнце стало задерживаться на небе подольше: сначала иссинило снег на полях и лугах, потом стало чернить дороги. По ночам ещё прижимали нешуточные морозы, но к полудню становилось теплее и в тихих безветренных местах солнышко ласкало и пригревало.

Илья Саввич позвал к себе Евсея, недавно вернувшегося из леса.

– Проходи, садись, – сказал лавочник, усаживаясь на своё место.

Евсей присел и стал рассматривать Хрустова.

Илья Саввич был среднего роста, немного полноватый, но не толстый, с густой шевелюрой на голове, торчащей из-под фуражки. Карие глаза словно пронизывали насквозь, густая стриженная борода, обильно расцвеченная сединой, делала лицо строгим.

– Евсей, есть дело, могу предложить тебе испытать счастье. Получится, сможешь на ноги подняться, если с умом всё делать, ну а нет, так что ж, не у всякого получается.

Евсей насторожился. Доходили слухи, что и Илья Саввич поглядывает в сторону верховья Бирюсы.

Большую экспедицию не соберёшь, денег надо много и бумаг нужно собрать столько, что в саквояж не поместятся, а за каждую бумажку вынь да положи каждому. Вот и решил Хрустов собирать маленькие компании молодых парней под присмотром верного человека и отправлять на лето в верховья Бирюсы. В прошлом году первая попытка принесла такой доход, что отмахиваться от этого дела не хотелось. Незаконно, конечно, но что возьмёшь со старателей, кто на них управу найдёт? А он, Илья Саввич, вроде бы и ни при чём: ну, купил золото, а почему не купить, раз продают. А вообще-то, здесь никто ничего не спрашивал, особенно про золото – языка можно лишиться, а то и головы.

В прошлый раз не только окупилось всё снаряжение, но и хорошую прибыль получил Хрустов. И старатели были довольны. Никто доселе не получал такого богатства – деньги. Но вскружил успех головы бедным мужикам, многим захотелось шикануть, и поэтому все деньги опять перебрались из карманов старателей в лавку Ильи Саввича. Кое-кто уже брал в долг под предстоящую работу. Нестор, по указанию отца, никому не отказывал ни в чём, старательно записывая все долги в тетрадь.

– Пойдёшь к карагасам? – спросил Илья Саввич.

– Чего не сходить, можно сходить и к карагасам, только для чего? – осторожничал Евсей.

– Там на малых речках золото под ногами валяется. Улыбнётся удача, вот и загорится у тебя свет в окошке, а металла там много. Карагасы к золоту интереса не проявляют, они больше промышляют соболя и белку, а подсказать могут, где есть оно, надо только с ними разговаривать по-умному, ласково. Подарить безделушку какую, глядишь, и расскажет тебе инородец, где жила золотая.

– А что мне будет причитаться? – спросил Евсей.

– Хороший вопрос, правильный. А будешь ты иметь вот что: изначально рассчитаешься за снаряжение и прочее, а потом, что останется, половину продашь мне, а уж остальное твоё, хочешь – храни, хочешь – продавай, а хочешь – приноси ко мне, я возьму уже по другой цене. В накладе не останешься, если, конечно, будет, что продавать. Родиона можешь оставить на это время здесь, парень неплохой, работу выполняет свою исправно, да и дочка моя к нему привязалась, только о твоём Родионе и говорит. Пусть хотя бы ещё год побудет при хозяйстве, мал ещё для тайги.

– Я согласен, – сказал Евсей. Его тронули добрые слова хозяина о брате.

– Вот и добро, вот и сговорились, – обрадовался Хрустов. – Я на тебя надежду имел, ты парень серьёзный, у тебя ещё и забота о брате есть, так что тебе и доверия больше. А раз доверия больше, значит, и условия будут другие, но об этом в другой раз. Время ещё есть.

Довольный разговором, Евсей вышел на крыльцо лавки и увидел, как Родион катает хозяйскую дочку на лошади. Девочка сидела верхом, уцепившись руками в гриву, и повизгивала от счастья, а Родион водил лошадь в поводу, поглядывая назад. Лошадь была старая и спокойная, ходила медленно, бояться было нечего. На радостный детский крик выскочили на крыльцо лавочник с сыном, но увидев, что происходит, стояли и смотрели, как радуется ребёнок. Из дома выбежала няня, грозя мальчишке кулаком. Родион аккуратно снял Лизу с лошади, и она, счастливая, стала прыгать на снегу, размахивая руками. Няня схватила воспитанницу и потащила домой. Та хоть и упиралась, но вскоре скрылась за дверью. Родион повёл лошадь во двор хозяйского дома.

Вечером Евсей рассказал брату о том, что им придётся расстаться на какое-то время.

– А мне нельзя с тобой? – спросил Родька.

– Давай договоримся так, в этот раз я пойду один, присмотрюсь, а в другой раз обязательно пойдём вместе.

– Я и сейчас смогу, ты за меня не бойся, братушка?

– Нет, в этот раз я пойду один. Хозяин о тебе хорошо говорит, замечает твою работу. Ты уж постарайся, Родя, придёт время, и мы добьёмся своего. А дочку хозяйскую привечай, раз она к тебе привязалась. Дети к добру тянутся, значит, ты у меня добрый.

– Да я ничего, она сама приходит. Пряник приносила. Ей матушка позволила приходить ко мне.

– И ладно, и хорошо. Только осторожней с ней будь, она маленькая, а не дай бог случится чего. Беда большая будет. На лошади без разрешения катать не надо.

– Тогда лучше мне с тобой пойти.

– На этот раз нет, – твёрдо сказал Евсей.

В середине апреля, когда снег покрылся чёрными подпалинами, а дороги ещё держались, подкрепляемые утренними морозами, компания из молодых парней во главе с Лавреном Изотовым, человеком уже пожилым, но ещё крепким, которому Илья Саввич доверял особенно, собиралась отправиться на промысел. Перед отправкой Хрустов ещё раз переговорил с Евсеём.

– Ты присматривайся к делу, Лаврен последний раз идёт, не для него такие прогулки. Это вам, молодым, за ради шутки прогуляться в такую даль. Он присмотрит и подскажет, что надо. И ещё: возьми ружьё и будешь добытчиком, когда мясо понадобится. Заодно запоминай новые места, речки, ручьи, где есть золото, потом пригодится и самому. Ещё я тебе скажу вот что: скоро у нас появится железная дорога, много пришлого люда вместе с ней прибудет. Шумно станет здесь, так что тебе определяться надо. Поразмысли, чем тебе лучше заняться. Многие из наших сельчан пойдут дорогу строить, работа – не сахар, а всё приработок, причём надёжный, такие вот дела к нам надвигаются.

– Что за дорога такая железная? Впрямь из железа? Кто по ней поедет?

– Чего объяснять, построят, тогда и увидишь, но дело государственное, решённое, мимо нас не пройдёт. За брата не беспокойся.

Хрустов понимал, что с приходом железной дороги и он, Илья Саввич, своё не упустит – при большом деле всегда крошки по сторонам летят. Но вместе с тем он понимал, что золото никогда не будет лишним. Только с умом использовать его надо. Хрустов знал, что золота на Бирюсе много. За эти участки полвека назад разгорелась нешуточная война между заводчиками Рязановыми и золотодобывающей компанией Толкачёва и Коробкова. Рязановым эта тяжба стоила более миллиона рублей. Но рязановский золотоискатель Гаврила Машаров не остановился на Бирюсе – он отправился дальше осваивать просторы Сибири. Вскоре удача снова улыбнулась ему вблизи села Мотыгина. Охотники стали находить в зобах глухарей крупинки золота, попадались и небольшие самородки, на это сразу обратил внимание Машаров. Уж он-то, первейший золотоискатель, знал, откуда появляется такое чудо. Разведчики заводчиков Рязановых быстро подтвердили богатейшие месторождения на реке Удерей. Золотоискатели продвигались дальше, открывая огромные запасы золота на Верхней Тунгуске, вблизи Енисея. Старатели пошли туда, где металла было больше, где добывать его было проще. Поползли слухи о золотом песке, о самородках, валяющихся под ногами, и потянулись люди со всей Сибири в тайгу, на речки и ручьи, где надеялись найти своё счастье. И находили, становились миллионщиками, но чаще разорялись. Деньги вкладывались бездумно или просто проматывались, тратились на разные причуды. Так бесславно закончил свои дни и первооткрыватель бирюсинского золота Гаврила Машаров. Удачливый старатель, он стал управляющим прииска «Гавриловский» на Удерее, из наёмного золотоискателя превратился в состоятельного купца. Его называли «таёжным Наполеоном», его дом посреди тайги мог сравниться по роскоши и удобствам с царскими палатами. Рядом с усадьбой

стояла каменная церковь, по убранству она могла соперничать со столичными храмами, в оранжереях выращивали ананасы. На груди искателя приключений красовалась золотая двадцатифунтовая медаль с надписью: «Гаврила Машаров – император тайги». Но... Последние годы жизни Машаров прожил во флигеле своего дома совершенно нищим. Но это уже совсем другая история.

Нет, Илья Саввич не станет так швыряться богатством, если оно у него будет. Курочка по зёрнышку собирает, а зоб набивает. Бессонными ночами в его голове такие прожекты выстраивались что сам диву давался. Вот и снарядил Хрустов своих золотоискателей на поиски металла. Вот и старается окружить себя людьми, которым можно было доверить свои планы – в одиночку всё равно ничего не сделаешь. Хорошее время грядёт для хваткого человека. Время покажет, можно ли в Сибири выращивать ананасы, а ещё подскажет – нужно ли их здесь выращивать.

4

Ранним апрельским утром, едва солнце начало осиливать вязкий туман – остаток весеннего заморозка, у дома Хрустова уже стояли три повозки, запряжённые крепкими сытыми лошадьми. Дорога предстояла неблизкая.

– Ребятки, со всеми говорено не раз. Некоторые из вас там уже бывали, знаете, – дело серьёзное. Слушаться Лаврена, – напутствовал Илья Саввич. – Ну, с Богом!

Он перекрестил всех три раза и кивнул Лаврену, чтобы подошёл.

– Как и решили, дойдёте до Благодатской, оставите лошадей у Никодима Нестерова до осени, он знает, снаряжение погрузите на одни сани и сами пешком вверх пор реке. Путь неблизкий, надо идти быстро, пока лёд на реке крепкий. Слышишь, Лаврен, надо успеть по льду.

– Всё исполню.

– Теперь послушай: возьми ещё пару ружей, дошли до меня слухи, будто в тайге постреливают. Дай бог, чтобы не пригодились, но бережёного бог бережёт.

– Свят, свят, свят! – перекрестился Лаврен.

– Насчёт Евсея мы договорились, присматривайся к нему, готовь себе замену, тебе и здесь работы хватит.

Утопанная обозами дорога, часто помеченная конским помётом, примороженная ночным морозцем, была крепкой, похрустывала под копытами лошадей. После саней оставались ровные блестящие полосы от подбитых железом полозьев да взрыхлённые ямки от подкованных копыт.

На первых двух санях сидели по три человека в чёрных полушубках, в малахаях из овчины. Третья повозка была просто привязана ко второй, а на санях находился инструмент, аккуратно уложенный и привязанный, чтобы не потерять ничего невзначай. В тайге ничего не найдёшь – всё надо беречь. Из-за мелочи можно потратить много времени, которое и так очень дорого.

В дальний, опасный путь отправились шесть человек. Вместе с Евсеем и Лавреном ехали молодые конторские парни. Маркел Дронов, местный баламут и шалопай, наделённый огромной силой, которую тратил бездумно. Высокий ростом, крепкий сложением, он был привлекательным и внешне. Девчонки на вечерках поглядывали в его сторону и тайно мечтали о таком женихе, но Маркел никого не привечал до некоторых пор. Этой зимой ему приглянулась Настасья Малышева, молодая девушка, которая расцвела, неожиданно превратившись из подростка в юную красавицу. Конторская молодёжь собиралась по вечерам в просторной избе бабки Макарихи, там и заметил её Маркел. Настасья не только не отвела своих больших карих глаз от нагловатого взгляда Маркела, но и одарила его такой усмешкой, что парень едва не задохнулся от неожиданности.

– Кто это? – спросил он гармониста.

– Ты чего? Своих не узнаёшь? – захохотал он. – Это же Настя, Ивана Малышева старшая дочка. Понравилась?

– Не видел раньше.

– Так вон там стояла обычно, – Ванька-гармонист показал на девчонок – подростков, ютившихся за печкой и глядевших во все глазёнки на происходящее.

Маркел сделал равнодушное лицо, но почувствовал, как что-то заныло внутри. Он больше никому ничего не говорил, но украдкой поглядывал на девушку.

И сейчас, сидя в санях, завернувшись в полушубок, он вспоминал Настю, растревожившую его, размышлял, как приедет осенью и подойдёт к ней с подарком.

Рядом с Маркелом, притулившись друг к другу, ехали его закадычные дружки: Еремей Трухин, Фома Ракитин и Кирьян Лисицин. Ребята крепкие, работающие, тоже неплохо показали себя на лесозаготовках. Старшими в группе были Евсей и Лаврен.

Евсей думал о том, что если получится всё, как задумано, то заберёт он брата и переберётся поближе к золотоносным местам, чтобы не болтаться по тайге туда-сюда. Там, в верховьях рек, тоже есть деревни, можно поселиться и жить. Потом найдёт себе жёну и пустит корни в добрых местах, где поменьше народу. А здесь много разного люда, да ещё «чугункой» пугают, как чумой. Шуму от неё не оберёшься. Истрадавшаяся душа Евсея искала тишины и покоя.

Далеко ушёл в своих мыслях Евсей, много хороших картин нарисовал себе. Эх, мысли сладкие, шальные да непутёвые, откуда вы только вылазите, где вы только ютитесь?

Вскоре с передней подводы, на которой ехал Маркел с Фомой и Кирьяном, раздался громкий смех.

– Проснулись, жеребцы застойные! – крикнул Лаврен.

– Молчи, мерин сивый, ты своё уже оторжал!

Раздался дружный хохот. Подсмеиваясь друг над другом, беззлобно переругиваясь. Люди коротали время, а обоз уходил всё дальше от села. По правому

берегу реки уже потянулись холмы, всё увеличиваясь в размерах. Вот уже миновали деревню Лука, ютившуюся на высоком берегу. Запоздалые белые дымы из труб, едва выглядывающих из снега на занесённых крышах, редкий брех собак вскоре остались за поворотом. Вот уже проехали устье Туманшета, куда отворачивала плохо накатанная дорога: редкие путники наведывались в тот край. Теперь уже с двух сторон дорогу окружали сопки, поросшие густым лесом.

Вот уже стали опускаться сумерки, сопка по левому берегу, словно отошла в сторону, освободив небольшую равнину, на которой стояло несколько небольших изб, занесённых снегом. Обоз въехал в ворота, которые принадлежали Ваське Воробьёву, жителю деревни Догадаевка, стоявшей первой на пути экспедиции. Васька держал небольшой постоялый двор, доходы с него были не велики, но всё окупалось, а самое главное – Васька знал, что делалось в округе. Каждый проезжий считал своим долгом рассказывать новости хозяину постоялого двора, надеясь заслужить его внимание. Как бы то ни было, но ночевать зимой на улице неуютно, а здесь и человеку найдётся место в тепле, и лошадей угостят овсом и соломкой. Васька Лаврену Изотову поклонился, как старому и уважаемому знакомому, пригласил отведать хлеб-соль. Знал, кого представляет Лаврен.

– Здоров ли Илья Саввич? – поинтересовался он между делом.

– Здоров Илья Саввич, и семейство его здорово, – ответил Лаврен. – Говорил, что у вас с ним договорённость есть и что за наш обоз всё оплачено.

– Как же, как же, конечно, – вдруг забеспокоился Васька. – Всё оплачено, вы заходите, сейчас с лошадьми управлюсь.

– Принеси овса, с лошадьми я сам, – Лаврен никому не доверял лошадей в дальней поездке. Сам не доглядишь, пожалеешь потом, да поздно будет. Жизнь научила всё важное делать самому.

За ужином Лаврен позволил спутникам выпить по стаканчику самогонки, не больше.

– Завтра дорога дальняя, не до гулянок.

Маркел было пытался возразить, но Лаврен кивнул хозяину и тот убрал со стола четверть с самогоном. Поначалу ели молча, а потом Маркел стал доставать управляющего разными вопросами, стараясь поднять его на смех перед дружками, мол, смотрите, кто перед нами.

– Лаврен, а за столом у Хрустова ты так же командуешь, али тебя и к столу не допускают?

– Меня-то допускают, а вот ты соплив ещё, чтобы мне мозги мутить. Девкам на гулянках головы дури, а мне не надо: что ты задумал, я уже переварил и снёс.

– Куда снёс? – опрометчиво спросил Маркел.

– В нужник, пора бы знать, али ты всё ещё за угол бегаешь?

В голос засмеялся только Евсей, а другие поглядывали на Маркела, и только когда он засмеялся над своим промахом, дружки тихонько захихикали.

– Ладно. Спать пора, чуть свет тронемся, – сказал Лаврен, вылезая из-за стола.

Молодёжь угомонилась ещё не скоро: обозом ехать не лес валить, можно и на санях поспать, лишь бы нос не обморозить, а то засмеют.

В полдень проехали Шелехово, разместившееся на правом берегу реки. С десяток домов стояли одной улицей вдоль воды. Все дома стояли окнами на Бирюсу, а позади домов были устроены огороды в сторону леса.

Не просто лес, а непроглядная тайга тянулась на восход солнца, уходя вверх на вершины сопок и изредка спускаясь в распадки. Никем не тронутая густая трава поднималась до нижних веток лиственниц, только в сосновых борах плотно уложенные старые иголки не давали разрастаться зелени, лишь папоротники вольно расположились по кругу. По некоторым распадкам, слегка всхлипывая, ворковали небольшие ручьи, собиравшиеся в небольшую речушку, бегущую к водам Бирюсы, реки полноводной и своенравной.

К вечеру прибыли в деревню Благодатская, что раскинулась немного выше устья Тагула. Тагул – левый приток Бирюсы, порожистый, большую часть своего пути шумевший среди высоких сопок. Остановились у Никодима Нестерова, имевшего свои дела с Хрустовым. Нестеров не держал постоянный двор, ни к чему, одна морока, но для нужных людей местечко находил.

– Давай, Лаврен, лошадей пристрою.

– Справлюсь сам, – ответил управляющий.

– Я вот что подумал, – сказал Никодим, – дороги ещё неплохие, если поспешать, то можно ещё далеко уехать на санях. Я дам тебе пару мальцов, они с вами поедут, особо не затруднят, а потом ты с ними отправишь коней назад. Пару недель ещё дорога постоит.

– Одного коня оставим себе, нужен для дела.

– Я знаю, раз сам справишься, я пошёл насчёт ужина распоряджусь, – Никодим не спеша пошёл в дом.

Дом у него был на редкость большой, на улицу выходили три окна. Хотя и покрыт он был драньём, но круглая крыша на четыре ската придавала строению важный вид. Высокое крыльцо, срубленное из кругляка, вело в большие сени, разделённые пополам. Во второй половине была кладовка. Всё, что не нужно было нести в дом, оставлялось в сенях, а от постороннего глаза пряталось в кладовку. Там же хранились и съестные припасы: квашеная капуста в бочках, клюква в кадках. В ящиках лежало солёное сало и замороженное мясо. Зима длинная – всё подберёт. Дом делился на две половины: в первой стояла большая печь, топили её из небольшого закутка, чтобы не дымить в доме, и готовили тоже там, в русской печи. В переднем углу стоял большой стол, вдоль стен расположились крепкие лавки, сделанные из толстых плах. При нужде на них можно было и спать.

На столе дымилась варёная картошка в чугуне, в деревянной миске горкой громоздились солёные хайрюза, на огромной сковородке лежало большими кусками

тушёное мясо. Хозяин прочитал молитву и взял картофелину. За ним потянулись и остальные.

– Немного хмельного не помешает с устатку, – сказал Лаврен и поставил на стол бутылъ.

– Я не балуюсь, – сказал Никодим. – А вы как пожелаете, только без шуму. Не люблю.

После ужина парни пошли на улицу подышать воздухом перед сном, будто не надышались за день. Хмельное потянуло. Решили пройтись по деревне, посмотреть на людей. Только на улице никого не было: брехали собаки от скуки, белая луна висела на макушках сосен на сопке с другой стороны реки.

– Там договорено с лодкой у карагасов, – сказал хозяин. – Вам надо до стойбища быстрее добраться, чтобы вас другие люди не опередили.

– Откуда люди те?

– Так, со всех сторон. И с Нижнеудинска, и с Бурятии, есть из Канска. наших местных пока нет, но скоро появятся. И все ведут торговлю по-разному. Некоторые спаивают карагасов, а потом за бесценнок забирают и белок, и соболей, другие просто втридорога меняют на свои товары.

– И меняются?

– А куда деваться? В тайге шкурки есть не будешь. Побольше надо самогонки везти, после неё карагасы сговорчивее.

– Мне соболя вторым делом, мне хозяин другое задание дал.

– Вот и не будь дураком, угости хорошенько да заведи разговор насчёт того, для чего пришёл, они не только расскажут или покажут, но и сами приведут на место, только бери.

– Обманом, что ли?

– А как знаешь. Я сказал, ты послушал, а там хоть солнце не вставай.

– Вроде, грех это, – пробормотал Лаврен.

– Вот и будешь зиму отмаливать, у вас церква рядом. Свечку поболее поставишь, денег поднесёшь, и хозяин не поскупится на божий промысел, вот и совесть успокоится. А за карагасов не переживай, не ты, так найдётся кто другой да и попользуется.

– Тебе, вроде, как их прибыток глаза застит? – спросил Лаврен.

– Не застит, не застит. Мне и здесь сытно живётся, курочка по зёрнышку клюёт и сыта, я здесь приспособился и доволен.

Вызвездило. Полная луна большим белым колесом катилась по макушкам сосен, всё меньше касаясь их и наполняя округу белым холодным светом. Снег, схваченный изморозью, слегка поблёскивал, переливаясь самоцветами.

– Меня Илья Саввич просил узнать, за какую цену можно отдать коня.

– Кроме лодки, на которую вы будете менять, надо взять ещё три соболя или три связки белок. А если с самогонкой поторгуешься, то и больше возьмёшь. За неделю

на лошадях дойдёте, а потом до ледохода поживёте в стойбище. Карагасы до осени будут сидеть на берегу да оленей по распадкам пасти. А вы, как вода спадёт, разойдётесь по своим делам. Лодку оставите в стойбище, не пропадёт, – Никодим повернулся к Лаврену и пристально посмотрел ему в глаза.

– Ты не думай, что я по доброте своей учу тебя уму-разуму, мне сказано, чтобы я тебе всё это внятно пересказал, вот я и говорю. С карагасами поаккуратней, обидчивые шибко, могут собраться и уйти, не найдёшь, тогда вам же хуже будет, пропадёт сезон. Они и так не шибко болтливые, а как выпьют, сядут в уголок и улыбаются себе. Спроси у них что-нибудь, а они на тебя, как на пень смотрят. Есть, правда, и болтливые, но по пьяному делу наплетут семь вёрст до небес да всё лесом, а ты потом соображай, что правда, а что хмель. К девкам ихним своих «кобелей» не подпускай, очень уж они не любят, когда их бабы с русскими путаются.

– Ладно, буду знать, верно говоришь, важнее всего дело, время дорого, – сказал Лаврен.

Пришли парни, тихо переговариваясь, стали располагаться на ночь. Кто примостился на лавке, кто улёгся прямо на пол, завернувшись в полушубок. Вскоре совсем затихли и засопели.

Вызвездило. Полная луна большим белым колесом катилась по макушкам сосен, всё меньше касаясь их и наполняя округу белым холодным светом. Снег, схваченный изморозью, слегка поблёскивал, переливаясь самоцветами.

И лишь к полудню седьмого дня прибыли на место. Дорога выходила из-за двух одинаковых, словно близнецы, сопок и уходила прямо в глубину тайги. Чум стоял у самого леса. Перед ним беспорядочно валялся лес, вывороченный ветром, его карагасы использовали на дрова. При приближении чум увеличивался в размерах, и оказалось, что он достаточно большой, покрытый шкурами и берестой. Чум органически вписывался в местность, словно не был собран здесь руками человека, а просто вырос из земли, как большой гриб необычной формы. Из отверстия сверху едва заметно струился дым, оживляя это сооружение. Рядом с чумом на проталине лежали три собаки, не пожелавшие даже приподняться при приближении чужаков. Несколько раз гавкнув, чтобы дать знак хозяевам о гостях, они лениво помахали хвостами, мол, своё дело мы выполнили достаточно, дружно свернулись калачиками и больше не обращали внимания на людей. Из чума вышли хозяева. Первым, распахнув полог, вылез старик в шапке из рыси, в каком-то непонятном халате, перехваченном широким синим поясом. Тёплые унты под коленами стянуты замшевыми ремешками. Обветренные щёки ввалились, усталые глаза слезились, в зубах – ганза (трубка). Следом показался другой; он был точной копией старика, только выглядел помоложе: живой взгляд, удивление, раскрасневшиеся щёки. Да пояс на нём был зелёного цвета. Последней выглянула женщина. На ней был халат до земли, на голове – шапка, сшитая из морды кабарги, на ногах тоже унты, как и у

мужчин. Мужчины стояли рядом и смотрели, как приближается обоз, женщина стояла позади их.

– Иди, ставь мясо варить, – сказал старик женщине.

5

Зрение у Эликана было ещё острым, только иногда длинными, зимними вечерами, когда невестка небрежно подбрасывала в огонь дрова и дым расплзался по чуму, у него слезились глаза. Но это происходило недолго, едва дым улетал, и слёзы высыхали. Много лет Эликану, уже дети его сыновей имеют свои чумы, уже давно схоронил старик свою жену и жил с младшим сыном. С невесткой он не очень ладил, но куда деваться, приходилось терпеть, без женщины в чуме никак нельзя. Эликан – старейший в своём роду, все прислушиваются к его мнению. Когда вместе кочуют по летним пастбищам, слушаются безропотно, но молодёжь, уходя на зимний промысел, слова Эликана забывали, для них его слово становилось пустым, словно посвистывание ветра в макушках сосен. И на стоянках они стараются теперь скрыться с глаз старика, каждый показывает свою самостоятельность и решает всё по-своему.

Среди людей, приближающихся к чуму, Эликан увидел знакомые лица. Лаврена и Маркела он помнил по прошлому лету. Вот так же они приехали в первый раз: дождались, пока сойдёт лёд на реке, потом разбрелись по округе, стали искать жёлтые камушки. Какая польза от них, Эликан не понимал, но в последнее время про такие камушки стали спрашивать и русские купцы. Видел старик такие камушки на некоторых ручьях да речушках, попадались такие камни в желудках глухарей, их поначалу выбрасывали, а потом стали брать себе на обмен. Русские давали за небольшие кусочки золота много водки. Другие товары меняли на шкурки белок и соболей.

Карагасы – хорошие охотники, много шкурок требуется добыть за сезон, чтобы купить муки, крупы и других продуктов. Кроме этого нужна одежда и много ещё чего.

– Лаврен, однако, – произнёс старик, раскуривая ганзу.

– Здоров бывай, Эликан, – поприветствовал Лаврен.

Со стариком-карагасом у него в прошлогодний приезд сложились хорошие отношения. Они подолгу сидели и разговаривали у костра, Лаврен угощал самогонкой, но немного и не спаивал никого. Это очень понравилось Эликану, он сам много не пил, а вот его сородичи любили приложиться к бутылке. Не любил Эликан тех, кто спаивал карагасов. Не терпел, когда пьяные сородичи, словно слепые щенки, расплзались от матери, пытались петь песни, а потом спали, где приходилось.

– Почему только один чум? – спросил Лаврен. – Что-то случилось?

– Ничего не случилось, завтра будут все здесь. Мало-мало задержались. Ещё река крепкая, смотрели, какой снег в распадках, где оленей можно оставить пастись.

– Как зима прошла, охота хорошая была? Как на суглане торговал?

– Хорошо торговал. Водку не пил и хорошо торговал, можно теперь ждать ещё зиму.

– Ещё лето не пришло, а ты уже зиму ждёшь, – рассмеялся Лаврен.

– Однако, так. Летом сидим на берегу и смотрим в речку, да греемся на солнце, совсем ленивые стали. Даже собаки не хотят себе ничего добывать, валяются, как дохлые. Летом плохо. Зимой охота, много надо бегать, соболь добывать, белка добывать.

– Эликан, так вроде бы вы не бегаєте, а на олешке верхом гоняете белок и соболей?

– Зачем ногами бегать, когда олешка есть, карагас хитрый, много не ходит сам, олешка ходит.

– И что? На олени сидеть тоже тяжело?

– Однако, тяжело, – кивнул старик и рассмеялся.

Пока распрягали коней, давали им овса, привезённого с собой, а потом треножили, чтобы отпустить пастись на проталины, где желтела старая пожухлая трава, сварилось мясо. Старик пригласил всех в чум.

Путники расположились на шкурах у дальней стенки – там было место для гостей. Лаврен раскрыл один мешок и достал бутылку с самогонем. Первую чарку поднесли Эликану. Тот выпил, остатки плеснул в огонь, пламя на мгновение вспыхнуло, осветив всех, и успокоилось. Шейгана, хозяйка чума, вытащила из котла мясо в большую деревянную миску, в маленькие чашечки налила бульон. Путники, уставшие от длительного перехода да ночёвок под открытым небом, согретье спиртным и горячим бульоном, стали кивать носами, присматривая себе место для сна. Вскоре спали все, кроме хозяев и Лаврена. Лаврен предложил ещё выпить, но Эликан сам не стал и запретил сыну. Вместо этого они сидели, пили чай и курили ганзы. Некурящий Лаврен тоже стал укладываться поудобней, тепло от костра сморило и его.

Утром, едва солнце показалось над дальними сопками, две повозки отправились назад. Два подростка, лет по шестнадцати, погнали лошадей в Благодатское. По пути Лаврен приглядывался к ним, беспокоился, как они справятся с лошадьми. Но, видя, как ловко они запрягают лошадей, успокоился. И когда лёгкие пустые подводы помчались не вскачь, а трусцой покатались вниз, Лаврен совсем забыл про них.

– Ничего, доедут, – сказал Эликан, потягивая ганзу.

– Вижу, что ребята толковые. Бог даст, доедут.

Вдруг разлаялись собаки, до этого лениво валявшиеся на сухой траве, навстречу выбежало несколько чужих собак, но они быстро обнюхались и замолчали, виляя хвостами и признавая старых знакомых.

– Однако наши приехали, скоро будут чумы ставить.

Вскоре из леса выехали люди, сидя на оленях, за ними на привязи тянулись другие олени с поклажей. Мужчины направились к Эликану.

Один из них Томубек на своём языке быстро рассказал, что всё нормально, всех оленей запустили на пастбище, по распадкам на солнечной стороне уже нет снега. Ещё он рассказал, что по дороге молодой охотник Оробак добыл изюбра, мясо привезли с собой, сейчас будут варить. Томубек с явным недовольством посмотрел на Лаврена, ему давно не нравились русские. Когда Томубек был ещё совсем молодым охотником, один из русских купцов в Нижнеудинске напоил юношу самогоном и совсем за бесценок забрал всю его добычу. С тех пор Томубек больше не пьёт самогон. Тот год он едва прожил, спасибо родственникам – не дали умереть с голоду. Теперь Томубек подозрительно относится ко всем русским, знает, что только худое надо ждать от них.

– Зачем они здесь? – спросил он Эликана.

– Им нужны жёлтые камни, – зная подозрительность Томубека, добавил. – Они не охотники.

– Сначала камни, потом шкурки понадобятся. Надо уходить отсюда.

– Эти русские неплохие, – возразил старейшина рода, – пока ничего худого не делают.

– Спрашивали, в каких речках много жёлтого камня?

– Спрашивали.

– Не говори, пусть уходят отсюда.

Томубек со своими соплеменниками стал ставить чумы. Привычное дело делалось скоро, и вскоре уже стояли четыре строения кругом. В стороне от чумов горел костёр, на котором висел большой медный закопчённый котёл, наполненный порубленным мясом и залитый доверху водой. Одна из женщин следила за варевом, а другие вместе с подростками пошли в лес заготавливать дрова.

Лаврен увидел недобрый взгляд Томубека и решил, что спиртное не стоит выставлять, таких людей им не задобришь. Но и уходить на поиски золота было ещё рано: лёд сойдёт только через полмесяца, и всё это время надо находиться здесь. Завтра надо отправить Евсея на охоту, припасы ещё пригодятся летом, когда не будет времени на посторонние дела. Пусть возьмёт кого-нибудь, нечего здесь всем глаза мозолить, и тайгу посмотрят заодно. Хоть и снег лежит, а всё равно видно, где ручьи да речки. В прошлом году ходили вверх по Бирюсе, а потом в один из распадков. Распадок был лесистый, передвигаться по нему стоило больших трудов и времени. Пока найдёшь нужное место, ни день, ни два ухлопаешь. Хотя жаловаться грех, добыли золота в прошлом году порядочно, хватило рассчитаться за всё и себе осталось изрядно. Но прошлый год был первый, не стоит по нему равняться. Не было опыта, работали по рассказам, кто, где, что слышал, а теперь уже дело знакомое, теперь дело пойдёт, только бы местечко хорошее найти, чтобы не болтаться по речкам, не тратить время и силы. Надо задобрить старика, он-то знает, где есть золото, только молчит. Это понятно, металл им не особо нужен, а вот посторонние люди на их земле совсем не нужны. И всё ж надо поговорить со стариком.

После обеда, разделённого между всеми по-братски, Лаврен потихоньку сказал Евсею, чтобы готовился на охоту.

– Возьми кого хочешь, надо добыть мяса, а то мы, будто захребетники какие, сидим на чужой шее.

– Ладно, возьму Маркела для начала, дальше посмотрим. А мясо надо добыть, совсем неудобно перед хозяевами.

На другой день Евсей с Маркелом ушли с самого утра. Решили сходить вверх по реке насколько можно и посмотреть места. Закинув на плечо берданку, которая вызвала неподдельный интерес у охотников, Евсей первым пошёл в лес. Едва скрылось из виду стойбище, их догнал Оробак, совсем юный охотник. Он сидел верхом на олене с луком за спиной и гордо смотрел вперёд.

– Ты с нами? – спросил Евсей.

Юноша кивнул головой, но ничего не сказал.

«Без присмотра не отпускают, – подумал Евсей. – И ладно, ничего дурного мы делать не собираемся, а если и добудем чего, так не на себе же тащить».

Половину дня они шли вверх по реке, обходя промоины, изредка выходя на берег.

Снег, прихваченный весенним солнцем, стал твёрдым и не проваливался под ногами, идти было нетрудно.

Первый распадок, к которому они подошли, уходил прямо в горы. Словно кто-то взял да и раздвинул ладонями сопки, образовав при этом ровный разлом, поросший лесом внизу и редким кустарником ближе к вершинам сопки. Горы были такие огромные, что у Евсея перехватило дух. Он не новичок в тайге, но там, где он бывал, таких гор не было. Он радовался словно ребёнок новой игрушке, разглядывая, как белые шапки на сопках сливаются с непривычно синим небом. Второй распадок был такой же, только судя по широкой наледи, речка в нём была больше.

В обед за кружкой чая, Евсей пытался разговорить Оробака, но юноша молчал, делал вид, будто ничего не понимает, но не сводил глаз с берданки.

– Нравится? – спросил Евсей.

Оробак кивнул.

– Знаешь, как стрелять?

Оробак снова кивнул.

– Ты почему не говоришь? – спросил Маркел. – Языка нету?

Оробак показал язык, и все трое дружно захохотали.

– Я мало-мало говорю.

– И то хорошо.

Вдруг он схватил Евсея за руку и показал на гору. Там на самый край небольшой скалы вышел козёл, выглядывая спуск. Евсей выстрелил, и козёл свалился вниз, оказавшись недалеко от охотников. Олень Оробака отскочил и замер, испугавшись.

Уже на подходе к дому, Оробак опять показал рукой на зверя. Это был изюбр, огромный самец, гордо взметнувший голову к небу.

– Хочешь выстрелить? – спросил Евсей, подавая берданку юноше.

Тот задохнулся от восторга. Осторожно взяв оружие и, старательно прицелившись, выстрелил, зверь сделал один прыжок и упал в заросли ивняка около реки.

На выстрел из стойбища прибежали люди. Удивляясь меткости Оробака, они рассматривали берданку и цокали языками. Даже Томубек и тот улыбался. Он был доволен уже тем, что русские не побоялись дать оружие его соплеменнику.

Вечером у костра был пир: все ели варёное мясо, запивая горячим бульоном, хвалили охотников, в особенности Оробака, так как он отличился дважды за день. Гости подсаживали мясо и бульон, вызывая искренний смех у хозяев. Карагасы ели всё несолёное, только чай у них был солёный. Так ели их деды и прадеды, так ели они, соблюдая традиции предков.

Лаврен налил всем немного самогона за удачу, но опять больше не дал, сказал, что хватит, а юному Оробаку и вовсе не предложил:

– Молодой ещё, не стоит дурить голову в таком возрасте.

Томубек и Эликан переглянулись и одобрительно закивали головами.

Теперь Лаврен знал, как он вызнает секреты у старика – он предложит ему берданку. Дорогая вещь, но золото дороже. Этот план Лаврен держал втайне, а пока надо было самим осмотреться.

Река тронулась как всегда неожиданно. Вдруг шевельнулась, затрещала и стала двигаться. Прошла на полёт стрелы и встала. И затаилась, и притихла, словно зверь перед броском, вдруг опять зашевелилась, рванулась, захрустел лёд, стал колотиться, наползать на берега. Опять встала река. Ещё один рывок, и поползло ледяное крошево вдоль сопки, словно огромная гусеница, забивая узкие проходы, резко поднимая воду и прорываясь дальше.

Потом река разошлась не на шутку: размяла большие льдины о берега и успокоилась, понесла вниз чистые и прозрачные свои воды, отражая в них прибрежный лес, да высокие утёсы, да белесые облака на синем небе.

И будет так до тех пор, пока первый весенний гром не пробежится по сопкам, усиливаясь и распугивая всю живность, пока не прольются ливни на снежные вершины и не расшевелят снег в глухомани, тогда наполнятся талой водой ручьи, зашумят, разрезвятся и понесут свои силы в Бирюсу. Поднимется вода в ней, помутнеет и начнёт крушить всё на своём пути: чистить берега от валежника, крутить в узлы прошлогоднюю траву на лугах да валить деревья, стоящие поблизости. И берегись тогда каждый, не попадайся под эту силу и не пытайся усмирить её.

Но пройдёт время, и всё успокоится, опять станет прозрачной вода, зарядит на плёсах, зашумит на перекатах, закрутит воронки на ямах. И понесутся по струям серебристые стрелы хайрюзов да красноватые бока ленков. Хозяин реки, таймень, распугает стайку ельцов да заставит их лететь поверх пенных бурунов, едва касаясь воды. У берегов в прогреваемых мелких заливчиках будет резвиться речная молодь, стараясь не попадаться на острые зубы щук и окуней.

Весна хитрой лисицей подкралась незаметно. Сначала раскисла дорога, пробегающая через деревню, потом всё превратилось в сплошную кашу, хлюпающую под ногами. Вскоре солнце стало съедать снег у домов. Вот уже молодая трава полезла у заборов, а на дорогах всё ещё стояла снежно-грязная жижа, наматываясь на колёса, цепляясь за сапоги и за копыта коров, которых первый раз после долгой зимы выгнали на пастбище. И скотина, уставшая от тесных хлевов и дворов, усердно топтала деревенскую грязь, разбрелась по лугу, жадно выбирая проклюнувшуюся траву.

Для Родиона настала горячая пора: кроме воды, которой он привозил по несколько бочек в день, ещё надо было вывозить на огород навоз, скопившийся за зиму во дворе. Надо было торопиться, пока земля на огороде не прогрелась для пахоты. Некогда было посиживать на кухне и дремать в уголке.

Уже прошёл месяц, как Евсей уехал. Родион скучал по брату, понимая, что тот появится не раньше, чем встанет река.

Но ещё нынешний лёд сорвало только пару дней назад. Неведомая сила вздыбила льдины и с шумом да треском понесла их вниз по течению. Это случилось днём, после обеда – много людей вышло посмотреть на ледоход. Жители конторки не раз видели, как вскрывается река, а всё равно, такое событие не оставляет равнодушным никого, а тем более тех, кто живёт на берегу. Льдины напозлали друг на друга, ломались, трескали, забивались в протоки. Когда возникал затор, вода резко поднималась, словно собирая силы для удара, срывала затор и снова тащила вниз бесформенные ледяные глыбы. Уже на другой день по свободной воде тихо проплывали одинокие небольшие куски льда, отрывавшиеся от берегов.

В начале июня отсадились в огородах, а на полях отсеялись ещё раньше, едва только земля немного прогрелась. Родион за весну совсем похудел, уставал за день так, что вечером не успевал и поужинать, засыпал. Повариха жалела его, подкладывала побольше да повкусней. Однажды он уснул прямо на крыльчке кухни и его, спящего, увидел хозяин и спросил у поварихи:

– Никитична, чего это малец спит среди бела дня, ай, заняться нечем?

Никитична, одинокая пожилая женщина, давно работала у Хрустова, свое дело выполняла добросовестно, со всеми уживалась и ни перед кем не кланялась. Она посмотрела на Хрустова пристально, дольше обычного задерживая взгляд.

– Не по возрасту работа у него. Он же наравне с мужиками тянет, а какие у него ещё силёнки.

– Пусть привыкает к крестьянскому труду да ума набирается, – возразил лавочник.

– Дозволь спросить, а чего это ты жеребца под работу ставишь четырёх лет, а не годовалого? Понятно, слаб ещё, кость не окрепла, силы не набрался, а парнишка неплохой, послушный, если поспит чуток, своё дело не проспится.

– Хорошо, пусть спит раз так, я и сам примечаю, что неплохой малец, как проснётся, скажи, чтобы завтра с утра ко мне зашёл.

Поговорив немного с поварихой о своих делах, Хрустов пошёл в лавку. Никитична разбудила Родиона, позвала на кухню.

– Иди, поешь, а то свалишься, – сказала она.

Родька сел в свой любимой угол, взял миску с пшённой кашей, сдобренной шкварками, и стал есть. Каша была вкусная, но аппетита не было, съев через силу всё, он отодвинул тарелку.

– Ещё положить?

– Нет, благодарствую, я наелся.

– Вот ещё молочка кружку выпей, тогда точно сильным будешь.

Родион улыбнулся её словам, взял кружку с молоком и горбушку хлеба.

– Родя! Как хорошо, что ты здесь! – сказала Лизавета, вбежав на кухню. – Ты не знаешь, я по тебе скучала, а ты? Мы-то в гостях с матушкой были в Тинской, вот. Ты разве не знал?

– Нет, не знал.

– Ехать, страсть, как далеко! Едешь, едешь, а дорога не кончается, а лес большой и страшный, – Лиза говорила без умолку, не давая вставить слово.

Она рассказала, что гостила у бабушки, что у неё есть там кухня, но большая, как Родион. Что они подружились, вместе гуляли и слушали сказки, которые по вечерам рассказывала бабушка.

Родион слушал Лизу, держа в руках хлеб с молоком.

– Дай мне немного хлебца, – вдруг попросила девочка. – Ты поделишься со мной?

Родион поставил кружку, разломил кусок пополам и протянул оба куса девочке. Она выбрала себе меньший и стала с удовольствием жевать душистый мякиш.

– А можно мне немного молочка? – попросила она и виновато улыбнулась.

Они ели хлеб, по очереди запивая его молоком из одной кружки. Подошла Никитична с кринкой и подлила молока, а потом принесла ещё хлеба.

«Глянь, что творится: маленькая, а сердце имеет. Нестор-то пакостным рос, только и смотри за ним, а эта нет, – думала старая повариха. – Чисто ангел, а не девочка. Просто удивительно, как она привязалась к мальчонке».

– Лиза! – прибежала Аннушка, – пойдём, лапушка, матушка кличет.

– Ладно, я в другой раз приду, – сказала девочка. – Ты будешь меня ждать?

– Буду, – кивнул Родька.

Когда Лиза ушла, Родька поднялся и тоже направился к выходу.

– Утром зайди к хозяину, он ждёт тебя, – сказала Никитична.

– Зачем?

– Зайдешь, узнаешь.

– Ладно.

– Иди, ложись спать сегодня пораньше, сил моих нету на тебя смотреть такого.

Родион устроился на своём месте и моментально уснул.

Утром Родька, сжимая шапку в руках, вошёл в кабинет к Хрустову. Тревожно было на душе у подростка, первый раз без брата ему приходилось разговаривать с хозяином. Зачем позвал Илья Саввич, ему никто не объяснял, разное передумал Родион, когда проснулся утром.

– Здравствуйте, – сказал Родион.

Хрустов посмотрел на мальчика, вспоминая, зачем позвал его, потом спросил:

– Тяжёлая у тебя работа? Справляешься?

– Ничего, справляюсь. Ничего, – повторил он, удивляясь вопросу.

– Не обижают? – спросил хозяин.

Ему не нужен был этот парнишка, а на его брата имелись виды, поэтому и за этим надо приглядывать. Не хватало, чтобы из-за мелочей дело встало.

– Не обижают, – пробормотал парнишка, совсем растерявшись.

Такие вопросы задавал только брат.

– Знаешь Митрича, он нам рыбу приносит?

– Знаю, – Родион вспомнил высокого худого старика, приходившего с плетёной корзиной, прикрытой травой.

– Пойдёшь к нему, скажешь, что будешь помогать ему, пока передых есть, а покосы начнутся, опять будешь по хозяйству работать, а может, и на покосе волокуши таскать. Там видно будет. Снедь станешь брать на кухне, я распорядюсь. Понял?

– Да.

– Иди.

На кухне он рассказал Никитичне разговор с лавочником.

– Ты, Родя, иди, – сказала повариха, – отдохнёшь маленько, сил наберёшься. Успеешь наработаться.

– Как же я пойду, я и рыбачить не умею, я только с удочкой, а они сеткой рыбачат.

– Там ума много не надо, это не поле пахать, будешь помогать Митричу, он добрый дядька. Он справляется один, а вдвоём подавно справитесь. Подожди его здесь, он скоро придёт, рыбу принесёт, а я тебе приготовлю котомку. По утрам будешь брать еду на весь день, а там уж сам справляйся.

Митрич пришёл со своей корзиной, которую подал кухарке, а сам присел на завалинку. Поварихи не было несколько минут, она подала старику корзинку, в которой вместо рыбы лежал свёрток.

– Митрич, возьми с собой парнишку, Илья Саввич попросил.

– К чему? Я и один управляюсь.

– Возьми, сирота парнишка, не след обижать, подкормится да отдохнёт подальше от хозяйских глаз, а то умаялся.

– Ну, раз барин просил, тогда что ж, тогда пойдём. Как кличут тебя?

– Родька, – пробормотал парнишка.

Ему совсем не нравилось, что с ним обращаются, будто с маленьким, не понравилось и то, как старик посмотрел на него, словно на дырку в заборе.

– Родион, значит. Ну-ну. Бери, Родион, корзину да пойдём отдыхать.

Они так и шли по деревне: впереди старик, за ним с котомкой за плечами и с корзинкой в руках шагал Родион.

Лодка-долблёнка с нарощенными бортами лежала на песчаной косе, привязанная верёвкой за валёжину. Митрич отвязал лодку и столкнул её на воду. Родион, привыкший к самостоятельности, быстро бросил поклажу в лодку и пристроился рядом. Старик удивлённо посмотрел на мальчишку и покачал головой.

Через четверть часа они уже пристали к небольшому островку. Здесь для лодки был вбит кол, за него привязывали верёвку, а дальше еле приметная тропинка вела к небольшому шалашу в глубине острова. Шалаш, построенный из жердей, был покрыт лапником, внутри устелено тоже лапником и сеном. Трава возле шалаша выкошена, чтобы меньше водилось комаров-кровососов. Недалеко было кострище, ещё дымившееся, рядом сложен сушняк. Вытащив из шалаша котелок, Митрич подал Родьке:

– Принеси воды, сейчас чаю сообразим. Любишь чай?

– Пью.

– То-то, что пью, чай понимать надо. От чая вся сила у человека. Я чай сам делаю.

Митрич взял котелок, положил в него разных травок и повесил на костёр.

– Это хорошо, что ты не шибко разговорчивый, а то я не люблю, когда много шуму – и всё без дела.

Когда Родька попытался отнекиваться от чая, Митрич насильно всучил ему кружку и сказал:

– Горячий. Ты, парень, смелей будь. Сказано тебя подкормить, вот и будем кормить, через неделю не только одёжка, а и щёки потрескаются, – сказал он и ухмыльнулся своей шутке.

После чая старик полез в шалаш:

– Ты, Родион, натаскай дров, тут они по всему острову, а потом тоже поспи, у нас вся работа будет ночью, уж тогда не зевай.

Родька, не привыкший к безделью, пошёл осматривать остров, заодно поискать дров. Остров был небольшой: с одной стороны весело журчала по камушкам маленькая протока, с другой стороны катила свои воды своенравная Бирюса. Вскоре Родька нашёл место, где рыбачили удочками. Здесь у самого берега раскинулась большая валёжина, наполовину засыпанная песком, перед ней виднелись рогатульки для удочек. Недалеко от воды стояли и удочки, прислонённые к черёмухе. Так делают те, кто рыбачит постоянно в одном месте. Рядом лежал грубо сделанный туесок из бересты. В сырой старой листве, в середине черемушника, нашлось много червей. Родион, не веря тому, что он всё это делает, сел на валёжину и забросил удочку. Клевать стало сразу, правда, ловилась средних размеров рыба: елец, окунь и

пескари. Родион потерял счёт времени и остановился только тогда, когда длинная сниска – прутик, на который одевали пойманную рыбу, оказалась полной. Родька поставил удочку на место и, взяв рыбу, пошёл к шалашу. Митрич спал, похрапывая. Парнишка положил рыбу в котелок, натаскал сушняка и тоже прилёг у костра. Уснул он быстро и проснулся от вкусного запаха. Митрич варил уху.

– Молодец, хорошо наловил, теперь и брюхо порадовать можно.

Они ели уху из одной миски с хлебом и солёными огурцами. После ухи опять пили чай.

– Ты, что ж, совсем один? – поинтересовался старик.

– Старший брат у меня есть, Евсей.

– И где он сейчас?

– Он с мужиками ушёл в верховья Бирюсы, вернётся только зимой.

– Слышал. Три подводы пошли на верхи. Слышал, – Митрич пошевелил угли в костре. – Поплывём сети ставить, как сумерки придут, ранее не следует, а потом рано утречком снимем сети, соберём рыбёшку – и вся работа. Я ить тоже, как бы сирота, никого нет. Ни жены, ни детей. Так получилось, никто не виноват, чего тебе рассказывать, мал ты ещё, не поймёшь. И ни к чему.

Родион сидел на вёслах и подруливал лодкой, Митрич «травил» потихоньку сеть. Справились быстро, ещё и стемнеть не успело.

Утром с полной корзинкой рыбы они шагали к дому лавочника, но уже рядом. Никитична накормила их отдельно от других работников и положила еды на двоих в один свёрток.

Через месяц Родион вернулся на работу к Хрустовым: пришла пора сенокоса, и рабочие руки были в цене. Родька на лошади таскал волокуши. К хомуту с одной стороны была привязана длинная верёвка, которую заводили вокруг небольшой копны и как бы опоясывали её. Затем копёшку срывали с места и тащили к большому стогу – зароду, который складывали на открытом солнечном месте. Мужики длинными самодельными трёхрожковыми вилами закидывали сено наверх, где его вершили специалисты. Хорошему зароду не страшен дождь, не намокнет сено и не почернеет.

В этом году впрок заготавливает сено Хрустов: зимой понадобится оно в большом количестве. Железная дорога подходит, мост через Бирюсу уже начали строить, лошадей в работе будет много – кормить надо. Повезут по осени мужики с округи и овёс и пшеничку, да и другие припасы, – всё раскупят строители. Пока есть возможность, каждый хочет заработать. Не только справные мужики рады этому заработку, но и беднота пошла работать на стройку, побросав землю. С Еловки, Бирюсы, Байроновки потянулся люд на строительство дороги. Кто-то приживался, кто-то возвращался назад не солоно хлебавши. Зашевелился народ, теперь глаз да глаз за всем нужен, того и гляди сопрут что-нибудь.

Вечером Родька подъехал к реке с двумя охапками иван-чая.

– Митрич! – крикнул он, – Митрич, глянь, что я привёз.

Старик быстро перемахнул на лодке через протоку.

– Вот уважил, Родя, ай да уважил. Я теперь наготовлю чая, приезжай пить будем. Скоро покосы закончите?

– Косят ещё, говорят, много будут готовить, все полянки выкашивают, даже по некоси. Всё собирают.

– И понятно: ныне людно в наших местах, звону много. Наш-то свою выгоду не упустит. Ты приглядывай, может, мята, где попадётся, так нарви, а то на реке её нету. Я уже разных травок припас, и ещё припасу.

– Ладно, я поеду, ещё есть заделье.

– Заезжай, не забывай.

– Заеду.

7

Последние льдины унесла река, только на ручьях, куда надо было идти старателям, огромные синеватые глыбы висели на валунах. Ещё с неделю нужно было подождать. Уже кончались продукты, за мясом не сходишь, в лесу снег раскис и хлюпал, разваливая обувь. Лаврен спросил Эликана, есть ли у них сети.

– Есть тётка (сеть), только никто не хочет рыбачить, будут сидеть и ждать, пока придёт удача и какой-нибудь зверь выскочит на стойбище.

– А почему не хотят рыбачить?

– Много рыбы не поймашь, а её нужно делить на всех, а мало – всем не хватит.

– Если много поймать, то на всех хватит.

– Много ловить никто не умеет, а мало не хотят, – буркнул старик.

– Давай сеть, попробуем рыбки наловить, сейчас как раз кстати.

Эликан принёс кусок сети, приобретённой у бурят. Буряты покупали снасти у китайцев, те славились своими сетями.

– Маркел, ты у нас рыбак, – крикнул Лаврен, – бери ребят, рыбу будем ловить.

Еремей Трухин и Кирьян Лисицин быстро соорудили деревянный крест, привязали его к краю сети и пошли на небольшой мысок, выступавший на повороте реки. К другому концу сети привязали верёвку и стали понемногу опускать сеть. Течение подхватило крест и понесло на середину реки. Взяв верёвку, Маркел медленно побрёл по мелкому галечнику вниз по течению. Удары в сеть он почувствовал сразу, потом снасть резко стала тяжелеть и только на том месте, где она находилась, заблестела река, переливаясь на солнце. Молодые крепкие парни едва вытащили сеть на берег. Жители стойбища кинулись помогать, громко радуясь успеху. Рыбы оказалось так много, что поначалу люди даже растерялись, но быстро опомнились. И уже вскоре на кострах жарили её на рожне, варили в котлах. Хватило рыбы и

оголодавшим собакам, с жадностью набросившимся на еду. Насытившись, они лежали неподалёку от костров и смотрели ещё голодными глазами на людей.

– Как вы ловко ловите рыбу, – восхитился Эликан, – мы так не можем.

Томубек, недовольный присутствием русских, тоже радовался неожиданной удаче.

Сеть больше не кидали. Карагасы рыбу впрок не заготавливали, ели свежую и то по случаю. Пировали долго. Уже когда солнце коснулось белых вершин соседних сопок, Лаврен решил на разговор, который затягивал до самого последнего дня.

– Эликан, хочу поговорить с тобой.

Старик кивнул и стал набивать ганзу, вырезанную давным-давно из кедрового корня. Он специально затягивал время, понимая, что нужно Лаврену, но не хотел открывать секреты рода. Правильно сказал Томубек, что как только за жёлтым камнем пойдёт народ, пропадёт тайга, уйдёт зверь, тогда придётся уходить в другие места. Но и там тоже могут оказаться русские, которые не считаются с законами тайги, делают то, что им выгодно. Никакого с ними сладу нет.

И сейчас Эликан решил, что не скажет, где можно много взять жёлтого камня, хотя это место совсем рядом, всего полдня пути. Есть одна неприметная речушка, совсем невзрачная, но если по ней пройти вверх по течению пару часов, то открываются россыпи мелкого галечника с песком, там и есть то, чего желают русские.

– Эликан, я понимаю, что вы не хотите, чтобы мы искали здесь золото, но мы ведь были и в прошлом году и ничего худого не сделали, разве ты в обиде остался?

– Нет, Эликан помнит твои подарки. Но разве ты один ходишь здесь? Разве других русских здесь не бывает?

– Я всё понимаю, мы, как и договаривались, оставляем вам лошадь, а вы даёте нам лодку, это хороший обмен?

– Да, это хорошо, лодка есть, и она будет ваша, когда вы соберётесь уходить.

– Хорошие в вашем роду охотники, Эликан, особенно мне понравился молодой охотник Орбак. Когда в стойбище есть такой охотник, мясо всегда будет вариться в котлах.

– Хороший охотник Орбак, ты прав, Лаврен.

– Он много раз ходил с нашими охотниками и добывал мясо.

– Но ваши охотники добывали больше мяса, у ружья рука длиннее, чем у лука, – возразил Эликан.

– Согласен, с ружьём ловчее добывать мясо, – Лаврен помолчал несколько минут.

– Если ты мне покажешь место, где есть золото, я отдам ружьё Орбаку, когда мы осенью пойдём домой.

Старик не поверил своим ушам. Такое ружьё купить на суглане стоило много соболей и белок, и никто не мог позволить себе такую роскошь. А здесь предлагали отдать почти задаром, надо просто показать место, где есть жёлтый камень, совсем не нужный карагасам.

– Твоё слово верное? – спросил Эликан.

– Да, то, о чём договаривались раньше и ещё ружьё, – Лаврен понял, что попал в точку, и старик не устоит перед таким соблазном.

Эликан долго сидел и смотрел на воду, думал о том, чтобы не явно выказать свою радость. Ни у кого в их округе нет ружья, а в роду Эликана будет, тогда навсегда забудутся дни без еды, и все оценят, какой хороший обмен сделал старик.

– Я согласен.

– Вот и хорошо, вот и договорились. Когда пойдём?

– Через три дня, – сказал Эликан и пошёл к себе.

Лаврен радовался, хоть и дорого стоит берданка, может, и недоволен будет хозяин, но если принесут достаточно золота – всё простится.

Через три дня, загрузив часть снаряжения на коня и на двух оленей, искатели золота отправились вниз по реке. Сопровождали их только Эликан и Оробак. Оба лесных человека ехали на оленях верхом, и за ними на привязи шли ещё олени с поклажей.

К полудню пришли к небольшому распадку, поросшему тальником. Сразу не было видно, что среди кустов едва струится ручей, спрятавшись в траве. Поначалу пошли вверх прямо по воде, но через некоторое время показались небольшие галечные просветы, затем песчаные намывы. Лаврен уже готов был остановиться и начать копать и мыть песок, но старик всё шёл и шёл. Наконец, он остановился на большой насыпи, выпиравшей прямо из берега. Осмотревшись, он взял в ладонь песок, стал сыпать меж пальцев, затем взял несколько небольших крупинок и показал их Лаврену.

– Да, это оно, – протянул тот и заулыбался.

Никто не ожидал, что вот просто так можно взять горсть песка и в ней окажется золото. Нездоровый блеск проскользнул в глазах у людей, сразу захотелось всё бросить и копать, копать, но каким-то чудом удержались. Никто не проявил слабости, хотя очень хотелось подержать в руках эти соблазнительные крупинки.

– Стойбище ставить надо на берегу, повыше от воды, это сейчас ручей, как щенок, пройдут дожди – зверь будет.

– Хорошо, так и сделаем.

К ночи уже стоял просторный шалаш, накрытый лапником. Обустроились и внутри: приготовили постели, сделали стол и напилели чурок вместо табуреток. Всё приготовили сразу, потому что потом времени не будет. Приготовили ужин, выпили немного на удачу.

– Мы договорились, Лаврен, – напомнил Эликан.

– Не сомневайся.

Утром старик и Оробак ушли и увели с собой лошадь и оленей, обещая осенью вернуться за грузом.

Золото пошло хорошее, каждый день намывали много. Поначалу вспыхнул азарт, хотелось ещё и ещё, но потом вместе с усталостью пропала страсть. Уставали

страшно. Отдыхали только в слякотные дни, когда дождь лил сплошной стеной, а потом пережидали, пока речка уgomонится. И опять работали, мыли и мыли песок до рези в глазах. Иногда Евсей брал берданку и уходил вверх по ручью, не столько высматривая новые участки, сколько стараясь добыть свежего мяса, без него сил работать не было никаких. Добывал глухарей, зазевавшихся косуль, всё, что могло разнообразить стол хоть как-то. Настроение у людей немного поднималось. Маркел, со своей силушкой, и то сдавал. Лаврен устраивал выходные с баней. На берегу выложили печь из камней, которую топили полдня, потом натягивали на каркас кусок дерюги, образовав подобие шалаша, лили на раскалённые камни воду и парились свежими берёзовыми вениками. В такие дни Лаврен не жадничал, наливал водки и давал выспаться.

Незаметно прошло лето. Золота намыли больше, чем в прошлый раз. Инструмент решили не таскать с собой, а спрятать здесь. На будущий год опять пригодится. Песок разделили поровну, а вот небольшие самородки каждый оставил себе те, которые сам нашёл. Окончив все дела, отправились мужики во главе с Лавреном в стойбище к Эликану.

Наступившая осень сбрызнула золотом на ветки берёз. Зажелтели, зашумели красавицы в осенних нарядах перед тем, как обнажиться и предстать перед зимними ветрами. Раскраснелись осины, испуганно дрожа листочками. Непуганые глухари, не обращая внимания на людей, тяжело падали на галечники и клевали камушки и золотые крупинки, которые изредка попадались им. Потом вдруг осознав, что они не одни на ручье, с громким хлопаньем крыльев поднимались и улетали, скрываясь в кустарниках. Выходили к ручью и лоси. Стояли, крутили головами, нюхали воздух, потом срывались и огромными прыжками поднимались на высокий берег, останавливались, оглядывали пространство и с достоинством медленно исчезали в чаще, потрескивая ветками. По ночам на сопках громко горланил дикий козёл, наводя ужас на округу.

Стойбище стояло на месте. Только людей возле чумов было мало. Путники подошли к костру, здороваясь с Эликаном и Хамышгаем, его младшим сыном, с которым он жил.

- Здравствуй, Эликан. Где люди? Спят в чумах? – пошутил Лаврен.
- Пошли искать оленей, за лето далеко ушли, уже неделю нету.
- Не пропадут?
- Нет, не пропадут, в тайге кроме вас никого чужих не было, не пропадут.
- Вот, я обещал, – Лаврен снял с плеча берданку и протянул старику.

Решил, что лучше сразу отдать и не испытывать карагаса. Так и дальше разговаривать проще. Наверняка, старик не раз уже передумал многое, уж больно часто их обманывают.

– Вот ещё патроны, здесь десятка три, больше нету. В следующий раз привезём ещё.

Эликан бережно держал в руках ружьё.

– Улуской, найди мне Оробака, – попросил старик маленького внука.

Тот, смешно ковыляя кривыми ножками, побежал к реке. Запнулся, упал, но вскочил и побежал дальше. Все засмеялись. Вскоре они уже шли назад с Оробаком. Они шли медленно и степенно, как два солидных старика, чем опять вызвали смех.

– Вот, Оробак, это тебе, – старик протянул юноше берданку.

Оробак принял ружьё и прижал его к себе. О таком счастье он даже и не мечтал. Хороший лук, который у него есть, ему купили на последнем суглане за хорошую цену, а здесь – ружьё.

– Теперь ты главный добытчик в стойбище, – сказал старик. – Вот и патроны.

Пока разбирали вещи, пили чай, отдыхали, Оробак принёс мясо косули, но стрелять из ружья не стал, по привычке быстро выхватил стрелу, и только хлопнула тетива. Стрела насквозь пронзила животное.

– Почему из ружья не стрелял? – спросил Маркел. – Не сумел?

– Ружьё надо, когда длинная рука нужна, а здесь рядом было.

Эликан качнул головой, радуясь разумному ответу молодого охотника.

Длинная долблёнка с наращенными бортами была нагружена полностью, места хватило всем. На ней золотоискатели собирались плыть до Благодатской, а там уже на лошадях отправляться дальше.

Вечером у костра Эликан говорил Лаврену:

– Ты хороший русский, правильно торгуешь, слово твоё, как камень, приезжай ещё, привози ещё ружьё, я ещё покажу, где есть жёлтый камень, только плохих людей не приводи.

Старик растрогался до слёз, хотя ему, как старшему рода, не положено показывать слабость. Даже Томубек и тот смягчился, а Оробак был просто счастлив, потому что был молод, ещё не встречался с обманом и подлостью.

Утром провожать хороших русских вышло всё стойбище. Вернулись те, кто ходил искать оленей.

– В лодке мало-мало тихо надо, лодка тяжёлая, опрокинуться может, – предупредил Эликан.

– У нас специалистов много, – Лаврен показал на Маркела и на Кирьяна Лисицина. – Они умеют управляться с лодкой, и реку понимают, где и как пройти. Спасибо всем. В следующий раз ещё ружьё привезём, – пообещал Лаврен, но не сказал, что этот раз у него был последний, и если случится ехать ещё, то обойдутся без него.

Лодка отчалила от песчаного берега и беззвучно заскользила по прозрачной холодной глади. Галечное дно было как на ладони, и казалось, что вот-вот, и лодка сядет на мель, но лодка плыла и плыла. Только всхлипывали тальники, плескаясь ветвями в струях, да шумела вода на мелких перекатах, нарушая тишину.

Путники останавливались ночевать на галечных косах, где было поменьше гнуса. Пока готовились к ночёвке, ставили балаган да таскали дрова, Евсей успевал

пробежаться по лесу и подстрелить пару – другую рябчиков или глухарей. Лаврен молчал, и было видно, что для него эта поездка была очень тяжёлой. Всем хватило лиха, но Лаврен приболел уже в самом конце экспедиции, и сейчас, сидя в лодке, потерянным взглядом, смотрел куда-то вдаль. Всем командовал Евсей, хотя никому ничего не надо было говорить, каждый знал своё дело.

После ночёвок на берегу Лаврену стало ещё хуже, в последние дни он уже лежал на носу лодки и тяжело вздыхал. Когда к вечеру прибыли в Благодатское, он сам слез с лодки и пошёл к дому Никодима Нестерова, присел на бревно у дома, служившее скамейкой, закашлялся.

– Да ты, брат, приболел, – засуетился Никодим. – Пойдём, пойдём, сейчас баньку сообразим, прогреем тебя, травок попить дадим, глядишь, и отпустит хворь. Эй, Чирей, быстро баньку приготовь, – крикнул он своему работнику, высокому медлительному парню.

Путники выгрузили всю поклажу на берег, оттащили подальше от воды и перевернули лодку. Вскоре все сидели у дома Никодима. Сил уже не осталось ни у кого, но была радость от хорошо сделанной работы. Каждый из них втайне вынашивал планы, куда и на что потратит свою долю. И осталось совсем немного до дома, каждый мечтал выспаться в первую очередь. Молодым хотелось завести семью, но при этом привести невесту не в родительский дом, а в свой.

Чем ближе был дом, тем больше одолевали тайные мысли Маркела Дронова. Никак не выходила из головы Настасья Малышева, уж больно резанула она своим насмешливым взглядом. Так и стояла перед глазами насмешка этой глазастой озорницы. Маркел представил себе, как он купит себе новые сапоги, да шаровары, да косоворотку с поясом – вот тогда и посмотрим, что она скажет.

Все пятеро молодых парней сидели на бревне и молчали. Хорошее это дело – помечтать, когда вся жизнь ещё впереди.

Никодим повёл Лаврена в баню сам, захватил с собой пару берёзовых веников и пихтовый и ещё пучок каких-то трав. Прогревал Никодим больного осторожно, понемногу поливая настоем из травы каменку. По бане разносились приятные ароматы, после которых становилось легче дышать. Долго колдовал Никодим, и Лаврен почувствовал себя немного лучше.

После бани Никодим поставил перед больным кружку с заваренной травой и сказал:

– Хоть и горькая, а выпей. Не враз, потихоньку, помаленьку, тогда и встанешь завтра. Скажи своим пусть идут мыться, а то зарастут паршой.

– Евсей, – позвал Лаврен тихим голосом, – скажи мужикам, пусть идут мыться в баню, а ты погоди, потом пойдёшь. Мне с тобой переговорить надо.

Когда все ушли, Лаврен сказал:

– Не главное золото добыть, главное довести его. Балует народ здесь. Ты приглядывай за работником Никодима, недобрый взгляд у него, пусть народ моется, а ты присмотри за вещами. Потом сходишь.

Утром Лаврену полегчало. А ещё раньше, ночью, пошёл снег. Повалил сплошной стеной, заваливая всё вокруг. Морозов ещё не было, но снега насыпало так много, что он уже не таял, просто ложился тяжёлым белым покрывалом на траву, на деревья, ломая слабые хрупкие сучья.

8

– Родя, ты сделаешь мне горку? – спросила Лиза, разглядывая снежинки у себя на рукавичках.

– Сделаю, – улыбнулся Родион.

Он давно не виделся с девочкой и сегодня, встретив её на крыльце лавки, понял, что немного соскучился по ней.

– Ты где был? – поинтересовалась девочка.

– Здесь был, – ответил мальчик.

– А я тебя не видела.

– Много спишь, наверное.

– Наверное, – согласилась Лиза.

Закончив свою работу на дворе, Родион взял лопату и спросил:

– Где будем делать горку?

Уже через некоторое время Лиза весело смеялась, скатываясь с горки на деревянных резных санках.

Илья Саввич стоял на крыльце и смотрел на дочь. Он никак не мог понять, почему его Лизавета так тянется к этому мальчику. Вроде бы ничего особенного, не сюсюкается он с ней, как некоторые из работников, держится даже независимо. Почему она с ним может сидеть за печкой и есть хлеб, когда за столом не заставить кушать пряники. К старшему брату вообще не подходит.

– Нестор, поди сюда, – позвал он сына.

За это лето сын раздобыл за прилавком. Высокомерие и хамство так и лезло из него, особенно когда он разговаривал с работниками отца. Несколько раз Илья Саввич хотел поговорить с сыном, наставить на путь истинный, да всё как-то не находилось лишней минутки, а потом забывалось.

– Да, тятя, – выскочил Нестор.

– Лизавета к тебе заходит в лавку?

– Нет, она вообще ко мне не подходит. Видишь, себе дружка выбрала голоштанного.

– Ты где таких слов набрался? – Илья Саввич пристально посмотрел на сына.

– Так, это.... Все так говорят, – растерялся Нестор.

– Кто это все? Не засиделся ли ты в лавке, ишь гузно отрастил, гляди, штаны лопнут. Пора тебе делом заняться, я подумаю, куда тебя пристроить.

– А в лавке кто будет? – растерялся сын.

– Не твоя забота. Никого не будет, замок повешу на дверь.

Сын совсем не понял иронии в голосе отца и, чуть не плача, проговорил:

– Пропадёт же всё.

– То-то, что пропадёт, коли сын прирос к лавке и вылазить не желает, продолжать дело некому.

– Ты только скажи, я мигом, я всё сделаю.

– А как сказать будет некому, и пропадёт всё. Я хотел спросить, а чего это наша Лизавета с этим мальцом водится? Не с няней, а с ним. Как ты думаешь?

– Гнать его надо со двора, – ответил Нестор, не раздумывая.

– Дурак! Иди уже.

Увидев недобрый взгляд в сторону Родиона, добавил:

– Ты парнишку не тронь. Работает он хорошо.

Эта непонятная ситуация с дочерью стала раздражать Хрустова. И что она прилипла к чужому мальчишке, который вольно или невольно забрал часть его дочери.

– Лиза, иди домой! – крикнул он.

Это было так неожиданно, что девочка вздрогнула. Илья Саввич сам растерялся.

– Иду, тятя, – сказала девочка и, понуриив голову, пошла мимо отца.

Родион взял санки и через двор потащил их к кухне, где они хранились.

Хрустов ещё не понял, что с ним произошло, как от реки показались две повозки. Лошади ленивой трусцой направлялись к лавке. Хозяин признал лошадей и понял, кто едет. Сразу все сомнения исчезли, и непонятная радость захлестнула его.

– Нестор, – крикнул он сыну, – скажи кухарке, чтобы быстро собирала на стол.

Выгрузив в сарай вещи, молодые парни, отдохнувшие ещё в Благодатской, пока ждали погоду и пока установится дорога, посмеивались друг над другом. Только Лаврен выглядел понурым – всё ещё не отошёл от болезни. Ему то становилось легче, то снова скручивала хворь. Сейчас Лаврен сидел у окна и молча наблюдал за происходящим. Вскоре всё было готово, за столом находились только те, кто приехал. Илья Саввич осмотрел всех, улыбнулся:

– Для начала давайте по маленькой выпьем с устатку, дорога нелёгкая у вас была.

Все выпили, кроме Лаврена, тот едва пригубил и поставил.

– Ты, никак, приболел? – спросил Хрустов.

– Да уже после работы что-то привязалось, никак не отстанет. Всю обратную дорогу промаялся.

– Ничего, дома всё обойдётся, дома и стены лечат.

С полчаса ели и выпивали молча. Потом Илья Саввич вышел на несколько минут и вернулся уже с тетрадкой, в которой были расписаны все расходы, которые надо было вернуть. Мешочек с золотым песком появился на столе. После всех расчётов,

оказалось, что у старателей осталось ещё достаточно золота – его Хрустов готов был купить по своей цене. Когда весь золотой песок оказался у лавочника, каждому старателю причиталась кругленькая сумма. Часть денег поменяли они на товар прямо здесь, купив наряды для себя и своих близких, остальное завернули в тряпочки и спрятали за поясом.

– Ребятки, – сказал Илья Саввич, – сейчас Нестор развезёт вас по домам, с деньгами не шляйтесь по деревне, беспокойно здесь, а уж если пожелаете покутить, то это уже опосля.

– Парни, довольные расчётом, поспешили по домам, где их уже ждали с нетерпением.

Лаврен пошёл в свою каморку, в которой проживал один. Ему было хорошо здесь, спокойно. Шестой год жил в этом маленьком домике Лаврен Изотов, справляя должность управляющего. Привык. За хозяйством глаз да глаз нужен, вот и предложил хозяин ему место в небольшой пристройке рядом с кухней, но с отдельным входом.

Евсей поспешил к себе, прихватив подарки для Родиона, тот уже истомился, ожидая, когда брат придёт от хозяина.

– Погодите маленько, – позвал Хрустов, – разговор есть.

Лаврен рассказал, как удалось дознаться, где ближе всего золото у карагасов, обменяв сведения на берданку. Рассказал, как работали ребята, как вели себя.

Не для праздного любопытства расспрашивал Хрустов, мысли уже были на следующий год, если в этот раз вышло удачно. Знал, что золото у старателей ещё осталось, но куда оно денется, мимо его лавки не проскользнёт, а там и ему хорошо, и ребята не в обиде.

– С ружьём правильно поступил, так и дальше надо делать.

– Я пообещал в другой раз ещё привезти берданку.

– Сделаем, хоть и дорогие штуки, но всё стоит денег, пожалеешь один раз, будешь всю жизнь жалеть. А ты, Евсей, присмотрелся к делу?

– Ничего сложного, главное с карагасами ужиться, а там и дело пойдёт.

– Ужились в этот раз, в другой легче будет, да и подарков надо больше взять для них. Любят они подарки, потому что не избалованы ими.

– Спаивать их не надо, некоторые к этому плохо относятся и взбаламутят других, – добавил Евсей.

– Это верно. Ладно, давайте идите отдыхать, там твой брат все глаза проглядел, но молодец, не хныкал.

Едва Евсей открыл дверь, как Родион бросился к нему, потом, застеснявшись минутной слабости, просто прислонился к плечу и затих. Предательские слёзы навернулись на глаза.

– Где ты так долго был? Я уже ждал, ждал тебя, едва как дождался.

– Скучал?

– Скучал, особенно поначалу.

– Я тоже скучал, всё думал, как ты здесь один справишься.

– Ничего, справился.

– Да уж говорил хозяин, что не посрамился ты.

Родион засмутился и покраснел.

– Ничего, Родя, слава богу, всё прошло хорошо, денег немного есть, сегодня я тебе вот сладостей принёс, а завтра пойдём за обновками, небось, обносился уже.

– Ничего, – смутился мальчик.

– Я и сам подносился. Завтра справим себе одежду, как люди будем, ещё другие позавидуют. Не обижали тебя здесь, а то всякое бывает?

– Нет. Никитична присматривала за мной, где и стирала одежду да и подкармливала. Нет, никто не обижал.

– Вот и хорошо. А я всякое передумал там, мал ты ещё, а маленького любой обидит. Чем занимался?

– За скотиной ходил, хлевы чистил, воду возил, а сначала лета с Митричем рыбу ловил. На речке хорошо, тихо, там отдохнул и выспался. А потом сено косили, хлеб убирали, так и лето пролетело.

– Досталось тебе.

Родион заварил чай, и братья пили душистый чёрный чай, купленный в лавке, вприкуску с конфетами и пряниками. Потом уже, лёжа в постели, Родька держал брата за руку, словно боялся, что тот опять пропадёт.

– Ты ещё пойдёшь в верха?

– Скорее всего. Надо ещё сходить, заработать денег, а потом мы построим себе дом и будем жить самостоятельно, чтобы никому не кланяться.

– Возьми меня с собой, – попросил Родька, – я не буду тебе в тягость, вот увидишь. Возьми, а?

– Ладно, там видно будет, ещё зиму пережить надо.

Родион понимал, что его ещё не берут с собой, но уже и не отказывают. А как хорошо бы вместе с братом пойти, с ним ничего не страшно, с ним хоть куда.

Лаврен на следующий день уже не вышел из своей каморки. Ночью ему стало хуже, поднялся жар, лицо почернело, осунулось. Когда Евсей зашёл к нему по просьбе Хрустова, Лаврен лежал без памяти, словно мёртвый, только тихое дыхание выдавало в нём жизнь. Евсей рассказал всё хозяину. Илья Саввич забеспокоился не на шутку и закричал:

– Нестор! Беги за Акулиной, да быстро! Евсей, запрягай коня да сена побольше подложи. Никитична, пойдём, поможешь мне одеть его.

Пока искали одежду, прибежала бабка Акулина, деревенская знахарка. Она лечила всех в деревне: и взрослых, и детвору. Готовила Акулина снадобья от любой хвори.

Она осмотрела больного, покачала головой и сказала:

– Везите ко мне домой, лечить надо долго, сюда я не набегаюсь.

– Ты уж постарайся, Акулина, – сказал Илья Саввич, протягивая ей рубль, – вылечишь, ещё столько же получишь.

– На всё божья воля, – сердито сказала старуха, но деньги взяла.

– Если что понадобится в лавке, я распоряджусь, тебе всё дадут.

Старуха молча вышла из каморки и направилась домой, вскоре Евсей с Нестором привезли и Лаврена.

– Вечером придёшь ко мне, поможешь, – сказала она Евсею.

Бабка Акулина жила на краю деревни, прямо от её дома дорога уходила в сторону Еловки. Жила она с внучкой Варей, которой исполнилось только четырнадцать лет. Бестолковая дочь Анна принесла ребёнка, как говорится в подоле, а потом связалась с прохожими старателями и сбежала, бросив ребёнка на мать. Уже десять лет о ней ни слуху, ни духу. Акулина была рада девочке, тяжело одной-то век вековать.

Лаврена положили на широкую лавку у окна. Акулина растопила баню, потом стала перебирать пучки с травами да мешочки с порошками. Отобрала всё, что ей нужно было, сложила в холщовую сумку. Евсей натаскал воды из колодца.

– Приходи часа через три, поможешь мне его в баню перенести, а то я не справлюсь.

В назначенное время явился Евсей, на руках отнёс Лаврена в баню, положил на полки.

Поначалу старик стеснялся своей наготы, но потом позабыл про это и подчинялся любым требованиям старухи. Она парила его вениками то берёзовым, то пихтовым, на каменку брызгала разными настоями, от которых кружилась голова. Длинная рубаха на ней промокла и прилипла к телу, это смущало Лаврена, и он отвернулся к стене. Поворачивался только тогда, когда старуха давала ему выпить горькие отвары. Потом снова парила его, молилась, что-то шептала и всё время крестила его. После очередной дозы напитка, Лаврен уснул.

Когда он открыл глаза, женщина сидела к нему спиной без одежды и мыла голову. Лаврен закрыл глаза, притворился спящим. Вскоре пришла внучка.

– Варя, принеси чистую одежду для него, на лавке лежит, и позови Евсея, нужно перенести его домой.

Пристроили Лаврена на русской печке. Акулина опять стала готовить свои травки и порошки. Только через две недели больной стал передвигаться по избе. Сначала придерживаясь за стены, за лавки, а потом уж и самостоятельно.

– Эко, как тебя скрутила хворь, – поговаривала она. – Но, слава Богу, мы с ней понемногу сладили. Раз на ноги встал, теперь уже точно поправишься.

За это время пару раз приезжал Хрустов, привозил продукты, а когда узнал, что болезнь понемногу стала отступать, подарил Акулине цветастую шаль, Варваре – кулёк со сладостями и ещё дал обещанные деньги.

– Чего это ты так печёшься за него, небось, не сват или брат тебе?

– При хозяйстве человек был, доверяю ему больше чем сыну родному, так что ты уж расстарайся, мне он нужен.

– Так не сможет он работать, хоть выздоровеет.

– Ничего, не землю пахать, мне его голова нужна да глаза. Приглядит за делом да укажет правильно, а это другой раз дороже лошади.

– Ишь, как рассуждаешь. Ладно, без твоих указов знаю, что делать, только он у меня пока поживёт, пригляд нужен. А ты мог бы мне и дровишек подкинуть, раз такой добрый – зима невесёлая будет.

– И откуда тебе всё известно? Ну, раз невесёлая, значит, воза три-четыре надо.

– А хоть и четыре, не откажусь.

На следующий день Акулине привезли четыре воза дров и аккуратно сложили туда, куда указала она.

Всё последнее время Родион старался быть с братом. Евсей помогал ему по хозяйству, очень часто уходил к хозяину, и они подолгу о чём-то разговаривали. Евсей выполнял поручения Хрустова, вникал в дела, которые на него возлагались, и готовился ехать в лес на заготовку дров.

– Возьми меня с собой, – просил Родион, когда узнал об этом.

– В лес тебе ещё рано, а вот в верховье, я думаю, можно взять.

Довольный таким обещанием, Родька готов был ждать сколько нужно.

9

Маркел Дронов успел уже выпить для поднятия настроения, как говаривал его покойный отец, когда мать ругала за пьянство. Не то, чтобы отец был горьким пьяницей, просто, когда он выпивал, то бросал всякую работу, даже очень важную, и сидел, размышляя после каждой выпитой чарки, что же главное: работа или водка. Рассуждал так: работа измучает человека до того, что аж вся душа трясётся, хоть падай в борозде, а водка даёт роздых. Но, опять же, после долгого возлияния бывает ещё хуже, чем после самой тяжёлой работы, не только душа трясётся, но всё тело подпрыгивает. Бывает, что после тяжёлой работы все кости ломит, сил нет подняться, а после пьянки выпил стакан на похмелье – и всего делов. Вот тут и думай, что главное.

С такими мыслями хозяина, всё хозяйство Дроновых потихоньку и порушилось. Когда подрос Маркел, единственный сын, править уже было нечем, куда ни коснись, кругом развал, проще строить новое, но на новое нужны деньги, а где их взять? Когда после очередного «размышления», отца снесли на погост, Маркелу было шестнадцать лет. Чтобы хоть как-то содержать старенькую мать, подался Маркел в батраки на богатую сторону села, на Тарай. Пристроившись к одному староверу Шишину, проработал у него зиму. При расчёте прижимистый старик обманул подростка, выплатил половину положенного. Маркел спорить не стал, просто на

одной вечерке, отдубасил младшего Шишина, который стал посмеиваться над простотой Маркела. Хоть и был Шишин постарше, да Маркел от рождения силой и ловкостью не обижен. А подраться любил и умел, особенно с тарайскими – их недолюбливали все за их наглость.

И ходил младший Дронов от хозяина к хозяину, пока не приметил его Хрустов и не взял к себе. За работу требовал серьезно, но и при расчёте платил то, что было обещано. Так и задержался у него Маркел. Зимой готовил лес, летом работал по хозяйству. И вот последние два года на лето уезжал мыть золото. Первый раз приехал, деньги жгли руки, хорошо, что матушка вытащила у пьяного из карманов большую часть, оставила немного, чтобы не заподозрил, а остальное припрятала. В этот раз, он уже не стал транжирить деньги, сразу отдал матери большую часть и только тогда узнал, что есть и ещё деньги, прошлогодние.

– Маманя, ты возьми себе на обновки, не жалея денег, а остальные побереги, может, жениться надумаю, тогда и сгодятся.

Говорил, будто шутил. Мать подивилась таким разумным речам сына, размышляя: серьёзные это слова или бахвальство одно. Маркел тщательно умылся, причесался и отправился на вечерку, проходившую в горнице одинокой Макарихи.

Муж Макарихи Сенька и два сына утонули в один день на рыбалке. Поплыли поздней осенью за рыбой. Ловили на закосках (на прибрежных припайках первого осеннего льда), в темноте налетели на топляк, лодка опрокинулась. Хоть и умели все плавать, но зимняя одежда потянула ко дну. Осталась Макариха одна в большом доме, построенном для большой семьи, закрыла две комнаты и осталась жить в одной, поближе к печке. Так бы и жила тихо, да с некоторых пор облюбовала молодёжь её просторы. Молодёжи негде было собираться зимой, чтобы повеселиться, потанцевать, послушать гармошку, себя показать и на других посмотреть. А с ними бабке было веселее. Сидела она на русской печке и наблюдала за всеми, радуясь молодым, вспоминала своё время. Девчонки сами белили, чистили и мыли. Помогали старухе и по хозяйству. Приносили кто молока, кто сала кусочек. Старухе много и не требовалось. Парни дров готовили на зиму, просить не надо было никого.

Маркел вошёл в помещение в клубах пара, даже пламя в лампе мигнуло. Осмотревшись, сказал:

– Привет, мужики!

– Здравствуйте, барышни! – ещё раз отчётливо произнёс Маркел. – А чего так тихо? Ванька, давай играй чего-нибудь весёлое, а то забыл уже, как гармонь поёт.

Ванька Хохлов, лучший гармонист на селе, развернул меха голосистой трёхрядке и пробежал пальцами по кнопочкам с прищёлкой. Потом, выдохнув, выдал «подгорную», потянувшую в круг несколько плясунов и плясуний. Тут же понеслись частушки, поначалу в адрес гармониста, затем перешли на милашку, на дролю, и вскоре казалось, что и сам дом отплясывает со всеми.

– Вот это дело, – сказал довольный Маркел, выискивая глазами ту, ради кого в карманах полушубка в кульках лежали конфеты.

Настасья сидела недалеко от гармониста и делала вид, что совсем не замечает парня.

– И ладно, – решил Маркел.

Достал кулёк и, раскрыв его, крикнул:

– Лапушки, налетайте, сегодня бесплатно, а завтра за поцелуй!

Девчонки подскочили и, словно воробьи, растащили конфеты. Довольный Маркел расхохотался.

– Давай ещё!

– Нам не хватило!

– Не жадничай!

Маркел только громче смеялся, а сам поглядывал на Настасью, но она никак не отвечала на его взгляды.

Тогда парень сел рядом с ней и спросил:

– А ты чего, не любишь конфеты?

– Люблю.

– А чего ж тогда не взяла.

– Ждала, что отдельно принесёшь.

– Ишь ты?

– Что я? – с вызовом ответила девушка.

– А вот возьму сейчас да поцелую, – он склонился было к девушке, но получил звонкую оплеуху сначала по одной щеке, потом по другой.

Сразу наступила тишина. Никто не пытался смеяться, знали нрав Маркела. Девушка взглянула на парня, словно ножом полоснула, накинула шубейку, шаль и, не застёгиваясь, выскочила на улицу. Растерянный парень через некоторое время вышел следом. Девушка уходила по пустынной улице.

– Настя, ты чего? – крикнул Маркел. – Ты что подумала? погоди! Настя, стой, я пошутил.

Девушка остановилась, но не обернулась. Когда парень подошёл, она совершенно спокойным голосом сказала:

– Все ладошки отбила, огнём горят.

Вдруг она повернулась к нему и спросила:

– Поцелуешь, говоришь? Целуй! – сделала к нему шаг.

Он отшатнулся:

– Ты чего?

– Так ты только что героем был, а сейчас струсил?

– Чего это я струсил?

– Целовать, значит, боишься, а на руках можешь носить?

– Чего тебя носить, невелика тяжесть.

– Неси до дома.

– Смеёшься, что ль?

– Нисколько.

– А и снесу! – Маркел подхватил девушку на руки и пошёл посередине улицы на край деревни, где жила Настя.

Девушка сначала смотрела прямо в глаза Маркелу и понимала, что он теперь до самого дома не опустит её на снег. Она обняла его за шею, чтобы ему было полегче. Возле дома Настя спросила:

– Тяжело?

– Нет, – сказал Маркел, – носил бы да носил.

– Умаешься.

– Ничего, справлюсь. Насть, это тебе, – парень протянул ей конфеты.

Она взяла, положила в карман и, привстав, чмокнула его прямо в губы, засмеявшись, убежала домой, хлопнув калиткой.

Маркел долго стоял и смотрел вслед, не понимая, что вот эта, девчушка ещё, за один вечер взяла да и приворожила к себе крепко-накрепко. Приручила его, как добрый конюх приручает норовистого молодого коня, запрягая его в сани и гоняя по глубокому снегу, стараясь вымотать все его силы.

Несколько недель до того, как ехать на заготовку леса, Маркел ходил на вечерки, вёл себя, как и прежде, даже успел подраться несколько раз, но только до тех пор, пока не приходило время провожать Настасью домой. Тут он менялся совсем, словно телок шёл за девушкой и слушал весёлую девичью болтовню, радуясь её голосу, смеху и просто её присутствию. Она не выговаривала ему за драки, за другие проделки: пусть живёт, как знает. Не муж ещё. И если парни не дерутся меж собой, на кого они становятся похожи, если не на стариков.

– Настя, я в лес поеду скоро, а потом весной в верховье Бирюсы, а когда вернусь, давай поженимся. Дом построим, хозяйство заведём, заживём, как люди.

– Ждать, значит?

– Ну, подожди, время скоро пролетит.

– А как обманешь? Я буду ждать, а ты возьмёшь и женишься на другой. Что тогда?

– Христом Богом клянусь!

– Это ты? Когда в церкви был последний раз?

– Был, вот.

– Когда?

– Дай вспомнить. Недавно. На Пасху.

Настя захохотала:

– Осень на дворе! Нас и венчать не будут.

– Это почему?

– Так, нехристь ты.

– Обвенчают. Попу денег побольше дать, так и чёрта окрутит.

– Может, и окрутит, да только я за чёрта не пойду, вот, – сказала она и качнула головкой так сладко, что Маркелу захотелось подхватить её на руки и кружить, кружить.

Но он сдержался, боялся, что опять что-нибудь сделает невпопад.

– Будешь ждать? – спросил он.

– Подожду.

Мать Насти сразу заметила перемены в дочери, а народная молва сообщила причину тех перемен.

– Ты что же? И замуж пойдёшь за него? – спросила она дочь.

– За кого?

– Вся деревня трезвонит, как тебя Маркелка через всю деревню на руках носит.

– Что ещё трезвонит деревня? – сдержанный тон дочери не сулил ничего доброго.

У Насти был такой характер, что с некоторых пор и отец перестал учить её ум-разуму. Как глянет она на отца, у того даже мороз по коже.

– Так беспутый он, кого хошь спроси, драчун и пьяница.

– Лучше за драчуна замуж идти, чем за рохлю какого.

– Так и будет бить, как напьётся, – не сдавалась мать.

– Мама, не выдумывай и не слушай, что народ болтает.

– Бог тебе судья. Потом не жалуйся.

Маркел работал как проклятый, сам выматывался и другим спуску не давал. Лишь на перекурах садился в сторонке, прикрывал глаза, и глупая улыбка светилась на его лице. Он никому ничего не рассказывал, только однажды сказал Евсею, которого считал самым серьёзным в их команде:

– Через год женюсь да заживу тихо и спокойно.

Евсей удивлённо посмотрел на него, но ничего не сказал. Только все знали причину поведения своего товарища – влюбился парень. Но попробуй, скажи ему, враз по шее схлопочешь, про все вопросы забудешь.

Леса наготовили много и управились до срока. Домой приехали пораньше.

– Лес весь приготовлен, как и договаривались? – спросил Илья Саввич Евсея.

– Да, больше на том участке брать нечего, на другой год надо на пару вёрст выше забираться, я там посмотрел – хороший лес стоит, вызревший, и перестоя нет.

– Все работали как следует? Лодырей не было?

– Маркел никому посидеть минуты не давал, потому и раньше закончили.

– Что это с ним?

– Жениться собрался.

– Раз такое дело, надо отметить. Пусть все знают, кто работает хорошо, тому и приварок будет. Теперь надо готовиться в поход за золотом. Маркел пойдёт или от жены не оторвётся?

– Жениться он будет осенью.

– Значит, поедут те, кто в прошлом году был, других не надо.

– Илья Саввич, я хочу взять с собой Родиона, парнишка скучает, да и к тайге пусть привыкает. Хвосты крутить скоту всегда успеет.

– Не рано ему? – спросил Хрустов, а потом вспомнил, как его дочь дружит с этим мальчишкой, и ему стало неприятно от этого.

– Ладно, бери, сам и присмотришь за ним. Месяца через полтора надо отправляться, чтобы опять на лошадях до самого места добраться. Правда, груза вести в этот раз поменьше, инструмент там есть, но продукты, и ещё много чего нести на себе тяжело.

– Как там Лаврен? – спросил Евсей. – Не болеет?

– Ничего, живёт у Акулины, прижился вроде, приходит на работу. Он мне тут нужен, на него не надейся.

– Говорено об этом.

– Условия останутся прежние, как в прошлый раз. Если все будут согласны на это, то пусть потихоньку готовятся.

– Хорошо.

Родион уже ждал брата на крыльце.

– Ты чего тут?

– Видел, как ты заходил в лавку, вот и ждал.

– Ну, пойдём.

Вечером за чаем Евсей сказал брату, что хозяин согласен, чтобы он ехал вместе с ним. Мальчишка был безмерно рад.

10

Хорошо начался в этом году охотничий сезон. Вовремя ударили морозы, снегу в лесу было немного – самая охота с собаками. Звери путают следы на снегу, собаки вынюхивают их, карагас, не слезая с оленя, распутывает замысловатые гололомки. Хитрый зверь соболь, нарисует такие узоры, что без собаки сложно разобраться, а хорошая собака поведёт носом, пронюхает всё – и уже знает, в каком направлении исчез соболь. Другой зверёк несколько дней водит за собой охотника по буреломам, по сопкам, но конец всегда один – не бросит охотник добычу. Белка – та глупая, увидит охотника, услышит собаку и выглянет из укрытия посмотреть, кто это там. А тут стрела и ударит, а на земле собачьи зубы не выпустят, поэтому и добывают белки много. За соболем побегать надо, зато и стоит он дорого, и ясак платить надо соболем. Соболей без хороших собак много не добудешь, у каждого охотника две-три собаки, не меньше. Каждая собака стоит дорого, но приносит много соболей и белок, на которые потом карагасы меняют товары на большом суглане – ярмарке, которая обычно бывает 19 декабря и длится восемь дней.

На суглан готовятся загодя: шьют новую одежду, чтобы выглядеть не хуже других. Понаедут купцы с разным товаром, прибудет исправник, чтобы выбрать лучших

соболей для императорского дома. Среднего качества товары пойдут на оплату товара купцам, а всё остальное скупают разные люди, пожелавшие принять участие в торгах. Пришлого народа появится много, желающего выхватить из общего праздника и свой кусочек. И карагасов из разных родов будет много, со всей необъятной Присаянской земли. И всем будет место, и каждому найдётся добрый товар. Кто-то выгодно сторгуется и уедет обеспеченным до нового суглана, а кто-то останется ни с чем, если потянется за лишним стаканом.

Эликан сидел в новых одеждах, сшитых невесткой, и смотрел на огонь. Разные мысли рождались в голове старика, всё больше вспоминалось прошлое. Не то, что приносило беды да неудачи, а вспоминались хорошие моменты, когда всем было весело, когда в котлах варилось мясо для всего стойбища, когда всего было вдоволь. Немало добывалось соболей и белок, да только торговали карагасы плохо. Приходили разные купцы, немногие платили честно за товары, другие, были такие, которые старались напоить водкой охотников да обобрать. Пьяный карагас, что тебе ребёнок малый, добрый да щедрый, тем и пользовались многие торговцы.

Эликан не хотел ехать на суглан, да только кто присмотрит за сородичами, если не он. Томубек, которого однажды обманули, больше не посещает такие праздники, а если и едет, то не веселится, как другие, а быстро обменяет шкурки на нужные товары и, не дожидаясь окончания праздника, уезжает, чтобы больше не соблазниться общим весельем, которое не все будут вспоминать добрым словом.

– Хамышгай, ты всё приготовил на суглан? – спросил Эликан сына, с которым жил в последнее время, когда не стало жены.

– Да, я упаковал все в разные сумы.

– Томубек принёс свои шкурки?

– Принёс, заказал, что надо привезти. Зря сам не поехал, там весело будет.

– Правильно, что не поехал. Я тоже бы не поехал, да вас отпускать одних нельзя. Без всего приедете.

Хамышгай не стал спорить с отцом, где-то он понимал, что тот прав, знал, что произошло с Томубеком, но про себя думал, что с ним такого не может случиться. Его жена Шейгана тоже ходила и радовалась предстоящей поездке, много слышала она о таких праздниках, но никогда на них не была. Теперь вот и она сама купит себе разных украшений, какие ей понравятся, а не те, что достанутся от других. Их маленький сын Улуской ходил за матерью, не понимая, почему она такая весёлая, потом завалился у очага спать в обнимку с собакой.

Ехал ещё и Езилан с семьёй. Его сын Оробак хорошо охотился в этот раз, добыл много шкурок, приносил в стойбище достаточно мяса – котлы всегда были полные. Ружьё, доставшееся ему по осени, попало в хорошие руки. Изюбрей и лосей добывал молодой охотник, отрезал кусок мяса, приносил в стойбище и говорил, где забрать остальное. Взрослые охотники, которым не улыбалась удача, брали оленей и привозили мясо в стойбище, где оно делилось поровну между всеми. Другие

охотники перестали добывать изюбрей. Говорили, что у Оробака «рука длинная», он добудет мясо, не оставит стойбище голодным. Молодому охотнику лестно было слышать такие речи. Хотя большая слава принадлежала ружью. Ружьё само по себе было редкостью, стоило оно очень больших денег, и не в каждом стойбище было такое богатство.

Оробак пользовался ружьём только для добычи мяса, а соболей и белок бил, как и остальные охотники, из лука. Стрелами били птицу и на воде, и ту, что на деревьях сидит. Стреляли карагасы во всё, что видели, так было заведено; голодные годы научили: сначала подстрели, а потом посмотри, сгодится ли это тебе. А когда зверя и птицы становилось меньше, то стойбище откочёвывало в другой район на многие вёрсты и кормилось там несколько лет, потом возвращалось на прежние места.

Женщины особенно радовались поездке на суглан. Немного радости было в их жизни. Бывает, что единственная такая поездка помнится потом всю жизнь и пересказывается детям и внукам.

В последний вечер перед отъездом все сидели в чуме у Эликана, пили чай, курили трубки, говорили о посторонних вещах, не упоминая поездку, чтобы не спугнуть удачу. Только уже в самом конце, когда стали расходиться по своим жилищам, Томубек сказал Хамышгаю:

– Возьми дочь мою Солтес, пусть посмотрит на суглан.

Хамышгай кивнул в знак согласия.

Через две ночи карагасы из рода Эликана прибыли на место. На большом, чистом месте уже много чумов стояло по кругу, посередине развели большой костёр, который будет гореть все дни, пока не закончится суглан. Хамышгай и Езилан поставили чумы рядом, как и в стойбище. Так поставить приказал Эликан, чтобы всегда все были под присмотром.

Праздник захватил всех сразу: в котлах варилось мясо, молодые охотники дымили папиросами, стоившими очень дорого, женщины и дети с удовольствием поедали сладости. Каждому хотелось выделиться перед другими, а особенно тогда, когда выпили спиртное. Сначала купцы бесплатно угощали охотников водкой, как бы в знак уважения, потом требовали шкурки за водку. И тогда охотников трудно было остановить.

Езилан пришёл в чум навеселе и крикнул жене:

– Всё, хватит, я всю зиму готовил дрова, теперь будет готовить дрова вот он, я его нанял.

Рядом стоял невысокий худенький мужичонка, услужливо склонившийся перед нанимателем. Таких услужливых была целая бригада, они заранее заготавливали дрова, а потом продавали их доверчивым карагасам втридорога, наживаясь на этом.

Вечером у костра собиралась молодёжь, пела гармошка – гармониста нанимали за большие деньги. Звучали песни, плясали все, кто хотел, а после водки веселиться хотелось многим. Карагасы, люди совсем немногословные, вдруг начинали говорить

все разом, громко, стараясь переговорить другого, спорили на самые разные темы. Это продолжалось всю ночь. Утром начинались торги. За меха брали соль, сахар, ситцы, бязь, топоры, гвозди, верёвки и другие нужные в хозяйстве материалы, брали и разные украшения и сладости для женщин.

Хамышгай закупил уже всё для себя и для Томубека. Под приглядом Эликана он не тратился попусту, хотя ему тоже хотелось покурить папирос, как это делал Езилан. Но перечить отцу он не смел. Когда всё основное было закуплено и сложено в перемётные сумы, Эликан сказал:

– Теперь идите, веселитесь, потратьтесь и на себя, будет, о чём вспоминать. А сам рано утром пошёл в чум Езилана.

Тот мирно спал. Рядом сидел Оробак.

– Спит? – спросил старик.

– Да.

– Всё прогулял?

– Нет, ещё есть шкурки.

– Бери, пойдём, поменяем на товар, а то останетесь без ничего.

Они вдвоём приобрели всё, что требовалось, а также взяли патроны для берданки, чем удивили многих соплеменников. С помощью сородичей покупки доставили в чум и сложили у входа. Когда проснулся Езилан, всё было сделано. С больной головой он вылез из чума, закурил папиросу и присел у костра. Там уже сидели такие же горемыки-охотники, позволившие себе выпить лишнего. Они налили ему немного самогонки. И всё началось сначала. Уже ночью Езилана принесли в чум совершенно пьяного. Старейшины суглана следили за порядком и смотрели, чтобы пьяные не замёрзли на улице. На это раз Езилан обмывал своё крещение. Приезжий поп окрестил его и нарёк новым именем – Николай, как и всех других, кого он крестил. Уже несколько лет приезжал сюда батюшка и склонял в свою веру подвыпивших охотников, а потом брал с них свой ясак на благо церкви. А раз всё происходило «на Николу», и крестили всех Николаями.

Хамышгай тоже напился в тот день так, что утром не смог сам выйти из чума, Шейгана отпаивала его мясным бульоном. Когда в чум с самогоном пришёл Езилан, то Хамышгая стало мутить даже при виде водки.

Эликан успокоился после того, как всё было закуплено, и не обращал внимания на соплеменников: пусть пьют, раз хочется.

Больше всех на суглане нравилось молодым. Здесь многие из них знакомились друг с другом, состязались в стрельбе из лука, в ловкости и плясках. Люди веселились, говорили много, чтобы уже через пару дней уйти в безмолвную тайгу и молча взирать на все красоты необъятных сибирских лесов, завораживающих снежных вершин. И опять окружают охотников голубые и зелёные глади лесных озёр, в которые заглядывают вечно спешащие куда-то облака, гомон речных перекатов да пересвист ветров в макушках высоченных кедров и лиственниц. И развлекать их

будут глухаринные песни на весенних токах да драки косачей, любовные рыки медведей в прохладных ельниках посреди лета, от которых даже листья на осинах перестают трепетать, да протяжный изюбриный рёв в осенних перелесках.

А здесь, на празднике, пой, веселись, карагас, охотник из рода «Чёрного гуся», есть у тебя только один праздник в году. Празднуй его, карагас.

Суглан закончился, сразу исчезли наёмные музыканты и заготовщики дров. К тому времени многие охотники уже ушли в свои родные стойбища, только некоторые остались до самого конца. Это те, у кого ещё было на что веселиться, да те, кто сразу не мог уйти, нужно было время прийти в себя. Эликан не торопился. Торги закончились успешно, так он считал, а что охотники из его рода погуляли, так на то и суглан. Сегодня ещё проспят, поедят мяса, попьют целебного мясного бульона, а завтра с утра в путь.

Через день пути встретился им купец – заимщик Вася. Он уже ждал карагасов, едущих домой, знал, что многих оберут на суглане, и поедут они домой пустыми. Вот здесь Вася и поджидает их, даёт в долг под будущую добычу всё, что нужно для жизни. И становится такой охотник должником на долгие годы и не знает, когда закончатся его долги. А Вася никогда никому не отказывает – только бери и помни.

– Как торговали? – спросил Вася Эликана.

– Хорошо торговали, – ответил старик, набивая трубку.

– Да, – подтвердил Езилан, закуривая последнюю папиросу, оставшуюся от праздника.

– Ну и ладно. Много народу нынче было на празднике?

– Много. Мы последние едем, другие разъехались.

– Водки хотите? – спросил Вася.

– Нет, водки было много на суглане, сейчас не нужно.

Через два дня уже в своём стойбище разбирали купленное, раскладывали, вспоминали пьянки Езилана и Хамышгая, вспоминали пляски у костра да курили трубки – папирос больше не было.

Наступало зимнее затишье, когда лютые морозы сковывали всё вокруг. Зверье пряталось в своих норах да дуплах, лоси и изюбры хоронились в густых пихтачах. Жизнь замирала, ожидая, когда ослабнут морозы.

В это время и в чумах затихала жизнь, только горели дрова в очаге, да люди варили себе и собакам мучную болтушку. Собаки лежали у огня, изредка открывая глаза на запахи. Женщины занимались рукодельем, мужчины, как и собаки, валялись у очага, курили трубки и рассказывали разные истории, посмеивались над «пьяницами», вспоминая их глупые выходки.

– Спасибо тебе, Эликан, спас меня от позора, – говорил Езилан, – приехал бы совсем без ничего.

– От водки у человека голова уходит, только рот остаётся, – сказал старик.

– Я и не бываю больше на суглане – позору получил много, люди до сих пор смеются, как я всё прогулял, – заметил Томубек.

– Я водку пил, хорошо было, сладко, а утром голова, как бубен шамана – бум–бум! И совсем тяжёлая, не поднять, – рассказывал Хамышгай.

Оробак сидел в сторонке и молчал, ему не понравился суглан: народу много, шумно, все громко разговаривают. Сейчас он уже всеми мыслями был в тайге, там, где тихо, только шумы и шорохи леса радуют сердце, да тепло от костра греет тело. Хороший чай, добрый табак и тишина – вот что важно для карагаса-охотника.

11

Чумы стояли немного в стороне от того места, где находились в прошлом году. Евсей почувствовал дым, тянувшийся по реке, как по трубе, и стал вглядываться вдаль. Увидев чумы, обрадовался. В этом году всё было проще: не тащили с собой лишний инструмент, который остался с прошлого года припрятанный на берегу притоки, собирались помыть золото ещё сезон на старом месте. На этот раз прибыли те же мужики, что работали и год назад, только вместо заболевшего Лаврена в команде был Родька. Лишние руки на таборе не помешают: где дров приготовить, где варево сгношить да с ружьишком свеженького мяса добыть. Родька был просто счастлив, без усталости старался делать всё, чтобы не отставать от других, чем заслужил уважение.

У Евсея была своя задача: по сговору с Хрустовым он должен был разузнать новые золотоносные места у карагасов и разведать их. Для этого в обозе лежало две берданки – за ружья карагасы расскажут всё. На следующий год планировалось послать сюда несколько партий людей, чтобы за раз взять больше золота. Нет, не из жадности так планировал Хрустов, просто железная дорога подошла совсем близко: уже строили мост, народу прибывало и прибывало. Не все хотели работать на стройке, работа тяжёлая и нудная. Многие желали иметь всё и сразу. Пока ещё не пошёл люд на поиски золота, но скоро пойдёт. Не по одному и по два, а целыми партиями, и тогда в тайге места свободного не найдёшь. А с золотом можно будет открыть новое дело в кооперации с железной дорогой. Илья Саввич уже давно, как только пошёл слух о стройке, решил обзавестись лесопилкой. На строительстве пиломатериал всегда нужен, и не только шпалы, но и доски для строительства жилья, которое уже начали понемногу сооружать.

Услышав лай собак, Евсей отвлёкся от тяжёлых мыслей.

– Здравствуй, Эликан! – крикнул Евсей, радуясь встрече со стариком.

– Евсейка, ты, однако, – старик, конечно же, узнал парня. – Лаврена потеряли по дороге?

– Не будет нынче Лаврена, заболел он. Едва выходили.

– Худо.

Ребята подходили и здоровались со старыми знакомыми.

– Это сын, что ли, большой, однако, – удивился Евсей, увидев Родиона рядом с братом.

– Нет, это брат, – заулыбался Евсей.

– Ладный.

– Маркелка женился?

– Нет ещё, но женюсь осенью.

– Хорошо.

Старатели разгрузили свои вещи и расположились у костра. Евсей, помня наставления Лаврена, вытащил бутылку самогона, и стал угощать хозяев. Эликан наблюдал за Евсеем настороженно, но когда понял, что лишней выпивки не будет, даже сам немного пригубил. Повеселевшие гости и хозяйева разговорились, что было событием, только Оробак сидел и с любопытством смотрел на Родиона.

– Тебя как звать?

– Родион.

– А меня Оробак.

– У тебя есть ружьё?

– У брата есть, он мне даст.

– Хорошо, на охоту пойдём. У меня есть своё ружьё, Лаврен дал.

До ледохода золотоискатели жили в стойбище, охотились, добывали мясо, которое употребляли вместе со всеми. Карагасы, кроме Оробака, не ходили на охоту, просто ждали, когда принесут мяса и надеялись, что Евсейка нальёт немного водки. Даже если выпивки не было, всё равно валяться у костра проще, чем бегать по сопкам в поисках дичи. Зима длинная – набегались досыта. А если у русских получается хорошо обеспечивать стойбище едой, зачем самим бегать? Даже собаки не желают шевелиться, только грызутся из-за костей да валяются на солнце.

Уже прошёл ледоход на Бирюсе, но на маленьких речках подвижек ещё не было. Ребята ловили рыбу, чем-то надо было заниматься, пытались учить этому местных мужчин, но те наотрез отказывались. Евсей всё откладывал разговор с Эликаном, хотелось поговорить напоследок перед самым уходом, но время тянулось, а лёд на речках всё не сходил. Эликан тоже ожидал этого разговора, надеялся на обещанное Лавреном ружьё, но Лаврена не было, что скажет Евсей, стоило только гадать.

– Как прошла охота? – разговор начинался тяжело.

Евсей мучительно подбирал слова: со стариком на серьёзную тему говорить не приходилось. Разговор надо вести деликатно, любое слово могло обидеть карагаса.

– Ничего, хорошо. Хорошо помогло ружьё, которое дал Лаврен, – старик явно намекал на обещанное другое ружьё.

– Я знаю про ружьё. В хорошие руки попало оно.

– Да, Оробак – хороший охотник, хотя и молодой ещё.

– Лаврен говорил, что у вас был договор ещё на одно ружьё.

– Да, был разговор. Только Лаврена нету.

– Его обещание могу выполнить я, – Евсей вздохнул и решился. – Эликан, ружьё стоит больших денег, если ты покажешь ещё место, где есть золото, я отдам ружьё тебе прямо сегодня, не буду ждать осени. В прошлый раз ты не обманул, и сейчас, если ты пообещаешь показать ещё место, я поверю тебе на слово.

Старик внимательно посмотрел на Евсея. Ему льстили такие слова молодого русского, боялся старик навредить своему роду, но упоминание о ружьё решило всё сразу.

– Однако, покажу я тебе ещё место. Когда пойдём?

– Мы уйдём на старое место, наладим работу, а через неделю ты приходи, пойдём с тобой на новое место.

– Другие не пойдут?

– Нет, работать надо, времени мало.

– Ладно, – старик докурил трубку, медленно выбил сгоревший табак, показывая, что разговор окончен и пора идти за берданкой.

Всё стойбище рассматривало новое приобретение, даже женщины подходили, смотрели, но руками не трогали.

Новое ружьё досталось Томубеку, он и охотник был хороший, и с водкой не дружил.

Старатели прибыли на место без происшествий. Инструмент, оставленный в прошлом году, лежал нетронутый, только слегка поржавевший. Даже жилище сохранилось целым, только его немного подновили да лапника свежего нарубили. Вечер посидели у костра, вспоминая прошлый сезон, посмеиваясь друг над другом, настраиваясь на долгую тяжёлую работу. Только Родион, словно воробышек крутил головой, стараясь разглядеть незнакомое место, где придётся жить не один день. Пока все ремонтировали шалаш, он натаскал дров, развёл костёр, сбегал за водой и поставил котелок на огонь.

– Братка, – обратился он к Евсею, – это, что ли, золото?

Родион протянул брату жёлтый камушек с неровными краями, словно пожёванный кем-то.

– Ну-ка, – Евсей посмотрел на самородок величиной с пулю от берданки, повертел в руках, попробовал на вес и сказал:

– Слышишь, Маркел, с первого раза и сразу добрый самородок, фартовый у меня брат.

Маркел рассмотрел золото и заулыбался:

– Малой ещё, а гляди-ка. Будет в этот раз удача нам, истинный крест, будет. Вот что, Родька, кому повезёт в этом деле с первого раза, богатым будет, если ржа не сожрёт.

– Это верно, главное, чтобы не свихнулся от радости, – поддакнул Кирьян Лисицин.
– Со мной так было поначалу, готов был на всё, вовремя подзатыльника получил, – он искоса посмотрел на Маркела.

Тот весело захохотал:

– Недоволен, что ли?

– В самый раз, – Кирьян тоже рассмеялся, вспоминая срамную историю, как стал прятать от товарищей золото, вовремя заметил напарник и врезал по затылку своей огромной лапищей.

– Сделаем вид, что ничего не было, но чтобы больше не повторялось, – сказал Маркел и продолжил работу.

Кирьян промаялся остаток дня, а вечером покаялся перед друзьями, повинулся. Такую тяжесть сбросил с плеч. Друзья посмеялись, а потом замолчали, видно, и у них были грешки, да только не все смогли признаться.

– Оставь его себе на память, – сказал Маркел Родиону. – Мы крупные самородки у себя храним, а песок в общий котёл, для расчёта. Если удача улыбнулась, и самородок в руки пришёл, так тому и быть, тебя он выбрал. А что с ним делать, потом определишься, главное не молись на него, не стоит он того, али не прав я, а, Евсей?

– Прав, Маркел, прав. Друг в беде руку подаст, а золото просто тяжесть в таком деле, ещё и придавит.

– Но надо намыть нынче его много – расходы большие предвидятся, – сделал вывод Маркел

– Небось, без этого и Настасья не глянет в твою сторону, – тихонько, но чтобы все услышали, буркнул Еремей Трухин.

– И кто там такой пронырливый? – спросил Маркел.

Все весело рассмеялись. Даже Родька заулыбался, совсем не понимая причины этого смеха, но поддаваясь хорошему настроению компании.

Через неделю пришёл Эликан с Оробаком. Как они подошли, никто не заметил, увидели только дым от костра немного в стороне от табора. Старик с молодым охотником пили чай и курили трубки. Евсей подошёл и поздоровался:

– Давно пришли? – спросил он.

– Давно, однако, чай уже готов, – сказал старый охотник, глядя в сторону солнца, опускающегося к макушкам сосен. – Пей, чай хороший.

– Пожалуй, и выпью, чего ж не выпить с хорошим человеком.

Евсей держал кружку двумя руками, согревая пальцы, за день в холодной воде настывали руки до ломоты.

– Завтра дождь будет, завтра отдыхать будем, мясо варить, чай пить, а на другой день пойдём, буду показывать, что тебе обещал.

– Мяса надо сходить поискать, у нас только крупа да лепёшки остались.

– Есть мясо, Оробак – добрый охотник, без мяса не бываем.

Оробак улыбнулся и вытащил из травы косулю, ещё не ободранную. Взял нож, быстро снял шкуру, разделал мясо и понёс в табор.

Старатели тоже потянулись поближе к костру.

– Здоровым бывай, Эликан, удача ходит с тобой, или прячется где? – у Маркела были особенные отношения со стариком.

– Мало-мало ходит.

– А как не пойдёт?

– Аркан есть.

– Вы мясо из стойбища несли?

– Зачем? Оробак рядом стрелял, зверь много ходит туда-сюда.

– И чего это он шляется здесь?

– Маркелку посмотреть приходит. Думает, чего это там Маркелка в реке копает?

– Это зверь тебе сам сказал? – поддакивал Маркел, поддерживая иронию старика.

– И говорить не надо, так понятно.

Настроение поднялось от встречи со старыми знакомыми, да и отдохнуть не мешало бы, а теперь и причина появилась.

Вскоре уже варилось мясо, запах раздражал, все вдруг почувствовали непреодолимый приступ голода, от которого мутилось в голове. Пока варево готовилось, люди уже пригрелись у костра: напала дремота, с которой бороться оказалось ещё тяжелее.

– Всё, готово! – сказал Родька, главный кашевар на таборе.

– Ещё немного, и тебя съели бы, – сказал Маркел.

По такому случаю Евсей достал немного самогона.

– Ну, это же другое дело! – обрадовался Фома Никитин.

Спиртное тёплой волной покатило, как говорил Лаврен, по жилочкам, мясо оказалось нежным и сочным, вместо чая пили бульон.

«Если Эликан прав, то завтра пусть все отдохнут, пока дождь, ещё нарабotaются люди», – так думал Евсей. Ему сложно было управлять людьми. Он привык подчиняться, следовать чужой воле. Но никто не противился его командам, все понимали, что кто-то должен за всё отвечать, а работу свою каждый знал, тут указывать не надо.

Дождь начался далеко за полночь. Сначала редкие капли шлёпали по листьям, постепенно усиливаясь, вскоре уже не капли, а ровные тихие струи зашелестели вокруг. Не утихая, дождь вполз в утро. Проявился притихший, промокший лес, опустивший ветки, кусты, словно провинившиеся дети, склонились и стояли не шевелясь. И, кроме шелеста дождя, больше не слышно было никаких звуков.

Когда Евсей вылез из шалаша, у костра уже сидел Эликан, будто никуда и не уходил.

– Долго дождь будет?

– К вечеру закончится, – сказал старик.

– Значит, отдыхать будем.

Эликан промолчал.

Целый день прошёл в разговорах. Шутили друг над другом, спорили о работе, вспоминали деревню. Редко выпадали такие дни. Бывало, что и в дождь работали, не замечая сырости – всё равно целый день в воде. Главное в таком деле – не заболеть. Вечером у костра просушивали одежду, отогревались и – спать. Такая работа изматывала силы настолько, что иногда и в дни отдыха усталость не уходила, тогда кто-то шёл на охоту и приносил дикого мяса. Только после мяса становилось легче.

Утром белесый, морозящий туман затянул всё вокруг. Только ближе к обеду ветерок справился с белыми лохмотьями, затолкав их на вершины сопок.

– Оробак, олени готовы? – спросил старик молодого охотника.

Тот просто кивнул головой, словно сказать слово для него было огромным трудом. Евсей не ожидал, что им придётся ехать на оленях, которых предусмотрительно захватили карагасы. Для них в тайге олень, словно для монгола лошадь в степи. Как и монгол не ходит пешком, если есть конь, так и карагас не станет зря бить ноги по тайге, если рядом олень.

Родион тоже сидел на олени и счастливо смотрел по сторонам. Первым ехал Эликан, потом Евсей, Оробак был последним. Олени на удивление ловко скользили по густому лесу, огибая разные препятствия, заставляя ездоков уклоняться от мокрых веток. Евсей запоминал, что двигаются они по левому берегу речки, где работали старатели. Особых примет не было: только склоны распадка, поросшие густыми соснами и лиственницами, и прямо у воды толпились заросли черёмух и рябин.

До вечера пересекли два левых притока. И когда сумерки стали расползаться по самому дну распадка, Эликан объявил привал. Путники быстро расположились на ночлег. Небольшой балаган поставили рядом с сухой сосной, поваленной бурей, чтобы не таскать дрова и обсушиться после дороги. Оробак отпустил оленей, отлучился на несколько минут и появился с глухарём в руках.

– Ловкий парень, – восхитился Евсей. – Зверьё прямо само на него идёт.

– В каждом роду такой охотник есть, – сказал Эликан, – без такого охотника нельзя. Совсем худо будет. Другие охотники тоже ничего, добывают белок и соболя, а когда надо мяса добыть, ходят как слепые щенки. Оробак – хороший охотник, знает, где добыча его ждёт.

– А если нет такого охотника в роду? – поинтересовался Евсей.

– Худо будет. Брюхо совсем невесёлый будет. Баба будет много ругаться.

– Разве у вас бабы имеют слово в разговоре?

– Имеют. Даже некоторые учат своих дурных мужей, как охотиться.

– Правда?

– Да. В некоторых родах бабы наравне с мужиками охотятся, если хотят. Если не хотят, то не пойдут в лес, будут мужа ругать – и всё.

– Почему не хотят?

– Когда дети маленькие есть в чуме, не хотят бабы на охоту ходить.

– У неё и в чуме работы много.

– Мало-мало есть. Еду варить, одежду шить, дрова готовить. Мужу оленя ловить и запрягать, когда он собирается ехать и распрягать потом. Охотник без бабы не может в чуме жить.

– У вас мужик, как барин, только и делает, что охотится да детей делает, – рассмеялся Евсей.

– Детей делать много помощников есть, – усмехнулся старик.

– Какие помощники?

– Разные. Когда охотник уезжает надолго на промысел, тогда в чум разные помощники заходят. Есть такое дело.

– Правда, что ли? – удивился Евсей.

– Когда охотник уходит надолго, он надевает специальный пояс на жену с замком, чтобы спокойно охотиться.

– Да ну, – недоверчиво посмотрел Евсей.

– Если хочешь, потом в чуме покажу, – старик закурил трубку и стал шевелить в костре угли, показывая всем видом, что на эту тему у него нет желания разговаривать.

Небо ещё светилось светло-серой дорогой между распадками, а по реке уже потянулся туман, затягивая всё вокруг. Костёр затрещал, пламя запрыгало, заволновалось, словно ветер дохнул на него слегка, а потом всё опять затихло. Костёр горел ровно, дым едва проявлялся у макушек сосен и растворялся в тумане.

– Я тебя хотел спросить, – обратился Евсей к Эликану, – научились твои охотники рыбу ловить? В прошлый раз им так понравилось.

– Они умеют. И тогда тоже умели.

– Умели? А почему не ловили?

– У нас Оробак умеет найти зверя и добыть его, поэтому только он ходит на охоту.

– Но он же совсем молодой, а до него кто добывал?

– Был охотник, медведь заломал его, с тех пор плохо было в стойбище с мясом, приходилось оленей забивать.

Старик молча курил, смотрел в костёр, потом вдруг словно вспомнил что-то, продолжил:

– Оробак ещё совсем несмышлёныш был, когда притащил в стойбище косулю, смеялись над ним тогда. А потом ещё притащил, взрослые охотники не могли, а он мог. Выделили ему хороший лук, с ним он постоянно стал приносить добычу. Ты думаешь, почему мы дали ружьё совсем молодому охотнику, а не старшему, и никто не возразил? У нас так среди карагасов: принёс добычу, которую можно варить в котле, дели на всех, если охотник гонит соболя три дня, а на его след попал другой охотник, он пойдёт следом. Попадёт третий, пойдёт тоже, и когда соболя добудут, то делить будут на троих. Такой закон.

– Резать шкурку, что ли?

– Зачем резать? Когда продавать будут, тогда и поделятся. И не важно, что этого соболя один гнал три дня, а другой постоял немного рядом. Так же и на рыбалке. Если ты можешь поймать рыбы столько, чтобы хватило на всё стойбище, тогда лови. Никто не хочет плескаться в воде, а потом делить десяток рыбин на всех, лучше у костра поваляться.

– Но ведь в стойбище много мужчин, вышли бы все да наловили побольше, чтобы на всех хватило. Можно рыбу заготовить впрок.

– Карагасы не любят рыбу, могут поесть один раз, а готовить никто не хочет.

– Смотри-ка, как живут? – подивился Евсей.

– Ты, Евсейка, много знать хочешь, карагасом хочешь стать? – спросил Эликан, взглядываясь в лицо парня, который нравился ему, потому что молод ещё был, без хитрости и без обмана.

– Интересно же. Вдруг я сделаю что-то не так, а Эликан обидится, что тогда делать? Я не буду знать, почему ты обиделся.

– Правильно думаешь. Придётся жить к карагасам, найдём тебе жену, поставим чум, будешь рыбу ловить на всё стойбище. Главный рыбак будешь.

– Так я не один, у меня брат малый ещё есть, – поддержал тон старика Евсей.

– Ничего, и ему девку найдём. В нашем стойбище не будет, в другое стойбище ходим. Там не найдём, на суглане найдётся. Там можешь и переспать с ней до женитьбы, если понравится, женишься.

– Как это можно?

– Когда девка ещё не жена, ей всё можно.

– Так в подоле может принести?

– Ничего, захочет жених взять с ребёнком, пусть за него платит, не захочет, ребёнок в стойбище останется.

– А ты говорил, что пояса есть специальные?

– Это у тех, у кого мужья есть, им нельзя в подоле носить.

Евсей замолчал, осмысливая то, что сейчас услышал. Для него открывался новый мир людей, живущих рядом. Получается, что никто ничего не знает о жизни карагасов, каждый норовит вырвать свою выгоду у этих необычных людей, которые ездят на оленях, как на конях, охотятся ещё с луками, не ставят никаких капканов и ловушек. Карагасы в охоте полагаются на помощь хорошей собаки, поэтому её зимой кормят, как взрослого мужчину, а летом выделяют половину нормы. В каждом чуме по две-три собаки, несколько десятков оленей да четыре-пять человек у очага. Детей помногу не имеют, обычно два-три, и то с большой разницей в возрасте. Редко, но в чуме может быть одинокий старик.

Родион, намаевшийся за день, сидел, прислонившись к дереву, смотрел на огонь – да так и уснул. Старик увидел это и сказал Евсею:

– Хороший охотник будет, как Оробак.

– Кто тебе сказал?

– Не надо говорить, надо смотреть. Родька не говорит, Родька смотрит вокруг, запоминает и не болтает языком, как мы с тобой, лес слушает. Хороший охотник будет.

Евсей разбудил брата, чтобы тот лёг на приготовленный лапник, сам пристроился рядом и ещё долго смотрел на пламя, которое сначала большим цветком плескалось над дровами, потом замирало, уменьшалось, перепрыгивало с одного места на другое, потом притихло и затаилось в большой куче раскалённых углей.

12

Прошло только полгода, а будто времена пронесли над Конторкой. Вдруг село наполнилось людом, незнакомым, озабоченным и любопытным. Люди проходили между дворов, заглядывали через заплоты, чего-то выискивая, и, ничего не найдя, двигались дальше. На дверях домов быстро появились замки, ими раньше не пользовались. Тревога поселилась в селе, хотя происшествий пока ещё не было. Железная дорога подошла к Бирюсе, заканчивалось строительство моста, а народ всё шёл дальше, желая найти себе место. Ходили слухи, будто работа есть в Тайшете, где строится станция – там требуются строители и просто рабочие руки. И они, эти «руки», прибывали поездами, ехали на повозках, шли пешком по одному и семьями. Шли по договору и наудачу. Дорога оказалась длинная, поизносились, оголодали путники, искали любые заработки, чтобы дойти до места.

Бригада старателей прибыла уже по снегу на двух санях, запряжённых сытыми лошадьми. Сезон удался, золота добыли больше, чем годом раньше, и у каждого работника уже были свои планы. Хрустов рассчитался со всеми строго по договору, никого не обидел. Даже более того, он выделил каждому работнику сапоги, от этого подарка парни даже растерялись, не знали, что делать, но сапоги приняли. Все были довольны, особенно Маркел Дронов. Он даже не стал обмывать заработок, а быстро набрал подарков матери и Настасье и быстрым шагом направился домой.

– Маманя! – крикнул он, распахивая дверь. – Встречай, сын явился!

Худенькая старушка вышла из другой половины дома и всплеснула руками.

– Маркеша, едва дождалась, сейчас я поесть соберу, – она засуетилась у печки.

– Разбирай подарки, – сын сложил свёртки и кульки на лавку, часть из них убрал в сторону.

Мать поняла и заулыбалась. Она помнила обещание сына жениться, ей очень хотелось, чтобы сын за ум взялся. А там, глядишь, и внуки пойдут, радость-то какая.

– Чего нового на деревне слышно?

– Вроде ничего, только народу стало много, хозяева боятся дома бросать без присмотра. Слава богу, воровства пока не было, но лиха беда – начало.

Старушка стала разбирать свёртки. Подарки в доме – дело нечастое, непривычное, событие особое, ему радуется каждый сельчанин.

- Зачем тратился? У меня есть ещё не ношенные шали и платки.
 - Вот и носи, чего по сундукам прятать да моль раскармливать?
 - А куда я одевать буду? Вот жениться будешь, и одену, – мать осторожно проверяла настроение сына, не раздумал ли он.
 - На свадьбу ещё купим, в церкву одень. Или уже не ходишь?
 - Как у тебя такие слова-то находятя? Разве можно в церковь не ходить?
 - Так много, кто не ходит.
 - Потому и живут так – ни себе, ни людям. Без бога жить, сынок, нельзя, с грехом долго не проживёшь, а где грехи отмолить можно? Только в церкви. И ты сходил бы, причастился.
 - Зайду как-нибудь. Про Настасью ничего не слышала?
 - Не слыхала, недавно видела её, ничего, приветливая.
 - Ладно, мать, я пойду, ты не жди, спать ложись, завтра поговорим. На-ка вот, прибери куда, скоро пригодятся, – он протянул ей деньги.
 - На себе не экономь, хватит денег, а не хватит, ещё заработаем.
 - Да сколько мне там надо? – слёзы навернулись у матери на глазах.
- Как только не называли Маркела в селе: и драчун, и разбойник, а матери уважение оказывает. На старости лет любое доброе слово душу греет, как здесь не радоваться?
- Ничего, маманя, всё будет хорошо, – сын обнял мать и выскользнул за дверь.
- У дома Малышевых он вдруг опять заволновался так, что сразу не мог зайти. Постоял, отдышался, а уж потом решительно направился к калитке. Он вошёл в дом и поздоровался:
- Доброго здоровья, хозяева!
- В ответ – молчание. Маркел увидел, что у окна сидит Настасья и смотрит на него удивлёнными глазами. Больше дома никого не оказалось.
- Настя знала, что парни приехали с приисков, и загадала, вот если придёт домой, значит, любит, а если не придёт, тогда и разговор с ним будет короткий.
- Пришёл? – спросила она и медленно встала из-за стола.
 - Пришёл, – Маркел опять растерялся, не понимая такое её поведение.
- Настя видела состояние парня и специально вела себя так, чтобы больше смутить гостя. Ей было интересно, что же такого в ней, что первый парень на деревне, как телок на верёвочке, стоит и мнётся.
- Вот, подарки, – он протянул ей свёртки.
 - Она молча взяла подарки, положила их на стол, взяла парня за руку и подвела его к зеркалу в простенке между окнами.
 - Смотри, – сказала она и весело расхохоталась.
- Жалкое зрелище рассмешило его самого, и он тоже улыбнулся.
- Раз пришёл, говори, зачем? – Настя встала прямо перед ним и посмотрела в глаза.
- Маркел растерялся ещё сильнее и выдавил через силу:

- Выходи за меня.
- Чего? Я не поняла, что ты сказал?
- Настя, я и так дурак дураком сижу, не рви душу.
- За дурака замуж?
- Так ты пойдёшь?
- Да, – просто ответила она.

Маркел подхватил девушку на руки и стал кружить её по комнате.

- Вот так чтобы всю жизнь.
- Как скажешь.
- Ну, хоть пообещал, и то хорошо.

Через некоторое время они, взявшись за руки, шли на посиделки, где вовсю заливалась гармонь.

А через месяц тройки лошадей, украшенные лентами и бубенцами, носились по селу, распугивая неосторожных прохожих и спящих около домов собак. А ещё через месяц неожиданно с разницей в две недели случились новые две свадьбы. Поженились Еремей Трухин с Натальей Листьевой и Кирьян с Дарьей Петрушовой. Наталья была первой певуньей на селе, сочиняла частушки моментально, да такие, которые доводили до смеха всех. Дарья же наоборот – тихоня. Сидела в уголке да посматривала, как веселились другие. Зато о ней говорили по всей деревне, что она завидная рукодельница, любое дело в её руках прямо горело. У неё и мать такая же и младшие сёстры. Судачили бабы на завалинках, что достанется кому-то такое сокровище, повезёт мужику. И вот повезло Кирьяну. Сам Кирьян тоже не из последних на селе: и статью, и ростом вышел, вот только не очень боевой, не такой, как его друг Маркел, но в работе с ним не всякий мог потягаться.

Свадьбы порадовали деревню, долго ещё ходили похмеляться гости от одного двора к другому.

Когда парни после расчёта поспешили по домам, Илья Саввич оставил Евсея в своей конторе для разговора. За лето была сделана пристройка к магазину, где разместил свой кабинет Хрустов. Здесь было просторно, стояла новая мебель, а не просто лавки по углам, здесь уже можно было принимать людей и разговаривать о деле.

- Ну, рассказывай, как всё прошло? – сказал Илья Саввич, усаживаясь за стол.
- Всё было обычно: работали на старом участке, немного поднялись по ручью, метров на двести, да и то уже к концу. Там поменьше золота, но можно мыть.
- Старик показал другое место?
- Да, я ему сразу открылся, и ружьё отдал, и тогда он пообещал. По его виду было понятно потом, что пожалел старик о своём решении, но место показал.
- Почему пожалел, насколько я знаю, они золото не берут.
- Не за золото испугался старик, а за то, что в скором времени народу там будет, как в Конторке в последнее время.

– Ничего не поделаешь. Народ прёт валом, кое-кто мимоходом идёт дальше, кое-кто здесь остаётся. Оказывается, что люди на поселение сюда прибыли с деньгами – держава платит, лишь бы заполнить сибирские земли. А то, что получается: железная дорога есть, только людей вокруг нет, а просторы необъятные осваивать надо. Место хоть хорошее показал старик?

– Это лучшее, что я видел, попадаются и самородки, Родион нашёл с пяток, как кедровые орехи, попробовали промыть пару лотков – много песка. Место хорошее. Я не стал никому говорить, нечего с толку людей сбивать.

– Правильно. Теперь у меня к тебе вопрос есть: как ты думаешь жить дальше? Может, жениться хочешь или уходить решил? Учти, ты не один, а брат ещё мал, может, ещё заход сделаете на следующее лето? Лаврену нездоровится, сам знаешь, а на тебя у меня есть надежда.

Евсей не думал о будущем, единственно, чего он не хотел – оставаться жить в Конторке. Слишком шумно здесь, бестолково как-то, а ему хотелось тишины и простора. Денег уже хватит на постройку дома где-нибудь подальше от людей, но раз есть возможность ещё заработать, чего ж отказываться.

– Пожалуй, я согласен ещё сходить в верха. Правильно ты говоришь, ещё рановато садиться на землю. И место это только мне и Родиону известное.

– Вот и хорошо! Вот и хорошо! – обрадовался Хрустов. – Давай это дело обмоем.

Он достал из стола диковинную бутылку с красноватой жидкостью и наполнил стаканы.

– Коньяк пил когда-нибудь? Чего я спрашиваю, я сам-то недавно испробовал, дорогой, собака, мне и то не по карману каждый день причащаться.

Коньяк Евсею не понравился. Не потому, что вкус плохой или что ещё, просто Евсей не любитель спиртного, даже после небольших доз у него болела голова. Он сделал пару глотков и больше пить не стал.

– Раз такое дело, давай обговорим то, что я надумал. Прав твой карагас: скоро в тайгу попрут толпами, слух о золоте идёт, а люди, сам понимаешь, думают, что это просто – пришёл, взял и разбогател. Не понимают, что туда попасть – это целое дело. Придёт время, найдутся сорвиголовы, проторят дорожку, а по готовому пути пойдут многие другие. На следующий год надо собрать человек пятнадцать, чтобы взять золота, сколько получится, и больше не ходить туда. А добытое золото выгодно вложить в дело уже здесь. Суетиха строится на берегу Бирюсы, лесопилка делается, и в Тайшете людей много, там тоже лесозавод возводят. Нам не тягаться с теми купцами, они капиталы имеют немеряные, но и мы можем зацепиться. Там видно будет, может, что другое надумаю. Твоё дело такое: собрать парней на сезон, кто будет работать и не сорвёт дело. Условия те же. Обнадёжь всех, что никакого обмана не будет, не в первый раз. Новых людей, кого захочешь бери, а тех, кто уже ходил, в первую очередь.

Проговорили ещё долго. Хрустов пообещал найти место, где со временем может обосноваться Евсей с братом.

– Знаю я место, вёрст сорок будет отсюда, давно присмотрел, хотел там заимку сделать, да только руки не дошли. Только боюсь – не присмотрел бы кто ещё тот райский уголок, а то будет пустой разговор. Я летом ещё на разведку пошлю туда людей и зимовьюшку поставлю, чтобы первое время не на холоде жить.

Родион сидел на кухне в своём привычном углу и вместе с Лизаветой ел пряники, запивая молоком. Большой кулёк сладостей лежал на столе, Родион угощал всех. И всех-то была Лизавета, которая, как только прознала, что её друг приехал, сразу прибежала на кухню, да Никитична, пожилая стряпуха.

– Родя, а ты где так долго был? В Тинскую ездил или в Шиткино? – это всё, что знала девочка.

– Нет, мы в другой стороне были.

– Совсем в другой? Зачем вы туда ездили?

– Камушки искали жёлтые.

– Нашли?

– Да.

– Ты мне покажешь?

Родион достал небольшой гладкий самородок, похожий на орешек, только жёлтый. Девочка долго разглядывала его, вертела в руках и потом протянула его назад другу.

– Возьми его в подарок, – сказал мальчик.

– Правда? А что с ним делать?

– Пусть останется у тебя, как только посмотришь на него, сразу меня вспомнишь.

Детям неведомы торговые отношения, стоимость, цены, им важнее дружба и неожиданная радость от подарка.

– А у тебя ещё есть такой? – спросила девочка.

– Есть.

– Тогда возьму, а то если у тебя больше нет такого красивого камушка, я не возьму.

– Бери, бери.

– Вот вы где, – сказал Евсей, заходя на кухню. – Никитична, а мне молока найдётся кружка?

– А как же, садись, повечеряй с нами. Нас Родион угощает пряниками.

– Ну, раз угощает, то и я сяду с вами, правда, у меня тоже есть кое-что.

На столе появились конфеты и изюм.

– А мне Родя подарил вот что, – Лизавета раскрыла ладонь, где лежал самородок.

– Молодец Родя, хороший подарок сделал.

Девочка заулыбалась, закачала головой и ногами одновременно.

Родион рассказал, как в первый раз сел на оленя и, зацепившись ногой за ветку, свалился, и покатился впереди животного. Рассказывал о своём новом друге Оробаке

– хорошем охотнике, показывал, как он подкрадывался к глухарю и уже почти выстрелил, но в это время Родион случайно наступил на ветку – она хрустнула, и глухарь улетел. Смешно было, как Оробак скорчил Родиону рожицу, все покатывались со смеху. Рассказывали другие смешные истории, но не говорили о работе, которой переделали за лето много – ничего весёлого в ней нет.

Такая разная компания сидела за столом, а со стороны посмотришь, будто одна дружная семья, которая собралась после долгой разлуки.

На другой день к обеду в домик, где проживали братья Цыганковы, пришёл Хрустов.

– Ты давал Лизавете самородок? – спросил он Родиона.

– Да, вчера подарил.

– Раз так, то попрошу кузнеца, пусть отверстие сделает, Лиза на шею оденет, как украшение, золото всё ж. А не жалко? – вдруг спросил он Родиона, пристально всматриваясь в глаза мальчику.

– Чего жалеть? Не украл, сам нашёл.

– Правильно. Евсей где?

– Пошёл Лаврена навестить, передать привет от Эликана.

– Придёт, скажешь, чтобы ко мне зашёл.

Вечером Евсей рассказал, как самородок у сестры увидел сын Хрустова Нестор, захотел присвоить его, но Лизавета устроила такой скандал, что собрались все домашние. Илья Саввич отдал подарок девочке, сына отвёл от посторонних глаз и отвесил подзатыльник, пообещав отправить на лесозаготовки, чтобы ума набрался.

Вскоре девочка ходила с самородком на шее, который висел рядом с крестиком.

– Тятя пообещал, что отдаст это мастеру, и он сделает мне золотой крестик, можно, Родя, а?

– Конечно, можно, это уже твоё.

– Родя, а когда ты в другой раз поедешь, ты мне оленя привези, я никогда не видела оленя. Он мне так нужен.

– Олень большой, его в карман не положишь.

– Ну, тогда не надо. Когда я вырасту, сама поеду посмотреть оленя, ты меня возьмишь с собой?

– Конечно, возьму.

– А у меня сушечки есть, вот, – девочка достала из карманчика две маленьких гладких баранки, – это тебе. Дети сели на крылечко и стали с удовольствием жевать сушки. Мимо прошёл Евсей, направляясь к Лаврену.

Старик ходил на работу только тогда, когда Хрустов присылал за ним. Отправляясь куда-нибудь по делам, Илья Саввич хозяйство оставлял только на старого управляющего, а без надобности не тревожил. Болезнь совсем не ушла, но, благодаря стараниям Акулины, нечасто являлась и не донимала уже так. Благо, что помогал Илья Саввич: платил полное довольствие да иногда присылал гостинцы – всё

ж помощь. Акулина женщиной оказалась нешумной, самостоятельной, столько лет жила без мужика – и ничего, а с мужиком, что не жить. Зря не скандалила, и вообще голос повышала только на беспутых соседей, доводивших своих детишек до болезней. Старуха забирала больных ребятишек к себе домой и наказывала родителям прийти за ними через неделю, раньше ни ногой, а то лечение не пойдёт на пользу. Неделю отмывала, откармливала больного ребёнка, отстирывала одежку, а за лечение ничего не брала.

– Доброго здоровья, честной компании, – сказал Евсей, входя в дом.

– Кто там ещё? – спросила старуха из кухни.

– Я это, Евсей, я к Лаврену.

– Как же, помню тебя, проходи, разувайся у двери.

Лаврен отложил валенок, поднялся навстречу.

– Здорово тебе, приехал, значит.

– Вот решил навестить, можно? Я тут с подарками, – он положил на стол кулёк с пряниками и связку баранок.

– Акулина, давай нам чаю, видишь, товарищ пришёл навестить. А я уже давно не был в лавке.

Акулина поставила большой медный чайник, стоящий в русской печке, высыпала пряники и конфеты в большую миску, поставила колотый большими кусками сахар да баранки.

– С чаем всегда рада, а вот гостей с водкой не люблю, – на всякий случай сказала старуха, чтобы потом не надумали вытащить бутылку.

– Я и сам не любитель, – сказал Евсей, присаживаясь к столу.

– Ну, рассказывай, как съездили? Понимаю, что здоровья нет, а как вы уехали, так я заскучал, как собака, которую не взяли на охоту, чуть было не взвыл. Слышал, на следующую весну большой компанией едете?

Евсей удивлённо посмотрел на Лаврена.

– Ничего, у хозяина от меня утайки нет, вместе мороковали. Не зря же тебя готовили в тот год, надёжа была. Маркел тоже мужик дельный, но без укороту, его в узде надо держать. Он, конечно, мужик разумный, не смотри, что по деревне ославлен шалопутом.

– Собираемся пока на словах, вот мужики поженились, решатся ли они поехать да молодежи оставить?

– А ты поговори с их жёнками, приходи, садись и уговаривай: без этих мужиков тяжело будет. Бузотёров не бери, другой и работник хороший, а как сбрендит, никак не остановить, кроме как дрыном вдоль хребта. Другой поймёт, спасибо скажет, а иной затаится и будет случай выжидать. Эликан здоров?

– Здоров, вот я принёс подарок от него. Он просил передать, как узнал, что ты заболел, – Евсей вытащил несколько самородков разной формы, – сказал, чтобы ты лечился на них.

– Спасибо, надо тоже отправить ему что-нибудь, я потом передам вместе с тобой. Не сразу поладили мы с ним, только потом, когда без обмана стали всё делать, тогда старик начал разговаривать, а то молчал, будто глухой. А с тобой говорит?

– Я ему сразу сказал, что, если покажет место, отдам ружьё заранее. Он согласился, а я ему ружьё тут же в руки, а ему куда деваться – хорошее место показал, недалеко от старого. Мы инструмент опять спрятали там же, чтобы не таскаться.

– Погода хорошая была?

– Разная: моросило неделями, сначала пережидали, а потом привыкли, работали под дождём. Вечером высушишься – и спать.

– Охотиться ты ходил?

– Родион, брат мой, малой ещё, смотрю, что устал, тогда отправлю его мяса добыть и отдохнуть. Хорошо выручал, сам и кашеварил на таборе.

– Помощник.

– Учиться надо, потому и брал с собой.

– И то. У хозяина сын – паскудный малец, мало, что лодырь, ещё и нечист на руку. Не дай бог с таким дело иметь – наплачешься.

– Грозился хозяин отправить его на заготовку леса.

– Не в первый раз, супружница поплачется – оставит дома. Знает подлец, где надо давить на жалость.

– Девочка-то ничего, приветливая.

– Хорошая дочка, ничего не скажу, главное, не испортили бы, а то знаешь, когда достаток есть, так и гонор появляется.

– Да уж, это так, – согласился Евсей.

– А кому Эликан отдал второе ружьё, сыну? – сменил тему Лаврен.

– Нет, Томубеку отдал, тот не пьёт.

– Видишь, вроде сын есть, а не доверяет ему Эликан.

– Толковый старик, ничего не скажешь.

– Ты уж не забудь взять подарок для него: добро надо помнить, однова живём. Эх, самому податься, что ли, в последний раз, – сказал Лаврен, когда Евсей засобирился домой.

– А чего, давай с нами.

– Собрался, иди, – сказала Акулина Евсею, – а то пошутишь здесь, а он всю ночь спать не будет.

И, провожая его, у калитки сказала:

– Ты приходи к нему, одному плохо, к нему никто не приходит, а то и с братом приходи. Только водки не приноси, ему совсем нельзя, а отказаться он постесняется.

– Приду, – пообещал Евсей и направился домой.

Лаврен ещё долго сидел у окна и смотрел в чёрный проём, вспоминал свой поход в верховье и улыбался.

Белесые дымы из труб завязывались узлами, крутились, спутывали звёзды в одну упряжку и уносились на ней за макушки сонных елей. Звали за собой в далёкие неведомые дали, туда, где до боли в глазах сверкают макушки дальних гор, ровной грядой уходящие за горизонт в огромные туманные распадки с шумными ручьями, в долины рек, окружённые непроходимыми лесами.

– Эх, ещё б разок сбегать да посмотреть волюшку вольную, – вздохнул Лаврен и принялся подшивать валенки.

13

Молодожёны на лесозаготовку не поехали. Хрустов и не настаивал, ему эти люди для другого дела требовались, раз решили отдохнуть, пусть отдыхают. Евсею придётся ещё постараться уговорить их на поездку. Молодайки не враз решатся отпустить своих мужей на такой долгий срок, да и сами парни не захотят бросать своих жён без пригляда. Люди разное болтают, наговорят гадостей, потом разбирайся. Илья Саввич надеялся на Евсея: его уважают и ему поверят, а если есть вера в человека, то и пойти с ним можно, куда хочешь. Хрустов и сам удивлялся, как это пришлый человек, да ещё такой молодой, расположил к себе так, что ему все доверяют. Видно, дадена ему свыше такая сила.

– Ты приглядывай там себе помощников, – говорил Хрустов Евсею. – Лучше из своих, из деревенских, набрать, с ними сладу больше. А чужаков кто знает, что у них на уме?

– Я пригляжусь. Кого попало не возьму.

Заработки намечались хорошие, и желающих на заготовку леса было много, особенно среди пришлого люда. Каждый хотел заработать денег да показать себя, на что он способен. Понравишься на работе, глядишь, и ещё позовут куда. Пока сам не прислонишься к жизни, не найдёшь свой проулок к достатку. Кто ж тебе поможет?

Как бы там ни было, а брали только здоровых, жилистых ребят, лес не любит хлюпиков – там некогда будет нянчиться, да и некому. Хрустов позвал выбирать людей ещё и Лаврена, у того глаз острый, лодырь да хитрован не проскочат. Набрали два десятка человек, в этот раз заготовки надумали делать нешуточные: железная дорога требовала лес. А раз есть потребность, можно и постараться – в таком деле выгода явная. Главное, чтобы погода не подкачала, да не навалило раньше срока снега. А то бывает так, что снег пройдёт недельку, другую, не переставая, навалит по брюхо коню – вот и попробуй таскать лес к реке, где плоты вяжут. Хоть и недалеко, а всё ж. Копеечку кладут за лесину, а не за то, сколько ты снега протоптал, чтобы доставить её.

Работа пошла без раскачки. Запели пилы, застучали топоры, задымились костры на делянах. То тут, то там с громким хрустом падали деревья, поднимая столбы снежной пыли. Сучкорубы быстро делали своё дело: распиливали дерево по размеру и на

лошадях таскали готовые брёвна на берег. Люди световой день работали на воздухе, греясь у костров, а вечером собирались в большом зимовье, срубленном ещё летом. Большая железная печка, обложенная камнями, топилась круглосуточно: на ней готовили еду, постоянно стоял ведёрный чайник с кипятком. В зимовье было тепло и сухо, на полу часто меняли пихтовый лапник, от которого стоял приятный запах. Мягкие иголки приятно щекотали ступни, когда приходилось пройти босиком, чтобы поставить валенки на просушку.

Нестор Хрустов, которого отец всё же послал на лесозаготовки, пару дней проболтался на деляне, изхныкался, и его посадили в зимовье вести учёт заготовленному лесу, а также поддерживать тепло в помещении. Евсей, помня наказ Ильи Саввича, сказал, что если он, Нестор, и здесь не справится, то отправит его Евсей пешком домой, в Конторку. А на дворе стоял декабрь, и у волков начинался гон, так что идти пешком через лес было опасно. Нестор испугался, стал стараться, понукаемый крепкими матерками кашевара.

Родион с ружьём ходил по округе, добывал птицу и коз к общему столу. Евсей не ставил его на работу с лесом потому, что мал ещё брат. А без мяса и мужики быстро ослабнут, выходит, что Родька здесь оказался незаменимым человеком. Однажды Родька добыл лося, за которым снарядили повозку, чтобы вывести мясо. От строганины силы прибавлялось заметно, видно, сырое мясо даёт больше пользы, чем варёное.

Евсей ходил по делянам, приглядывался к работникам. К удивлению, отметил, что местные ребята, прослывшие бездельниками, тут были самостоятельные и работающие. Просто по характеру такие: прикажи – сделают, промолчи – сами не догадаются, что надо делать. Таким людям нужен поводырь. Присмотрел Евсей несколько человек из чужих, кто хорошо показал себя в работе и в зимовье вёл себя как должно: не канючил и не ныл.

Не дожидаясь окончания работ, Евсей с Родионом поехали в Конторку – Хрустов их срочно вызвал. Пришлось взять с собой и Нестора, тот со слезами на глазах просился домой. Потом он с гордым видом стоял за прилавком и рассказывал всем любопытным, как он совершил подвиг и наготовил леса на три года вперёд.

Хрустов поторапливал Евсея со сбором группы, которую вскоре следовало отправлять в верховья Бирюсы.

Евсей попросил молодожёнов собраться у Маркела, у него дом был просторнее. Принёс несколько пакетов с продуктами, пару бутылок сладкого вина для женщин, водки, разных конфет и печенья. Разговор намечался, как понимал Евсей, в основном с женщинами: их надо было упросить, чтобы отпустили мужей на полгода в тайгу. Как это сделать парень не знал. С ребятами разговаривать – это одно, а как с женщин убедить – сразу и не сообразишь.

– Что, мужиков наших забрать хочешь? – сразу спросила Настасья. – А не отдадим, правда, Наташа? Повадились, как лето, так в тайгу. Вам там мёдом намазали, что ли?

– Так они же к карагасам ходят, а там молодые девки очень русских любят, по какой причине я точно не знаю, но догадываюсь.

– И по какой же? – спросила Настя.

– Потом расскажу, что мне старухи поведали.

– Вы старух побольше слушали бы, подольше бы в девках сидели, – ответил Евсей.

– А ты никак нашим мужикам завидуешь? А хочешь, и тебя сосватаем, у нас девок на селе много свободных. Даша, есть у нас девки незамужние?

– Есть, – сказала Дарья и покраснела.

– Ладно, садись за стол, потом поговорим, – скомандовала Настасья.

Гости стали присаживаться к столу парами, только Евсей один сидел за торцом стола в переднем углу:

– Ты у нас за святошу будешь, – хохотнул Маркел.

– Ну, давайте выпьем за женщин, – сразу пошёл в атаку Евсей. – Давайте, девоньки, винца сладкого пригубите, авось и подобрее станете.

– Может быть, – Наталья отпила немного и сморщилась. – А сладко.

– Чего тогда морщишься? – спросил муж.

– По привычке, – ответила она и засмеялась.

– Даша, а ты чего не пригубишь даже? Так не годится! – сказала хозяйка.

– Я не пью, не могу.

Дарья помочила губы, сморщилась и вытерла их платочком.

– Ничего, нам больше достанется, – махнула рукой Наталья.

– Пейте, хватит всем.

Мужики пили водку. Хоть Евсей и не любитель выпивать был, но положение требовало. Вскоре за столом стало свободней, напряжение спало.

– Вы правы, девоньки, мне с вашими мужиками поговорить надо, но раз теперь они ваши, значит, без вас разговора не получится, – начал Евсей.

Такое начало понравилось всем, особенно женщинам. Поняв свою значимость, они немного расслабились, понимали, что и их слово берётся во внимание.

– Мужики, перво-наперво хочу получить ваше согласие, а то я буду договариваться, к примеру, с Настасьей, а Маркел вдруг не захочет идти, придётся тогда ей взашей мужа выгонять.

– Он у меня в доме голова, так что ему и решать, – отрезала Настя.

– Но последнее слово всегда за ней, – в тон ей добавил Маркел.

– А как же, грозился всю жизнь на руках носить, теперь и слушайся.

– Лично я согласен ехать, – сказал Маркел, зная, что жену не переговоришь.

– Я тоже не против, – согласился Еремей.

– А ты меня спросил? – Наталья показала кулачок.

– И я со всеми, – кивнул Кирьян.

Дарья вылезла из-за стола и села на лавку у окна, достала пряжу и стала вязать носки.

– Даша, а ты как же? Чего это ты молчишь?

– Ничего, я здесь посижу, вас послушаю. Интересно вы разговариваете.

– Ты отпускаешь мужа, что-то мы не поняли? – Наталье не понравилось такое отступничество.

– Киря сам решит, как лучше, он плохого не сделает.

– Киря сам решит, – передразнила Настя, – а как не решит, что тогда?

Дарья улыбнулась доброй искренней улыбкой сытого ребёнка и распустила клубок с нитками. Откуда ни возьмись, выскочил котёнок и стал играть с клубком.

– Так и уведут мужа, а ты всё с вязаньем будешь сидеть.

– Как не пойдёт, так и не уведут?

– А как пойдёт? – заинтересовалась Наталья

– Если пойдёт, то не удержишь.

Наталья с Настей переглянулись и развели руками.

– Вот это подруга? Всё время рядом сидела на вечерках, кивала мне, а выходит, что зря её учила.

Мужики рассмеялись, Кирьян сидел гордый, явно довольный женой.

– Посмотрите на него, – показала пальцем Настя. – Сидит, как кот, только не мурлычет.

– Ладно, раз мужики согласны, обскажу дело. Этот раз будет последний, поедем большой бригадой, место есть богатое. Как говорится, можно подзаработать денег, на дом хватит, да на хозяйство, да чтобы жизнь полегче была.

– Кого ещё будешь брать? – спросил Маркел. – И много ли?

– Брать желательно своих, деревенских, с ними сладу больше, а вы знаете, как там можно свихнуться.

– Это верно, – Еремей почесал голову. – Всем думается, что деньги валяются под ногами, только бери их. Да мало кто знает, сколько песка перелопатить надо да промыть.

– Как платить будет Хрустов? – спросил Кирьян.

– Как и раньше.

– Верно, пока не обманывал.

– Пока обдумываете, давайте ещё выпьем, – сказал Евсей.

– Эх, Наталья, давай наливай, а то у меня прямо ладошки горят.

– Деньги считать, что ли? – спросил Маркел.

За столом засмеялись. Пока закусывали, наступила тишина.

– Я так думаю: Кирьян один поедет из нашей компании, а Кирьян? Справимся мы без них, ай нет? – спросил Евсей.

– Как это без них? А ты чего молчишь? – Настасья ткнула Маркела под бок. – За бабу юбку спрятался? Ишь ты, справятся они. Если последний раз, то пусть уже поедут, не на гулянку всё ж. Отпустим, Наташа?

– Нет, ты посмотри на него, – Наталья указала пальцем на Евсея. – Обвёл всех вокруг пальца, увёл мужиков-то.

– Я согласна, только с условием, ты нам слово дай, Евсеюшка, что после этого ты тоже женишься, чтобы было с кем собираться посидеть, как следует. Мы тебе и невесту присмотрим, и дом.

– Хитрющая ты, Настасья, только я жить в селе не собираюсь, шумно здесь стало в последнее время, каждый за забор заглядывает.

– Твоя правда, другой раз аж зло берёт, – сказал Еремей, – хоть бери дрын да разгоняй.

– И куда ты пойдёшь? – подозрительно посмотрел Маркел. – Уж не там ли хочешь остаться?

– Нет, там уж шибко безлюдно. Обещали показать место хорошее, вёрст сорок – пятьдесят отсюда. Говорят: хорошо там, тихо, только дом построить нужно, и живи себе да радуйся. Землю корчевать не надо, только распахать, скотине выпас есть, речушка небольшая имеется. Так мне рассказали, потом сам посмотрю.

– А не позовёшь нас туда жить вместе, вроде, как сдружились? – вдруг сказал Кирьян. – Поедешь, Даша, на новое место или заупрямишься?

– Я – венчанная жена, куда муж, туда и мне дорога, – безропотно промолвила Дарья.

– Даша! А ногой топнуть? – Наталью выводила из себя такая покорность.

– Так, пока не за что, а потом жизнь покажет, – улыбалась Дарья и продолжала вязать.

– Вот такую тихоню тебе, Евсей, мы искать не будем, надо, чтобы дым коромыслом да дом ходуном.

– На том и порешим: сначала поработаем, как следует, а потом место подыщем потише.

– Главное, чтобы до церкви добраться можно было, хоть на праздник святой, – сказала Даша.

– Сорок вёрст не так и много, мы уезжаем куда дальше, – сказал Евсей. – Там и места другие: сопки высокие со снегом на макушках, небо голубее, деревья выше. Олени пасутся, далеко видно. На гору заберёшься – такие просторы, будто нет конца и края земле, а только синяя дымка переходит в небо – и тишина.

– Правда, что ли? – спросила Настасья мужа.

Тот утвердительно кивнул.

– А чего не рассказывал?

– Так ить и не спрашивала, – хохотнул Маркел.

– А спрошу, расскажешь?

– Там поглядим.

– Сговорился с мужиками, поедут? – спросил Хрустов при встрече.

– Сговорился.

– Это хорошо. А то я, было, стал сомневаться – с чужаками-то не хочется связываться. Присмотрел ещё кого?

– Присмотрел, только пока не разговаривал, но думаю, что отказа не будет.

– Хорошо. Теперь надо решить, сколько и чего надо взять с собой.

Пришло время трогаться в путь. Провожających собралось много: родственники и просто зеваки стояли с самого утра у лавки, несмотря на морозец. Семь подвод отправились уже к полудню.

На этот раз на обычной стоянке чумов не оказалось. Евсей обошёл всё вокруг, осмотрел каждый метр земли, но следов пребывания карагасов не нашёл. Разбили лагерь и стали ждать погоды, когда освободится ото льда река. Родион занялся промыслом, чтобы сохранить привезённые продукты. На следующий день подстрелил лося, мясо доставили в лагерь. Устроили праздник, но спиртное не трогали, решили, что только в особых случаях доставать будут водку. Мало ли кто как себя поведёт: люди не все бывалые, хотя и деревенские. Из тех, кого давно знал Евсей, было трое: Васенька Петрушин, Федя Кадимов да Ванька Хомутов – гармонист. Он хотел было и гармонь с собой взять, но Евсей запретил: не до неё будет. Других назвал Маркел, сказал, что на них управу найдёт, если что. Из пришлых Евсей взял братьев Никитиных, Ивана и Семёна. Пришли они из Томска. Ещё был Саша Поляков, тихий, работающий мужичок, лет тридцати, молчаливый и нетребовательный.

На таборе никто не сидел без дела: одни готовили дрова, проверяли снаряжение, другие пытались ловить рыбу в промоинах, правда, толку было мало. Но это было хоть какое-то занятие. От безделья и мысли дурные в голову лезут, от безделья и беды все.

Через неделю прибыли карагасы. Первыми прибежали собаки, облаяли присутствующих, потом повертели хвостами и скрылись, а через полчаса показались олени, нагруженные поклажей. Десятка полтора оленей было при деле, свободные уже паслись на мелкоснежье в дальних распадках, где снег быстрее тает под набирающим силу солнцем.

– Здравствуй, Эликан, – Евсей первым подошёл к старику. – А мы уже неделю здесь сидим, думали, что не придёте.

– Почему не придём? Придём. Маленько стояли в распадке – там мясо было. Спешить не надо – вот и жили мало-мало.

– У нас тоже мясо есть, Родион лося добыл.

– Хороший охотник Родька, я говорил.

Подошли Хамышгай, Томубек, Езилан, поздоровались за руки.

– Как, Томубек, ружьё? – спросил Евсей. – Длинная у него рука?

– Шибко длинная, шибко хорошее ружьё. Ленивый совсем стал, бегать не надо, стрелил и всё, – сказал довольный карагас.

Вскоре уже стояли чумы, дымили костры, в котлах варилось мясо, женщины делали всё быстро, без суеты и незаметно. Вот уже вкусный запах варева понёсся по лагерю, наострили уши собаки, люди потянулись поближе к огню.

– Я тебе подарок привёз, от Лаврена, – сказал Евсей старику.

– Лавренка ничего, не болеет?

– Ничего, просил тебе передать, – Евсей подал Эликану свёрток.

Старый карагас, не торопясь, развернул тряпку, и в руках оказались красивые ножны, сшитые из камуса оленя. Старик потянул за рукоять, нож оказался большой с широким сверкающим лезвием. Эликан, как замороженный, смотрел на это диво и не мог налюбоваться. Такого ножа ни у кого из карагасов не было, за такое сокровище на суглане просят много соболей.

– Это подарок? – переспросил карагас, ещё не веря своему счастью.

– Ещё вот, – Евсей подал бутылку водки, просил, чтобы ты выпил за его здоровье.

– Хорошо.

Вечером подвыпивший Эликан хвалился подарком, которому радовалось всё стойбище.

На другой день Евсей со стариком сидели на берегу реки и разговаривали.

– Говорят, что в наши края пришёл железный конь, у которого огонь из головы так и плещет. Правда, или выдумали люди?

– Правда. Это такая большая телега на железных колёсах и ездит по железным полоскам. Ездит сама и ещё тянет с собой домики с грузом и людьми.

– И огонь есть? – недоверчиво посмотрел старик.

– И огонь, и дым, и грохоту много, – усмехнулся Евсей, вспоминая, что ещё совсем недавно ездили они смотреть на первый паровоз, прибывший по новой ветке. Сколько было разговоров да удивлений, а сейчас сам Евсей рассказывает, будто эта потеха у них была всё время.

– Ты не бойся, эта штука к вам не придёт, она ездит только по проложенным рельсам, без них не поедет. Вот другое дело, что народу много пришло, гляди, чтобы сюда не добрались – тогда тесно будет в тайге.

– Уже идут люди со всех сторон, – сказал Эликан. – Много плохих людей. Забирают землю у карагасов, не дают охотиться, показывают бумажки и говорят, что теперь это их земля. Карагасы много зим охотились здесь, а теперь уходят на другие земли. Худые времена наступают.

– Да, шумное время. Много людей идёт в Сибирь, каждому хочется свою краюху счастья иметь, да только коврига не безразмерная.

– Плохие вести принёс Евсейка, – старик раскурил трубку, – в этот раз много народу привёл ты, много камней жёлтых понадобилось.

– Понадобилось. Только это в последний раз, больше, наверное, не придём, не надо хозяину золото, хочет открыть новое дело: решил лес пилить, много денег за него дают.

– Ты тоже лес пилить будешь? – спросил старик и хитро посмотрел на парня.

– Не знаю ещё, что буду делать. Построю дом себе подальше от шума и буду жить.

– Правильные слова, будешь мало-мало камни собирать, зимой спать как медведь, а потом опять сюда придёшь.

Евсей посмотрел на карагаса и рассмеялся, а тот, счастливый тем, что разгадал планы парня, потягивал трубку и едва улыбался.

– Ничего, Евсейка, ты хороший русский, не обижаешь карагасов, честно поступаешь, я тебе покажу ещё богатое место, будешь помнить Эликана. Только не води туда много людей. Хорошее место, тебе надолго хватит и Родьке хватит. Оробак хвалит его, подружился они. А то давай, женим тебя на нашей девке, и останешься ты у нас, станешь карагасом. Будешь хитрый карагас, не обманут тебя купцы, люди будут радоваться. Родьку женим, вон у Оробака сестра есть, хорошая девка, промышляет белку и соболя, хотя молодая ещё.

Старик понимал, что это просто бесполезный разговор, но ему был приятен этот молодой русский с открытой душой. И ему хотелось заручиться дружбой именно с такими людьми, с кем можно открыто говорить и торговать. Он видел, сколько разных людей появляется на суглане, а с кем хотелось бы посидеть и перекинуться словами – не было. Был Лаврен, хоть и хитрый, но без обмана, только он старый уже, а связи надо налаживать с молодыми. Эликан один такой старый в роду, другие молодые и думают по-другому. Хоть и живут в его роду каждый сам по себе, но должен быть человек, который мог стать примером для других, кто в трудную минуту найдёт правильные слова.

– Не останешься? – спросил Эликан.

– Нет, я пойду другой дорогой. Хорошо, если наши тропы будут пересекаться, можно будет посидеть у костра, попить чаю и разойтись добрыми друзьями.

– Смотрю на тебя, молод ты ещё, а говоришь, как старик, – сказал карагас, – хорошо говоришь. Я покажу тебе богатое место.

Когда настало время отправляться в дорогу, Эликан предложил оленей, чтобы отвезти груз до места. Олень не лошадь, много груза не повезёт, но зато олень ловко идёт по тайге. По пути забрали прошлогодний инструмент, и через день пути были уже на месте. Евсей сказал Маркелу, чтобы они обустроивали лагерь не как попало, а основательно, лучше день-два потратить сейчас, чем отвлекаться потом во время работы. Сам же Евсей вместе с Эликаном и Оробаком на оленях поехали дальше. Родион тоже не отстал от брата, правда, Евсей и не хотел оставлять его здесь, ему важно было, чтобы и брат знал нужное место. Мало ли что может случиться.

Ехали молча, в полдень попили чаю на скорую руку, вечером остановились на ночлег. Евсей рассчитывал, что уже пришли, но утром опять сели на оленей и

двинулись в путь. Только далеко за полдень остановились на длинной песчаной косе, нелепо расположившейся среди густого кустарника, выглядевшей огромной плешинкой среди тайги. Костёр развели на берегу, и пока молодёжь готовила еду и чай, старик повёл Евсея на косу. Там он взял песок в горсть, пересыпал с ладони на ладонь и высыпал в ручей, на руке остались блестящие песчинки золота. Евсей сделал тоже самое и посмотрел на ладони, прошёл вдоль кромки воды, поднял небольшой со спичечную головку самородок, желтевший сквозь воду.

Эликан смотрел за поведением парня, ему нравилось, что он не бросился искать ещё самородки, а почти равнодушно бросил крупинку в ручей.

– Не давай богатству захватить голову, беда будет, – сказал старик и пошёл к костру.

Весь вечер промолчали, только Эликан с Оробаком покуривали трубки, шурились от дыма и думали о чём-то своём. Евсей тоже размышлял, как поступить с неожиданной удачей, долго прикидывал и решил, что пусть это место останется на будущее. Никто не ведаёт, что будет завтра, может, ещё и придётся вернуться сюда.

Когда вернулись к лагерю, всё было готово к работе: шалаши стояли в порядке, навес над столом накрыт, сделаны стол, скамейки из жердей, над костром висел большой медный котёл с кашей. Евсей достал немного самогона, чтобы отметить начало работы. После ужина люди разошлись по своим местам, находясь в томительном ожидании завтрашнего дня.

Евсей подсел к Эликану и сказал:

– Спасибо тебе за всё. Вот и я приготовил тебе подарок, хотел попозже отдать, но думаю, что самое время, – он подал мешочек с патронами к ружью и другой мешочек с хорошим табаком и трубкой, которую по его просьбе вырезал и украсил сельский кузнец – большой мастер по этому делу.

Эликан подал патроны Оробаку, а сам вытащил трубку и стал рассматривать. У старика навернулись слёзы на глазах, которые он незаметно смахнул. Набил трубку табаком и стал раскуривать, потом долго крутил её в руке и цокал языком.

– Хороший подарок, Евсейка, буду курить, буду тебя помнить.

Растроганный старик всю ночь просидел у костра, а когда утром старатели поднялись на работу, карагасов уже не было.

Лето пролетело незаметно и с птичьими стаями направилось подальше от этих суровых мест. Трава пожухла, посерела от постоянных утренних туманов. Резко похолодела вода в реках, став прозрачной и тихой. Жёлтая листва ещё висела на берёзах, развеваясь на ветру рваными лохмотьями, черёмухи бурыми копнами вперемешку с красными рябинами склонились к самой воде. Всё затаилось, затихло.

Старатели отработали лето на износ. И чтобы начать строительство плотов, на которых собирались плыть вниз по Бирюсе, пришлось день выделить на отдых. Даже Маркел, мужик недюжинной силы, ослабел. Выручил всех Родион – подстрелил на галечниках несколько глухарей. Птиц решили варить сразу всех. Дикое мясо

возвращает силы быстро. Когда опустели котлы, народ заулыбался, заговорил. Выспавшись, утром стали вязать плоты. Опыт был – немало леса сплавил по реке. За день управились, сделали шесты и стали грузиться. Утром два плота отправились вниз по реке, к дому. Только до Благодатской, где были лошади, плыть около недели, если всё будет хорошо. Там до дома за пару дней можно управиться по реке, а если начнётся шуга, тогда придётся переждать непогоду в Благодатской у знакомого Никодима Нестерова. У Никодима свой интерес – обменивает золото на продукты и вещи у обносившихся и оголодавших старателей-одиночек. Берёт и пушнину за бесценно. Когда товар накапливается, Никодим отправляет подводки в Конторку и Шиткино, там у него свои люди. Невелик барыш, а голодом не сидит, и семья в достатке. А ещё возле него крутятся и лихие людишки, коим дорога в людные места заказана, а здесь можно сбыть товар по дешёвке и без вопросов. И никто тех разбойников не достанет в этих таёжных местах, кроме Никодима. Он здесь власть. По справедливости сказать, сам Никодим никого не обманывает и силой не забирает товар, он называет условия, а твоё дело – соглашаться или нет.

На ночь старатели останавливались в удобных местах, привязывали плоты, разжигали костры и готовили еду. Варили рыбу, выловленную прямо с плотов, глухарей, которых в это время множество на галечных берегах – только стреляй.

Через пять дней достигли Благодатской, остановились на полдня и решили плыть дальше, пока погода позволяет.

– Ты, Евсей, не беспокойся, дорога встанет, я с обозом приду в Конторку, лошадей приведу, так и передай Хрустову. А вам, и вправду, лучше идти на плотах, погода ещё постоит, дойдёте.

Отчалили после обеда. По пути увидели недавно построенные домики в Тальской заимке, в Шелехово и других деревнях. Знать, появляются новые люди.

На берегу у Догадаевки решили заночевать. Развели костры, расположились. Вскоре на свет костров из деревни пришёл Васька Воробьёв, посмотреть, кто это здесь причалил.

– Кто ж будете? – спросил он, не узнав сразу бородатую компанию.

– Ты чего, дармоед, благодетелей своих не признаёшь, – сказал Маркел.

– Маркел, ты, что ли?

– А кто ж?

– Вот не узнал, богатые будете.

– А как же, вот сейчас и разбогатею, – бубнил Маркел, он недолюбливал Ваську.

Когда приходилось ночевать у него, Васька всё хитрил и обманывал по мелочам.

– Может, самогоночки принести, я мигом, – предложил он.

– Можно немного да мяса жареного неси на закуску.

– Есть мясо, я мигом, – обрадовался Васька, почуяв добычу.

Вскоре повеселевшие работники выпивали самогонку и закусывали холодным отварным мясом, пытаясь греть его над костром.

Васька ещё предложил выпивки, но Евсей запретил:

– Ребятки, потерпите ещё денёк, получите расчёт, а там воля ваша, что хотите, то пляшите.

Все согласились. Каждый спешил домой – не до гулянок.

– Ну, давайте по стаканчику вмажем для веселья, а то я забыл, как водка пахнет, – сказал Ванька.

– Вань, ты меня не зли, а то я встану и налажу тебе веселье, обхохочешься, – пробормотал Маркел.

– Нудные вы все стали, с вами в церкви от тоски свечки гаснут сами.

– Потом проверим насчёт свечек, Ваня, давай спать.

15

Утром, едва рассвело, плоты отправились дальше. До дома оставалось немного. Главное, не наскочить на мели: вода осенью маленькая, препятствие выскочит там, где его не ждёшь. Еремей с Кирьяном внимательно смотрели вперёд. Остальные путники сидели наготове, держа в руках шесты. Уже в сумерках показались знакомые с детства берега. Быстро работая шестами, ловко причалили к берегу. Настроение поднялось, люди разом заговорили. Евсей послал Родиона за лошадьми, на себе тяжести не хотелось тащить, натаскались за лето. Мужики сидели на вещах и балагурили, ожидая подводы.

Встречать приехал сам Хрустов. Он резво соскочил с подводы и крикнул:

– Доброго здоровья, работнички!

– Слава богу, все здоровы, – сказал Евсей.

– Славно вы добрались, успели по теплу. А я и не ждал так рано, – Илья Саввич, радостный, похлопывал людей по плечам, рассаживая на подводы.

Сам сел с Евсеем и спросил:

– Хорошо ли прошло всё? А то весточки доброй не слышно, только страхи рассказывают.

– Какие страхи? – спросил Евсей.

– Говорят, что будто появились в лесу отчаянные людишки, постреливают старателей и забирают добычу. Кто слухи пустил – неведомо, только разговоров много. Переживают родные: ко мне приходили, спрашивали, а я и сам ничего толком не знаю.

– Ничего не слыхали, да у нас народу много, не решились бы злодеи. И хорошо, что мы ничего не знали, так спокойней. А мы никого и не видели, кроме карагасов, да и то в начале лета.

– Слава Богу, что всё хорошо закончилось. Больше не стоит и ехать, раз такое дело, зря говорить не станут. Значит, кто-то промышляет злодейством. Злодейство – оно затягивает, только испробуй.

Попросив подождать, Хрустов закрылся с Евсеем у себя в кабинете и стал производить расчёты. Сумма, что была потрачена на поход, была известна, после взвешивания золота её сразу погасили. Осталось ещё много песка, который нужно было оплачивать. Получалось, что в этом году заработок оказался такой, что денег хватало на дом, пару лошадей, пару коров, и ещё оставалось достаточно. Записав за каждым расчётную опись, Илья Саввич предложил всем отовариваться по желанию, кто чего хотел: любую одежду, обувь, мануфактуру.

– Ребятки, чтобы деньги зря не перекаладывать, отоваривайтесь, кто чего хочет, – кто не желает ничего покупать, подходи сразу.

Каждый старатель купил подарки близким, угощение, потом подходил за расчётом. Получив деньги, заторопились домой – родные, поди, у ворот ждут.

– Больше не поедешь, – крикнула Настасья, завидев мужа, и бросилась на шею.

– А чего так? – пытался было пошутить Маркел.

– А того! Думала, что не дождусь и рожать без тебя буду.

Маркел уставился на жену.

– И не смотри так, скоро тяткой будешь.

Только сейчас Маркел увидел живот у жены. От радости он не мог выговорить ни слова.

– Тебе ещё повезло, у Кирьяна Дарья уже родила дочку месяц назад. Крестить надо, а папаша пропадает в тайге.

– А ты когда рожать будешь?

– Мне через месяц, успеешь меня ещё на руках поносить, как обещал. Не меня, а нас с малышом.

Ошалевший от известия, Маркел позабыл поздороваться с матерью. Просто прошёл в горницу, положил подарки на кровать, сел на скамейку и восторженно смотрел на жену.

– Маркел, ты, никак, не в себе? – спросила мать, подсев поближе.

– Нет, ничего, всё нормально. У меня сын будет, ты знаешь об этом? – спросил он мать.

– Да знаю, только по всем приметам, девка родится, а не сын.

– Нет, сын будет, – твёрдо заявил Маркел.

– Сын так сын, – не стала спорить старуха.

Кирьяну кто-то шепнул в лавке, что у него родилась дочка. Он не стал дожидаться подводы, едва не бегом направился домой. Рванул дверь и застыл в проёме. Даша сидела на кровати и грудью кормила ребёнка. Она, увидев мужа, улыбнулась, а Кирьян аккуратно прошёл к жене, заглянул через плечо. Нежные маленькие черты ребёнка поразили его, он стоял и не шевелился. Девочка уснула на руках у матери.

– Сядь, – сказала Даша мужу.

Тот послушно присел рядом. Даша протянула девочку ему, но Кирьян не знал, что делать, как себя вести.

– Не бойся, она спит, поддержи немного, я приготовлю ей люльку.

Отец держал ребёнка на руках и боялся пошевелиться, смотрел на маленькое личико, припухшие губки и не мог оторваться. Даша поправила бельё в люльке.

Люлька состояла из деревянной рамки, на которую была натянута мешковина, за углы рамки привязаны верёвки, они крепились за потолочное кольцо. Такое сооружение находилось рядом с кроватью и было всегда под рукой. Особенно это важно ночью, когда приходилось качать ребёнка.

Даша положила ребёнка на своё место и обняла мужа.

– Я сейчас поесть соберу, – сказала она и пошла на кухню.

Кирьян сидел до тех пор, пока его не позвали ужинать. Евсею Илья Саввич сказал, когда все разошлись:

– Место, о котором мы говорили, готовится, строится дом, если понравится, то сговоримся о цене, если не понравится место, то у меня там будет заимка – давно хотел поставить, да руки недоходили. Погоди с месяц, приедут работники, а там и поедешь смотреть, к тому времени и дороги установятся.

– Хорошо.

– А пока поживите здесь, отдыхайте, потолкуем потом, у меня ещё есть интерес, может, и сладим.

Утром Евсей пошёл к Лаврену, хотелось проведать старого приятеля, тем более и повод был. Эликан, впечатлённый подарком Лаврена, передал ему ещё самородок, в знак особой признательности. Не избалован подарками был карагас, радовался ровно ребёнок, вместе с ним радовалось всё стойбище. Эликану захотелось подарить Лаврену такой подарок, чтобы все удивились. Но ничего не смог придумать старик другого, как подарить самородок. Камень был похож на кедровую шишку, только размером поменьше.

– Пусть Лаврен приходит в гости, я ему ещё покажу хорошее место, там есть много таких камней, только ехать надо пять дней, – на прощанье сказал Эликан.

Лаврен возился во дворе, чинил обветшалую крышу на стайке, пока стояли погожие осенние деньки.

– Бог в помощь, – сказал Евсей, поглядывая через калитку.

– Я и сам ничего, справляюсь, – сказал старик, оборачиваясь.

– Ну, в гости пустишь?

– Как же, как же, заходи, – обрадовался Лаврен. – Вчера ещё слышал, что вы прибыли, гадал всё: придёшь аль нет?

Евсей вошёл во двор. Небольшая лохматая собачонка забрехала с перепугу, но потом укрылась в конуре и только высовывала свой нос, разглядывая посетителя.

– Погоди немного, сейчас соберу заделье, а то вдруг ночью снег пойдёт да засыплет всё – ищи тогда.

Лаврен занёс ящик с инструментом в сенцы, взял охапку дров, сложенных прямо у крыльца, и пошёл в дом.

– Раздевайся, садись, Акулина должна подойти, тогда и чаю сладит, а пока поговорим.

Евсей сел на скамейку у стола и огляделся. Ничего не изменилось в доме за последнее время, пока его не было. Лаврен пошумел на кухне рукомойником, вытер руки и подсел напротив.

– В этот раз вы рано сподобились, подвезло с погодой.

– Это так. Поначалу собирались ждать дороги в Благодатской, но Никодим посоветовал плыть, пока погода стоит. Заночевали в Догадаевке и к вечеру вышли здесь на берегу.

– Как сходили? – спросил Лаврен.

– Не думали, что гладко выйдет, новые люди были, но, слава Богу, обошлось. И погода выручила, мало дождила. Место хорошее показал Эликан, намыли прилично, при расчёте все остались довольны.

– Как старик, дюжит?

– Крепкий ещё. Обрадовался твоему подарку, как ребёнок носился с ним, и не только он, всё стойбище глазами сверкало, разглядывая нож. Он тебе передал свой подарок, – Евсей протянул самородок. – Сказал, что если ты ещё приедешь, то покажет тебе такое место, где эти самородки под ногами валяются кучами. Угодил ты ему.

– Спасибо, – произнёс Лаврен, разглядывая золото, – только отходил я своё. Ноги будто путами связаны: походишь полдня на дворе, и тянет посидеть. Спасибо Акулина приняла, что б я делал, не знаю.

Евсей рассказал о походе подробно. Знал, что старика интересует всё. Сообщил Евсей и то, что услышал от Хрустова о разбойниках.

– Слышал и я такие разговоры, – кивнул Лаврен. – Это всё пришло с новыми людьми. Работать не желают, а жить красиво хочется – вот и открыли злодейский промысел.

– Кто-то скупает и у них золото, а ведь грех пользоваться награбленным.

– Само собой. Только ты не думай, Хрустов с ними не связан, я точно знаю.

Пришла Акулина, хлопнула дверью и заглянула в горницу.

– Никак у нас гости? Евсеюшка, что ли?

– Здравствуйте вам, мы, вот, разговариваем.

– А ты чего же гостя словами потчуеть? – спросила она Лаврена.

– Так тебя поджидаем, куда же мы без хозяйки?

– И то верно, я сейчас мигом.

Вскоре уже топилась печь, весело потрескивая, пока хозяйка собирала на стол, закипел и чайник.

Проговорили допоздна. Уже затемно Евсей шёл к себе, раздумывая, что делать в ближайшее время. Надо было ехать смотреть новое место, приготовленное ему Хрустовым, но не было дороги, и люди, которые должны были приехать,

задерживались. Ждать, пока замёрзнет река, долго. Евсей шёл, думая о своём, и не заметил, как кто-то крадётся за ним. Услышав шорох, хотел оглянуться – и не успел. Тяжёлый удар по голове свалил его с ног. На время Евсей потерял сознание, глухо застонал.

Человек, склонившийся над Евсеем, метнулся наутёк. Залаяли собаки. Маркел, вышедший за дровами, услышал шум и выглянул за калитку. Прямо на него бежал человек. Маркел схватил его за одежду и швырнул на заплот. Человек с разгону ударился о столбик и упал на колени.

– Стой, гад!

Маркел признал голос Лаврена.

– Лаврен, ты чего кричишь? – спросил Маркел.

– Евсея убили!

– Чего? – Маркел схватил лежавшего незнакомца за руку и как мешок картошки поволок на голос Лаврена.

Тот склонился над Евсеем и пытался привести его в чувство.

– Живой, давай его к нам, Акулина поможет.

– А с этим что делать? Чего-то я не признаю его.

– Давай и его тащи – там разберёмся.

Пока Акулина осматривала Евсея, очухался и злодей. Он сидел на полу в кухне у двери и смотрел шальными глазами на людей.

– Удар прошёл по голове скользом, попало по плечу, гляди, что ключица сломана, или ещё хуже.

– Чего хуже? – спросил Лаврен, не понимая.

– Гляди, что б спину не повредил, будет делов тогда.

Евсей пришёл в себя и посмотрел на всех непонимающим взглядом, ещё не осознавая, что с ним случилось.

– Пошевели рукой, – попросила бабка Акулина.

– Евсей попытался, но застонал и опять потерял сознание.

– Ты чего натворил, гад?! – замахнулся на бандита Маркел, но тот только съёжился и прикрыл голову руками. – Молись богу, чтобы он поправился, а то я и тебя искалечу.

Молодой парнишка, коим оказался разбойник, расплакался навзрыд:

– Дяденька, не бейте, я не хотел его убивать, просто есть очень хотелось, – парнишка плакал, как ребёнок, всхлипывая.

Лаврен подал ему кусок хлеба:

– Не реви, возьми поешь лучше.

Парнишка жадно стал жевать хлеб, глотая и давясь. Лаврен посмотрел и подал ковшик воды.

Евсей снова очнулся. Его раздели и положили на лавку, а бабка Акулина стала прощупывать место ушиба. Удовлетворённая осмотром, она сказала, что повезло Евсею: переломов нет, хотя ушиб сильный.

– Дай-ка я убивца тоже посмотрю, – сказала она и склонилась над парнишкой. – Ты что ж делаешь, а? Руку на человека поднял, грех-то какой. И как только земля вас таких носит? Худящий-то.

Евсея напарили в бане, и бабка Акулина стала снова ощупывать его кости, тот постанывал, но терпел.

– Хорошо, ладненько, бог миловал, – бормотала она, затем намазала какой-то вонючей снадобью и сказала:

– Лежи и грейся, будет жечь немного – терпи. Слышишь, Лаврен, повезло парню, косточки целые, ушибло маленько – до свадьбы заживёт. С часок ещё погрей его, потом приведёшь домой, а я пойду, – она накинула на плечи шубейку и удалилась.

– Повезло тебе, парень, Акулина понимает толк в лекарстве, раз сказала заживёт, значит надейся.

– С пацаном чего порешили?

– Маркел увёл его к приставу, пусть разбираются.

– Родька знает?

– Сообщили, прибегал уже. Ты пока поживи у нас, а потом пойдёшь к себе. Акулина присмотрит ещё, полечит чем-нибудь.

Евсей промолчал. Никогда не приходилось ему быть таким беспомощным: рука плохо слушалась, появилась слабость, с которой справляться не было сил. Сказали, что это пройдёт, всё станет как прежде.

В горнице Лаврена его уже ждал не только Родион, но и Хрустов. Плохие новости быстро летают по селу. Увидев, что Евсей пришёл из бани на своих ногах, Илья Саввич повеселел. Сильно преувеличили трагедию слухи. Родион тоже обрадовался брату, единственному родному человеку на всём белом свете.

– Живой, – говорил Хрустов, – а говорили, что уже хоронить пора. Раз хоронить собрались, значит, жить долго будешь.

– Повезло парню, дрогнула рука у злодея, – сказала бабка.

После бани Евсею стало полегче, его посадили на кровати, подложили подушки для удобства.

– Может, я уже к себе поеду? – спросил он.

– Недельку поживи здесь, посмотрим, как поправишься, лучше будет – и поедешь. Держать никто не будет.

– Хозяйка, скажи чего надо, я завтра пришлю, вот хотя бы и Родион принесёт, – предложил Хрустов.

– Вроде ничего не надо.

– Ладно, я сам посмотрю, чего требуется.

Весь вечер проговорили, пили чай, вспоминали разные истории. Это было самым хорошим лекарством не только для Евсея, но и для Лаврена.

Утром боль усилилась, рука плохо слушалась. Акулина забеспокоилась. Она знала, что вчерашнее облегчение было временным, нужно подождать хотя бы с неделю.

– Ты бы в церковь сходил, помолишься, свечку поставишь, глядишь – и быстрее на поправку пойдёшь.

Евсей редко посещал церковь, на этот раз у него появилось острое желание побывать в храме. В воскресенье вместе с бабушкой Акулиной он пошёл на службу.

– У нас церква хорошая, ты не думай. У нас даже сам царь-батюшка, что ныне на троне, бывал на службе. Денег – аж сто рублёв подал да посуду церковную с гербами подарил. Хорошая церква, молитва благодатная здесь, помогает сразу, – ворковала Акулина.

Евсей слушал её, не перебивая, хотя не верил. Царю более и делать нечего, как в Конторке в церковь по сто рублёв носить. Где царь, а где Конторка. Пусть бабушка говорит, раз ей так нравится. Не верил Евсей, а зря, – не было в словах Акулины выдумки.

К храму со всех сторон тянулся народ. Люди шли наряженные, семьями с детьми, шли и по одному, словно малые ручейки в большое озеро текли. Евсей и ранее видел воскресные походы в церковь, да только не приходило на ум самому присоединиться. А сейчас он с полным достоинства видом проследовал до церковных ворот, перекрестился трижды, благо правая рука была здоровая, и вошёл внутрь. Евсей купил свечей и поставил туда, куда указала бабушка. Затем прошёл в сторонку и стал смотреть и слушать. Пока не началась служба, люди ходили, ставили свечки, занимали места получше. Вскоре церковь была полна, и началась служба. Монотонно звучала молитва, подпевали дивные голоса, люди в едином порыве крестились. Стоя с краю, Евсей стал смотреть, как ведут себя прихожане, большая часть которых относилась к службе совершенно серьёзно. Старушки смотрели по сторонам и шикали на нерадивых, ребяташки успевали толкнуть рядом стоящих подростков, получить сдачи, подзатыльник от родителя и заработать недовольство старух.

Постепенно служба захватила Евсея, и он ничего не видел, слышал только голос батюшки, вспоминая слова молитв, знакомые с детства. После причастия он вышел на крыльцо, повернулся к дверям, перекрестился и отошёл, чтобы не мешать другим. Бабушка Акулина вышла следом.

– Легче стало? – спросила она.

Евсей стал прислушиваться к себе, приподнял больную руку: действительно, стало легче. То ли из-за молитвы, то ли само проходило, но результат чувствовался.

– Да, – сказал Евсей.

– Вот видишь, не забывай ходить в храм, а то все беды от грехов наших.

– Вроде не грешил особо.

– Это гордыня в тебе говорит, не ты. Самый тяжкий грех – это гордыня. Человек грешит всегда: вот покаешься в храме, и легче становится.

Евсей не стал спорить, просто решил, что нужно почаще заходить в храм.

Через неделю Конторку посреди ночи разбудила пальба. В тишине особенно звонко раздались выстрелы. Соседи, сначала остерегаясь, выглядывали за ворота, потом, разглядев человека, который стрелял в небо и орал благим матом, признали в нём местного дебошира Маркела. Собрались, было, расходиться по домам, да только расслышали, что Маркел орал:

– У меня сын родился! Ура! – бабах с ружья и снова. – Ура!

Неделю праздновал Маркел рождение сына, купил подарков жене и маленькому сыну, поил друзей и соседей, пока Настасья не прекратила его восторги.

– Сейчас заберу сына и уйду к родителям: покоя нету, праздник у тебя, всё остановиться не можешь.

– Не пушу, не дам сына, – заявил Маркел, но не очень уверенно.

– А ты попробуй, – сказала Настасья решительно и стала пеленать ребёнка.

– Не пущу, – сказал Маркел и встал в дверях, распахнув руки, – Настя, ну не уходи, хочешь, я на колени встану?

– Ну-ка, встань, штаны мне стирать, – прикрикнула она. – Давай печь растапливай да воды натаскай – дитё купать надо.

– Я сейчас, – Маркел подскочил к жене, подхватил её на руки, поцеловал и прижал к себе.

– Иди уж, раздавишь.

Зиму Евсей прожил в деревне, по воскресеньям посещал службу, ходил вместе с братом. Рука приходила в норму, немного побаливала, но уже работать можно было. Приехали с заимки работники, сказали, что дом готов.

– Поживёшь на заимке, приглядишься, – говорил Хрустов, – посмотришь, чем лучше заняться. Мне бы хотелось, чтобы ты там поселился и по возможности осмотрелся: с Туманшета спускаются охотники, им иногда срочно нужно продать пушнину, возможно, и золотишко. Правда там хозяйничают канские купцы, но и они не всех охотников контролируют. Будешь ласков с ними – будет и результат. И сам сможешь охотиться, коль пожелаешь, – тайга под боком. Там и Родиону раздолье будет – погуляет с ружьём.

– Можно и посмотреть, – решил Евсей. – Пора самому себе хозяином быть. Если пожелают рядом поселиться друзья, буду только рад.

16

– Ах ты, гад ползучий! – орал Хрустов и колотил сына куда попало. – Злыдень! Без ножа режешь! Сволочь!

Сын извивался и визжал. Около стенки стояла, сжавшись в комочек, молоденькая девушка и плакала.

Хрустов обходил двор, вдруг услышал сдавленные крики и шум из сеновала. Открыв дверь, увидел, как его сын пытается раздеть девчонку, работавшую по хозяйству. Схватив насильника за шиворот, Илья Саввич стал его бить со всей яростью, с каждым мгновением осознавая всю мерзость сыновнего поступка.

– Тебе гулящих девок мало, на молоденьких потянуло! Тебя же, гад, и всю нашу семью проклянут старухи, если узнают про это!

Сын уже не выл, только повизгивал после каждого удара.

– Вы его убьёте, – вдруг услышал он и остановился.

Хрустов присел на чурку и понял, как он сильно устал.

– Снасильничал? – спросил Илья Саввич.

– Не успел, – прошептала девушка.

– Ты чья?

– Панина я, Ульяна.

– Откуда?

– Из Еловки, там у меня бабушка.

– Родители где?

– Померли, когда я маленькая совсем была. С бабушкой живу.

– Плохо живётся?

– Да.

– Давно работаешь здесь?

– Две недели.

– Тебе сколько лет?

– Шестнадцать. Скоро семнадцать будет, – несмело добавила она.

– Я тебя попрошу: ты никому не говори, что здесь случилось, а я тебя сосватаю за любого, на кого пальцем покажешь. Попробую сосватать, – уже спокойно говорил Хрустов. – Его не бойся, больше не сунется.

– Ты замуж-то хочешь? – спросил лавочник.

– Не знаю.

– Значит, хочешь. Когда они вышли во двор, увидели идущего навстречу Евсея. Девушка прошептала чуть слышно:

– За него замуж хочу.

– А что? Может, так и лучше будет, – сказал Хрустов. – Почему за него?

– Он в обиду не даст.

– Это точно. Хорошо, иди пока, я скажу потом. Только не говори никому о том, что здесь произошло.

Через неделю Хрустов завёл разговор с Евсеем:

– Евсей, у тебя есть зазноба?

Евсей удивлённо посмотрел на хозяина.

– Я к тому, что там, на заимке, с женщиной жить половчей будет, сам знаешь, женщина в доме – порядок везде.

– Нет, нету у меня никого.

– У меня есть на примете хорошая девушка, давай посватаем?

– Случилось чего? – подозрительно спросил Евсей.

Хрустов помялся какое-то время, но решил рассказать всё начистоту, тем более, что девка не порченная, никакого греха не будет.

Евсей молча выслушал и посмотрел в окно.

– Ты не думай, что я тебе пытаюсь навязать её, просто она сама указала на тебя, говорит, мол, его желаю. А ты уж сам решай.

– Чем это я ей глянулся?

– Сам и спроси. Если сговоримся, я за неё приданое дам, сам понимаешь: есть вина – надо искупать.

– Чья вина?

– Моего сына, значит, и моя тоже.

– Точно сама указала?

– Истинный крест. Сказала, что в обиду не дашь никому.

– Посмотрим.

– Вот и сговорились, – обрадовался лавочник.

– Э-э, нет, я её пока и в глаза не видел: давай приглядимся сначала. А потом сговор будет.

Вечером, когда легли спать, Евсей спросил брата:

– Что ты скажешь, если я женюсь?

До разговора с хозяином не было в голове Евсея никаких дум о женитьбе, а теперь эта мысль, как заноза, свербит и мучит. Вроде, только для этого и жил, чтобы вот так враз решиться на женитьбу.

Всею уже было двадцать пять. Его друзьям, Маркелу и Кирьяну, и того меньше, а уже женатые и детей имеют. Родьке уже пятнадцать, невелики года, но и не маленькие, самостоятельный.

– Смеёшься или как?

– Чего смеюсь? Пора бы уже и жениться.

– Ну, раз пора, так женись, или я помеха?

Евсей даже обиделся из-за таких слов.

– Чего болтаешь? Какая помеха? Ты мой брат, вот и хочу узнать твоё мнение.

– Ты что, присмотрел кого, что ли? – поинтересовался Родион.

– Ладно, давай спать – потом поговорим.

Родион хотел было поспрашивать ещё, но не стал: брат сам расскажет, если захочет.

На следующий день Евсей спросил брата:

– Ты Ульяну Панину знаешь, батрачит здесь?

– Ульку, что ли? Конечно, знаю. Смешная она какая-то: то молчит, то поет, не остановится. Она немного постарше меня.

– Покажешь мне её?

– Зачем?

– Много будешь знать, старым будешь, и бородавки на лбу вырастут.

– Конечно, покажу, жалко, что ли. И бородавки мне ни к чему.

В воскресенье утром, когда братья пошли в церковь, Родька указал на молоденькую худенькую девчонку в поношенной шубейке. Худенькие ножки в стареньких валенках выглядели, как спички. Девчонка была совсем молоденькой.

Во время службы Евсей подошел поближе, чтобы лучше разглядеть ту, которую ему предлагали в жёны. Ничего примечательного он в ней не нашёл, но любопытство брало верх: почему она выбрала именно его. После службы, он подождал её на улице и сказал:

– Погоди маленько, сказать чего хочу.

– Говори, – девушка смущённо посмотрела на Евсея и опустила глаза.

– Правда, что ты говорила про меня Хрустову?

– Правда, – ещё больше смутилась она.

– И замуж согласна за меня?

– Согласна, – девушка повернулась и быстро пошла к дому Хрустовых, где проживала, как и многие батраки.

Евсей был поражён таким откровением. Хоть и понимал, что Илья Саввич не станет обманывать его всякими выдумками, но правда ещё больше озадачила его. Никаких особых чувств у парня не было, но мысли о женитьбе уже захватили его и постоянно вертелись в голове. Вроде бы и пора жениться, но как-то всё неожиданно. А девчонка неплохая, жалко, если замордуют её здесь.

А девушка, действительно, была привлекательная и небалованная. Ближе к весне, когда надо было уже ехать на новое место, Евсей всё же решился на женитьбу.

– Ладно, Илья Саввич, я согласен жениться на Ульяне. Что ты скажешь?

– А то и скажу: правильно решил. А я со своей стороны обещаю свадьбу сыграть и в приданое отдам заимку, куда вы и поедете после свадьбы. Вот моё слово.

– Сватать кто пойдёт?

– Я и пойду.

Сговорились быстро, назначили день свадьбы. Друзья, кого Евсей пригласил на торжество, были удивлены, но довольны: наконец-то дело сдвинется с места.

Свадьба оказалась не очень весёлым занятием. Гостям приятно погулять на чужом празднике, а вот самому выполнять всё, что положено – не очень весело. Единственное желание было: скорей бы всё закончилось. Но свадьба продолжалась и на другой день, и на третий, постепенно затихая.

Через неделю начали собираться в дорогу.

Ульяна Панина была родом из Еловки, соседней деревни. Жизнь не баловала девочку: мать умерла рано, а отец шлялся по деревне. Иногда он уезжал в Половино-Черемхово, прирабатывал денег, а потом шумно прогуливал их вместе с друзьями. Бабушка Пелагея, занимавшаяся воспитанием внучки, любила её. Ульяна быстро усваивала всё, чему учила бабушка:

– Учись, девонька, жизнь, она долгая, дай бог, сгодится любое ремесло.

Два года назад отец ушёл на заработки и сгинул. Бабушка тоже стала сдавать, всё чаще садилась у окошка и потихоньку плакала в платочек. Здоровье пошло на убыль. Тогда и решила Ульяна идти на свои хлеба да бабушку поддержать. В своей деревне податься было некуда, вот и посоветовали добрые люди пойти в соседнее село – там работу легче найти. Так попала она к лавочнику на хозяйство приглядывать за скотиной. Ульяна с работой справлялась, всё делала расторопно. И хорошо пошло дело, да только стал приставать к ней хозяйский сын. Поначалу слова разные постыдные говорил, а потом подкарауливать стал. Как ни сторонилась девушка, а попала в сарае Нестору. Если бы не хозяин, случилась бы беда – тогда хоть в омут головой.

Когда хозяин спросил: за кого бы хотела замуж, она указала на Евсея. Нет, не то, чтобы приглянулся он ей, просто видела, что Нестор побаивался своего же работника. Тогда и подумалось, что такой-то защитит хоть от кого. А слово – не канарейка, в клетку не засадишь. Опомниться не успела Ульяна, как стала замужней женщиной без гулянок и вечёрок, о которых мечтала, без поцелуев у реки на берегу. Почему-то вся молодёжь бегала туда целоваться. Без девичьих слёз в подушку по ночам. Конечно, праздник состоялся, были наряды – не поскупился хозяин. Говорили, что и приданое дал неплохое, только мужу ведомо это приданое, но кое-какие деньги удалось переправить бабушке в Еловку. Своего названного мужа боялась, особенно в первую ночь. Натерпелась таких страхов, что даже голос потерялся, но обошлось: муж приласкал, улыбнулся ей, и всё получилось не так боязно. Отвращения к нему не появилось, даже наоборот, когда под утро он захрапел, она приподнялась на локте, посмотрела на него, улыбнулась и шёпотом сказала:

– Привыкай, это теперь твой муж.

И стала привыкать понемногу. Не особо ласков был Евсей, но и не ругался. Не приходил домой пьяным. Ульяна подстраивалась под его привычки, старалась угодить во всём.

Вот и указала пальцем свою судьбу. Угадала ли? Единственно, что радовало: муж сказал, что когда устроятся, то можно будет бабушку забрать к себе – ради этого всё можно перетерпеть.

После расчёта за работу, братья Никитины хорошо гульнули с новыми друзьями, но вовремя опомнились. Спустить всё – ума много не надо, а вот прицепиться к жизни, пока есть возможность – это дело. И тут пошёл слух, будто собирается уезжать из деревни Евсей Цыганков. Мужик стоящий. Вместе отработали лето, пролили много поту, но и получили за это хороший прибыток. Понимали братья – такой не обманет, стоит за него зацепиться.

– Как бы нам с ним пристроиться, – сказал Семён брату, – человек, вроде бы, надёжный.

– Здесь толку не будет, только деньги прогуляем, а другого раза может и не быть, – согласился Иван. – И слух идёт, будто не на пустое место он едет, а присмотренное уже, даже зимовьё есть какое-то. Пойдём, поговорим, авось, и возьмёт в компанию – попытка не пытка.

Братья Никитины родом были из-под Томска. Ещё с детства брал их с собой отец на промысел. Умели Никитины ладить с топором: ходили по деревням, рубили избы. С малолетства помогали отцу во всём и присматривались к работе, улавливали тонкости ремесла. Порой получали подзатыльники – для пользы дела, чтобы в следующий раз не зевали, а подавали во время нужную вещь и понимали дело. Когда пришло время взять в руки топор, братья уже знали, как приспособить его к руке, наточить и, самое главное, как работать с деревом. Не просто так махать, куда не попадя да крушить щепу, а ударить именно там, где лишний кусок не отскочит. Ровно раскручиваясь, отойдёт щепка от бревна, переворачиваясь и шипя, словно змеюка. Другой раз не надо прикладывать топор к месту, всё сделано разом. Научились рубить любой сруб, складывали брёвнышко к брёвнышку, мшили самую малость, не требовалось им прятать свои огрехи.

И по столярной работе наловчились на зависть многим: где раму сплести, где косяки сделать да вставить, а то и мебель соорудить: комоды там, буфеты с резными стойками да дверками. Это не табуретки собрать или стол, в этом деле кроме умения ещё и понятие нужно, чтобы на работу было любо-дорого посмотреть.

Всё шло гладко. И заказы имели, и заработок был – да сгубила отца водка. Постоянные пьянки, драки до добра не доведут. Отец вскоре замёрз по пьяному делу в своём же дворе – дверь найти не смог. Оплакали братья отца и пошли по свету искать свою долю. Так попали в Конторку. А теперь, встретив доброго человека, не хотели разлучаться с ним. Отправились они со своей просьбой к Евсею. Евсей выслушал братьев и сказал:

– Я не против, ребята вы работающие, да только на этот раз за всё платить надо самим, никто ничего не подаст. Если согласны, то собирайте пожитки – и в путь. Значит, вы плотники хорошие?

– Есть такое дело, – сказал Иван, который был на год старше и побойчее в разговоре. – Знаем такое ремесло.

– Это хорошо, это сгодится, потому как строиться придётся самим, – добавил Евсей.

– Что? Пойдём за ним? Не сомневаешься? – спросил Семён у брата.

– Тут хоть так, хоть этак, а выходит, что надо подаваться с Евсеем. Мужик он правильный, хоть и не старый ещё. Не зря же лавочник с ним, как с равным говорит. Пойдём, прикинем что и как да начнём собираться.

Лошадей купили в соседней Еловке, сговорились выгодно. Собрали все свои пожитки, инструмент погрузили в сани и стали поджидать, когда их позовут в дорогу.

Вечером к братьям заглянул Саша Поляков, который работал с ними на Бирюсе. Саша был постарше Никитиных, но человек бесхарактерный, хотя и работающий. Было ему уже за тридцать, а душой – дитя. И ничего у него, кроме поношенной одежды да желания прислониться к кому-нибудь, кто не оттолкнёт, не было. Ростом невысокий, худой, но жилистый, если возьмётся за дело, переработает и рослых, и сильных.

– Здорово живёшь, Иван, здорово живёшь, Семён, – поприветствовал братьев Саша.

– И тебе доброго здоровья, проходи, присаживайся.

Саша прошёл к окну, сел на скамейку и вздохнул.

– Чего вздыхаешь, дело какое, что ли?

– Ходил к Евсею Цыганкову, он сказал обратиться к вам, сказал, как вы решите, так и быть.

– Теперь какое дело, мы на днях уезжаем отсюда, – сказал Иван.

– Это и есть дело. Ребятки, возьмите с собой, не пожалеете, – Саша встал на колени и взмолился.

– Э-э, ты встань-ка, не в церкви, а говори по делу.

Саша поднялся на ноги, но садиться не стал:

– Такое дело, ребятки, обчистили меня. Связался по пьяному делу с ребятами, утром проснулся – а денег нет. Остался только припрятанный самородок, я его вам отдам за пропитание, если сговоримся. Возьмите меня с собой, я не обьем вас, а пользу принесу, вам помощник понадобится, а я, вот, рядом. Не дайте пропасть, век бога буду молить за вас.

Саша опустил глаза в пол и тихо присел на лавку.

– И чего сказал Евсей? – спросил Иван.

– Он сказал, что если вы возьмёте с собой на повозку, то он не будет противиться, у него нет лишнего места.

– Ну что, Семён, возьмём его? – спросил Иван брата.

– Чего ж? Сколько раз нам добрые люди помогали, может, и наш черёд настаёт?

– Раз так, то берём, – сказал Иван. – А не говорил Евсей, когда тронемся в дорогу?

Вместо ответа Саша закрыл шапкой лицо и заплакал. Тихо, беззвучно.

– Ты, это, тут, – растрогался Иван, – ты сырость не разводи.

Страшно, когда ты стоишь на самом краю, и нет никакой надежды на спасение. А скольким людям так и не протянули спасительную ладонь. Спроси у них, каково стоять одному перед пропастью, смотреть в неё открытыми глазами. Всё понимать и не иметь сил отступить, сделать шаг назад. Те же, кому повезло, знают цену помощи.

– Вы не думайте, вот тот самородок, – Саша протянул жёлтый кусочек металла, – берите, прямо сейчас берите, а то потеряю ещё.

Только когда Иван взял самородок, Саша присел на лавку и отвернулся к окну, стараясь успокоиться.

А в это время Илья Саввич сидел в своей конторе и тоже смотрел в окно. Напротив него на стуле устроился Евсей, прислонившись к стене.

– Я всё тебя спросить хотел, Евсей, а по бабушке ты кто?

– Митрофаном звали родителя нашего, – ответил парень, удивившись вопросу.

– Митрофаном, – повторил Хрустов, – значит, ты будешь Митрофанович.

– Выходит, так, – не понимал Евсей.

– Вот что, Евсей Митрофанович, давай с тобой договоримся о том, как дальше будем жить. Ты думаешь, что ошалел Хрустов, мелет чепуху, в друзья набивается, а у самого добра – куры не клюют. Думаешь так? – он посмотрел в глаза Евсею.

Тот просто пожал плечами, не отрицая.

– Вот и правильно, что не врешь, – кивнул Илья Саввич. – Я бы именно так и подумал. Не чепуха это. Да, у меня есть капиталы, хотя по нынешним временам не великие, но всё ж. Вот эти капиталы надо приставить к делу: иначе пыль всё это. Бумажки – они есть сегодня, а завтра дунул ветер – и только дымок от них пошёл. А вот когда у тебя своё дело есть, тогда только бурей разметать капиталы можно. Я тебе откроюсь: у нас хоть и большое село, волость, но двигаться надо в Суетику – там посёлок растёт, а лучше в Тайшет. Ещё недавно там тайга шумела, а ныне приехал, посмотрел, а там жизнь уже бурлит. Поспрашивал у людей знающих, как такое может быть, так мне разъяснили, что капиталы вместе с дорогой движутся к нам. Теперь самое главное не упустить время, мне, конечно, не тягаться с купцами, которые и деньги не считают, но своё местечко я найду и обогрею. А рядом со мной и тебе теплее будет, и будем друг дружку выручать. Ты промыслишь чего, так я у тебя возьму: хоть пушнину, хоть золотишко. В лавке, сам видишь, много чего продать можно. У меня есть такие компаньоны по округе, за счёт них и стою крепко, но и они не в обиде, сам, небось, видел, как люди относятся, когда узнают, что от меня пришёл человек. И тебе такую дружбу предлагаю.

Евсей знал, что много людей в округе связано с Хрустовым, но не надеялся, что тот предложит ему руку. Отказывать было глупо, но и торопиться с ответом не стоило. В конце концов Евсей сказал отчётливо и твёрдо:

– Я согласен.

– Хорошо, хоть такие люди не переводятся, как ты, а то вон у меня наследник, доверь ему капиталы – промотает в момент. Есть надежда на дочку, только мала она

ещё, но с разумом растёт. Хотя девки – это отрезанный ломоть. А зачем всё это, если оставить некому?

Хрустов вышел из-за стола, обнял Евсея:

– Ты теперь же поезжай, не тяни: снег сойдёт, намаешься, хотя здесь езды-то день. Обустраивайся, а осенью наведайся сюда, привози, если будет чего, тогда и договоримся обо всём. Если меня не будет здесь, у Лаврена узнаешь, где меня сыскать. Думаю, до осени я в Тайшет переберусь и лавку открою, надо поспешать – время дорого. Вот тебе ещё от меня на свадьбу подарок, – Илья Саввич достал из шкафа новенькую берданку. – Бери, пользуйся.

У Евсея перехватило дыхание от такого подарка. Знал он, что такое ружьё стоит двух хороших коров.

– У меня есть ружьё, – пробормотал он.

– Ничего, то отдашь брату, лишнее не будет, и брата порадуешь. Хороший парень растёт.

– Спасибо, Илья Саввич.

Лизвета в белой шубке из заячьих шкур, в такой же шапке сидела на крылечке лавки и щурилась на яркое весеннее солнышко. Мимо проходили посетители, здоровались с ней, она удивлённо смотрела на незнакомых людей и кивала головой. Она ждала Родиона – он шёл домой всегда мимо этого крылечка. И в этот раз он вышел со двора Хрустовых и направился в домик, где они жили с братом.

– Привет, – сказала Лиза.

– Привет, ты чего здесь сидишь?

– Тебя жду.

– Зачем?

– Просто так. Ты сам не приходишь больше на кухню.

– Некогда, готовим вещи, собираемся уезжать.

– Я знаю, – ответила девочка грустно. – А куда вы уезжаете?

– Сам ещё не знаю, я там не был.

– Хочешь пряник? – спросила она и протянула ему зажатый в руке гостинец.

Родион взял и, присев рядом с ней на крыльцо, откусил кусочек.

– Когда приедете? – спросила она.

– Не знаю, мы туда жить поедем.

– Значит, нескоро. А меня в Канск отправляют, говорят, что пора учиться. Ты умеешь читать и писать?

– Немного умею.

– А я не умею. Ещё обещали научить вышивать и танцевать. А ещё бабушка будет читать мне по вечерам сказки. Ты любишь сказки?

– Не знаю.

– А я про разные чудовища не люблю, а только про царевну Несмеяну. Тебе разве не читали сказок?

- Нет, не читали.
- Почему?
- Не знаю.
- Я когда научусь читать, буду тебе рассказывать, хочешь?
- Хочу, – ответил Родион, улыбаясь.

За эти несколько лет Лиза подросла, но не изменилась внешне, просто из маленькой стала больше; длинные волосы, выбивавшиеся из-под шапки, кудрявились на воротнике шубки, придавая девочке ещё более трогательный вид. Родиону нравилось разговаривать с ней, слушать, как она рассуждает о разных вещах. Конечно, в её разговорах звучало и мнение взрослых людей, подслушанное девочкой, но она взрослое суждение переводила на детский лад, и это было интересно. Другей Родион в селе не приобрёл, не было времени играть с местными сверстниками, и эта дружба с хозяйской дочерью, девочкой, которая только доросла до первого класса, поначалу тяготила его. Он сам был ещё, в общем-то, ребёнком, немного постарше, но ребёнком. Он и при родителях был тихим и спокойным, а потом и вовсе замкнулся в себе, стараясь не разговаривать ни с кем и находиться в стороне от других. Чем он привлёк Лизу, никто не знал. Дружба была странная: дети могли каждый день встречаться, разговаривать, а потом по разным причинам не видеться подолгу, но при встрече говорили так, будто расстались только вчера.

- Ты когда вырастешь, кем будешь? – спросила девочка.
- Не знаю.

– Я тоже не знаю. Мне хотелось сначала стать принцессой на балу, а потом царевной-Лебедь, мне такую сказку читали, а сейчас я не хочу быть царевной. Может, мне научиться кружева плести, как бабушка? Ещё мне нравится сидеть в лавке, когда люди приходят, они все со мной здороваются, а Нестор ругается с ними зачем-то.

Вдруг она посмотрела на Родиона и спросила:

- Ты когда уезжаешь?
- Завтра.
- Когда приедешь, приходи. Ладно?
- Приду.

18

К вечеру обоз подходил к реке Туманшет. Недалеко от устья реки стоял свежесрубленный дом, сверкающий желтизной дерева, а рядом два небольших строения: одно похоже было на небольшое зимовьё, а другое должно было служить хлевом для скота. По двору разбросано сено и солома, под навесом стояла пара лошадей. Хозяин, услышав приближение обоза, вышел на крыльцо в одной душегрейке, к вечеру уже немного пригревало, и мороз совсем слабел. Хозяин спустился с крыльца и подошёл к остановившемуся обозу.

– Здоров бывай, хозяин, – сказал Евсей, разминая ноги.

– И вам здравствовать, – ответил хозяин, – не припомню я вас, новые будете в этих местах.

– А что, всех здешних знаешь?

– Тут люди наперечёт, чего же не знать.

– Тогда подскажи, как нам лучше добраться до Хрустовской заимки?

– Э-э, мил человек, сегодня ты не доберёшься до неё, оставайся ночевать. У меня и ночлежка есть, и для коней соломы найду, а вечером за чаем и поговорим, согласен?

Выбора особого всё равно не было, и Евсей решил переночевать лучше здесь, чем в лесу под открытым небом.

– Согласен, – ответил Евсей, – знакомство надо заводить, может, и жить здесь пристроюсь – так встречаться будем. Ты ведь на дороге дом построил, не объедешь.

– Верно, на дороге, а летом паром запущу, так и вовсе мимо не пройдёшь, – заулыбался хозяин. – Вы располагайтесь вот в этом домике, дрова – рядом, коней распрягай да накорми, вода в проруби есть – натаскаете, соломки я дам, а вот за овёс не обессудь, лишнего не имею.

– И на том спасибо, – сказал Евсей.

– Как управитесь, заходи ко мне, и потолкуем, – сказал хозяин. – Сейчас сына отправлю, он соломы натаскает.

Братья Никитины вместе с Сашей Поляковым стали распрягать и кормить коней, Родион принёс дрова в ночлежку и растопил печь.

– Ульяна, поди сюда, – позвал Евсей жену, – вот в этом мешке продукты, навари каши какой да чаю поставь, хлеб тоже здесь. Надо перекусить хорошенько, а то когда ещё приедем, кто знает. Наутро чего-нибудь изготовь.

– Справлюсь, не впервой, – ответила Ульяна и принялась перебирать мешочки с крупой.

Мужики ещё не закончили с лошадьми, а уже по двору разносился запах жареного сала. Когда все собрались за столом, Ульяна поставила на стол чугунок с пшённой кашей, сверху политой свиным жиром со шкварками. Ели все из одного чугуна, постукивая деревянными ложками. Каша удалась, настроение у людей поднялось. Когда все принялись за чай, Евсей поднялся и пошёл к хозяину поговорить:

– Вы меня не ждите, ложитесь, отдыхайте, – сказал Евсей, выходя за дверь.

Хозяин усадил Евсея за добротный стол, стоявший в углу горницы, окружённый такими же добротными лавками.

– Мать, дай-ка нам чайку, у нас с гостем разговор есть.

Щупленькая женщина в сером одеянии, словно мышка, молча поставила небольшой самовар и кружки. Через некоторое время она принесла миску с колотым крупными кусками сахаром.

– Ну, давай знакомиться, меня зовут Тимофей, Тимофей Ожёгов, – хозяин, довольно крупный мужик, протянул могучую руку.

Евсей встал и представился:

– Евсей Цыганков, еду смотреть новое место жительства, сам родом из Алзамая.

– Глянь-ка ты, откель занесло?

– Нет, последние несколько лет я проживал вместе с братом в Конторке, работал у Хрустова.

– Погодь-ка, это ты за золотом промышлять уходил прошлым летом? – спросил Тимофей.

– Я, – ответил Евсей. – А тебе откуда известно?

– Слухом земля полнится, – усмехнулся хозяин. – Знаю я про тебя заушно – вот и познакомиться пришлось. Глянь, и вправду, молодой ещё мужик, мне так и говорили.

– Кто? – удивлялся гость.

– Тут я был в Конторке, жену в церковь возил, пристала, как банный лист, причаститься ей приспичило, она в церковь пошла, а я заглянул к товарищу своему давешнему, Лаврену, знаешь такого? Вот он и рассказывал про тебя, хвалил. Интересно мне тогда стало, захотелось посмотреть на тебя, сколь знаю Лаврена, ни про кого доброго слова не сказал, а тебя хвалил.

– Теперь понятно, – обрадовался Евсей.

– Значит, в наши края подался, шумно в Конторке?

– Да, особенно сейчас.

– Тишины здесь хватает, особенно зимой: поначалу трудновато будет, а потом ничего, втянешься. Ты не один едешь, вижу?

– Жена, брат со мной, другие мужики тоже с нами, но сами по себе, просто напросились в одном месте жить, как говорится, соседей себе везу.

– Если мужики надёжные, тогда ничего, тогда полегче будет, да и перекинуться словом будет с кем. А теперь по делу: повезло тебе, паря, сказочно повезло – дорогу прорубили по осени через ельник напрямую камышлеевские и туманшетские мужики, теперь здесь самая короткая дорога до Камышлеевки. В Камышлеевке спросишь у кого, подскажут. Правда, там все новосёлы, могут и не знать, но спросишь Камышлеева Егора, он растолкует, куда дальше подаваться. Если дороги нету там, то самому придётся пробивать, пригодится. Вас компания ладная, недолго расчистить. Раньше ездили через Туманшет или через Догадаевку – круг большой, а так версты на две-три короче.

К полудню обоз поднялся на вершину холма, где заканчивались ельники, там росли огромные листовенницы вперемешку с соснами. Дорога покатила под уклон, кони сами побежали рысцей. Неожиданно появилась небольшая деревушка, в ней стояло с десятков новых домов, дружно дымивших трубами, на улице у домов валялись собаки. Завидев чужаков, они дружно, но беззлобно забрехали. Людей видно не было. Обоз проехал по деревне не спеша, но никто так и не вышел.

«Это и есть Камышлеевка, – подумал Евсей. – Какая-то нелюдимая. И спросить не у кого, хоть стучись к кому-нибудь».

Потом он увидел человека, завернувшего за последний дом. Решив спросить у него, Евсей подстегнул лошадь, но оказалось, что дорога уходит вдоль горы вниз, а человек уже находился посреди горы.

– Доброго здоровья вам, не подскажите, как нам попасть на Хрустовскую заимку?

– Здорово, коли так, а дорога на заимку известна, через пару вёрст будет отворот налево, вам и надо на него, а там мимо не проедете – дальше некуда. Часа два назад работник с той заимки был здесь да уехал домой, дорога свежая, не ошибётесь.

– Спасибо на добром слове, может, подвезти?

– Нет, мне недалеко, сразу за речкой мой дом, если что, можете заехать, милости прошу.

– Спасибо, нам надо до темна добраться на место.

– Доберётесь, через час-другой будете на заимке. А вы на жительство туда? – спросил незнакомец.

– Вроде бы.

– Давай тогда знакомиться, раз соседями будем. Я Камышлеев Егор.

Евсей тоже представился, пожал руку новому знакомому.

Дальше путь лежал вдоль густого высокого ельника с одной стороны, а с другой красовались голые берёзы да редкие осины. Фыркали кони, шлёпали железные полозья о накатанную дорогу, ёжились путники на санях, хоть и не особо холодно было, но посиди на одном месте – враз замёрзнешь. Когда кони шли медленно, мужики спрыгивали с саней и бежали рядом, чтобы согреться и размяться. А потом снова запрыгивали на сани и устраивались поудобней – дорога дальняя.

Вот и поворот налево, и свежий след. Начался небольшой подъём: обоз пошёл медленнее. Часа через полтора унылой дороги, пролегавшей по сосновому бору, перед путниками открылась чистина, огромная поляна совершенно свободная от леса. Словно кто-то специально приготовил это место для деревни. По одному краю поляны угадывалась небольшая речушка, судя по мелкому тальнику, словно ниточкой протянувшегося по поляне и исчезнувшему в подступившем с другого края лесу. Посреди поляны стоял достаточно большой дом, окружённый маленькими пристройками.

В ограде стояла лошадь, запряжённая в сани, возле неё возился человек. Обоз медленно втянулся в ограду. Человек оказался сторожем и работником одновременно, поставленный сюда самим Ильёй Саввичем дожидаться новых хозяев.

Прошка, так звали работника, ещё с осени ждал смену, но время шло, а никого не было, благо, что имелись запасы продуктов да ружьишко, с которым добыть мясо не составляло труда. Так и провёл зиму он здесь один, едва не завывая на пару с огромным кобелём непонятной породы.

- Ну, здрасте вам, – улыбался работник, – едва дождался.
- Здорово, здорово, как поживаешь?
- Ничего, всё исправно, только одному тоскливо, хоть волком вой.
- Вот и приехали мы, так что веселей будет.
- А мне что велено делать? Здесь жить или вертаться?
- Как пожелаешь, хочешь – оставайся, хочешь – вертайся. Сам-то что думаешь?
- Я поеду домой, одичал уже – людей полгода не видел. Сегодня уж ладно, а завтра расскажу, где здесь что и потом поеду, пока дорога стоит.
- Дорога крепкая ещё.
- Весна уже, неделю постоит тепло, и развалится дорога. Значит, вам всё передать?
- переспросил он.
- Мне, мне, – кивнул Евсей. – А банька есть здесь?
- А как же? И банька есть, и зимовьюшка маленькая человека на три, я там и жил, дом большеват одному, топить затратно.
- Сообрази-ка баньку, Прошка, страсть захотелось попариться да в доме печь затопи – народу много нынче здесь.
- Это я вмиг, – сказал Прошка и бросился исполнять просьбу, словно именно этого ему и не хватало.

Напарившись от души, Евсей лежал на кровати, прикрыв глаза. Что-то сегодня на него напала слабость, словно весь день он пахал землю, не останавливаясь ни на минуту. В доме было уже тепло, Прошка, хоть и говорил, что не топил печь, но всё ж протапливал её изредка, не давая дому совсем выстывать. Уже пришла из бани Ульяна, хозяйничала на кухне. Родион прилёг на лавку.

– Испей чаю, я травы заварила, с баньки хорошо будет, – Ульяна поднесла мужу кружку с горячим напитком.

Евсей с трудом сел на кровать и посмотрел на жену; молча принял кружку и отпил глоток. Запах каких-то трав и вкус мёда были в напитке.

– Из чего чай? – спросил он.

– Травки разные, бабушка дала мне сбор, велела заваривать тебе для здоровья, – щебетала Ульяна. – Тебе понравилось? Родька, тебе налить чаю?

Родион не ответил, он спал прямо на лавке, подложив под голову руку.

– Пойдём, я там постелила тебе в другой комнате, – сказала она ему, разбудив.

Родион, сонный, прошёл и завалился на приготовленную постель.

Евсей посидел немного и снова лёг, накрывшись тёплым одеялом, сшитым из разноцветных лоскутков. Ульяна убрала посуду и легла рядом с мужем, стесняясь его общества – не привыкла ещё.

Утром, когда рассвело, Евсей вышел за ограду и стал разглядывать место, предназначенное ему и всем, кто прибыл с ними, стать домом. Место было необычное, будто специально приготовленное для пашни, – вдоль небольшой речки по обеим сторонам не было ни одного дерева. А дальше, за этими полянами, на

небольших возвышенностях лес стоял сплошной стеной, высоким тёмно-зелёным забором, безо всякого просвета. Место, что предназначалось для селения, было словно в неглубокой тарелке.

Недалеко от дома, куда вела укатанная санями дорога, виднелась прорубь, где брали воду. Евсей пошёл посмотреть, что там за речка. Прорубь оказалась небольшой, сверху её прикрыли деревянной крышкой, чтобы она меньше замерзала.

Хотелось побыть ещё здесь, походить, посмотреть, сродниться. Но надо было возвращаться домой. Там его уже ждали братья Никитины и Саша Поляков.

– Ну, что? Как вам место? – спросил он.

– Тихо, – ответил Иван Никитин, – судя по всему, место пригложее.

– Раз так, то надо прирастать к этому месту. Вот сегодня и пойдём смотреть, где можно поближе взять дерево на постройки. Чего время терять? Пока по снегу, может, и успеем притащить сколько-нибудь леса – пусть здесь сохнет.

Прошка задержался ещё на пару дней, показал, откуда ловчей доставлять лес, приготовил инструмент, санки, на которых таскали брёвна. На третий день поутру, он отправился в Конторку, захватив с собой мешок с пушницей, добытой им прямо рядом с домом. Немного пушницы, но добытая своим трудом, она казалась особенно ценной. Оставил Прошка новым хозяевам пару лосиных шкур, лосиного мяса, замороженного в лёд, чтобы не заветривало, две кадушки квашеной капусты да картошку в подполье. Рядом с домом в поленницах были сложены дрова, расколотые на крупные поленья. В сарае Евсей обнаружил пару топоров, косы и грабли, прилаженные под крышей, лопаты, вилы – всё, что нужно для жизни в деревне.

«Доброе приданое дал Хрустов за Ульяну, не обманул, – подумал Евсей. – Вроде бы и не обманывал лавочник никогда, но всё ж разные разговоры вокруг зарождают сомнения, а они и точат, как червь дерево. Так и живём: на деле одно, а в душе другое – вот поди и разберись».

Приезд отметили нешумно, но вечером посидели, выпили по маленькой – так полагается, чтобы жизнь заладилась на новом месте. А наутро взяли пилы, топоры и пошли готовить лес. Родиона отправили с ружьём осмотреться, может, ещё мяса добудет. Только Ульяна осталась хозяйничать в доме.

Строевого леса оказалось в достатке, и годилось почти каждое дерево, хоть косой коси. Работа пошла. За месяц, пока лежал снег, наготовили и натаскали леса на дом, да ещё немного, настроение у людей улучшилось. Стали готовиться к посевной. К середине июня, когда всё было посеяно и посажено, Евсей собрался в Конторку. Требовалось кое-что прикупить для хозяйства, а так же он решил сделать сюрприз жене. Одной женщине среди мужиков несладко, пока не обосновались, приходилось терпеть, варить на всю ораву. Это сколько трудов надо. Ульяна упростила Родиона отгородить кусочек земли от огорода, где посадили картошку, сделала несколько грядок, насадила огурцов, капусты, моркови да других овощей. Семена ей при прощании дала бабушка, сказала:

– Приложишь руки, вот и будет на стол что поставить.

Картошки Евсей привёз из Туманшета, прикупил на семена, своей не хватило, да ещё взял свёклы и чеснока. Вот так обзавелись и малым огородом. Только хлев пустовал: ни коровы не было, ни свиней, ни овец, а ведь и куры не помешали бы. Хотелось Ульяне спросить у мужа про живность, да стеснялась. Она боялась, что муж рассердится. Он всё делал молчком. Порой за день слова не произнесёт. Но Ульяна сметливая, ей много говорить не надо.

Братья Никитины затеяли строительство своего дома, решили строить один на двоих. Пока неженатые, можно и в одном пожить, а потом, если придётся привести молодуху, тогда и построят ещё дом. Саша Поляков помогал изо всех сил, когда работу твою ценят, то труд не в тягость, а с братьями работалось хорошо – понимали друг друга с полуслова.

Родион помогал по хозяйству. Там работу никогда не переделаешь: каждый день всё новая и новая появляется – только шевелись. За весну Родион настрелял глухарей и косачей столько, что хватило бы на несколько месяцев. Рядом оказался глухариный ток. Глухарь – птица азартная, как защёлкает, так и не слышит ничего. Вот и настрелял парень про запас птицы. Тушки общипали, распотрошили и в подвал опустили. Летом любое мясо в радость, особенно когда работа тяжёлая, – без мяса ноги не потянешь. За месяц мальчишка осмотрел всю тайгу рядом с заимкой: белка есть, птица есть, видел следы оленей и лосей. Ещё нашёл Родион хорошие кедрачи, паданки набрал пару мешков. Вечерами можно побаловаться орехами.

19

Дорога до Еловки была так разбита в весеннюю распутицу, что по ней и в сухую погоду невозможно было проехать. Расположилась деревня прямо на тракте, который шёл на другой край великой державы, о которой жители только слышали и не понимали, как это далеко. Знали Нижнеудинск, Иркутск, знали даже Читу, это казалось на краю земли, но тракт уходил ещё дальше к океану. Что за такое диво этот океан? Поговаривали, что это такая большая озерина, словно разливается Бирюса по весне, когда буйно тают снега в тёмных распадках саянских гор и заливают все прибрежные луга. Только говорят, что океан ещё больше, а куда больше-то? Разве ж бывает ещё больше? Врут, поди, людям только дай поболтать, никакого укороту не будет.

Евсей ехал в Еловку по делу: задумал забрать бабку Пелагею с собой на заимку. Жене ничего не сказал – пусть порадуется, вдвоём им веселей будет и по хозяйству легче справляться, и мысли разные не будут съедать, как ржавчина пожирает любую железку. Железо, не в пример человеку, крепче, а источит его ржа – только время дай.

Старушка сидела на брёвнышке около дома, поджидая соседок, чтобы скоротать время в разных разговорах, погоревать о том, чего уже нет и не будет никогда. Евсей подъехал прямо к покосившимся воротам, привязал коня к столбу и повернулся к бабке:

– Ну, желаю здравствовать, бабка Пелагея, – сказал он и слегка поклонился.

– Здоров будь и ты, чтой-то не признала я, чей ты будешь? – спросила старушка, приглядываясь.

– Зятя не признала, бабушка Пелагея? – улыбнулся Евсей, понимая, что бабка и видела его только раз на свадьбе, да и то недолго.

– Батюшка, Евсей Митрофаныч, как же я не угадала сразу, – заволновалась старушка, стесняясь своей промашке.

– Зови меня просто Евсей, молод я ещё для Митрофаныча.

– Да, да, Евсей Митрофаныч, проходите в дом.

Бабка Пелагея с уважением посмотрела на Евсея. Она благодарна была ему, что он полюбил и взял в жёны её внучку-бесприданницу. Да и людская молва, доходившая до неё, уж очень возвышала парня.

За столом, попивая чай вприкуску с сахаром и сушками, Евсей сказал:

– Вот что, бабка Пелагея, приехал я за тобой. Поедем со мной на заимку, Ульяне будет с тобой веселей, вижу, как она переживает. Собирайся и не спорь, я как решил, так и будет, – Евсей специально сказал так строго, чтобы старушка даже и не думала противиться.

– Ой, лихо моё, – всплеснула руками бабка. – Как же это так? Боже ж ты мой, что ж это? К Улечке меня забираешь?

– Что, не хочешь?

– Да согласная я, согласная, – старушка разволновалась и заплакала.

Тихонько сидела, прикрыв лицо платочком, и вздрагивала худенькими плечами.

– Дом есть кому продать? – спросил Евсей.

– Есть, батюшка, есть, вот и сосед спрашивал. У него сын женился, хочет рядом поселиться.

– Вот завтра и решим все дела, а вечером доберёмся до Конторки, там переночуем и поедем на новое место. Ты собирай свои вещи в узлы. Нам ещё прикупить кое-что надо.

– Какие там вещи: на похороны кой-что собрала себе да постельное какое – и все вещи.

Сосед обрадовался предложению купить дом, помог погрузиться, расплатился с бабкой Пелагеей. Поначалу хотел отдать деньги Евсею, но тот отправил его к хозяйке. Провожать старушку вышли полдеревни, не каждый день такое событие, чтобы бабушку внучка забирала. Когда тронулась телега в путь, все соседки-подружки стали вытирать глаза платочками. Близо женские слёзы и в радости, и в горести.

В Конторке Евсей остановился у Лаврена. С бабкой Акулиной Пелагея была знакома, старушки обрадовались встрече. Пусть и не были они подружками, но в старости каждый знакомый человек – друг. Пока старики разговаривали, Евсей пошёл к Хрустову.

– Рассказывай, как устроился: место понравилось или нет?

– Устроился хорошо, даже лучше, чем ожидал. Всё есть. Леса на дом заготовили, братья Никитины рубить себе дом зачали – к холодам и зайдут.

– Значит, обид на меня нет?

– Какие обиды?

– С женой как, ладите?

– Ладим. Вот приехал забрал её бабку с собой.

– Упросила всё-таки?

– Нет, она и не знает, я сам надумал.

– Это хорошо. Когда вокруг тебя будет спокойно да дружно, и тебе работать проще будет.

– Верно.

– Присмотрел чего в округе?

– Особо хвалиться нечем. Побывал в Туманшете, там в основном охотники живут, промышляют по реке, по Туманшету. Пушнину у них забирает купец из Канска, обиды имеют на него, но делать нечего – он сам приезжает за товаром. Пытались мужики самостоятельно возить в Тинскую, да встретили их какие-то злодеи на полдороге, хотели обобрать, да только и у мужиков «берданки» с собой были, дело дошло до стрельбы. Поговаривают, что и кровь пролили. Мужики вернулись назад с добром, а купец прибыл и цены снизил ещё: делать нечего, пришлось продавать себе в убыток. Спрашивал я про золото. Говорят, что попадается немного, но специально за ним ходить не стоит. Есть в Туманшете летний промысел. Если сделать заказ, можно и выгадать – там выпаривают соль. Нашли охотники в тайге солёное озеро. Попробовали соль варить – получается неплохо.

– А ты говоришь – ничего не узнал, – усмехнулся Илья Саввич. – Самое главное и выяснил. Пока приглядишься, потом будут дела, я ещё вот чего скажу: зимой можно и мясо возить, только не сюда, не в Конторку, а в Суетику или Тайшет. Народу там много, и ещё прибывает, а работают в основном на железной дороге и лесозаводе. Многие крестьяне подались на заработки. Вот рабочие будут скупать продукты, но это не сейчас. Я уже прикупил дом в Тайшете, заканчиваю строить лавку, скоро открою торговлю, тогда всё сгодится, что покупать будут. По осени, когда дорога станет, приезжай ко мне в Тайшет, присмотришься.

– Там видно будет, – сказал Евсей. – Я вот что ещё хотел, Илья Саввич, самородков возьмёшь немного? Мужики просили – стройка денег требует.

– Возьму, о цене тебе известно. Согласен?

– Известно, с тем и пришёл, – сказал Евсей.

Хрустов подержал самородки в руках, подбросил несколько раз, потом вытащил специальные весы, взвесил и назвал цену.

– Согласен, – сказал Евсей. – Я завтра с утра зайду, прикуплю товаров ещё, у меня список составлен, а остальное деньгами возьму. Нужно скотину взять – жене занятие. Пустой двор без скотины.

– Хочешь, я тебе выделю, сколько пожелаешь, – засмеялся Хрустов.

– Отсюда гнать далекоовато, я сговорился в деревне поблизости.

– Правильно, чего животных мучить.

Когда Евсей вернулся к Лаврену, там его поджидали друзья: Маркел с Настасьей, Кирьян с Дарьей, Еремей Трухин с Натальей. Стол был накрыт – ждали только его.

– А наследники где ваши? – спросил Евсей.

– Дома наследники, поговорить не дадут, – ответила Настасья.

– Ну, здравствуйте, что ли? – сказал Евсей и поздоровался с друзьями за руку.

Засиделись до полуночи. Евсей рассказал о новом месте, что успели сделать за эти несколько месяцев. Друзья слушали внимательно, впитывая каждое слово, – ведь и им хотелось сменить место жительства. Особенно понравилось то, что там тишина, народу нет, только шум ветра да звон комаров по вечерам. Но траву выкосишь возле дома – и гнуса нет, никто не мешает заниматься делами.

– Я думаю, что сразу семьи не стоит везти, нужно построиться, а потом уже и заселяться. Зимой можно заготовить лес, а придёт время поставить дом, то компанией недолго. Иван Никитин говорил, что в Туманшете есть мужики, которые нанимаются дома ставить – можно обратиться. Затраты, конечно, зато быстро и дом будет готов, а одному возиться ещё дороже выйдет.

– Вот и приедем зимой: лесу наготовим да вывезем, а летом и строиться начнём, так Кирьян? – сказал Маркел.

– Так и надо, а уж семьи приедут в готовый дом, а то с детишками таскаться по углам не стоит.

– Пожелаете и стариков перевезёте, не так и далеко здесь. Летом, конечно, дорога неважная, зато зимой, хоть боком катись. Через Туманшет паром запустил Тимофей Ожёгов. Лаврен, он тебе поклон передавал.

– Спасибо. Знаю, Тимофей – сурьёзный мужик, – заулыбался Лаврен.

– Так и сговоримся: как дороги станут, заготовим леса, можете помощников взять, место, где жить, есть.

Пока друзья разговаривали, бабка Акулина рассказала об Евсее столько хорошего, что Пелагея зауважала его ещё больше. Вечером она подала узелок с деньгами ему и сказала:

– Евсей Митрофанович, возьмите деньги, может, сгодятся для чего.

– Бабка Пелагея, я просил, зови меня просто Евсей, а деньги давай, я Ульяне отдам, – понимал, что так будет лучше.

– Вот и хорошо, а то потеряю ещё, будет делов.

Утром Евсей нагрузил полную телегу тем, что приготовил и для мужиков, и для своей семьи. Купил материю, как наказывала Ульяна, а потом подумал-подумал и купил ручную швейную машинку. Хоть и дорогая, но уж очень нужная в доме вещь. Бабка Пелагея, завидев такую дорогую покупку, поначалу даже онемела, а потом подумала: раз покупает такое, значит, всё хорошо в доме у внучки, и успокоилась. К вечеру добрались только до Перевоза – дорога неважная, да и бабка устала. Остановились на ночёвку у Тимофея Ожёгова.

Тимофей не стал докучать вопросами, спросил только о Лаврене.

– Ничего Лаврен, живут они с Акулиной дружно.

– Ишь ты, и прислонился к старости, а то всё один да один. Старость, она брат, тётка ещё та: всё норовит по загравку да по загравку, а силы нету окоротить её. Такие вот дела, – сказал Тимофей.

– А тебе откуда ведомо это? Не старый, вроде?

– Ведомо, не вчера родился. Другой и жизнь осилит всю, годочков поднаберёт, а так и не поймёт её, а другой и не стар ещё, а хлебнул столько, что и захлебнуться не грех. С того понимает и молодость, и старость, и глупость, и мудрость. Ты-то вон совсем молод ещё, а слух про тебя идёт от разных людей, каков ты есть.

– И что говорят?

– Худое говорили бы, стал бы я на тебя слова тратить, – улыбнулся Тимофей. – Ладно, пошли спать – ночь уже.

– Тимофей, ты не знаешь, где можно корову хорошую прикупить да овец с десяток? Хозяйство заводить надо, – спросил Евсей.

– С овцами не подскажу, а вот корову я тебе могу продать, молодая, правда, но доится и стельная уже вторым разом. После Покрова растелиться должна. Мать у неё ведёрница, а ты как холить будешь, так и молочка возьмёшь.

– Годится, а с овцами, может, в Камышлеевке с кем-нибудь сговорюсь.

– Там нету: деревня молодая, туда сами скупают по округе, недавно гнали своим ходом десятка два овец, но я буду знать, поспрашиваю. Лучше в Туманшете поговорить – там народу поболее, может, и есть излишек. А ведь ещё деревни есть к югу от вас: Еланка, Светлая, Тропа – можно поспросить.

– Хотя бы корову на первое время.

– Курей с десяток дам с петухом, знаешь, какой горластый? Хозяйство без петуха что баня без пару. Пока спозаранку петух не заорёт, так вроде бы и сам неживой.

Наутро Евсей двинулся дальше. Позади телеги пристроили ящик из дранья с курами, следом на привязи шла корова. Хоть и молодая, но вымя было крупное, видно, что корова молочная. Бабка посмотрела на неё и сразу определила, что скотина стоящая. О цене сговорились полюбовно, ударили по рукам, выпили по рюмке за доброе дело.

Только к вечеру добрались Евсей с Пелагеей до заимки. Радости не было предела: бабушка с внучкой со слезами на глазах обнимались, искренне радуясь. И корова к

сердцу пришлась, быстро нашлось ей место, да и доить время подошло. До швейной машинки не дошли ещё руки, столько радости за раз не переваришь. Родион радовался новой одежде и сапогам, а ещё больше радовался патронам, которые привёз брат.

Сашка и братья Никитины, тоже бросили своё занятие, и подошли поздороваться.

– Сбыл, что вы просили, вот деньги, – протянул свёрток Евсей. – Цену я вам обсказывал, так и сбыл. Будет ещё, возьмут и ещё.

– Спасибо, Евсей, а что заказывали мы, привёз?– спросил Иван.

– Там, на телеге всё по списку.

– За товары платить надо или ты высчитал уже?

– Всё высчитал, то, что подал, это уже ваше.

– Вот и хорошо, вот и доброе дело.

– Как у вас дела идут? Издалека смотрел – поднимается сруб.

– Идёт понемногу, быстрее бы надо, да погода подвела: поддождило немного. Поднатужимся – соберём к холодам.

– Надо бы, – сказал Евсей. – Как снег выпадет, мужики приедут лес готовить себе, им тоже жить надо будет где-то.

– Понимаем, – кивнул Иван, – сейчас деньги есть, наймём мужиков из Туманшета, после покоса быстро дело пойдёт. Там и косяки на окна и на двери сразу делают дома, привезти только – и поставить на место. Под косяки готовят рамы и двери.

– Договорились.

Женщины разбирали подарки, Родион топил баню, знал, что брат любил после поездки попариться. Растроганная Ульяна, увидев ещё и машинку, на радостях бросилась мужу на шею и давай целовать его. Евсей не знал, как поступить, к таким нежностям он не привык и просто обнял жену.

– Хватит, люди же смотрят, – проговорил он.

После Евсея с Родионом в баню пошли женщины.

– Ты что, не ходишь с мужем в баню? – спросила бабушка.

– Нет, ещё не ходила, – смутилась внучка.

– Дура – девка, с мужем нужно ходить в баню; так испокон веков идёт, тогда и в семье ладу больше. Учить тебя, не переучить.

– Стесняюсь я.

– Чего стесняться? Мужняя жена ты или просто девка? Стесняется она, видите ли, раз сходишь, и всё стеснение пройдёт. Ты, девка, это брось, мужик твой видный, смотри, найдётся такая, что не постесняется, тогда поплачешь в подушку, польёшь слезоньки-то.

– Ладно, бабуля, в другой раз и пойду, раз такое дело. Не нарадуюсь, что ты приехала.

– Как же тут не приедешь, попробуй послушаться, собирайся, говорит, и никаких разговоров, – засмеялась бабка. – Я и не признала его поначалу. Думаю, кто ж это

такой остановился у наших ворот? А он мне говорит, мол, зятя не узнала – вот стыдобушка какая! Когда продали дом соседу Кольке, так я ему деньги отдаю, а он не берёт. А каких слов про него мне Акулина наговорила хороших, ты Акулину помнишь, которая знахарит в Конторке? Так я прямо и не знаю, я уж ему опять деньги дала – тут уж он взял. И правильно, видишь – всё к делу.

– Твои деньги он мне отдал, – сказала внучка. – Попросил сохранить, сказал, что твои и пусть до дела лежат. Авось, сгодятся и тебе, мало ли что.

– Вот какой хозяин, ты, девка, клещом вцепись в него да держись, с хорошим мужиком и век как месяц будет. Нет, Улька, что ни говори, может, тебе доля выпала лучше, чем другим, так не уппусти счастье своё.

– Сама указала пальцем на это счастье, – сказала внучка и поняла, что сболтнула лишнее. Стала старательно намыливать голову.

– Ну-ка, ну-ка, чего это я не знаю?

– Потом расскажу как-нибудь.

20

Эликан сидел на берегу реки и курил трубку, подаренную Евсеем. Знал, что в этот раз не приедут старатели, а всё равно ждал. Понравились ему эти люди, с ними было просто: не надо было хитрить да выдумывать разные истории. Как здорово было, если бы сидел сейчас рядом Евсей, смотрел бы на искрящуюся воду и молчал. Много слов – мало правды, а у него что ни слово, то истина. В этот сезон всё пошло неправильно. Сначала охота не задалась: рано выпал снег, завалило всё, олени не шли по глубокому снегу, сами кормились с трудом, пропало несколько важенок. Мало добыли белок и соболей; хватило бы на муку и крупу, но захотелось Хамышгаю на суглане показать себя – не успел Эликан присмотреть за ним. Пока со знакомым пил чай, Хамышгай отдал всю добычу за бесценнок нижеудинским купцам и уже валялся пьяный в чуме. Когда пришёл Эликан домой, было поздно. Спасибо, Орбак дал белок, чтобы купить немного муки. Вот и вся радость. Теперь сидит, глаза не кажет людям: смеются над ним, а у него ведь сын маленький растёт – Улуской. Эх, старость, такой позор на голову. Молодец Орбак, кормит стойбище: добывает мясо, только и он в последнее время всё больше пустой приходит. Люди стали понемногу зимние припасы муки брать – есть хочется. Рыбачить никто не желает, каждый указывает на соседа, и сидят, друг на друга надеются. Собаки проходу не дают, голодные под ногами трутся, обленились, даже мышковать не хотят. Люди уже поглядывают на своих оленей как на еду, не понимают, что без них совсем худо будет. Надо что-то решать, – думал старик. Кроме него, никого слушать не будут в стойбище, а его слово нужное, должно всех поднять от костра. Старик докурил трубку, постучал по ноге, выбивая остатки табака, и встал.

– Собери-ка всех сюда, – попросил он внука.

Люди собирались нехотя, зная, что кормить там точно не будут.

– Я говорю так: сейчас все собираемся и идём ловить рыбу, хватит муки потихоньку таскать – зима длинная, а муки и так немного. Сейчас собирайте все сетки – и на реку. Никто не будет, кроме вас самих, кормить ваших детей. А на оленей даже и не смотрите.

Старик сделал несколько шагов в сторону реки, вдруг остановился, осмотрел стоящих людей, и не собиравшихся слушаться его, и сказал:

– Кто не пойдёт ловить рыбу – еды не получит.

– Так не положено, по закону рыбу делят поровну, – сказал сын.

– А где в законе сказано, что надо пропивать всю пушнину? Кто так решил, чтобы один ловил рыбу, а остальные валялись у костра? Кто не пойдёт рыбачить, пусть покинет стойбище и живёт сам по себе.

Люди не ожидали такого разговора, заворчали, но все пошли к реке. Через два часа рыба варилась в котлах, жарилась на рожне. Орбак, промышлявший на охоте, пришёл и удивился.

– Кто рыбу ловил? – спросил он отца.

– Все ловили, – ответил Езилан.

После ужина Орбак подсел к Эликану, сидевшему в одиночестве у самой воды, раскурил трубку и тихо сказал:

– Эликан, чужие люди в тайге.

– Карагасы?

– Русские.

– Много?

– Видел троих: пошли по Шумному ручью вверх.

– Жёлтые камни ищут?

– Похоже. У них ружья есть.

– Могут и сюда зайти – водки принесут, а наши за водку всё расскажут. Тогда всю тайгу разгонят, где потом будем охотиться?

– Что делать?

– Уходить надо по распадку на оленье пастбище; там озеро есть, можно рыбу ловить, там и гнуса сейчас поменьше. Русские туда не пойдут – жёлтые камни в горах не ищут.

– Что случилось, почему все пошли на рыбалку?

– Теперь будут все ловить рыбу. Кто не хочет, пусть из стойбища уходит, теперь только так выживем. Ты будешь на охоту ходить, как и ходил.

Орбак не ответил. Молод ещё, чтобы рассуждать о законах стойбища, а Эликан – старейшина, ему можно и приказывать. Юноша понимал, что неправильно сидеть у костра и ждать, пока тебе еду принесут.

– Когда уходить будем? – спросил он старика.

– Дня через два-три, пока русские поймут, что там ничего нет, пока вернутся, пройдёт не меньше трёх дней.

– Тогда я завтра ещё схожу на охоту – вдруг повезёт.

– Сходи, – кивнул старик.

Он жалел, что Оробак не его сын, но и на своего отца он не похож. Езилан с ветром в голове, а сын – парень другого рода. Уж не пригрела ли кого Сотикана? Даже если и так, за такого сына можно и спасибо сказать.

На следующий день карагасы сами пошли к реке, стали готовить снасти. Получилось дружно и удачно: опять дымились костры, варилась и жарилась рыба. Люди повеселели, стали улыбаться. Собаки тоже наелись голов и потрохов, валялись на солнце подальше от людей, чтобы не угодить под ноги.

Вечером пришёл Оробак и принёс косулю. Тут праздник продолжился: в котлах варили мясо, собаки снова стали подтягиваться на запах. Вечером у костра Эликан сказал, что стойбище завтра собирается, а послезавтра утром уходит на другое место. Узнав причину такой спешки, некоторые охотники опять заворчали, понимали: где русские, там и водка есть; а выпить хотелось многим. Но Эликан опять сказал, что, если кто не будет его слушать, пусть уходит из стойбища и выживает один. Никто не решился перечить старику.

Чумы собрали утром в последнюю очередь, погрузились на оленей и направились к реке. Перешли Бирюсу по мелководью и пошагали прямо по ручью вверх к большому распадку. Густой лес по краям распадка поднимался от ручья в стороны, мельчал, а потом и совсем исчезал. Лишь высокие травы на фоне синего неба зеленели и под ветром волнами плескались в разные стороны. Там далеко-далеко горы подпирали небо и становились белыми, сверкая на солнце самоцветами. Только туда род Эликана не пойдёт, они остановятся раньше, где среди трав прячется озеро. У этого озера и останутся они до конца лета.

Вскоре пришли на место. Быстро по кругу поставили чумы, развели костры и стали печь лепёшки. Ели их с остатками мяса и рыбы. Завтра будет день, и все мужчины пойдут ловить рыбу в озере, только Оробак отправится промыслять мясо.

Рыбы поймали много, но годной оказалось мало. В озере водились только щуки и караси. Если щук карагасы ели, то карасей выбрасывали собакам, для которых наступило раздолье. На новом месте пришла удача и на охоте: Оробак подстрелил сохатого. Раненый зверь добежал почти до стойбища, лишь там вторым выстрелом молодой охотник добил животное. Лось – это не косуля, мяса хватило на несколько дней для всех. Карагасы сидели у костров, обгладывали кости и щурились от удовольствия.

«Умный старик Эликан, в хорошее место привёл: много мяса есть у людей, не надо купаться в озере и ловить рыбу, которая провоняла тиной. Если так будет и дальше, то и до зимы можно тут просидеть. Мошкара и пауты остались внизу у реки. Здесь тихо,

спокойно, олени мирно пасутся на склоне распадка, за озером кончается лес, а дальше в горы идёт разнотравье – рай для оленей».

Старик сидел у озера и смотрел вдаль, куда неспешно уходили олени, поднимаясь в горы. Сколько раз он смотрел на пасущихся животных и удивлялся им. Никто из карагасов не знает, когда были приручены олени. Многие и многие годы они находились рядом с карагасом, служили ему верой и правдой. Без оленей карагасы – ничто. Кочуют на оленях, охотятся на оленях, перевозят грузы тоже на оленях. Даже у самого бедного карагаса есть около пятнадцати оленей, только у немногих их по сотне голов. Случится так, что карагас потеряет оленей – это равносильно потерять свободу. Идёт карагас к родственнику и просит оленей для переезда, да только едет и живёт рядом с родственником. Про охоту говорить не приходится: без оленя далеко не пойдёшь, а рядом с домом что добудешь? Только подростки охотятся рядом со стойбищем: стреляют белок да птицу. Иногда нанимается карагас к бурятам или русским косить сено, ловить рыбу, а то идёт проводником золотоискателей. Оторвавшись от стойбища и своего рода, карагасы терялись бесследно. Нет, без оленя карагасу никак нельзя. На охоте карагас на олене всегда добудет больше, чем русский на лошади. Лошадь приходится оставлять там, где есть подножный корм, а олень легко добывает корм и из-под глубокого снега. Если нет травы под снегом, то достаточно карагасу свалить старый, заросший мохом кедр, и олень будет сыт этим мохом. Тропа, негодная для лошади, вполне проходима для оленя.

Эликан набил новую трубку, раскурил:

Здесь в предгорьях – самое хорошее место для выпаса оленей. В этих местах много разных трав и мха, который очень любят эти животные. За оленями особо не присматривают: выбирают место, где достаточно корма, и следят, чтобы они не разбрелись далеко по сторонам. Олени неприхотливы, хорошо переносят холод, только во время отёла им нужно тепло, иначе молодняк может погибнуть. Отёл происходит обычно в мае, когда уже сходит снег, ночи становятся тёплыми, телятам хорошо, уютно. Но бывало, что весна запаздывала, или возвращались холода, тогда молодое поголовье гибло. С рождения телята находились рядом с матерью, только когда оленуху доили, оленёнка привязывали, но всё молоко не выдаивали, оставляли и ему. Когда телёнок подрастал и мог питаться самостоятельно травами и мхом, тогда на телят надевали специальные намордники, которые кололи матку, и она не подпускала к себе оленёнка. Редко, но бывало, что резали оленей и на свои нужды: мясо съедалось, камусы шли на шитьё обуви, из шкур молодых телят шили детские шубки – больше оленьи шкуры нигде не использовались. Правда, ещё брали сухожилия, которые использовали вместо ниток для шитья шкур. Чумы покрывали лосиными шкурами, одеяла из овчины покупали у бурят.

«Эх, рушатся устои, – горевал старик. – Даже на суглане не стало порядка: раньше за порядком следили специальные люди, теперь никому ничего не нужно, кроме шкурок да жёлтых камней – их спрашивают всё чаще. Да и как порядок навести, когда

в стойбище никто не хочет работать. Только олени и спасают, а если сейчас забрать оленей у карагасов – всё смерть. Олень – это не лошадь, конь и копытом может ударить и укусить, а оленю люльку с ребёнком доверяют, пронесёт – не уронит. На хозяина рога не поднимет, терпит всё тихо и смиренно. Бывало, что карагас загуляет где-нибудь у русских: день – два пьёт, а олень стоит привязанный и ждёт, есть не просит, пить не просит, только льются по морде тонкие ручейки слёз. Безропотно ждёт, когда хозяин появится. Бывали случаи, что забивали до смерти молчаливое животное. Вот и выходит – карагас всю свою жизнь рядом с оленем, а олени рядом с карагасами».

Пришёл Оробак, он оставался внизу, недалеко от стойбища.

– Пришли русские? – спросил старик.

– Пришли. Встали на ночёвку в стойбище, уйдут завтра дальше.

– Знали, что мы стояли там, или сказал кто-то. Плохие люди появились в тайге, не подходи к ним близко, Оробак.

– Я знаю.

– Завтра сходи туда ещё, посмотри, куда пойдут они.

– Схожу.

– Не пришёл Евсейка нынче, – сказал Эликан. – Чум себе строит.

– Евсей – хороший русский.

– Мало таких. Когда они придут, а они точно придут, я знаю, ты не убегай от них, если спросят, расскажи им про жёлтые камни. Другим не говори.

– А ты?

– Меня может и не быть, а ты будешь знать, что делать. Ещё я тебе скажу, Оробак: наши предки много раз уходили от власти Белого Шамана, уходили на восход солнца, а теперь больше некуда уходить – везде они, русские. Теперь придётся жить рядом. Теперь ты сам должен уживаться с ними. Шуленга – верховный вождь карагасов, послушен Белому Шаману – русскому царю. Шуленгой выбирают человека, обязательно говорящего на русском языке, чтобы он защищал интересы карагасов, но слабый стал Шуленга, не может защитить свой народ. Теперь каждый род сам за себя отвечает, только все должны исправно сдавать Шуленге шкурки для царя. Самые лучшие шкурки идут Белому Шаману.

– Почему Шуленга слабый стал? – спросил Оробак.

– Старики говорили, что в давние времена, когда русскими правила царица, ходил Шуленга к ней с подарками, просил для своего народа защиты. Только напуганы были карагасы грозным голосом придворных да роскошью замков, побоялся Шуленга подойти к царице – подали подарки на длинной палке. Но царица не разгневалась, поговорила с ним и дала силу Шуленге над своим народом. После этой поездки Шуленга ещё больше стал покорным Белому Шаману и во всём слушался русского исправника. Раньше обязательно каждая семья должна была приезжать на суглан, тратить большие деньги. Сейчас кто желает, тот едет, кто не хочет, сидит в

стойбище, старейшина рода отдаст ясак Шуленге – и всё. Рушатся устои, скоро не будет порядка. Русские захватывают карагасские земли, где предки охотились, покажут бумажку и скажут, чтобы уходили. Теперь мы стоим на самой границе нашей земли. На заход солнца, где охотились наши деды – хода нет, там канские купцы охотятся, нас вытесняют всё дальше в горы, а там какая охота, только летние пастбища для оленей. Не сближайся с русскими, Оробак, особенно с теми, кого не знаешь. Обманут. Не верь их словам: напоят водкой и обманут.

Молодой охотник согласно кивнул. Многое, что он сейчас услышал от старика, было ему неведомо, много ночей будет думать Оробак о наказе старика.

21

Весна 1906 года взбунтовалась и долго не хотела вступать в свои права. Пашня едва проглядывала из сугробов, медленно проседавших под ленивыми солнечными лучами. Потом подули тёплые ветры, и снег сошёл, быстрее просыхала на пригорках почва. Пахоту крестьяне начали позже обычного, когда земля была готова, и ничего не мешало поднять её да дать ей вздохнуть весенней свежести. Большой компанией за один день новосёлы посеяли и заборонили поля, а там принялись и за огороды. До «Троицы» все хозяева отсеялись и отсажались, осталось только ждать, когда благодатная земля даст силу семенам.

Жители новой деревушки Тальники потихоньку строились, обживались. Вот уже семь домов выстроились в ряд. Решил Евсей Цыганков построить отдельный дом Родиону. Парень взрослеет, не успеешь оглянуться, как он надумает жениться. А жену надо будет приводить в свой дом.

Дома братьев Никитиных, словно дети-близнецы у хорошей матери, уже были украшены диковинными ставенками с резьбой на наличниках и выделялись среди остальных. Братья женились в прошлом году в один день. Свадьбу гуляли одну, чтобы не тратиться зря. Невест нашли в соседнем Туманшете, две сродные сестры: Мария, что пошла за Ивана, да Степанида, Семёна жена, были не последними невестами в деревне. В приданое молодые получили нетелей да овец, кур да гусей, ещё и поросят. Невелико приданое, но за ним никто и не гнался. Жёны взялись за хозяйство всерьёз, и зажили братья, потихоньку радуясь своей удаче, а по весне сёстры с разницей в полмесяца родили братьям сыновей. Тут уж у Ивана с Семёном глаза засветились от счастья: отмечали братья сыновей усердно, гуляли целую неделю. Перед посевной съездили в Туманшет и окрестили новорождённых, Иван назвал своего сына Захаром, а Семён – Василием. Обмывали вместе со сватами, да так, что чуть было весну не прогуляли – жёны остановили.

У Дроновых зимой тоже было прибавление – Настасья родила дочку. Сын Ваня, которому шёл третий год, с сестрой сидеть не хотел, а ходил по двору, помогал отцу, или просто гонял живность по ограде. За свои проказы получал подзатыльники и от

отца, и от матери, но сносил наказание стойко, не плакал. Бросив одно своё дело, принимался за другое, которое чаще всего тоже оканчивалось подзатыльником. Мало того, он ещё и захаживал к соседям и там успевал навести порядок. Сам Маркел работал по хозяйству усердно: много чего было сделано, а сколько надо ещё поделывать... Мужикам было не до гулянок. Каждая гулянка оканчивалась для Маркела семейным скандалом с рукоприкладством, после которого он ходил, почёсывался и говорил:

– Полегчало на время.

В последний раз гулянка была как раз после Пасхи. Поехал Маркел в Туманшет рыбки прикупить мороженой, пока ещё туманшетские мужики ловили сетями из-под льда. Приторговал рыбки у Кешки Морозова, хорошо купил, загрузил в сани и собрался, было, ехать домой. А тут Кешка предложил обмыть рыбу, чтобы другая хорошо ловилась. Маркел и сам бы предложил, да с Кешкой они были не очень знакомы. Выпили – мало, ещё выпили, а потом ещё. Тут Кешка и давай Маркела разными словами обзывать – привычка у него такая: как подопьёт, так и обзывается. И хотел было в драку лезть, а Маркел и слов-то терпеть не стал, а уж как увидел, что на него замахнулись, так сразу вспомнил весёлые молодые годы в Конторке. Недолго Кешка поносил Маркела разными словами, вскорости барахтался в сугробе за заплотом. А у Кешки родни в деревне домов пять будет, и изо всех побежали мужики спасать родственника. Маркелу и убежать было некуда, да и не бросишь же коня и рыбу, чёрт бы её побрал. Выдернул он жердь из заплота, где копошился Кешка, повертел в руках да разбросил всех по сторонам – хлипкие мужики оказались. Вот уже не только Кешка в сугробе барахтался, даже и кровь на снегу появилась. На помощь бежали не только родственники, но и другие мужики с кольями наперевес. И не сдобровать бы Маркелу, и быть бы ему битую, да только выручил его Игнат Комов, самый главный в деревне человек.

– Стоять! – крикнул он и выстрелил вверх из карабина.

Толпа остановилась, будто упёрлась в стену. Игнат подошёл к Маркелу и спросил:

– Будто я тебя встречал где-то?

– В Тальниках живу, – ответил Маркел, приопустив жердь.

– Чего здесь делаешь?

– Рыбки приехал прикупить.

– Это что, нынче так рыбу покупают?

– Купил я, как полагается, обмыли немного – вот так вышло.

– Это ты с кем обмыл?

– Вот у него купил, у Кешки. Он предложил обмыть, а потом давай меня поносить разными словами. Я и не стерпел, – Маркел указал пальцем на Кешку, стоявшего уже на ногах прислонившись к заплоту.

– Тогда понятно, – сказал Игнат.

– Тебя сколько раз учили, что ругаться нельзя? – спросил он Кешку. – Теперь что?

– Ну, виноват, сам виноват, – пробубнил тот.

– Мужики, расходитесь, ничего интересного больше не будет.

Люди неохотно побрели по домам.

Кончилось тем, что они втроём с Игнатом и Кешкой выпили мировую, и Маркел благополучно направился домой.

А когда в начале мая Никитины повезли крестить своих детей, Настя тоже поехала, как крёстная мать одного из них. Там-то ей и нашептали добрые люди о подвигах его муженька да, как бывает, приукрасили. Дома она пару дней ходила сама не своя, а когда Маркел спросил её:

– Чего ты квёлая ходишь, приболела, что ли?

Тут Настасья выдала всё, что копилось и переваривалось в ней все эти дни.

– Ты что же это меня позоришь? Мне теперь хоть из дома не выходи! Что ты в Туманшете вытворял? Ты за кем с жердью гонялся?

– Я? В Туманшете? Когда? – сделал удивлённый вид муж.

Настасья схватила заготовку для навильников, сушившуюся под навесом, и стала охаживать ею мужа, приговаривая:

– Не позорь меня! Не позорь!

Маркел только поворачивался под ударами осинового палки, пряча голову. Попробуй прошиби полушубок черенком.

– Настасья, ты что делаешь? – крикнул Евсей, увидев, как она дубасит палкой мужа.

– Она любовь свою показывает, – спокойно сказал Маркел.

– Что? – растерялась Настя.

– Раз бьёт, значит, любит, так говорят в народе.

– Что?! Это ты полдеревни жердиной гонял тоже от любви! Ах ты, гад, как перевернул! – и стала дубасить его обломком палки.

– Не устала? А то я подожду, передохни.

Настасья бросила палку и с кулаками кинулась на мужа, он быстро подхватил её на руки и обнял так, что она не могла и пошевелиться.

– Ты ещё зашибешься, пойдём домой, – нежно сказал он и понёс её в дом.

– Ну-ка пусти, гад такой! Пусти!

– Я тебя тоже люблю, пойдём пить чай, а то Ванька в окно пялится.

– Ну, в кого ты такой? – устало спросила она и обняла его за шею.

– Точно дети, – усмехнулся Евсей.

Дома Лисицыных и Трухиных стояли по соседству. Жили они не в пример Дроновым – тихо. У Лисицыных подрастала дочка Иринка тихая и стеснительная, к осени ещё должен появиться ребёночек в их доме. У Трухиных пока детей не было, но жили они дружно.

У Евсея в доме уже топала ножками дочка Ньюша. Девочка росла живенькая, звонкая, уж если устроит скандал, то держитесь все. Её пытались наказывать, но становилось хуже, справлялись с ней только добрым словом. В основном она

находилась с прабабушкой Пелагеей: у матери дел по хозяйству хватало. Бабка особо не церемонилась с уговорами, чтобы не избаловать ребёнка, а Ньюша, была настырная и всё, что нужно было ей, брала звонкими криками. Как ни странно, но уговорить её мог дядя Родион, словно у него был свой ключик к детям.

– И чего орёшь, глянь-ка у кота уши отвалились от твоего крика, – усмехнётся он племяннице.

И пойдёт Ньюша искать кота, посмотреть, как кот смотрится без ушей, а тот от неё прячется в подполье. Пока ищет кота и забывает, из-за чего крик был. Или достанет Родион из кармана какого-нибудь медвежонка, сделанного из еловых шишек, и подсунет ей. Бывало, что станут они смотреть в окно, как лошадка солому есть, или как собака с жеребёнком наперегонки по двору носятся – вот и счастье ребёнку.

Евсей тоже быстро успокаивал дочку: возьмёт на руки, вытрет слёзы, спросит:

– И чего шумим?

Девочка пальцем укажет, что ей надо и тут же получит, что ей хотелось – слаб отец перед детским криком. Ульяна просила не баловать дочку, но... Скоро ещё родится малыш, вот тогда и видно будет, кого и как воспитывать. Бабка Пелагея сказала, что по всем приметам будет сын, а она, наверное, понимает. Все роды в деревне принимала она, потому как по возрасту старше всех, и кое-что в этом деле понимала. Ещё её бабка рассказывала ей, что и как делать, а потом и самой приходилось помогать роженицам, так и приноровилась. Говорили, что у неё рука лёгкая, если Пелагея принимает роды, то всё будет хорошо.

Каждый в деревне жил своим домом. И уже в каждом доме шумели дети. Только Саша Поляков не построил свой дом – всё помогал другим, а на свой и времени не хватало, и денег не было. Но мужики решили, что в этом году в складчину соберут Саше дом: лес-то лежит – руби и только. Тогда и Саша станет жить своим домом, а не обитать по деревушке да жить в сараюшках. Никто его не прогонял, но сам стеснительный, не хочется в чужой рот лишний раз заглядывать, хотя на любую помощь шёл сам, звать не надо было.

К концу июня Евсей решил съездить в Конторку и встретиться с Хрустовым. Было у него желание сходить за золотом в верха Бирюсы, места знакомые, не раз хоженые, да и друзья-товарищи среди карагасов есть, которые помогут. Идти он надумал только с Родионом, нужно было разведать, что и как теперь в этом промысле. Вот и хотел посоветоваться с Хрустовым, как быть. Кое-какие запасы еще были у Евсея, но совсем несерьёзные, а расходов предвиделось немало. Надо было дом достроить брату да оженить его. Ещё ожидалось прибавление в семье – тоже расходы. А в деревне что можно заработать? Жить можно, но в узких рамках, правда, Евсей и не жил широко, но всё ж хотелось обезопасить завтрашний день. Пробовали добывать пушнину, но не получилось – рядом с деревней зверя нет, а всё что дальше по реке Туманшет, уже поделено между деревенскими охотниками из Туманшета, да там ещё и с Тинской наведывались изворотливые людишки, промышлявшие на чужих

участках. Участились случаи смертоубийства в тайге – лихой народишко пришёл вместе с железной дорогой. Из-за белки убивают, а что тогда говорить о золоте. Правда, золото на реке встречается редко, мало его на Туманшете.

Поговорил Евсей с туманшетскими охотниками да решил, что не стоит овчинка выделки – больше проблем для себя да скандалы с соседями. И вспомнил он место, что ему показал Эликан в последний раз. Не давало покоя это место, для себя достаточно будет взять жёлтого металла, а с компанией надо место искать посерьёзней.

Ещё хотел узнать Евсей про цены на золото, а то, может, и не стоит трудов такие походы совершать за тридевять земель. Такая была причина ехать в Конторку и поговорить с глазу на глаз с Хрустовым. Давно не наведывался туда Евсей, дел дома было невпроворот.

Провожать Евсея вышли все. Передали подарки для родных в Конторку, женщины утёрли слёзы.

К вечеру въехали в село. Солнце, прокатившись по чёрным от времени крышам, упало за сопку, сумерки с небольшим туманом медленно надвигались от реки. Ничего не изменилось в Конторке: всё та же грязь посреди улицы – уголок для огромных свиней, почерневшие и покосившиеся заборы. Только у зажиточных хозяев всё выглядело по-другому: где надо покрашено, подделано, отгорожено, любо-дорого посмотреть постороннему человеку, а местные жители по привычке, не замечают ни разрухи, ни роскоши.

У лавки Хрустова приделано новое большое крыльцо, смещённое вдоль здания, на нём выставлены столы и скамейки, для желающих посидеть и пропустить чарку-другую водки. В окнах лавки горел свет, две лампы исправно освещали пространство не только в помещении, но и на крыльце. Керосина не жалели.

Евсей подъехал к крыльцу и стал привязывать лошадь к перилам. Родион, высокий ростом, набирающий статью, спрыгнул с телеги и потянулся, отгоняя остатки сна. Долгая дорога, половину которой Родион прошёл пешком, придерживаясь за телегу или просто по обочине разбитой дороги, утомила. Уже перед деревней он сел позади брата и немного прикорнул.

На крыльцо выскочил Нестор с широкой улыбкой на блестящем лице. Как и положено лавочнику, его волосы прилизаны на пробор посередине и смазаны маслом. Чёрная безрукавка надета на яркую цветастую рубаху, на шее повязан платок.

– Здравствуйте вам, заходите на огонёк, – пригласил Нестор, сделав вид, что не узнал братьев. – Проходите, водочки пожелаете-с?

– Ты чего, не узнал? – спросил Евсей.

– Как же не узнал? Узнал, ещё как узнал, – смутился Нестор. – Проходить будете, или я тут зря расшаркиваюсь перед вами?

Родион с удивлением смотрел на молодого хозяина и не понимал, играет он или на самом деле такой.

– Отец дома? – спросил Евсей.

– Отец живёт в Тайшете, у него там открыта торговля, давно вы не бывали здесь, раз не знаете. Он уже полтора года, как в Тайшете, здесь я веду дела, – с большим достоинством сказал Нестор.

– Мне нужно с ним по делу свидеться, подскажи, как его найти.

– Недели через две он сам сюда заявится, бывает здесь раз в месяц.

– Столько ждать я не могу, где его там можно найти?

– У него на базарной площади две лавки стоят, а сам он живёт по Первой Зелёной улице, недалеко от церкви, – довольный своей значимостью заявил Нестор. – Скоро её будут освящать, уже и гости собираются в Тайшет.

– Тебе откуда ведомо?

– Среди людей живём, не то что некоторые, – подколот лавочник.

– А про нас откуда знаешь? – усмехнулся Евсей напыщенности собеседника.

– Так, среди людей живём, – повторился он и рассмеялся.

– И что говорят?

– Да, говорят... А если вы хотите ехать в Тайшет, завтра поедет обоз с товаром для отцовской лавки – вот с ними и отправляйтесь, две подводы пойдёт.

– Когда поедут?

– Прямо с утра и поедут, подводы гружёные, не поторопишься.

Ночевать Евсей поехал к старому приятелю Лаврену, которого давно не видел. Передавал привет с оказией – и только, а теперь привёз ему горшочек с мёдом. Братья Никитины пытаются развести пчёл, вот и угостили.

Лаврен вышел сам встречать гостя: уже прослышал, что приехал Евсей, а значит, мимо не пройдёт.

– Ну, здравствуй, отшельник, – сказал он и крепко обнял друга.

– Доброго здоровья и тебе, крепок ещё.

– А это Родион, что ли? Глянь-ка, паря, как вымахал за это время!

Родион засмутился от такого внимания к себе.

– У тебя и прибавка в доме уже есть? – спросил Лаврен.

– Есть. Дочка, бегаёт уже, никому покоя не даёт, – ответил Евсей и заулыбался.

– Вот оно времечко, давно ли по реке сопли морозили, а поди ж ты, уже и дочка в доме бегаёт. Ну, проходите, а то так и будем посреди улицы говорить.

Долго просидели Лаврен с Евсеем. Старик узнал, как устроились его земляки на новом месте, как приняла их земляца.

– Оно и так бывает: глядишь, место доброе, а прижиться никак нельзя, не принимает земля. То неурожай, то сгорело, то ещё чего. Помается человек и съедет на другое место. А другому всё как по маслу – любое дело с прибытком.

– Прибыток есть, зимой соберутся вечерком бабы посидеть да поболтать, так ребятишки такой хай поднимут, хоть из дома убегай.

– Ишь, ты? Ничего, ребятишки – дело доброе, без них никак нельзя. А живёте ладом, без скандалов?

– Скандалит у нас только Настасья Дронова, – усмехнулся Евсей.

– Чего так? Вроде ничего была девка, спокойная.

– Так она Маркела палкой охаживает, – Евсей рассказал Лаврену недавнюю историю, смеялись долго.

– Значит, полюбовно полдеревни гонял, – сказал Лаврен. – Он и здесь любитель был померяться силами.

– Было дело, только против своей жены ни слова, ни полслова. Она его ругает, а он ей говорит:

– Я с самого первого взгляда на тебя так и сомлел. Ты на меня хоть добрым словом, хоть колом по хребту, а я смотрю на тебя и люблюсь.

– Так и говорит ей? – спросил Лаврен.

– Маркел ещё и подначит, мол, когда ты злишься, из тебя дым идёт. Тогда совсем держись. Но Маркел поймает её, подержит несколько минуток, пока она успокоится, потом гладит по голове да приговаривает какие-то слова. Нет, ничего, хорошо живут, Маркел её никому в обиду не даёт и сам пылинки сдувает. Она баба не вредная. Но характер такой. Я спросил как-то Маркела, что, мол, успокоить нельзя, а он мне выдал:

– Мне такая тихая и спокойная, как у Кирьяна Дарья, баба не нужна, я ж закисну и скукожусь, как огурец в бочке. А Настя меня понимает, не даёт закиснуть, да и свой характер заодно потешит. Вот так и живём.

– Хотелось бы мне пожить с вами немного, только не отлучись сейчас отсюда. Илья Саввич в Тайшете живёт, делов у него там много, да и по-семейному получилось так. Жена у него полтора года назад померла, помнишь же, больная была, так он сразу и уехал отсюда. Оставил Нестора на хозяйстве, а меня в пригляд определил. С собой дочку малолетнюю забрал было, но пришлось вернуть сюда. Илья Саввич стал девиц водить, погуливать, а дочка хоть и мала ещё, но характером в батюшку, такие концерты устраивала там, чуть было дом не спалила, вот и привёз он её сюда, от греха подальше.

– Так она малая совсем, – удивился Евсей.

– Десять годочков минуло. Так-то девочка неплохая, не в пример братцу, с головой, но маловата ещё, чтобы к делу приставить. Учили её немного в Канске, два года обучению предавали, читать, писать умеет, только этого маловато, а жизнь когда ещё свои уроки начнёт давать? Здесь только и слушается Аннушку, свою воспитательницу да Никитичну – повариху, другие ей не закон. Нестора, брата, будто и не видит совсем: сядет где-нибудь в уголок и смотрит в точку – всё по матери убивается. Завтра

повезут её в Тайшет, там церковь освящать будут, вот и захотела она побывать на таком празднике, даже Илья Саввич не посмел отказать ей.

– Мы тоже едем завтра с ними, мне надо поговорить с Хрустовым.

– Так и поедете вместе, чего по одному болтаться. А дело серьёзное, может, и я тут смогу решить?

Евсей рассказал старому другу, что собирается ещё сходить за золотом, а если получится, то и попробовать завести торговые отношения с карагасами. Снарядить пару подвод с товаром, да обменять их на пушнину, а если повезёт, то и на золото.

– Это я не могу решить, езжай к самому, а тебе скажу так – тянет золото. Только не приближайся к нему, держись на расстоянии. Недавно приезжал мужик с Благодатской, рассказывал, что часто стали люди пропадать в тайге. Пойдут золото мыть – и ни слуху ни духу. Если решишься, то один не ходи и боронись чужого человека в тайге, не зря люди пропадают. А так, конечно, дело стоящее, если с умом подойти, да и карагасов не обижать.

Утром к лавке поехали вместе с Лавреном, он должен был передать с обозом ещё какие-то бумаги. Возле крыльца стояли две подводы, груженные доверху, рядом – коляска на рессорах.

Родион только подошёл посмотреть диковинный экипаж, как с крыльца к нему бросилась нарядно одетая девочка.

– Родя, это ты? Какой ты стал большой! Здравствуй, Родя.

– Лизавета?

– Да, я это, не узнал, что ли?

– Не узнал.

– А ты чаще приезжай! Где ты был?

– Я?

– Знаю, живёте вы на заимке в лесу!

– Откуда знаешь?

– Тятя говорил, а я подслушала. Только не говори мне, что подслушивать нельзя, мне про это Аннушка говорит постоянно.

– А ты её не слушаешь?

– Почему не слушаю? Слушаю, но делаю по-своему. А мы в Тайшет едем, там церковь открывать будут, я хочу посмотреть, говорят, что народу будет страсть как много.

– Мы тоже в Тайшет.

– Правда? Поедем вместе, хочешь, со мной поедем на этой коляске. Хочешь?

– Здесь места маловато, мне не достанется.

– А ты умеешь лошадью управлять? Умеешь, чего я спрашиваю, вот и будешь управлять, а возница на другой телеге поедет.

Лизавете даже и не попытались возразить. С ними в коляске была только Аннушка – воспитательница Лизаветы.

Тайшет приготовился к торжеству: подмели улицы, убрали от дворов мусор и дрова, обильную грязь, оставшуюся от недавних дождей, застелили лапником. Лавки на Базарной площади вымыли, вычистили окна, настелили тротуары. В город приехали гости из губернии вместе с архиепископом Тихоном из Иркутской епархии. Приехали купцы и промышленники, а также состоятельные горожане, пожертвовавшие немалые деньги на храм.

Урядник Иван Савельев, с самого утра заглянувший в питейную и принявший стаканчик анисовой, стоял немного в стороне, заложив руки за спину, и зорко наблюдал за публикой. Двое десятских время от времени подходили к нему и докладывали обстановку, он еле заметно кивал головой и продолжал смотреть вокруг. Дожидался времени, когда начнут освящать церковь.

Хрустов Илья Саввич вместе с гостями и дочерью находились немного поодаль, чтобы не попасть в толпу, когда народ, влекомый крестным ходом, пойдёт по кругу. Едва народ двинулся, Хрустов сказал:

– Пойдём в лавку от греха, а то затопчут. Оттуда тоже будет видно.

Торжество продолжалось весь день. Только под вечер люди разошлись группами и устроили гулянья: по улицам носились пролётки с гармошками, у домов устраивали пляски. В питейных заведениях только успевали открывать бутылки.

Вечером в новом просторном доме Хрустова собрались гости, местные торговцы уровня Ильи Саввича. Шампанское лилось щедро, музыка гремела, народ веселился.

Евсей сидел с краю стола, стараясь не примыкать к шумным компаниям, особо не пил – не любил. Родион с Лизаветой находились в просторной комнате, где было довольно количество книг, многие были с картинками.

– Расскажи мне, что ты делал на новом месте? – спросила девочка. – Я скучала по тебе. Когда не стало матушки, я осталась совсем одна. Приходила на кухню, забиралась в уголок, где мы с тобой сидели, и грызла пряники или плакала.

– В деревне, где мы живём, – тихо, чужих людей нет, только наши, кто приехал из Конторки. Зимой снегом заносило так, что ворота и калитки не закрывали – не успевали очищать, а летом поначалу было много комаров и мошки, потом траву около домов повытоптали, так стало меньше. Бывает, и сейчас спасаемся дёгтем. Ребятишки потешные выросли, гуляют сами уже по двору, у меня племянка растёт Нюша, такая крикунья.

– Почему она кричит?

– Маленькая ещё. Всё ей надо, вот и требует рёвом, что видит. Вырастит – не будет кричать.

– Ты её любишь? – спросила девочка.

– Да, она же моя племянница.

– А меня никто не любит, – сказала Лиза и стала смотреть в окно.

– Почему?

– Матушки нету, Нестор – дурак, тятя некогда, он только работает.

– Почему Нестор дурак?

– Одевается как барышня, маслом мажется, а потом улыбается всем в лавке, разве не дурак?

– А почему ты не живёшь здесь, в Тайшете, наверное, интересней, чем в Конторке. Здесь и народу больше. Мне говорили, что тут синематограф есть, хотелось бы посмотреть.

– Я видела уже.

– Интересно?

– Нет. Там только целуются да из пистолей палят, и музыка громко играет.

– Хотелось бы посмотреть.

– Завтра и сходим. А Нюша какая? – вдруг спросила Лизавета.

– Вот такая, – показал рукой Родион.

– Такая маленькая?

– Да. Она недавно стала ходить ножками, кроха ещё.

– Батюшка говорил Аннушке, а я подслушала, что осенью наймёт мне учителя, будет он меня наукам учить.

– Ты же училась?

– Только две зимы ходила в класс, а потом всё и закончилось. Читать и писать научилась – и только.

– А что ещё надо?

– Разные науки есть, в них много интересного рассказывается.

Они сидели и разговаривали, как два приятеля. Когда шум стих, они вышли в зал. Там никого не было: вся компания пошла праздновать на улицу.

– Есть хочешь? – спросила Лизавета. – Пойдём, поедим, пока никого нету.

Они нашли нетронутый уголок стола, присели и стали есть уже холодные блюда.

– А где Аннушка? – спросил Родион. – Я её не видел.

– У неё в Тайшете живёт знакомая, она пошла к ней в гости.

Ночевать Лизавета уложила Родиона в смежную маленькую комнату воспитательницы.

– Поместишься здесь?

– Хорошо, как раз места хватает, – сказал Родька.

На другой день гулянья продолжились. Люди бродили по улицам, посещали питейные, заходили в лавки, словно других дел не было. Только на другой стороне железной дороги, где проживали рабочие, было тихо и спокойно. Кто хотел отметить, тот это сделал вчера, а кому нужен был повод выпить, успели сделать это с самого утра и теперь мирно почивали под кустами в тенёчке. На «железке» весело посвистывали паровозы, постукивали колёса проходивших поездов, возле вокзала в кустиках сидели и закусывали простенькой снедью пассажиры, в буфете цены

«кусались». Жизнь текла своим чередом, словно и не произошло ничего. А событие было важное: поселение Тайшет получило статус села Алзамайской волости, Нижнеудинского уезда, Иркутской губернии.

Утром третьего дня Илья Саввич вместе с Евсем сидели за столом и пили чай.

– Слаб здоровьем стал я для таких потрясений, годы не те, – пожаловался Хрустов.
– Ты, смотрю, ничего, не болеешь.

– Я и не употреблял много, самую малость, для виду. Не люблю.

– Помню я, молодец, что не увлекаешься: в пьяных руках ни одно дело не удержится. Так что ты хотел мне рассказать?

Евсей рассказал то, о чём подумывал в последнее время:

– Надо снарядить небольшой обоз с товаром да самим попробовать торговать с карагасами. Их повсюду обманывают, а если им оказать честь и торговать по совести, то добрый слух о нас пойдёт, и люди будут приезжать торговать с нами. Дороги есть, по реке можно подниматься далеко, на две-три сотни вёрст вверх.

– Откуда такая надежда на торговлю?

– Разговаривал я с ними, рассказывали они, как их спаивали да обирали.

– Это не новость, отчего думаешь, что тебе вера будет?

– Дружба у меня сложилась с ними.

– Так и дружба? Ты не был там три года и не знаешь, что они больше не останавливаются на старом стойбище, уходят в горы – там спокойней. Народу повалило в последнее время в тайгу несметно, шумно стало. Ведут себя не как подобает – вот такие дела.

– Для начала надо сходить налегке, найти карагасов и поговорить с ними, я думаю, что у меня получится. А там можно и порядок немного навести, посторонних приструнить, чтобы не обижали инородцев – вот и будет вера и всё остальное.

– Раздумывать особо нечего, пойду я к тебе в долю, риски небольшие: подумаешь, обоз с товаром собрать, а вот если срастётся всё, то польза будет. Тогда лучше меня компаньона тебе не найти: тебе нужен будет оптовый покупатель на пушнину, ну, надеюсь, и золото, а я вот он, под рукой. Не ахти какой барыш, но я и не гонюсь за большими капиталами, у меня, как ты видишь, понемногу там и сям, а в итоге и ничего – радуется душа. Честно скажу, и ты меня порадовал: чужую волю исполнять – это, конечно, хорошо, а ты и сам дело предлагаешь. Я ещё согласен и потому, что скажу тебе честно, я это дело присматривал. По Бирюсе «карагасников» нет, это люди, что ведут торговлю с инородцами, всё больше из Нижнеудинска, из Тулуна буряты приходят. Из Канска купцы прибирают торговлю к рукам, мне известно, что они по Туманшету всё захватили, только там уже и русские охотники есть, а с ними не поговоришь, как с карагасами, можно и пулю поймать. С теми охотниками тоже можно договариваться о продаже товара. Сам я не могу этим заниматься, а если ты возьмёшься, я помогу всем, что пожелаешь. Хочешь финансами, а хочешь, и власть словечко скажет, есть у меня нужные люди. А вот помощников набирай себе сам.

Хрустов подлил себе чаю, махнул рукой и наполнил свою рюмку водкой.

– За хорошее дело, может, и ты?

– Нет, я не буду.

– Когда на разведку пойдёшь?

– А вот до дома доберусь и поеду, пока до карагасов доберёшься да найдёшь их – сколько времени пройдёт, а уже середина лета. Хорошо бы сговориться с ними на весну, чтобы они всё на суглан не возили, а оставили и для нас. Пока река будет стоять, мы за полтора месяца и объедем их стойбища, а лучше сговориться, чтобы они сами собирались для этого дела в одно место. У них расстояния огромные, не зря они пешком не ходят, только на оленях.

– На подарки надобно раскошелиться, что будешь брать?

– Табак, чай да патроны, много на себе не унесёшь по тайге. Летом не зимой – дорог нету.

– Домой завтра поедешь?

– Да.

– Вечерком ходим в лавку, подарков отправлю молодёжи вашей, по сколько им лет?

– Самому старшему три, а другие младше.

– Уже на новом месте родились, коренные жители. Надо приехать как-нибудь, посмотреть, чего вы там наделали.

– Милости просим.

– Не смейся, возьму да и заеду.

– Я и не смеюсь, завсегда рады.

К вечеру приехали Родион с Лизаветой. Они целый день катались по селу, рассматривая новые постройки. Когда кругом идёт стройка, то красивого мало: кругом мусор, грязь и пиломатериалы. Где ещё совсем недавно стеной стоял непроходимый лес, прилепились неказистые избёнки, привлекавшие только своей новизной.

Родион впервые посетил синематограф. Впечатление осталось странное. Поначалу было интересно, как это движутся люди на стене. Потом стал улавливать сюжет, как и что делается на экране. Слушал музыку, но, в конце концов, вышел ошеломлённый представлением и уставший. Пытался осмыслить, как это всё можно сделать.

Тайшет не понравился Родиону – слишком много народу, толкучка кругом. Люди спешат куда-то или наоборот бессмысленно смотрят по сторонам, ожидая непонятно чего. Жить в таких условиях Родион не захотел бы. Единственно, что пришлось по душе – это церковь. Большая, нарядная и снаружи и внутри, она притягивала всем своим видом. Люди, кому не довелось побывать в ней в день открытия, пришли на заутреню и простояли всю службу до обеда. Отец Василий, настоятель нового храма, торжественно проводил первую свою службу в новой церкви, в новом приходе. Люди до самого вечера ходили вокруг храма, тихо разговаривали, обсуждая достоинства и

недостатки сооружения. Не понравилось, что церковь поставили на площади, где после каждого дождя была сплошная грязь. Правда, уже шли разговоры, что прямо к дверям со всех сторон проведут деревянные тротуары. Сделают подъезды для колясок и экипажей. И будет стоять церковь на Базарной площади неммым укором для торговцев, пробуждая их к совести да призывая нести пожертвования в храм.

Вечером Хрустов, разговаривая с Евсеем, заметил, что его дочь только с Родионом ведёт себя спокойно, а с другими, словно напуганный зверёк, скалит зубки и не хочет разговаривать, любое предложение принимает в штыки. Своего брата совсем не признаёт – одно спасение Аннушка, только она может ещё уговорить её.

– А твой брат прямо, как волшебник, я улыбку у дочери давно не видел, сейчас посмотри, целый день прямо цветёт. Может, Родион какой секрет знает?

– Это мне не ведомо. Он и с моей дочкой управляется лучше мамки, слово скажет, а она уже слушает.

– И ведь парень, не нянька какая-нибудь. Да я и не видел, чтобы он и уговаривал её, просто перебрасываются словами. Эх, не знаем мы своих детей, не знаем. А ему, видно, дано понимать детскую душу. Учить надо дочку, а я не знаю, как к ней подобраться, каким словом уговорить. Может, спросишь у брата, пусть он убедит её учиться.

– Да, спрошу, чего не спросить? – улыбнулся Евсей.

Не знал ещё Илья Саввич, что Лизавета и сама решила познать много нового, когда однажды подслушала разговор о том, что отец решил нанять ей учителя. Надеялась своим детским чутьём, что новые знания отвлекут её от бед и разных неурядиц. И было ей любопытно узнать о неведомых доселе разных разностях.

Илья Саввич уже договорился с учителем, одним из политссыльных, приписанных к Тайшету. О нём говорили, что он большого ума человек. В цене сошлись, не торгуясь, не такие великие деньги запросил учитель, теперь только стоило договориться с дочерью.

Через два дня Евсей с братом рано утром выехали домой из Конторки, куда прибыли накануне вечером. Илья Саввич написал записку Лаврену, по которой тот выделил всё для подарков карагасам, детишкам Хрустов выбрал сам в своей лавке в Тайшете. Кроме разной одежды, были ещё игрушки да сладости, которые дети из Тальников видели нечасто.

– Пойдём с тобой в верховье Бирюсы, не забыл? – спросил Евсей брата.

Тот удивлённо посмотрел на него:

– Когда пойдём? – Родион хоть и ходил с братом за золотом, но это было рано по весне, ещё по снегу.

– Вот дня через два-три и пойдём, дома дела поделаем, приготовимся и пойдём.

– Пешком?

– А хоть и так, не пойдёшь?

– Пойду, мне лишь бы дома не сидеть, в лесу хорошо.

– До Благодатской на коне в телеге, а там пешком по берегу.

– Золото мыть?

– Золото – это не главное, хотя хотелось бы и принести немного – всё приработок. Нужно карагасов найти, разговор к ним имеется.

– Чего их искать, они, небось, стоят на берегу реки да смотрят в небо.

– Нету их там. Третий год не приходят, кто-то их прогнал. Далеко они не должны уйти, их места там, возможно, в горы подались. Видел, какие там распадки огромные.

– Места красивые.

– Вот и пойдём искать. Если всё получится, то к весне ещё поедем с обозом.

– Оббирать их? – спросил Родион и с иронией посмотрел на брата.

– Почему оббирать? Торговать с ними, честно торговать.

– Хорошо, я пойду, куда скажешь.

– Чего это ты хмурый такой, слова не вырвешь?

– Я и раньше не особо говорил.

– Видел я, как ты с Хрустовой дочкой болтал, ушам своим не поверил. Будто и не ты это. Чего у тебя с ней общего, сам Илья Саввич заприметил, что она с тобой говорит, а больше ни с кем. Особо после того, как мать у неё умерла.

– Ничего такого. Просто мы давно знакомы – вот и разговаривали.

– Ты-то вон парень уже взрослый, а она ребёнок ещё, какие такие могут быть дела?

– Какие дела? Нет никаких дел, просто, когда ты с человеком без хитрости, и он с тобой запросто. А Лизавета, несмотря, что и маленькая ещё, а рассуждает не по годам. Брата не любит, потому что он слизень, а отцу не стоило бы на виду у ребёнка девиц приводить – вот и все дела.

– И верно, ничего секретного. Хотел было Хрустов, чтобы ты уговорил её дальше учиться, нанял он ей учителя.

– Она знает, сама хочет учиться, говорила мне.

– Вот ведь как, а он не ведает, как её уговорить, – Евсей замолчал, переключившись на свои дела.

Вечером в доме собрались все друзья вместе с семьями. Евсей раздал подарки детям. Они вначале чуть не передрались из-за кукол, но потом увидели сладости и успокоились.

Евсей рассказал о поездке, как открывали новую церковь, как гуляли. Всем было интересно – никто ещё не был в этом новом Тайшете, хотя о нём слышали. Верилось с трудом, что это село гораздо больше Конторки. Ещё недавно и про место такое мало кто знал. Родион рассказал о синематографе. Что это такое, вообще мало кто понял. Никто не примечал за Родионом вранья, поэтому сельчане решили, что это если не выдумки, то «бесовское» дело, чтобы только смущать народ.

После чаепития, когда дети стали «клевать носами», Евсей решил поговорить с мужиками о деле.

– Маркел, мы с Родионом пойдём к карагасам, к тебе есть просьба.

– Я не могу сейчас пойти с тобой, – сразу ответил Маркел. – Ты же знаешь Настю – такую бойню устроит.

– Ты дослушай, а потом доложишь про жену. Мы пойдём с Родионом вдвоём, завтра день на сборы и послезавтра утром отправимся. Ты в деревне останешься за главного, или Настя твоя будет за главную?

– Будет тебе, – усмехнулся Маркел.

– Когда мы вернёмся? Ты сам знаешь, как это бывает – загадывать не стоит. Время придёт, ты мужиков собери, пусть моим помогут по осени управиться с уборкой. Я рассчитаюсь, когда приду, никого не обижу.

– Вот это я тебе обещаю, это сделаем. А идти снова, я думаю, никто не пожелает. Только стали приживаться, сам видишь, детишки ещё малые – их не бросишь.

– Сейчас и не надо никого, мне нужно сходить больше для разговоров к карагасам.

– Я и спрашивать не буду про дела, правду сказать, хотелось бы и мне повидать их. Интересные люди: ни хитрости тебе, ни обмана.

– Если всё пройдёт хорошо, то, может, весной вместе ходим, чтобы по холоду ещё вернуться.

– Загад не богат, чего зря рассуждать, – сказал Маркел. – Ты не сомневайся, всё сделаем в лучшем виде.

– Вот и договорились.

23

– Ты их не найдёшь, они там пару лет совсем нет появлялись, – сказал Никодим Нестеров Евсею. – Мне люди говорили, что три года назад видели их, когда они уходили в горы. После этого в стойбище, где они обычно находились всё лето, никто не появлялся.

– Попробуем поискать их в горах, вдруг повезёт, – ответил Евсей. – Я коня оставлю у тебя до осени, пока вернусь.

– Оставляй, не в первой. Если желаете, лодку вам дам. Есть у меня небольшая, лёгкая, можно, как сани таскать за собой, – предложил Никодим. – У меня часто пользуются лодки, удобно.

– Я подумаю, завтра скажу.

– Значит, понадобился Эликан Хрустову? Понимаю. Сейчас многие пытаются завязать торговлю с карагасами, выгодно, обманывать легко. Только в толк не берут, что обмануть можно раз, ну два, а потом с тобой никто и говорить не станет.

– Только торговые люди идут в верха, или и другие есть?

– Торговых пока нету, есть другие. Этих намного больше. Чтобы торговать, надо начальные деньги иметь, а где их взять? Вот и идут все кому не лень, надеясь на удачу. Опасно стало в тайге, постреливают.

– Мне говорили.

– Говорят много, но еще ни одного супостата не поймали. Вы тоже по сторонам поглядывайте, мало ли что.

– Благодарствую, будем смотреть.

– Если что ещё надумаешь, завтра скажешь, если смогу – подсоблю.

Братья сидели на брёвнах у забора и наблюдали, как заходящее солнце расцвечивает гору за рекой. Яркие лучи сначала раскрасили алым цветом зелёные макушки сосен, стоящих по самому гребню сопки. Опускаясь всё ниже, солнце словно переодевало деревья в радужный наряд. Внизу алый цвет остановился и, перекрасившись в чёрный бархат, пополз вверх к вершинам сосен. Постепенно чернота рассеялась, и деревья опять стояли в тёмно-зелёных своих одеяниях, потихоньку прячась в наползающих сумерках.

– Красиво, – сказал Родион. – Сколько раз видел, а всё одно – красиво.

– Да.

– Завтра идём?

– Утром и пойдём. Никодим предлагает лодку маленькую вместо волокуши взять, как ты думаешь?

– Не стоит, – немного подумав, ответил Родька. – По распадкам её не станешь таскать. А если на берегу прятать, тогда и возвращаться придётся к этому месту, а мы можем и напрямую где-то пройти.

– Я так же думаю. Груз у нас невелик, донесём и на себе.

– Евсей, я примечаю, что вон тот работник Никодима всё вертится да прислушивается к нам, – Родион кивнул в сторону работника, который делал вид, что складывает дрова, а сам нет-нет да поглядывал в их сторону.

– Может, показалось?

– Может, и показалось, – согласился Родька.

Этого работника Евсей знал с самого первого своего появления здесь. Ещё тогда он не понравился ему, слишком пронырливый и любопытный.

– Пошли спать, завтра раненько пойдём.

Через две недели братья пришли к стойбищу. Здесь и верно давно никого не было. Даже на месте кострищ проросла трава, только ободранная кора у близстоящих деревьев указывала, что здесь подолгу останавливались люди – и олени оставили свой волос в коре.

– Нечего и рассматривать здесь, прав был Никодим, давно ушли карагасы и вряд ли вернутся, – Евсей посмотрел на распадок, растянувшийся от самой реки до снежных шапок далёкого Саяна, надеясь увидеть хоть какие-то признаки людей: дымок от костра или оленей.

– Я уже смотрел туда, ничего не заметил, – сказал Родька и стал собирать дрова для костра.

– Пару дней побудем здесь, посмотрим, а потом и решим, куда дальше пойти. За золотом зайдём на обратном пути, если там никого не было, то намоем быстро, а если побывал кто-нибудь, то и оставаться не стоит. Главное нам найти стойбище.

Косуля выскочила неожиданно, Родион моментально среагировал и выстрелил. Животное привыкло, что здесь никого нет и поплатилось за свою беспечность, зато у братьев было свежее мясо. Сварив в котле несколько кусков, Евсей достал их и бросил ещё, варёное мясо хранилось дольше. Не столь и много мяса от косули, за вечер переварили всё и повесили на сучья остудить, будет чем перекусить в дороге.

Пока варилось мясо, братья сделали шалаш, положив на сучья между двух небольших листовенниц жердь, на неё с одного края под углом наложили жердей и закрыли всё лапником, сверху закрепили небольшой кусок брезента, чтобы не протекало. На землю тоже настелили лапника, устроив настоящие лежанки. Костёр горел как раз напротив шалаша, согревая всё внутри него. Вечеряли уже под крышей.

– Ты куда ходил с Оробаком, когда мы были в прошлый раз? – спросил Евсей.

– Через реку ходили по этому самому распадку, только потом уходили вправо, по кромке леса. Там лес имеет чёткую границу, вот мы, не доходя до границы, сворачивали и шли дальше. Там река всё равно расходится с лесом, но мы недалеко были – полдня пути всего.

– Могли они туда уйти?

– Не знаю.

– Пару дней посмотрим, подышим костром, а потом пойдём туда, где вы были, другого пути нам не остаётся.

– Ты думаешь, что кто-нибудь увидит?

– Надеюсь. Попытаем счастья.

Под утро пошёл дождь. Сначала тихий, липкий, а потом усилился и стал тарабанить вокруг так сильно, что было слышно, как хлюпает от капель вода в реке. Теперь уж точно ничего не оставалось, как переждать дождь и палить костёр. Родион натаскал валёжин и сложил их на огонь так, чтобы дождь не заливал середину, где был самый жар, тогда и мокрые дрова успевали сохнуть и хорошо гореть. Дым в такую погоду высоко не поднимался, зато запах костра распространялся быстро. Тучи опустились почти к самой земле, словно шапкой прикрыли всё вокруг, оставив небольшое чистое пространство.

Дождь продолжался три дня и прекратился, как и начался, ночью. Подул небольшой ветерок, разогнал тучи, обдул прибрежные камни. Солнце выплыло из-за сопки особенно яркое, заискрилось в речных струях, в прибрежной траве – везде, куда попадали лучи. Через некоторое время всё стало подсыхать, и блеск пропал, река притихла, и обыденный дневной шум заполнил всё вокруг.

Евсей с Родионом пили чай, когда раздался выстрел на другой стороне реки, но недалеко. Братья невольно потянулись к оружию. Долго никто не появлялся, затем

из-за поворота показался человек. Издалека не было видно лица, но одежда была не русская, Евсей поднялся и сделал несколько шагов навстречу.

Оробак улыбался своей открытой детской улыбкой, радуясь встрече с друзьями.

– Оробак, вот удача, – сказал Евсей и обнял карагаса.

– Родька, какой стал большой, – друзья тоже обнялись.

Оробак бросил к костру глухаря:

– Вот петуха подстрелил, давай варить.

– Оробак, ты нас давно приметил? – спросил Евсей.

– Я видел, как вы шли сюда, как шалаш делали.

– Чего же не подошёл?

– Лица не видел, много разных людей ходит, много спрашивают – не хотел разговаривать.

– А теперь как узнал? Дождь шёл.

– На другой стороне мой шалаш был, я и смотрел, думал, почему долго не уходите.

– Дождь же был, вот и не уходили.

– Вы шалаш делали не на один день, вот я сегодня и подошёл утром посмотрел, а тут Евсейка и Родька. Пошёл мяса стрелять, вот пришёл.

– Мы рады тебя видеть. Нам сказали, что вы здесь больше не стоите, а где искать мы не знали. Думали осмотреться немного здесь, а потом уже решать – куда пойти. Мы вас искали.

– Эликан ждал сильно, говорил, что придёте.

– А сейчас что?

– Сейчас мало ждёт, говорит, что забыли Эликана.

– Дома работы много, у нас сейчас стойбище тоже в другом месте, – сказал Евсей, улыбаясь.

– Вы тоже кочевать стали? – спросил Оробак.

– Нет, просто уючевали на другое место, пока свои чумы ставил, столько времени прошло.

– Столько зим надо, чтобы чумы в другом месте поставить?

– Да. Наши чумы не разбираются, ты, разве, не видел?

– Нет, не видел, Эликан говорил, что большие чумы, как лабазы, только больше.

– Верно, как лабазы. А сейчас стойбище далеко?

– Завтра утром пойдём, вечером чай пить будем с Эликаном.

– Всё хорошо в стойбище? Как охота была зимой, на суглане торговали удачно?

Молодой охотник повзрослел за эти годы внешне, но, как и был мальчиком в душе, так и остался. Рассказывал, что сезон был неплохой, соболей добыли немного, а зато белок промыслили порядком. Зимой мясо было всегда, снег в тайге долго лежал небольшой, охотились легко. После суглана снега стало много в лесу, тогда похуже охота пошла, но всё равно без добычи не сидели. Ружьё – хороший помощник, с луком столько не возьмёшь.

– А другие охотники как же? – спросил Евсей, подливая чая.

– Все хорошо охотились. На суглане Хамышгай напился, но продать всё не успел, Эликан увидел, забрал. Езилан тоже погулял, но продал удачно, гордый до сих пор ходит, говорит, что русская водка не забрала его голову. Только он не знает, что это я продал удачно всё ещё до того, как он напился.

– Он же твой отец?

– Отец.

– Вот и присматривай. Водка радости даёт только на минуту, а потом целый год жалеешь. Если умеешь пить немного, тогда можно и выпить.

– Я не люблю водку, – сказал Оробак.

Родион сидел и ждал, пока Евсей расспросил гостя обо всём, что его интересует, а потом, когда тот закончил, они с Оробаком стали рассказывать друг другу свои истории; как друзья, которым дела нет до взрослой жизни с её заботами. Родион рассказал о новом месте, где они теперь живут, какой зверь водится, рассказал, как ездил в Тайшет. Оробак многое не понял, но слушал, кивал головой и просто радовался русскому другу. Мало разговаривает карагас, всё больше слушает, но с таким другом можно и поговорить.

Стойбище расположилось на берегу небольшого озера, окружённого со всех сторон скалами и густым лесом, только с южной стороны была большая поляна, на которой стояли пять чумов. Возле них спали вечно голодные собаки. Люди заняты своими заботами, не болтаются зря без дела. На берегу озера у самой воды на валёжине сидел Эликан, покуривая свою трубку. Разные мысли суетились в голове у старика, некоторые пролетали мимо, не задерживаясь, другие тревожили, третьи радовали. Всё, как в жизни, в ней каждый день разный: один радуется, другой печалит. Последнее время беспокоят чужие люди в тайге, а их становится всё больше. Плохие люди пришли в тайгу, выгнали карагасов с реки, теперь приходится половину лета таиться здесь, а потом подниматься за оленями в горы. Зверя здесь больше, мяса больше, чем у реки, только простора нет, словно из чума не выходишь, перед глазами только лес и вода да кусочек неба над головой. Даже снежных сопков не видно – загородило всё лесом. Второе лето уже здесь. В первый год, когда ушли с реки, поднялись к горам, но там видны были костры, дым можно в лесу спрятать, а в чистом поле не спрячешь. И с дровами плохо было, женщины стали ворчать. Зато здесь дров много.

– Доброго здоровья, Эликан, – вдруг услышал он знакомый голос.

Сначала он подумал, что ему показалось, потихоньку повернулся и увидел улыбающегося Евсея и Родиона.

– Евсейка, пришёл? Я знал, что ты придёшь. Как нашёл?

– Оробак привёл. Вас тут и не сыщешь.

Евсей обнял старика и присел рядом. Как бы там ни было, а скучал он по ним. За прошлые годы привык к этим странным людям гордого рода карагасов.

– Ждал тебя, – сказал старик, – шибко ждал.

– Много дел было, мы тоже стойбище сменили, – сказал Евсей. – Теперь тоже нас не сразу найдёшь.

– Построил себе дом? – Эликан назвал именно так. – Жену привёл?

– Привёл, уже дочка есть.

– Быстро идёт время. Родька совсем большой стал, скоро тоже женить надо.

– Придёт время, оженим, за этим дело не станет.

– Охотишься, Родька? – спросил Эликан.

– Понемногу бегаю.

– Почему немного? Много надо охотиться.

– У нас тайга поделена, охотников много, а далеко ходить пока рано.

– Верно, далеко ходить – олени надо. Зимой ходить плохо – снега много.

– Слышал, у вас тоже тайгу делят?

– Плохие люди пришли, бумажку показывают, говорят, что теперь это их тайга, говорят – надо уходить.

– Где теперь кочуете?

– Кочуем. Олени есть, много кочуем. Куда след соболя поведёт, туда и кочуем. На суглане сказали, что всё верно: бумажка есть – из тайги уходи в другое место, а там тоже другие промышляют. Из Урянхая через хребет тоже идут чужие, те без бумажки. Пока никого нет, выбьют зверя, потом уходят.

– Как торговали на суглане?

– Мало-мало торговали. Мука есть, табак и чай есть. Орбак мясо добывает, других палкой гоняю рыбу ловить, ничего, живём помаленьку. Зимой лучше, зимой все охотятся.

Вечером Евсей достал подарки. Дарил трубки, табак, несколько ножей, довольные обитатели стойбища отходили от костра, разглядывая вещи. Появилась и бутылка водки к ужину. Никто отказываться не стал, выпили быстро.

– Ты тоже торговать приехал? Так купцы начинают разговор, – сказал Эликан.

– Тебя не обманешь, да я и не обманывать пришёл, завтра поговорим.

– Правильно. С водкой какой разговор?

Утром старик и Евсей пошли на озеро, чтобы поговорить о деле.

– Я предлагаю вам не продавать все шкурки на суглане. Часть продайте, чтобы купить товаров до весны, а когда охота закончится, вы придёте сюда, и мы придём с обозом, привезём всё, что нужно. И вам не надо будет лишний груз с собой таскать, и нам надеюсь, будет выгодно торговать с вами.

– Кто приедет торговать? – спросил старик.

– Я и приеду, и ещё несколько человек, которые тебе известны.

– Если без обмана, то можно. Обманывают много.

– Ты меня знаешь, я тебя знаю, будем торговать честно.

– Это хорошо, если правильно торговать.

– Значит, согласен? – спросил Евсей.

– Согласен, – ответил старик.

Евсей заметил, что Эликан не сильно удивился его предложению и согласился быстро.

«Неужели старик всё понял сразу или догадался, что такое предложение поступит». Полдня Евсей всё думал об этом, потом решил спросить:

– Эликан, как ты узнал, что я тебе предлагать торговлю буду?

– В последнее время на суглан приходят много посторонних людей, каждый пытается взять себе побольше и подешевле. Все люди идут по Уде с востока, с других мест, а с Бирюсы никого нет. Стали появляться здесь совсем чужие. Я знал, что всё равно придёт кто-нибудь торговать сюда, а когда увидел вас с Родькой, понял, что это вы и будете. Если бы вы пришли за золотом, которое я вам показывал, то зачем надо было нас искать да подарки тащить? Правильно я говорю? – улыбался старик.

– Всё так просто, – даже разочаровался Евсей, – мудрый ты, с тобой будет хорошо торговать.

– Только ты не от себя будешь товары возить, говори от кого?

– От кого приходили за золотом, от того и торговать будем, от Хрустова.

– Лаврен приедет?

– Не знаю. Я его видел недавно, он тебе передал вот что, – Евсей передал старику расшитый бисером замшевый кисет, наполненный табаком.

– Я рад, что ты, а не другие люди пришли, – Эликан стал набивать трубку табаком. – Я ходил туда, где показывал золото, хотел посмотреть, были вы там или нет. Золото лежит – никто не взял.

– Мы зайдём с Родионом, возьмём немного, сколько намоем, пока погода стоит.

– Оробак вас проводит, на оленях быстрее доберётесь.

– Спасибо, Эликан. Если захотите, можете собирать золото тоже, летом есть время, мы его будем брать по хорошей цене.

– Как получится. Оробак покажет вам ещё ручей с жёлтыми камнями – там недалеко.

Утром Евсей записал всё, что требовалось привезти весной, хотя и без записок знал, что нужно, но для пущей важности отметил всё. Эликан смотрел на записку и крутил головой, его это впечатлило. На прощание Евсей дал старику бутылку водки и сказал:

– Придёт к тебе друг, будет чем угостить.

Золотоносный ручей, о котором говорил Эликан, находился через сопку в другом распадке. До него было пару часов ходу пешком, в тайге это не расстояние.

Золото мыли до первых признаков осени, как только берёзы стали желтеть, Евсей стал собираться домой. Намыли песка достаточно, и самородки тоже попадались.

– Не зря сходили, – сказал Евсей брату, – пора и честь знать.

– Может, ещё помоем? – спросил брат.

– Ты чего это?

– Хорошо подаётся, чего бросать?

– Пошли домой – путь неблизкий.

Родион спорить не стал. Инструмент спрятали на вершине сопки, под корнями старого кедра. Решили, что здесь никто искать не станет.

До Благодатской спустились на плоту. Погода стояла пригожая, путь одолели без злоключений.

– Нашёл карагасов? – спросил Никодим.

– Нашёл.

– Повезло тебе, многие хотели найти – не получилось.

– Никодим, а почему здесь канские купцы хозяйничают?

– Приходят, бумаги в нос суют, мол, у них всё законно, а там, поди, проверь.

– Скоро и тебя из Благодатской выживут, тоже в нос бумагу сунут и скажут – выметайся.

– Не посмеют, здесь не Канск, да и мы – не карагасы, и пулю поймать можно, – уверенно сказал Никодим.

– Тайгу захапали, теперь никому нельзя сунуться в лес. Карагасы, как дети, их обидеть может любой, ты же с ними приторговывал, мог бы и защитить, для своей выгоды. У тебя, я смотрю, ребята по двору шастают крепкие.

– Разберёмся, – сказал Никодим и пошёл в дом.

Евсей внимательней стал приглядываться к дворовым людям Никодима. Каждый делал вид, что занимается делами, а на самом деле следили за всеми гостями. Стало понятно, что не всё так просто, теперь вспомнилось, что, будто кто-то сопровождал их всё время в лесу до некоторых пор, словно на поводке вёл.

«Пожалуй, тут ещё то, осиное гнездо, – решил Евсей. – Пора домой отправляться».

Но и по пути домой не покидало чувство, что кто-то идёт следом. На одном из поворотов Евсей незаметно спрыгнул с телеги и притаился. И ждать пришлось недолго: поодаль от прорубленной под телегу дороги тихо крался человек: останавливался, прислушивался и снова шёл. Провожал их с Родионом, а может, и не провожал, а ещё чего надумал. Евсей выстрелил из берданки вверх, потом ещё раз. Провожатый затаился, а потом повернулся назад. Евсей ещё пальнул и пошёл догонять Родьку.

– Чего палил? – спросил брат.

– Провожали нас, отпугнул, пусть знают, что обнаружены.

– Это Никодима работа, знать, он и пошаливает со старателями, он и купцов канских караулит, – сказал Родька.

– Ты уже совсем всех собак на него повесил.

– Без него здесь ничего не происходит. Он и нас не трогает, пока мы с Хрустовым работаем, – младший брат говорил как взрослый мужик.

– Кто тебе наговорил такого?

– И говорить не надо. Я в тайге встречал одного из дворовых Никодима. Когда с Оробаком ходили на охоту, он стоял на сопке и следил за кем-то, мы не стали проверять, ушли.

– А кто такой, не знаешь?

– Ты его видел у Никодима, постоянно свой нос суёт везде.

– Точно он?

– Точно, его ни с кем не спутаешь. Оробак говорил, что встречал его и раньше. Как вор по тайге ходит.

– Надо поглядывать теперь в оба. Вот так они промышляют золото: убьют старателя, оберут – и готово. Только ты об этом никому не говори, не надо жути нагонять, сами знаем – и ладно.

24

Осень выдалась хорошая: долго стояли погожие дни, утром всходило по-летнему тёплое солнышко, сушило обильную росу, а с обеда пригревало так – хоть раздевайся. В Тальниках управились с полевыми работами быстро. Помогая друг другу, усталости не чувствуешь. Дружно – не грузно, а врозь никто и не делал, потому и отмечали «отжинки» все вместе. На улице поставили стол, наварили самогона, наготовили закусок. Детишкам тоже припасли разных вкусностей.

Два дня гуляли, день опохмелялись, кому требовалось, – и снова за работу. У каждого дома своё заделье. Дружно жила деревня, никто никому не мешал и не завидовал.

Евсей стал собираться в Тайшет. Надо было встретиться с Хрустовым и поговорить о подготовке обоза для карагасов. Получилось всё так, как и задумывалось, даже лучше – карагасов не надо было уговаривать. Теперь нужно сделать всё должным образом, а там дело пойдёт как надо, стоит только проторить хорошую дорожку. Ещё была думка у Евсея, с которой он хотел поделиться с Ильёй Саввичем. Как бы её решать – о лучшем и мечтать не стоило. Теперь же Евсей поедет не с пустыми руками: удалось собрать золотишка (хороший урожай случился), теперь можно с Хрустовым в доле быть. Пусть в малой доле, но своё иметь – это не приказчиком бегать. Самородки оставили на «чёрный» день, а остальное решили вложить в дело. Здесь прогадать сложно, нужно совсем безголовым быть.

Пока ждали морозов, чтобы река встала, Родион бегал на охоту. Белок да соболей добывать рано – не выходная шкурка ещё, а глухарей пострелять самое время, пока они разгуливают на галечниках. Приносил по десятку за раз – больше не унести, а зачем портить птицу, если забрать нельзя. Успел попасть на лосиный гон, подстрелил здоровенного быка. Хорошо, что случилось недалеко от деревни, сбегал за лошадью, привезли вместе с Маркелом.

– Я уже привык лосей возить, – откровенничал Маркел Родьке. – Сначала твой братец бил их, а мне возить приходилось. Теперь и ты сподобился, а вывозить опять мне.

– Тогда давай оставим, – сказал Родька и посмотрел на соседа.

– Сдурел, что ли? – потом, поняв свою оплошность, добавил. – Евсей хоть помалкивал, а ты прямо на рожон лезешь.

Родион только улыбнулся, но ничего не ответил.

– Правильно, Родька, а чего сидеть глухонемым сиднем, подшутить тоже надо суметь, чтобы по загревку не получить. Скучно живём, а, Родька?

– Жена твоя устраивает иногда тебе веселье, – сказал Родька и отодвинулся подальше от соседа, зная его характер.

Маркел увидел и захохотал.

– Я ж её за то и люблю, что нам с ней нескучно. А характер у неё покрепче многих мужиков будет, попробуй, подломи, вмиг ухватом перекрестит, а мне это что мёд – так сладко. Эх, Родька, хороша Настасья, а ещё лучше то, что она моя жена! Повезло мне в жизни, как тебе на охоте везёт. И брат твой – везунчик, молчун, а глядишь ты, чтобы ни задумал – всё сделает.

– А чего зря шуметь, от шума суета одна.

– Это верно. Ты думаешь, чего я сюда подался? Мне и там места хватало, а не люблю, когда каждый тебе в окна заглядывает. А здесь тихо, спокойно, никто тебе в рот не смотрит, никто перед окнами не шарится. Что ни говори, а здесь воля. Вон и тебе дом поставили. Когда хозяйку приведёшь?

– Не знаю, – засмутился Родька.

– Ты только пальцем укажи, мы вмиг сосватаем, – настаивал Маркел. – Но смотри, склочную бабу сюда не приводи – все беды от склочных баб, на них никакой управы нету. Такой хоть язык отрежь, всё одно покою не даст, по ночам в окна стучать станет.

– Ладно, такую не приведу, – согласился Родька.

– Вот и договорились.

Мяса поделили на всех. Пока морозов нет, свою скотину не бьют, а здесь прибавка ко времени. Но если потребуется ещё дикое мясо, тогда попозже можно и добыть, когда заморозить можно и сохранить. Строганина из сохатого – это деликатес, да если ещё под стаканчик, тут уж не один мужик себе пальцы пообкусывал.

Евсей ходил по двору, правил, что требовало ремонт; как снегом всё засыплет, тогда ничего не сделаешь.

К середине ноября пришли морозы. К этому времени снегу подвалило достаточно, чтобы холодами не порвало землю. Люди перешли на зимние одежды. Бывало и так, что мороз уже прижимает, а валенки не наденешь: без снега по земле не побегаешь – враз спустишь до дыр. Самокатанные валенки мягкие, лёгкие, тёплые, но нежные, требуют хорошего ухода, своевременной подшивки. Но уж если проследил да укрепил вовремя, такой обуви цены нет – долго прослужит верой и правдой.

Евсей стал собираться в Тайшет.

– Родька, ты будешь менять самородки на деньги? – спросил он брата. – Приготовь, сколько надо, да пушнину возьми, что у тебя есть, авось, и сгодится. Надо тебе одежду справить, да так, может, чего-нибудь в дом увидим стоящее. Приведёшь невесту, так в пустой дом и не захочет идти.

– Чего он пустой? – спросил Родион. – Стол, скамейки есть, кровать крепкая, что ещё надо?

– Это нам с тобой ничего не надо, а бабам надо столько, что и подумать страшно. Чего не спроси – всё им надо: занавески разные да накидки, материи одной не напасёшься.

– Сейчас чего брать, ведь нету невесты?

– Впрок. Придёт, а у тебя всё есть, – усмехнулся Евсей.

– Маркел недавно говорил о женитьбе, теперь и ты. Нашёл кого?

– Я бы и приглядел, да только тебе разве угодишь?

– Сам справлюсь, придёт время.

– Скорей бы уже, – вздохнул Евсей.

Любил он брата, да и как не любить, один родной человек остался. Сколько лет вдвоём мыкаются, а теперь вот и просвет виден. Молодец Родька, все эти годы не ныл, тянулся рядом, помогал. Теперь, можно сказать, и дом свой сам заработал, да и есть с чем молодуху привести сюда, только где сыскать достойную. А с другой стороны, молод ещё Родька, пусть походит холостым, успеет и семьёй нажиться.

– В Конторке будем останавливаться? – спросил Родион.

– Посмотрим, может, и дальше не придётся ехать, нам Хрустов нужен, а если он в Конторке, то и дальше не будет надобности ехать. А ты чего-то хотел в Конторке?

– Бабка Акулина чаги просила привезти.

– А что там чаги нет?

– Она просила с верховьев привезти, говорила, что там особенная.

– Нарезал, что ли?

– Есть маленько.

– Заедем, Лаврена повидать надо.

В лавке горел свет, несмотря на позднее время. Евсей решил зайти и узнать, где сейчас Хрустов. Илья Саввич находился здесь вместе с Лавреном. Перед ними лежали бумаги, с которыми они разбирались.

– Доброго здоровья всем, – сказал Евсей, входя.

– Вот, на ловца и зверь бежит, – обрадовался Хрустов. – Только о тебе вспоминали.

Лаврен вышел из-за прилавка и обнял Евсея.

– Раздевайся, сейчас сообразим перекусить и согреться, – засуетился хозяин. – Нестор, собери-ка нам на стол. Родион с тобой? Зови его тоже, чего на морозе сидеть. Я сам, – Илья Саввич открыл дверь и позвал Родьку в лавку.

– Раздевайся, повечеряем, замёрз, небось?

Когда попили чаю, Хрустов сказал:

– Ну, не томи уже, рассказывай, как сходили?

Евсей обстоятельно рассказал, как прошла поездка, о чём удалось договориться.

– Славно, славно, – радовался Илья Саввич. – Всё более чем достойно. Теперь нам с тобой не осрамиться бы. Я слышу разговоры разные, что, мол, инородцев обмануть – дело плёвое, и греха в этом нет. А я считаю так: если в мелочах попуститься словом, потом и в других делах ложь ползет. А купеческое слово должно быть нерушимым. Пусть купцы мы неважнецкие, судя по капиталу, но всё ж – люди торговые, а значит, слово должны иметь нерушимое. Так ли, Лаврен?

– Верно, – согласился старик. – Детей обманывать – грех непростительный, а карагасы что дети.

– Всё хорошо, только есть закавыка одна, – сказал Евсей. – Илья Саввич, ты бы в Канске узнал, кто и кому выдаёт бумаги на владение карагасскими землями. Приезжают купцы, суют в нос бумагу на владение землями, а потом выгоняют людей с охотничьих угодий. Думается мне, что здесь не всё чисто.

– А что? Я знаю, как такие дела делаются, можно и проверить, а ещё бы лучше тоже бумажку заиметь и гнать всех посторонних с земли взащей. Я еду на неделю в Канск, попытаю счастья в этом деле.

– Было бы хорошо, тогда доверия станет больше. Сам знаешь: с карагасами доверие – самое главное.

– У тебя ещё есть дела ко мне? – спросил Хрустов.

– Есть.

– Давай, выкладывай, – заинтересовался лавочник.

– Вот, – Евсей достал свёрток. – Здесь немного золота есть, мы хотим с Родионом, чтобы ты нас взял в долю. Пусть не вполовину, но всё ж, мы будем иметь с этого пирога свой кусок, а не ждать, пока подадут.

– Смотри, Лаврен, в кого вырос наш недоросль? Умные слова говорит, сам хотел предложить, а он опередил. Ну, давай посмотрим, что там у тебя?

Хрустов развернул тряпицу и развёл руками:

– Да это как раз на половину обоза потянет! Молодец! И правильно делаешь, что брата держишь рядом, пусть ума набирается.

Хрустов довольно часто бывал в Канске. Здесь жили родственники жены, тут были торговые связи. Но бывать в селе было приятно только зимой, когда снегом прятало всю грязь, которой в Канске с избытком. Даже в сухую погоду грязь не успевала высыхать, и стойкое зловоние стояло повсюду. По улицам ходила скотина, бегали стаи бездомных собак, мусор выбрасывался прямо на середину улицы, где он быстро превращался в навоз. Никому не было дела до этого. Даже перед зданием, где заседало уездное начальство, постоянно была непросыхающая лужа. Рядом располагался трактир, куда челядь бегала перекусить и выпить. Зимой же было

достаточно чисто, только «конские яблоки» валялись по улицам, но их быстро засыпало снегом, и опять всё было чисто и свежо.

Хрустов решил не лезть сразу к уездному руководству, а поискать другие пути. Пусть дело дороже обойдётся, но гораздо быстрее по времени.

– Эй, человек, – крикнул он полового, – поди сюда.

– Слушаю-с, – согнулся в поклоне тот.

– На тебе несколько монет, скажи-ка мне вот что. Сюда приходят дармоеды из уездной конторы на обед?

– Как же-с, приходят-с.

– А писари бывают?

– Да, Симка Милкин приходит стаканчик пропустить.

– Когда он придёт, кивни мне, в накладе не будешь.

– Слушаюсь.

Вскоре половой подошёл и указал взглядом на худенького, неряшливого мужичка средних лет.

– Принеси-ка мне водки и позови его за мой стол, сдачу возьмёшь себе.

Симка подошёл и сел рядом с Хрустовым, не спрашивая разрешения. Видно, такие процедуры у него были частыми. Илья Саввич, ни слова не говоря, налил половину стакана, решив, что с полного у писаря ничего не добьётся. Писарь выпил водку и стал похрустывать солёным огурцом.

– Скажи мне вот такое дело, сможешь ли ты мне разъяснить ситуацию с продажей земли.

– Смотря где земля.

– В верховьях Кана, Бирюсы, Туманшета.

– Это стоить будет рубль, а захочешь сделать бумагу, то червонец, не меньше.

Хрустов понял, что угадал с писарем.

– И документ можешь мне сделать?

– К вечеру и сочиню.

– Теперь обскажи делом, что и как?

– Если всё сделать по закону, то и денег надо тыщи, и времени за месяц не управишься, но я так понимаю, вам земляца особо и не нужна, вам нужна бумага, чтобы хозяйничать там какое-то время, да иноверцев пугать?

– Верно, – поддакнул лавочник.

– Проще простого, я сам напишу бумагу, подпись подделаю и печать поставлю абы какую, кто там разбираться будет?

– Ты мне не абы какую, а штуки три печати можешь поставить? Так, чтобы посолидней было, чтобы не только инородца, а и иного купчишку напугать можно было.

– Три так три, придётся ещё рубль добавить, по полтине за печать.

– Договорились, – Хрустов вытащил бумажник. – Вот два рубля сейчас, а вечером всё остальное – прямо здесь и буду ожидать.

– После шести ждите, всё будет сделано, а имя и фамилию мы запишем прямо здесь, подальше от лишних глаз.

– Я буду ждать, – сказал Илья Саввич.

В половине седьмого, когда Хрустов уж, было, стал сомневаться, явился писарь.

– Извиняюсь, срочные дела немного задержали. У меня всё готово.

– Давай, заполняй недостающее, а я приготовлю деньги.

Писарь аккуратно вписал фамилию Цыганкова Евсея.

Рассчитавшись с ярыжкой, Хрустов и выпил с ним немного за знакомство. А вдруг ещё сгодится?

«Вот так и делаются дела здесь, а я всё про купеческое слово говорю, – думал лавочник. – Правда, здесь и дел на копейки, только начальство и не знает, что у одного куска земли по десятку хозяев. Как дознаются, высекут ярыжку, как «сидорову козу». Да что толку? Ну, теперь, Евсей, тебя карагасы на руках носить станут, если ты разгонишь воров с их угодий. Эх, срослось бы всё».

25

Вооружившись заветной бумагой, Евсей отправился к карагасам.

Обоз подтягивался к последнему повороту. Через несколько минут откроется пространство, на котором должны стоять чумы стойбища. Евсей поглядывал с нетерпением, стараясь первым увидеть знакомую картину, но его опередил Родька:

– Дымом потягивает, значит, они уже там.

Только сейчас Евсей понял, что его смущало в этом ожидании. Действительно, по реке струился запах костра. В любое другое время он почувствовал бы его сразу, но ожидание и волнение сделали своё дело, Евсей опростоволосился. Он смущённо улыбнулся, радуясь, что всё складывалось удачно.

Обоз уже две недели как вышел из Конторки. Пять саней, нагруженных товарами, пять возниц, да ещё Лаврен с ними. Очень уж захотелось Лаврену побывать у карагасов, встретиться и поговорить со своим другом Эликаном. Лаврен весь путь вёл себя бодро, часто шёл пешком рядом с санями, давая лошадям немного отдохнуть.

Вместе с ними были ещё Маркел Дронов, Кирьян Лисицин, Еремей Трухин. Их жёнки поначалу взвыли, не желая отпускать мужей, но потом согласились, узнав, что к посевной все будут дома, да и копейку лишнюю заработать не всегда есть возможность.

Хрустов весь товар для торговли приготовил в Конторке, отсюда было проще отправляться в путь, да и глаз посторонних поменьше. Всё произошло обыденно: загрузились и поутру отправились в путь. Первые две ночёвки в Догадаевке и в Благодатской провели в тепле, потом же приходилось готовить ночлег основательно,

по ночам стояли нешуточные морозы, а по реке холод чувствуется особенно. Но обошлось, никто не заболел, настроение было бодрое.

Вот и показались чумы. Их было около десятка, и стояли они кругом, словно отгораживаясь от всех. Собаки возле чумов наострили уши и подняли лай, появились люди.

Эликан стоял впереди всех и выглядывал знакомые лица. Евсея он разглядел самым первым, затем Маркела, внушительный вид которого тяжело спутать, и, наконец, узнал того, кого уже и не надеялся увидеть. Лаврен улыбался, подходя к старому другу. Они обнялись и долго ещё пожимали руки друг другу.

– Как поживаешь, Эликан?

– Шибко хорошо поживаю, Лаврена встретил, – ответил он. – Хотел уже сам ходить в гости.

– Почему не пришёл? У меня в чуме места хватит.

– В другой раз приду, – ответил Эликан, и они рассмеялись.

– У тебя в стойбище больше стало чумов, женил кого-нибудь?

– Оробак свой чум поставил, жену молодую привёл, да ещё люди из нашего рода остановились с нами на лето. Вас ждём, Евсейка сказал, что привезёте товар, вот и остались люди.

– Здоровье не подводит? – спросил Лаврен.

– Мало-мало худо, но ничего, олешка есть, ноги не надо.

– На охоту бегаешь?

– Рядом с чумом, как дети.

– Хороший год был?

– Хороший. Шибко хороший. Много соболей добыли, много белок. На суглане мало товаров давали за шкурки, шибко много промышляли все. Белому Шаману оброк отдали на три года вперёд. Мы не стали все шкурки показывать, Евсейка говорил, что хорошую цену даст.

– Верно, мы привезли всё, будете довольны.

– Ладно, однако, будет.

– Здравствуй, Эликан, – сказал Евсей, подходя к старикам.

– Здравствуй, Евсейка, Родька с тобой?

– Да.

– Мы ждали вас, ты обещал.

– Раз обещал, значит, приехал, – ответил Евсей. – Всё хорошо в стойбище?

– Хорошо.

– Чужие люди не приходили?

– Оробак видел, что идут сюда какие-то люди, завтра придут, в лесу снега много, не могут быстро бежать.

– Вот и хорошо, что мы успели вперёд, встретить их нужно достойно.

Евсей пошёл к мужикам и сказал, что делать дальше. Сказал, чтобы были настороже, но не ввязывались в разговор.

– Эликан, – сказал он. – Торговать будем завтра с утра, а сегодня будем отдыхать немного и готовиться.

– Это верно, время есть, река ещё постоит, – кивнул старик.

– Скажи всем, пусть готовят всё, что припасли.

– Лаврен, Евсей у вас главный? – спросил Эликан.

– У него голова молодая, толковая. Молодец, хороший мужик.

– Да, – сказал Эликан, набивая трубку, – не обманывает. А ты?

– А я попросился только сходить сюда. Так захотелось, что мочи нет. Аж по ночам подвывать стал, как волк. Попросил Евсея взять с собой, хотя какой из меня работник? Скучаю я по этим местам, будто прирос. Душа рвётся сюда. Как поедут без меня, так мне плакать хочется, как малому ребёнку. Вот и с тобой повидаюсь, а то сколько нам ещё осталось?

– Евсей говорил, что у тебя жёнка есть?

– Живём помаленьку. Выходила она меня, считай, на ноги поставила, хорошая женщина, доброй души человек.

Вскоре и хозяйева, и гости дружно работали зубами, поедая горячее мясо молодого изюбря, добытого Оробаком. Евсей выставил немного водки, только немного отметить встречу с друзьями. За разговорами засиделись допоздна, спать разошлись по чумам – места хватило для всех.

Утром, едва только разложили товар, как из-за поворота показался ещё обоз. Не доходя немного до стойбища, обоз остановился, от него отделился человек и пошёл к чумам. Евсей вышел навстречу, мужики встали позади стенкой, берданки лежали под рукой.

– Кто такие будете? Почему на чужих землях торгуете? – крикнул мужик, подходя.

Низкий, коренастый, уверенный в себе, он шёл напропалую, пытаясь смутить Евсея. Но тот, когда мужик попытался пройти мимо, сказал:

– Куда путь держишь?

– Я по закону здесь, а вот вы кто такие? – остановился мужик, понимая, что нахрапом взять не получилось.

– По какому закону ты здесь?

– У меня бумага есть с печатями, где говорится, что только я имею здесь право торговать и даже охотиться. Мои это земли.

– Покажи бумагу, – сказал Евсей и улыбнулся, вспоминая рассказ Хрустова про эти бумажки, как за десять рублей можно приобрести половину Сибири.

– Читать-то умеешь или толмача позовёшь, – съязвил мужик.

– Разберусь, – Евсей развернул бумагу и вслух прочитал. – Протасов Иван Никитич имеет право на владение... Вот что я тебе скажу, Протасов Иван, шёл бы ты отсюда по-тихому, да скажи Симке Милкину, что если он продаёт такие цидульки, то пусть

ставит печатей столько, сколько нужно. А нужно три печати – глянь, – Евсей развернул свою бумагу перед лицом изумлённого Ивана.

– Ай да, Симка, сукин сын, ну ты у меня ответишь за всё, – только и выдохнул он.

– А теперь давай поворачивайся и иди туда, откуда пришёл, да накажи там своим дружкам, что здесь просто так не пролезет. Ты напугать можешь карагасов, но не меня.

– Вот ярыжка, ну ты у меня умоешься ещё кровью, – бормотал Иван и махнул рукой своим обозникам. – Давай разворачивай!

Торговали весело: цену давали хорошую, люди брали много. Когда товар чуть подешевле, то и безделушки оказываются очень нужными. Были проданы и три берданки, но за них запросили дорого. Ружьё – это такой товар, за который не торгуются. Евсей тоже добавил патронов побольше обычного. Все были просто в восторге – давно так удачно не проводились торги. Золота, на которое рассчитывал Евсей, оказалось немного, и то все самородки. Решив привлечь внимание к этому промыслу, он на жёлтые камушки давал хорошие ножи, они были в особой цене. К вечеру все было распродано. То немногое, что осталось, пришлось раздарить и отдать в счёт будущего года. Даже и так было очень выгодно.

Когда Евсей с Хрустовым прикидывали, во что обойдётся эта экспедиция, они не рассчитывали на такую удачу. Теперь дело было сделано. Нынче повезло потому, что сезон у карагасов был удачным. Но на следующий год, кроме всего прочего, и слухи пойдут, как Евсей выгодно торгует, значит, можно будет рассчитывать на большее количество покупателей.

Вечером Евсей выставил водки, чтобы отметить доброе дело.

– Это просто угощение, – сказал он Эликану. – Покупать никто ничего не будет, значит, можно праздновать.

– Теперь можно, – согласился старик.

– Мы завтра будем собираться, а потом и пойдём с утра.

– На следующую весну ждать? – спросил Эликан.

– Делайте также: на суглане возьмите ровно столько, сколь нужно, чтобы нас дожидаться. А потом и мы придём так же, как и в этот раз. Только если придут другие люди, с ними торг не заводи, скажи, что всё оставил на суглане.

– Не только я, но и другие знают, как остаться без ничего.

– Эликан, может, что-то ещё хочешь заказать на следующий раз, говори, если будет возможно, то привезём.

– Нет, ничего не надо, – ответил старик.

– Эликан, давай выпьем, – подошёл Маркел.

– Маркелка, Евсейка говорил, что у тебя жёнка, как маленькая косуля, а сердитая, что росомаха, верно?

– Врёт он всё, твой Евсейка, куда там росомаха, целая медведица, – хохотнул Маркел. – Нет, Эликан, жена у меня хорошая, веселая.

– Это хорошо, когда весёлая. А детишки есть?

– Есть и детишки, давай выпьем за вас, – сказал Маркел и опрокинул кружку, выдохнул и добавил. – Хорошие вы люди и живёте тихо, мы так не умеем.

Лаврен уединился с Эликаном. Два старика разговаривали, улыбались, Лаврен при этом подливал себе совсем понемногу водки, а Эликан только покуривал трубку. О чём они говорили, Евсей не слышал, только смотрел на них и радовался тому, что согласился взять Лаврена с собой.

Оробак сидел у костра на улице вместе с Родионом. У этих друзей была своя тема – охота. Об этом они могли говорить долго, тем более, что у Оробака получился очень хороший сезон. Он рассказывал, сколько добыл соболей, как гонялся за ними, как работали собаки, рассказал, что завёл себе ещё маленького щенка – будет учить охоте.

– Ты когда женился? – спросил Родион.

– Зимой, на суглане, она тоже из нашего рода, только из другого стойбища. Я её и раньше знал, сейчас время пришло – вот и женился.

– Своим чумом зимой кочевали?

– Да, уже своим.

Езилан рассказывал Маркелу, как на суглане платил русскому, чтобы он готовил дрова для чума, хотел пожить, как барин. Курил только папиросы, раздавал направо и налево.

– Много за дрова платил? – спросил Маркел.

– Много платил, можно муки купить на ползимы.

– Ого, а сейчас тебе дрова не надо, а то я пойду на заготовку?

– Нет, сейчас жена готовит, платить не надо, – сказал Езилан.

Все дружно захохотали. Езилан вместе со всеми смеялся над своими пьяными выходками.

Сидел Евсей и думал о том, что говорят о карагасах, будто молчуны – слова не выбьешь, будто и не слышат собеседника. А собеседника ли? Вот посмотришь, а тут в любой стороне разговаривают, смеются, словно и не могут без этого совсем. Видно, собеседники не те у карагасов были. Конечно, их обмануть просто, словно дитя малое, но ведь и мудрости у них достаточно и знаний разных. И ценности у них другие: они деньги до сих пор в руки не берут: меняют товар на товар, если удаётся немного выгадать, так они рады этому безмерно, пересказывают много лет, как они хорошо торговали. Теперь и этот случай пойдёт добрым слухом по земле карагасской, и захотят посмотреть на такое чудо другие жители этой сказочной страны – Карагасии.

У нас только и есть время любоваться красотами, когда выжидаем время, когда белое величие простирается от могучих гольцов Саяна до вечной зелени притихшей тайги. Когда всё вокруг начнёт оживать и принимать другие краски, – думал Евсей, – мы только и делаем, что моем песок, уткнувшись носом в лоток, да спим, усталые, по

ночам. Лишь когда всё в тайге отцветёт, созреет, мы поднимаем голову к небу, пытаюсь припомнить мимолётные летние видения, промелькнувшие будто бы во сне. А в памяти только шум ручья, белесые туманы по распадкам да полоска синего неба между макушек сосен и кедров, гордо раскинувшихся на вершинах этих самых распадков. Остановиться бы, полюбоваться, да всё некогда: торопимся, спешим да боимся показаться перед другими спутниками слюнтяями, для которых какая-то таёжная красота является чем-то важным. Пусть не каждый, пусть половина сотоварищей так думают, но хоть кто-нибудь сказал об этом? Нет, и никогда не скажет. А карагасы тоже не произносят свои мысли вслух, но они могут сесть вечером всем стойбищем и смотреть, как солнце катится по макушкам сосен и заливаает всё вокруг алым маревом, меняя и перепутывая все краски. Затаиться на берегу и наблюдать, как непуганые, наглые хайрюза разгоняются по самой быстрой водной струе. И выскакивают из своей стихии, пытаюсь на лету схватить зазевавшегося слепня или муху. Никто из карагасов не побежит за ружьём, если вдруг увидит, как матуха-оленуха выведет на хрустящий речной галечник маленького телёнка-стригунка и будет смотреть по сторонам, пока тот не напьётся чистой прохладной воды. Карагасы ничему этому не удивляются, потому что они сами – часть всего этого. И когда их прогоняют со своих мест, они теряются, не могут быстро устроиться, приспособиться к новым условиям, многого не понимают. Даже такие вещи, как золото, для них непонятны. Когда дают хорошую цену за самородок, карагас не понимает за что. Он не бегал за ним, не искал – поднял с земли и положил в карман. Вот соболь – это другое дело, за ним надо походить не один день, и чем больше бегаешь, тем дороже шкурка для охотника, остаётся какая-то история, её потом можно рассказать другим, а жёлтый камень? Ну, увидел, ну, поднял, за что платить? Сколько камней вокруг, ну и пусть у них цвет другой, цена та же для карагаса.

Чем больше размышлял Евсей, тем теплее становилось на душе. Он благодарил Господа за то, что Всевышний дал возможность познакомиться поближе с этими людьми. Теперь Евсей понимал, почему его так тянуло сюда. Золото – это, конечно, заработок. Теперь вот торговля – тоже причина чаще бывать здесь. Но больше не хватало Евсею общения с этими добродушными и доверчивыми людьми, с ними так хорошо просто посидеть и помолчать. И это большое счастье. Нет, счастье не для карагасов, счастье для Евсея. Рядом с этими людьми взгляд на вещи становится совсем другим, и любой, у кого хоть немного осталось совести, становится чище и человечней. Это такое счастье – увидеть мир другими глазами. Вот почему и Лаврен так хотел побывать здесь, ему тоже не хватало этого общения, а напрямую сказать об этом он никогда не решался.

- Евсейка, давай выпьем мало-мало, – позвал повеселевший Эликан.
- Наливай, – сказал Евсей и подсел к счастливым старикам.
- Завтра мы тоже уходим, – заявил Эликан
- Куда? – удивился Лаврен.

- Уйдём на озеро, где в прошлый раз были, вот Евсей знает.
 - Здесь плохо стало?
 - Да, много людей ходит, много спрашивают – плохие люди. В чум лезут, в котёл смотрят. Нехорошие люди.
 - На озеро никто не приходил?
 - Нет, там только Евсей и Родька приходили, – Эликан заулыбался.
 - Следующей весной ты нас здесь жди, потом уйдёшь, – сказал Евсей. – А то у нас не олени, мы к озеру не доберёмся.
 - Придётся ждать, – согласился Эликан.
- С утра до обеда собирали чумы, паковали товар, готовили повозки, а потом попрощались и двинулись в разные стороны: обоз Евсея вниз по Бирюсе, карагасы – вдоль Саян, на заход солнца.

26

Хрустов поджидал обоз в Конторке. Хотя и в Тайшете дел хватало, но там работа была поставлена: сбоев не было, только изредка приходилось вмешиваться в дела, а в этом походе всё впервые. Можно сказать, первопроходцы со стороны Бирюсы. Дело не новое, давно освоенное у Нижнеудинских купцов, у Канских, а вот из Тайшета ещё не было своих карагасников. Теперь, если всё пройдёт хорошо, то можно будет и расширить торговлю. Торговать – это не лес валить: затрат меньше, а доход больше, если, конечно, дело с умом поставить. Поэтому Илья Саввич просто изнывал от ожидания. Он верил в Цыганкова, знал, что в накладе не останется, но хотелось, чтобы прибыль была весомой, не копейки жалкие – рубли. Когда к вечеру прибежали мальчишки, им были обещаны пряники за добрую весть и рассказали, что обоз идёт, Хрустов заволновался. Пряников отсыпал ребятишкам, сколько обещал, а сам выпил коньяку, чтобы унять дрожь в пальцах. Через полчаса обоз остановился у крыльца лавки. Хозяин вышел встретить прибывших работников сам.

– Нестор, неси угощение, – крикнул он сыну.

Тот, словно ждал сигнала, вышел на крыльцо с подносом, на котором в большом графине была водка и лежали нарезанный хлеб на тарелке с кусками сала и солёными огурцами. Илья Саввич сам поднёс каждому по стаканчику и тоже выпил за компанию.

– Здравствуйте, здравствуйте, заждался я, уже дня три как покоя не нахожу. Подобру ли управились?

– Всё хорошо, даже самим не верится. Всё получилось так, что лучше и не надо. А самое главное, что мы вовремя успели, – сказал Евсей. – Пригодилась бумажка ярыжкина, много печатей – сила большая.

– Гости были?

– Канские торговцы приходили, но мы с ними сладили. Они в наглую, а мы ещё наглее, как вы учили. Наглость – сила пробивная. Они нам одну печать, а мы им три, на том и разошлись.

Хрустов хохотал от души. Именно такую ситуацию он предвидел и рассказал, как лучше реагировать – вот и пригодилось.

Тюки с пушниной перенесли на склад.

– Расчёт завтра, мы посмотрим товар, оценим и вечером сделаем расчёт, а пока можете отдыхать. Нестор, отвези людей, куда скажут! Ты, Евсей, останься у меня, мы с тобой поработаем ещё. Если у кого негде переночевать, пусть остаётся.

Разъехались все, только Родион направился на кухню к Никитичне.

– Гляньте на него, как вымахал! Родион, ты никак на опаре растёшь? – Никитична рада была юноше.

Сама бездетная, она любила всех детей, а сироток особенно.

– Давай я тебя накормлю, голодный, небось? Голодный, кто ж тебя кормил. Тут у меня котлетки есть, капуста есть горяченькая, давай подсаживайся. Лизавета неделю назад была, тоже котлетки пришла покушать, кто ей там приготовит сиротинушке?

– Чего она приезжала?

– Мне сказала, что котлеток покушать, а я ж вижу – скучает там.

– Осталась бы здесь, раз скучает.

– Никак нельзя, учится она. Учитель домой ходит, дюже умный какой-то, из-за ума своего и пострадал. Прислали его к нам в Сибирь, чтобы умом поостыл.

– Слышал я о таких, неужто Илья Саввич нормального не сыскал?

– Про то не ведаю, но Лизавета довольная, сказала, что многое уже знает. Я думаю: не искалечили бы дитя, да ты ешь котлетки, ешь, я ещё подложу.

Хрустов распаковывал тюки, рассматривал шкурки, вертел в руках, дул на мех, встряхивал.

– Хороши собольки, ой, хороши. Похоже, ты всё распродал – товара хватило?

– Немного осталось продуктов: крупы, муки – так я отдал в счёт будущего года, кое-что подарил просто так.

– Это верно, жадничать в нашем деле нельзя. Пожалеешь на копейку, потеряешь рубли. Ружья тоже ушли? Вот видишь, ты оказался прав.

– Просидели допоздна, прикинули стоимость, определились с выплатами за работу и прибыль на вложенный рубль. Результат оказался выше ожидаемой выгоды в половину.

– Договорились на следующий год, – сказал Евсей, – я думаю, что покупателей прибавится: слух пойдёт про выгодную торговлю, люди придержат товар для нас.

– Хотелось бы. Ты не знаешь, как у них там официально устроены торги на суглане? Они же должны платить налог какой-то, или как там у них называется?

– Налог они платят на суглане не только государству, но и церкви тоже, а остальное распродают, кто как сумеет. Самое главное, что от карагасов требуется

присутствовать на суглане, хотя в последние годы, как говорил Эликан, некоторые и не ездят туда. Далеко и недёшево. Расходов много на переезд, а если бы они сразу всё везли нам, хотя бы те, кто в верховье Бирюсы кочуют, тогда бы совсем неплохо получилось. Но на суглане они всё же должны бывать.

– Налоги понятно, а остальное обязательно продавать там?

– Нет, не обязательно. Просто к тому времени у них кончаются продукты, значит, надо приобретать что-то, а там есть ловкие ребята, которые успевают напоить карагасов и выманить всё. Обманутые охотники, быстро собираются и уезжают, чтобы не стать посмешищем.

– Там выходит, вся торговля построена на обмане?

– Выходит.

– Ну, дела.

– Нам не стоит заниматься тем же. Можно обмануть раз-два, а что потом? Илья Саввич, если мы захотим торговать также, я откажусь. Мне дороги эти люди, вы посмотрели бы, как они нас ждут, как встречали Лаврена, они же как дети. Я долго думал, почему же меня так тянет туда, и понял, что тянет не только к красивым местам, но и к людям с чистым сердцем и доброй душой. Я их не могу обманывать.

– Эй, эй, ты чего разошёлся? Разве я обманывать подрядился? – взмахнул руками Хрустов. – Мне, наоборот, нравится, что ты такой щепетильный в этом вопросе. У нас и так прибыль достаточная.

– Но в следующем году сезон может стать не такой удачный. А значит, может не быть такой прибыли, – возразил Евсей.

– Правильно, надо это учитывать, но ты ведь сам сказал, что людей должно быть больше, верно?

– Говорил.

– За счёт этого мы выручим те же деньги, так что у нас пока задача не грабить инородцев, а взаимовыгодно торговать. Позволь тебя спросить: карагасы довольны торгами?

– Довольны, очень довольны, – сказал Евсей.

– Я, как твой сокомпаньон и идейный вдохновитель, скажу, что и я доволен, на сегодняшний день очень доволен.

– Теперь вопрос по золоту. Здесь пока никак: несколько самородков погоды не делают, так что в этот раз всё плохо – не хотят охотники золото мыть, потому что просто не понимают, почему за камни дают деньги. Я сказал, что в следующий раз только на золото будем менять ножи, которые им так нравятся, может это поможет расшевелить их. Для себя пойду ещё и летом с Родионом, постараюсь добраться до них и ещё раз поговорить, может, что и получится.

– Ты особо и не налегай на это дело. Не только на Бирюсе, но и по всем Саянам карагасы к золоту равнодушны. Ну, наберут несколько самородков на нож, а больше

не станут, здесь надо искать старателей, кто только за этим и идёт, но не экспедиции, а одиночек.

– Карагасы от них прячутся и не называют мест, где золото близко.

– Я согласен скупать золото по определённой цене у старателей, но специально отправлять людей не хочу. Одиночек достаточно, у них покупать золото – дешевле обходится. Если желаешь для себя сходить, я возьму у тебя в любом количестве. Можешь даже посредником быть, свой процент будешь иметь.

– Я посмотрю, как всё получится, но ещё разок-другой сбегает. Хотя опасно становится.

– И я про это же. Так что на золото ставку можешь не делать. Мне думается, сейчас проще с пушниной: железная дорога уменьшила расстояние, до столицы добраться стало гораздо быстрее; модницы там визжат от восторга, увидев сибирских соболей; кавалеры платят любые деньги – выгода большая. У тебя есть возможность скупать шкурки у охотников с Туманшета. Туманшет – река немалая, соболь там тоже водится, как и везде, только охотники продают всё канским купцам, а ты попробуй перекупить у них. Деревня Туманшет у тебя под боком, а там треть мужиков – охотники, у них можно скупать, дай цену чуть большую – и заведи всё. Я деньгами помогу, если согласишься. А решить можно через Комова Игната – главный он там, мужик серьёзный.

– Видел его, когда в церковь ездил. С ним хорошо знаком Маркел, надо с Маркелом порешать.

– Как он знаком? – удивился Хрустов.

– Оглоблей гонял мужиков по деревне – Игнат и спас своих страдальцев.

Евсей рассказал историю, приключившуюся год назад.

Насмеявшись вволю, Хрустов сказал:

– Народу у вас в деревне немного – привлекай их к делу. Заработок будет и свои, надёжные люди под рукой, которые не продадут за грош. Хочу сказать: весело вы живёте, молодцы!

– Не трогал, пока строились, а теперь будем помаленьку работать; народ подобрался достойный, чужих в деревню никто не хочет. Приходили, просились незнакомые прохожие, но не приглянулись нам, и мы их отправили дальше.

– Меня-то возмёмшь? – спросил Илья Саввич, улыбаясь.

– Как мужики решат, – в тон ему ответил Евсей.

Они весело засмеялись.

Домой обозники подоспели ко времени. Можно было пару дней отдохнуть и приниматься за свои дела – пришла пора пахать. Но прежде надо было приготовить плуги да бороны, отремонтировать кое-что. Своей кузницы в деревне не было, приходилось ездить в Камышлеевку – там и кузня хорошая, и мастера добрые: уж если взялись за работу, то сделают на совесть. Из всей округи люди ехали туда, если по серьёзному делу.

Маркел собрал всё, что требовало ремонт, и свёз в Камышлеевку. В кузнице вовсю шла работа: в одной стороне лежал инструмент, которому требовался ремонт, с другой – готовый.

– Здорово, хозяин, – сказал Маркел, стоя в проёме.

– Свет, не засти, – сказал кузнец, не оборачиваясь, продолжая постукивать.

Потом осмотрел свою работу, сунул в ведро с водой и обернулся:

– Здоров будешь. Откель такой богатырь, не признаю? Да ты проходи, вон там место почище будет, присаживайся.

– С Тальников я, – сказал Маркел, чувствуя, что щёки стали гореть.

Он прошёл мимо кузнеца и сел на чурку.

– Про Тальники слыхивал, правда, бывать ещё не доводилось, соседи, значит.

– Да, ближе вас нету никого, Камышлеевка и Туманшет – самые близкие соседи.

– Мы издалёка прибыли сюда, из Рассеи, а вы тоже, стало быть, переселенцы.

Откуда приехали?

– Да мы, можно сказать, местные, из Конторки мы, почитай все, правда, у нас есть братья Никитины, так они из Сибири, правда, из далёкой Сибири.

– Вот тебе на! А что? В Конторке места не хватило?

– Простору захотелось. В Конторке в последнее время народу много – день и ночь покою нету: шныряют то туда, то сюда. Вот и решили мы искать место, где поспокойней. А здесь хорошо, тихо.

– Верно, покою здесь хватает, – сказал Антип. – А меж собой мирно живёте?

– Нет меж нами скандалов, – рассмеялся Маркел. – Мы ж, вроде, как компанией переехали, ещё в Конторке дружили, здесь тоже не мешаем друг дружке, наоборот, помогаем при случае. Вон я сейчас набрал у всех, что ремонту требует да поехал. Народу-то у нас десятка домов не наберётся.

– Мы тоже начинали с малого, а сейчас деревня растёт с каждым годом.

– К нам тоже заходили люди, просились, только не приняли мы их – не по душе пришлись.

– И мы, слава Богу, тоже ладим про меж собой, – ответил Антип, – хорошее это дело – в мире жить. Ну, показывай, что у тебя там?

Антип посмотрел работу, назвал цену. Сговорились, не торгуясь, цена устроила обоих.

– Приезжай дня через три, к тому времени справлюсь, – сказал Антип. – Тогда и ещё поговорим.

Через три дня Маркел приехал, как и было сказано. Осмотрел работу, сложил всё в телегу и рассчитался.

– Давай немного выпьем за знакомство да за работу, – сказал Маркел и вытащил бутылку водки.

– А что, можно немного и выпить, пока есть перерыв. Никита, замени меня, – крикнул он сыну.

В кузню вошёл молоденький парень, рослый, крепкий, с румянцем на щеках.

– Сын, что ли? – спросил Маркел.

– Сын, – кивнул Антип. – Да ты не бойся: мастер он хороший, ничего не испортит. Когда меня не будет здесь, он всё сделает как надо.

Антип с гордостью говорил о сыне.

– Буду знать.

Через час Маркел отправился домой – время жаркое, не до гулянок. Работа в поле проволочки не любит. Но почёт и уважение мастеру надо было выказать. А хороший кузнец – везде на вес золота. Народная молва не собачий брѣх, зря не ославит, а про Антипа Кузнецова говорили только хорошее.

27

Хлѣсткий выстрел разорвал тишину осеннего притихшего леса. Пожелтевшие берёзы вдруг заволновались, зашелестели, зашумели, размахивая космами. На раскрасневшейся от испуга осине мелко задрожали листочки. Гомонила небольшая речушка, выныривая из-за крупных валунов и опираясь на небольшую песчаную косу, а потом пряталась в камнях и весело ворчала. На другом берегу речки высокая перезревшая трава склонила голову к воде. Речные струи цепляли за макушки, тянули в воду и отпускали. Трава сердито дѣргалась, но опять скрывалась под водой.

На песчаной косе лицом вниз лежал без движения человек. Ветерок слегка шевелил его разлохмаченные волосы и ветхую одежонку. Рядом едва дымился небольшой костерок, на котором стоял закопченный котелок, валялись лопата и лоток для промывки песка. Недалеко лежала тощая котомка.

Через некоторое время на речную косу, озираясь, вышел рослый мужик, одетый в самошитые одежды местной народности – карагасов. Суконный халат с вышитым по верху и низу орнаментом запахнут и перехвачен широким поясом, на котором висели небольшие мешочки. Голова покрыта платком, завязанным на затылке, в руках приготовленное к выстрелу ружьѣ. Внешне человек был похож на карагаса, только любой опытный таѣжник определил бы в нём не слишком умелого в тайге человека, а значит и не карагас это. И карагасы не ходят с ружьями, они охотятся с луками. И походка не та: широкая, тяжѣлая, хотя и крадущаяся, шаг длинный, неосторожный. А самое главное, не станет карагас стрелять в людей, не приучены к такому. Всё отдаст: оленей отдаст, собак отдаст, но стрелять не станет.

Человек, озираясь, подошёл к лежавшему на песке, тронул его дулом ружья, а потом перевернул ногой. Ещё раз оглядевшись, стал вытряхивать из котомки вещи, потом обшаривать убитого. Достал какую-то тряпочку, разложил на ладони содержимое, улыбнулся, спрятал добычу в мешочек на поясе и быстро скрылся в лесу.

– Недоброе дело сделал он, ох, недоброе, – сказал Евсей Цыганков брату Родиону.

– Может, догнать его и того? – спросил брат.

– Ай, нехристь ты? Кому чужая кровь добро приносила? А догнать его стоит и присмотреться, кто это, а то ещё и доведётся встренуться. Ты давай его догони, разгляди издалека, но сам не показывайся. Может, узнаешь кого. Людей здесь немного, чужие не шляются.

– Я спехом.

– Родька, я сказал, не показывайся на глаза.

Родион кивнул и растворился в лесу, словно его не было, тенью скользнул за разбойником по другой стороне распадка. Там, где место было почище и видимость получше, Родьке удалось разглядеть лицо того, за кем он шёл уже с полчаса. Парень узнал лиходея, видел его в Благодатской, где они с братом оставляли лошадей у Никодима Нестерова. Да, именно в деревне и видел Родион этого мужика, служившего у Никодима Нестерова батраком. Чирей, так прозывали его, шёл, часто останавливаясь, оглядываясь. Однажды даже поднял ружьё и стал целиться, правда, мимо Родиона. Затем долго смотрел куда-то в сторону и, махнув рукой, пошёл дальше. Родька решил возвращаться – своё дело он сделал.

Когда брат вернулся, Евсей уже наполовину выкопал могилу. Место выбрал на берегу, куда не доставала вода, рядом с небольшим кедром.

– Я узнал его, того душегубца, – сказал Родька, – это Чирей, мы его в Благодатской видели.

Родька подменил брата, быстро докопал яму, помог дотащить мертвеца до места. Аккуратно положили тело на еловый лапник, туда же расположили все вещи убитого, прикрыли ещё лапником.

– Будешь читать молитву? – спросил Родька Евсея.

– Конечно, буду, чай, крещёный был человек, крестик имеется.

Евсей медленно стал читать молитву. Затем Родька закопал покойника и прикатил с реки большой валун, положив его вместо креста.

К вечеру они спустились к Бирюсе, где и устроились на ночлег. Костёр разожгли под крутым берегом и напротив высокой скалы, чтобы не быть на виду. Раз народ пошаливает, то не стоит сидеть в отсветах костра. Поужинали ещё засветло, попили чаю, настоянного на травах, приготовили лапника для постели. От земли даже летом в тёплую погоду натягивает холод, а уж осенью тем более, но на толстой постели из еловых лап и ещё у костра можно спокойно спать, не боясь простудиться.

Евсей долго смотрел в темноту и, наконец, произнёс:

– Гляди-ка, чем промышляет? Бога совсем не боится. Надо держаться от него подальше.

– И чего? Вот он и будет ходить да злодействовать? Может, как-то остановить его? – спросил Родион.

– Он своё найдёт, бог знает, как наказать убийца, а ты не смей, не бери греха на душу, – Евсей строго посмотрел на брата.

– Да, я ничего, мне какое дело?

– Другое дело, если бороться от него будешь, дак и то не нужно до смерти убивать. Разве что при нужде большой. О чём мы говорим, прости меня, Господи. Страшные это люди, которым человека сгубить, словно курёнку голову отсечь. Нет, Родька, обходи такой грех подальше, потом всё спросится.

– Я и обхожу подальше, – пробормотал Родион, укладываясь на лапник.

Костёр ещё потрескивал углями, успокаиваясь и покрываясь белесым пеплом, вздыхала, всхлипывая река, а Родька уже мирно посапывал. Евсей ещё долго ворочался с боку на бок, прислушиваясь к ночным шорохам, пытаюсь уловить что-то необычное. Туман прохладной влажной простынёй сполз с верхов речушки и, прикрыв путников, скатился в Бирюсу. Воздух стал плотнее и звонче, каждый шум усиливался. Но ничего постороннего не расслышав, Евсей расслабился, и сон сморил его.

Через два дня Евсей с братом дошли до озера, где всё лето проводили карагасы. Собаки даже и лаять поленились на чужаков, просто встали, посмотрели, повилили хвостами и снова улеглись у чумов. Оробак чинил перемётные сумы. Готовился к сезону: не заметишь, как холодные ветры принесут снежные заряды, покружит пурга день-другой, и покроется всё кругом снегом, тогда без оленей никуда не пройдёшь. Без оленей вообще не проживёшь. Без оленя и без хороших собак. У каждого охотника не меньше двух хороших рабочих собак, способных гнать соболя днями, разгадывая все его утайки и хитрости, собак, способных выручить хозяина при встрече со зверем, дать хозяину время на выстрел. Это сейчас почти у многих охотников берданки, а совсем недавно были только луки и копья.

Оробак увидел беспокойство собак и оглянулся: к стойбищу подходили братья Цыганковы.

– Здравствуй, Оробак, – сказал Евсей, протягивая руки.

– Здравствуй, Евсей! Здравствуй, Родька! Проходите, гостями будете, – радость карагаса была искренняя.

Это были те люди, кому охотник доверял, как самому себе, как старику Эликану, как отцу. Каждое появление их в стойбище было праздником для всех.

– Где Эликан? – спросил Евсей.

– Пошёл за озеро, скоро будет, садись, чай пить будем, – Оробак присел рядом с костром на валёжину.

Женщины засуетились у костра, вмиг полетело яркое облако искр, пламя, выскочившее из-под котла, стало жадно облизывать его. Вскоре в котле зашипело, забулькало.

Не успели гости выпить по кружке чая, как из-за озера раздался выстрел, потом второй. Евсей встал и стал всматриваться в ту сторону, где стреляли.

– Это Эликан, его берданка так стреляет, – спокойно ответил Оробак.

– Ты знаешь, как разговаривает берданка Эликана? – спросил Евсей, улыбаясь.

– Я не глухой, у каждого ружья свой голос, это говорила берданка Эликана.

– Кого он там стреляет?

– Глухарей. Там есть мелкий галечник, глухари клюют камни – вот там мы и добываем немного птиц.

Вскоре из кустов показался Эликан. Старик шёл ровным твёрдым шагом, стараясь не показывать боль в ногах, которая мучила его всё лето.

Эликан издали узнал гостей и с достоинством шёл к стойбищу.

– Рад видеть тебя, Эликан, – сказал Евсей и обнял старика.

– Я тоже рад видеть тебя, Евсейка, и тебя, Родька. Ты совсем вырос – скоро женить тебя будем.

Женщины быстро выпотрошили птиц и поставили варить.

– Давно в лесу ходите? – спросил старик.

– Месяц уже прошёл. Мы приходили ещё камней жёлтых поискать, надо будет товар готовить на весну.

– Нашли камни?

– Нашли немного.

– Почему мало нашли?

– Хватит, времени много не было, пора домой подаваться.

– Мы тоже мало-мало готовимся. Скоро зима придёт – охотиться надо.

– Эликан, к вам русский не приходил, одежду не брал?

– Почему спросил? Был один, раньше с Никодимкой приходил. Недавно появился один, у него одежда сгорела, принёс водки, просил одежду, ему Хамышгай давал.

– Стреляют в тайге, плохие люди в тайге, Эликан, – сказал Евсей.

– Я летом ходил смотреть жёлтые камни, далеко ходил, камней нашёл много. Нашёл человека,дохлый совсем, стреляли в него. Звери погрызли много, однако в голове дырку от пули видел.

– Три дня назад мы видели, как в человека стреляли, убили насмерть.

– Зачем человека стрелять, его кушать нельзя? – удивился старик.

– Золото ищут. Убьют, золото заберут и уходят.

– За жёлтый камень убивают? – ещё больше удивился Эликан.

– Убивают, ещё как убивают. Теперь в тайге ходи и смотри.

– Ты видел, кто стрелял?

– Родион шёл по следу, узнал его. Это тот самый человек, который был в вашей одежде. Я-то знаю, что карагасы в людей стрелять никогда не будут, а другие могут и не знать этого.

Охотники переглянулись между собой, не понимая ничего. Им было совсем непонятно, как можно стрелять в человека, но ещё больше непонятно, что человек в одежде карагаса стреляет в людей.

– Родька молодой, может, ошибался, – с надеждой проговорил Эликан.

– Не ошибался. Человека в суконном халате, перевязанном поясом, и я видел, но лица не признал, далеко было, а Родька проследил его, пока не узнал. Времена настали плохие, с незнакомыми людьми старайтесь не связываться.

– Теперь в тайге бояться надо людей? – спросил Езилан.

– Зимой такие люди в тайгу не пойдут, сам знаешь, зимой в тайге сгинуть можно быстро, да и золото зимой не добывают. Они подкарауливают одиноких старателей на выходе к большой реке уже по осени, когда те идут с золотом.

– В тайгу совсем не ходить? – спросил Эликан.

– Почему не ходить? Тайга – твой дом, ты из дома бежать хочешь?

– Я не могу стрелять в людей, ты сам подумай, – обиделся старик.

– И не надо стрелять, напугать ты можешь, чтобы они сюда больше совсем не совались. Надо, чтобы они и другим передали, что здесь нечего делать.

– Испугать можно, испугать хорошо можно.

– А ты испугаешься и не придёшь весной с товаром, тогда Эликан совсем пропадай, – уже улыбался старик.

– Я не один приду, а когда много народу, тогда не страшно.

– Ты, Евсейка, возьми у меня жёлтые камни – беда от них, я больше брать их не буду, лучше тебе покажу – сам бери.

– Делай, как знаешь Эликан, а за золото потом рассчитаемся.

– Зачем считаться, бери подарок, Лаврену дашь, шибко хороший друг Лаврен.

– Хорошо. Скажи мне, Эликан, погода долго ещё будет стоять, снег далеко?

– Полмесяца ещё постоит, потом снег будет приходить, много снегу.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Глаза есть у тебя, посмотри: небо говорит, лес говорит, трава говорит – все говорят, только смотри и слушай.

– Может, тебе духи говорят?

– Может, и духи, – хитро улыбнулся старик.

Утром провожать братьев вышло всё стойбище. Эликан и Орбак пошли вместе с ними до реки, чтобы помочь связать небольшой плот. Когда плот был готов, старик обнял братьев по очереди и сказал:

– Евсейка, приходи весной, будем ждать, будем торговать, осторожно ходи, смотри на сопки, плохой люди смотри.

– Посмотрим. Удачи вам.

Плот, медленно покачиваясь на воде, пополз к середине реки, где было глубже. Евсей шестом направил плот на струю воды и стал смотреть по сторонам. Только при необходимости приходилось вставать и направлять плот, когда его течением несло к берегу, но такое случалось нечасто.

Через неделю Цыганковы причалили к Благодатской. Разгрузили плот, привязали его к большой валёжине – пригодится кому-нибудь. У Никодима, где они оставляли

свою лошадь, их встретил Чирей, совершенно спокойный и уверенный в себе. Евсей сделал вид, будто ничего не произошло.

– Никодим дома? – спросил он.

– Вечером будет, сейчас на Тагул пошёл.

– Подождём, куда притулиться можно?

– Где и всегда – место свободное. Кухарка накормит на кухне.

Когда братья сидели, дожидаясь хозяина, Евсей сказал:

– Делай вид, будто ничего не случилось. Ни к чему разговоры.

– Может, Никодим и сам промышляет этим делом? – вдруг проговорил Родион.

– Вот и помалкивай, раз додумался.

– Я и помалкиваю.

Никодим приехал уже затемно. С Тагула привезли много хариуса, вся челядь и батраки взялись за засолку. Хариус – рыба вкусная, но очень нежная, немного упустишь время – и может появиться запах, а тухлой рыбой только собак кормить, куда её сбудешь.

– Бог в помощь, – сказал Евсей, подходя к Нестерову.

– Спасибо на добром слове, давно прибыли?

– К обеду, маленько отдохнули.

– За рыбой на конях ездили, здесь напрямую поближе будет. Теперь прибраться надо, не то протухнет.

– Себе или продавать повезёшь?

– Поглядим. Конечно, сбывать надо, куда её столько, только сейчас нужно сохранить до морозов, потом и везти можно. А ты чего спросил, взять хочешь?

– Взял бы немного, угостить своих.

– Завтра поедешь?

– Да.

– Лошадь твоя во дворе, когда поедешь, я тебе и отсыплю, сколь захочешь; только мы после обеда поедем снова; пока рыба скатывается, надо успевать. Спать будем зимой.

Утром, когда Евсей запряг коня и собрался было уезжать, на крыльцо вышел Никодим.

– Евсей, собрался, что ли?

– Собрался, чего ждать?

– Погодь, – Никодим спустился с крыльца и подошёл к телеге. – Ты к Хрустову когда поедешь?

– Река только встанет, и поеду.

– Передай ему, что я исполнил его просьбу – он знает про что разговор.

– Передам, отчего ж не передать.

– Чирей, неси-ка ящик, – крикнул хозяин.

Работник вынес небольшой ящик, сколоченный из дранья, и поставил на телегу. Там прикрытая травой лежала уже посоленная рыба.

– Сколько с меня, – спросил Евсей.

– А, пустое, – Никодим направился в дом, оглянувшись, крикнул. – Так ты не забудь передать!

– Не забуду. Спасибо за рыбу.

Хозяин, не оборачиваясь, махнул рукой и скрылся за дверью.

28

Хрустов большую часть лета прожил в Тайшете: дела с торговлей шли хорошо, но была возможность ещё больше расшириться и окрепнуть. А дело без доброго помощника оставлять нельзя было. Такого помощника, как Лаврен, в Тайшете он не нашёл. Были разные: послушные, работающие, но исполнительные только по приказу. Даже видимую выгоду самостоятельно использовать не могут – только с указки. Привыкли «шапку ломать» перед хозяином, а чтобы головой поработать, так это, мол, не моё дело. Но хоть такие, да в меру вороватые. Илья Саввич видит, кто и сколько прибирает себе, но пока терпит, понимает, что честных приказчиков не бывает. Разные мелочи, конечно, огорчают лавочника, но, в общем, дела идут прибыльно. Дочка радуется: проявила усердие к учёбе; учитель доволен, хвалит.

Иван Иванович Свешников, учитель из политических ссыльных. Наводнили они Сибирь-матушку после января 1905 года. И в Тайшете их много. Среди них разные люди: есть мастеровые, которые работают на лесозаводе, на железной дороге, есть учёные, они пробиваются уроками для недорослей, как Свешников. Эти люди руками заработать себе кусок хлеба не могут, но знания имеют и языки разные понимают – этим и пользуются местные граждане, кто способен оплатить учёбу своих чад.

Свешникова посоветовал Хрустову урядник, с кем у лавочника сложились добрые отношения.

– Приглядишься к нему, он ранее где-то в самой Москве учительствовал, да вот попал под влияние. Конечно, дурак, что вовремя не разглядел яму, да только что теперь? Они у меня под приглядом, этот самый тихий, гляди, что и сгинет от голода. Один живёт, кабы чего не удумал, а мне потом отвечай.

– Плохо кормит политика.

– Ты присмотришься, ему же не политике учить, а другие знания давать.

Илья Саввич поговорил с Иваном Ивановичем, сошлись в цене. Плату назначил такую же, какую получали и другие учителя, но лавочник предложил ещё и место для жилья, небольшую каморку, и столование. Довольный Свешников готов был приступить к работе сразу, но пришлось ждать, пока Илья Саввич уговорит дочь. К его удивлению, дочь согласилась сразу, и занятия начались. Лизавета относилась к

учителю уважительно, как к любому взрослому человеку, усердие проявила необыкновенное.

– Удивительная девочка, – говорил Свешников отцу. – Столько вопросов, столько желания к познанию, всё впитывает с первого раза.

– Это не вредно для неё? – спросил Хрустов.

– Не понял?

– Для головы не вредно, не свихнётся от учёбы?

– Что вы! Знания делают человека выше, чище, благороднее.

– Это от чистых помыслов вы против царя пошли?

Свешников сначала немного растерялся, но потом сказал:

– От чистых. Если вы хотите, мы поговорим об этом, но, разумеется, без ребёнка, чтобы не смущать её.

– Что ж, давай поговорим.

Свешников рассказал много интересного, о чём Илья Саввич и не догадывался.

– Интересные сказки.

– И страшные. Это не песочные часы перевернуть. Чем больше размышляю об этом, тем больше сомнений. Вы не думайте, вашей дочери об этом я рассказывать не стану.

– Будь любезен.

Отношения к учителю у Хрустова не изменились. Он понимал, что во всём сказанном учителем, есть рациональное зерно, но, как в любой сказке, попробуй разобрать где ложь, а где намёк. Но в основном Хрустов остался доволен обучением дочери.

Однажды Илью Саввича снова потревожил урядник, пришёл в лавку и сказал Хрустову:

– Пойдём в участок, дело есть.

– На-ка, горло промочи, – лавочник налил уряднику водки.

– Всё к одному, давай.

Крякнув от удовольствия, вытер усы рукавом и кивнул:

– Пойдём, узнаешь кое-что интересное.

В участке он подвёл Хрустова к двери и стал слушать.

– Расскажите, господин Дамкин, ещё раз, всё по порядку, о чём вы хвалились в торговых рядах в присутствии сельчан.

– Это истинная правда! – воскликнул визгливый голос. – Ничего я не выдумывал.

И этот противно визгливый голос стал подробно рассказывать про распутные действия с гражданкой Хрустовой Лизаветой, дочерью лавочника Хрустова. Он называл такие подробности, что даже урядник сначала покраснел, потом покрылся испариной.

– Хватит, – тихо сказал он и медленно открыл дверь.

За столом сидел сотский и допрашивал Дамкина, серую мышку улицы, которую даже если и увидишь, не запомнишь никогда.

– Говоришь, распутничает Лизавета Хрустова, это в её-то годы?

– Она ничего выглядит, лет на двадцать пять, вся в соку, – говорил довольный Дамкин.

– Илья Саввич, сколько лет твоей дочке? – спросил урядник. – Скажи этому ловеласу, обрадуй.

Хрустов стоял онемевший от такой беспардонной лжи.

– Одиннадцать лет ей, – выдавил он.

– Слышал, Дамкин, девице только одиннадцать лет. За растление малолетних – тюрьма.

Дамкин сразу понял, что пощады не будет.

– Они, эти словоблуды, что придумали – ославлять порядочных девиц перед народом. Наговорят гадостей, а потом – отмывайся. Я сначала не поверил, что такие гадости творятся, думал, ну один случай – ладно, а тут жалобы пошли от достойных родителей. Никак не могли словить, а этот попался прямо в руки сотскому.

Дамкин сжался на табуретке, зыряя глазами по сторонам.

– Кто ещё обливает грязью честных граждан? – спросил урядник тихим голосом, но таким холодным, что Хрустову стало не по себе.

– Н-не, не знаю, – пробормотал провинившийся.

– Пороть! – рявкнул урядник. – Пока не вспомнит! Пять горячих, нет десять! Нет, пороть, пока всех не выдаст, а потом всем рассказать, пусть неповадно другим будет. Которых назовёт, изымать и допрашивать. Виноватых пороть, не смотреть на заслуги родителей, если таковые имеются!

Хрустов вышел из участка и, пошатываясь, пошёл домой – такая дикая подлость подкосила его. Дома он поставил перед собой коньяк и стал смотреть в окно и пить рюмку за рюмкой.

Вечером зашёл урядник.

– Всё хорошо, Илья Саввич, злодеи пойманы и наказаны. Каждый получил по десять плетей в присутствии оболганных ими людей. Поводилась холёная молодёжь на пакости разные, теперь знать будут. До того додумались – прохожих плетью хлестать. Едут на пролётке да кричат, чтобы уходили с дороги. Кто замешкается, получает плетью по спине – никого не щадили. Однажды полоснули плетью молодого мужика, а тот, недолго думая, вынул наган и пальнул в ответ. Кучер с козлов прямо мордой в грязь. Молодые балбесы сперва посмеялись, а кучер не поднимается, когда подошли к нему, а у того дырка в затылке. Пока сообразили, а убивца и след простыл. Свернул в Супруновский переулок, а там через «железку» перешёл – и концы в воду. Так и не нашли душегуба, но эти недоросли притихли, а теперь новое занятие нашли. Теперь, я думаю, что тоже притихнут.

– А где эти?

– Выпорол да отпустили по домам. Что им ещё сделаешь?

– Спасибо и на том. Про меня наговорят, да бог с ними, а дитя-то за что?

– Всё обошлось, ты не переживай так, – урядник ушёл домой, едва удерживаясь на ногах.

Через неделю Дамкина прямо около дома встретили два крепких мужика, били долго и молча: выбили зубы, изувечили всё лицо. Бедняга едва смог сам заползти к себе во двор. Другие злословы перепугались, из домов по одному не выходили.

Через месяц, когда пришли холода и встала река, приехали к Хрустову братья Цыганковы.

– Как успехи? Удачно сходили в верховье?

– Сходили, кое-что нашли, времени немного было, – сказал Евсей.

– А карагасы не промышляют?

– Нет, я, было, уговорил в прошлый раз, да только спугнули их. Постреливают старателей, а карагасы натываются на трупы, понимают, из-за чего убивают людей. Боятся. Говорят, что поиски золота не стоят того, чтобы из-за этого убивали.

– Понятно.

– Никодим Нестеров просил передать, что просьбу твою выполнил, говорит, что ты знаешь, о чём разговор.

– Спасибо, не говорил, когда приедет?

– Говорил, что, когда морозы установятся, тогда и придёт с обозом рыбы.

– Понятно. На весну будем обоз собирать?

– Карагасы ждут, Эликан сказал, что больше шкурок оставит для торговли.

– Вот и здесь дело начинается. Дай-то, Бог.

Всею хотелось сказать о том, что и они с братом видели злодейство в тайге, что узнали душегуба. Но, увидев радость на лице Хрустова от известия Никодима, не стал Евсей говорить, подозревая, что здесь, возможно, замешан и Хрустов, раз у них с Нестеровым дела.

Дальше разговор шёл обыденный: Хрустов рассказал о недавней истории с Дамкиным. Всё равно кто-нибудь расскажет – уж лучше самому.

– Хорошо хоть до Лизаветы эти слухи не дошли. Что было бы? У неё и так характер не сахар. Могла бы и вытворить чего-нибудь.

– За такие дела в деревне зашибли бы, забыл бы, как оговаривать людей, а то и выгнали бы, – сказал Евсей.

– Там народ давно живёт, устои есть какие-то, порядок есть, а здесь народишко пришлый – ничего святого нет. И ещё от безделья маются. Кабы день повкалывал, так не до этого было бы, хотя, кто знает? На той стороне дороги, где в основном рабочий люд ютится, процветают пьянство и драки, хоть не появляйся там, как стемнеет. Тоже порядка нету.

– Когда народу много – всегда сыщется тот, кто воду начнёт баламутить, а в большой компании люди, что овцы: куда повели, туда и идут.

– Верно, если жоака нету путного, то дело добром не кончится. Когда толпа попрёт, ей никакого дела до устоев и до порядка нет, друг перед другом – кто больше натворит. Правильно урядник говорит – пороть за такие дела надо прилюдно, чтобы другие видели. Глядишь, кого-то и остановит наказание.

– Весело проживаете, – сказал Евсей.

– Куда с добром, можно и веселее, но...

– Лизавета учится?

– Слава Богу, радуюсь за неё, боюсь похвалить, чтоб не сглазить. Как-то подслушивал урок ихний под дверью, так она только и спрашивает: – Где, какой, сколько? Учитель не успеваает отвечать.

– Ишь ты, скоро и тебе указывать будет.

– Будет ай нет – не знаю, но хотелось бы дело оставить в надёжных руках, боюсь только, что торговое дело ей не по душе.

Едва завидев Родиона во дворе, Лизавета оставила занятие и бросилась встречать друга.

– Лизавета Ильинична, так нельзя, урок не закончен, – сказал Свешников.

– Потом продолжим, Родька приехал, пойду встречать, – крикнула девочка.

Они вдвоём сидели в комнате Лизы и грызли сухие баранки, словно ничего вкуснее не было. Лиза рассказывала, как ей легко даётся учёба, как много она уже знает; Родион сидел, слушал её и улыбался.

– Родя, у тебя уже борода растёт, ты уже стареешь, что ли? – вдруг сказала девочка.
– Почему ты не подстригаешься?

– Да какая там борода, – улыбнулся Родька. – Смех и только.

– Скоро ты станешь совсем старенький, обрастёшь усами и бородой, я тогда и не признаю тебя.

– Захочешь и признаешь.

– Вы опять к карагасам ходили?

– Ходили, там красиво, хорошо, особенно осенью, когда комаров и мошки нету.

– Мне хочется посмотреть, ты возьмёшь меня туда?

– Ты подрасти немного, туда далеко идти, устанешь.

– Нет, не сейчас, потом, когда вырасту, когда не надо будет спрашиваться. Возьмёшь?

– Конечно, возьму, раз ты хочешь.

– Мне хочется посмотреть оленей, они большие?

– Нет, они маленькие.

– Ну, как лошадки?

– Меньше.

– Но у них рога есть?

– Есть.

– Родя, люди про меня разные гадости говорят, ты не верь им.

– Какие гадости?

– Какие взрослые делают, кухарка рассказывала Аннушке на кухне, а я случайно подслушала.

– Конечно, я не поверю ни про какие гадости, пусть хоть что говорят. Я знаю, что ты не можешь делать гадости.

Лизавета замолчала, задумавшись.

– Я раньше не знала, что мир такой большой; учитель много мне рассказывал, как люди жили раньше, давным-давно. Есть много разных стран, где люди живут совсем не так, как мы. Ты знаешь, оказывается, дураков и раньше было много, которые делали гадости. Один спалил город просто так, многие убивали друг друга мечами на радость другим. Разве это весело, когда умирают люди? Ты бы стал смотреть такое?

– Нет, не стал бы, это невесело.

– Ты видел, как умирают люди?

– Да, видел.

– Расскажи.

– Потом, как-нибудь.

Затем они поехали кататься по селу на коне. Сидя в кошёвке, Родион правил лошадью, а Лизавета смотрела по сторонам, отмечая новые постройки, появившиеся недавно, на лице у неё была грустная улыбка. Какие-то мысли тревожили девочку, не давали покоя.

Когда они подъехали к дому, их уже ждали.

– Где же вы катаетесь, мы уже переживаем, – сказал Илья Саввич.

– Много настроили новых домов, Тайшет уже больше Конторки стал, – сказала Лиза, покидая кошёвку.

– Всё нормально? – спросил Илья Саввич. – А то тут шалют в последнее время.

– Среди белого дня шалют? – удивился Родион. – Нешто так бывает?

– Бывает ещё и похлеще, подумать жутко.

– Ладно, тятя, не пугай Родиона, он в лесу не боится, а здесь и подавно, – сказала дочь и направилась домой.

– В лесу проще будет: от зверя пакости знаешь какой ждать, а у людей – поди, отгадай.

Утром, когда братья Цыганковы уезжали домой, Родион увидел, как из окна своей спальни Лиза помахала ему рукой.

Вот и пришли морозы. Над Тальниками с утра висел туман, воздух, словно пирог, можно ножом резать. Скотина стоит в хлевах, не желая выходить, даже когда приходится чистить помещения. Всё вокруг покрылось инеем, словно белой бахромой, ровные синие столбы дымов поднимаются высоко, скручиваясь в одну толстую верёвку, которая в вышине сгибается и исчезает за дальним сосновым бором. Собаки, все в инее, едва выглядывают из своих схронов, чтобы не

прокараулить еду, а то всё моментально замерзает в корытах. Даже крепкие собачьи зубы едва справляются с такой едой.

После обеда, когда немного расползётся туман, мужики запрягают лошадей и едут на речку за водой. Хочешь не хочешь, а бочку, другую нужно привезти: скотину кормить, поить надо даже и в мороз. Лошади покрыты попонами, чтобы не застыли, пока хозяин набирает воду в проруби. Обдерёт возница сосульки с лошадиной морды, чтобы не мешали дышать, освободит ресницы от инея – да скорей домой.

В такие дни ребятишки сидят по домам, балуются, получают подзатыльники от родителей, потом забираются на русскую печь и спят там на шубах, постеленных, специально, чтобы горячие кирпичи не припекали бока. Это время и есть глухозимье. Бывают годы, что пригрозит зима морозами неделю, другую, да отпустит, но бывают и такие, что прихватит мороз в ноябре и до марта не отпускает. Вот тогда радуется тот хозяин, у которого и скотину есть чем кормить, и дровишек приготовлено с лихвой, да не абы какие, а сосна и лиственница. С хворостом такую зиму не обманешь, поэтому к заготовке дров здесь относятся серьёзно. Выбирают место, желательно недалеко от дома да валят несколько лесин, потом пилят на чурки, колют на три-четыре части и складывают в поленницы. Так дрова сохнут и ждут своего времени, когда выпадет снег. Потом на санях вывозят сухие дрова домой, и тут успевай, чтобы не попасть под большой снег, а то намаешься. Сено тоже вывозят с покосов уже по снегу. Иначе никак. Тут-то и сказывается дружба в деревне. Выедут мужики и с шутками, прибаутками за неделю, другую доставят всё домой, справятся со всем, потом ещё и отметят как водится. Пару дней гуляют законно, даже хозяйки помалкивают.

29

Обычно все грозы и беды приходили на землю Бирюсинскую с запада: летняя сумасшедшая гроза, зимняя пурга, да и вести разные тоже приходят с той стороны. Попривыкли люди к невздам, но беда, прилетевшая в середине лета 1914 года, растревожила, напугала жителей. Шутка ли – война. Заголосили бабы на подворьях, заиграли гармошки, провожая на войну тех, кому пришлось нести сей крест.

Родион Цыганков, ещё весной вместе с братом ходивший с обозом к карагасам, божьей волей оказался одним из тех, кого призвали на войну. В середине августа его забрали, а уже в сентябре он был в составе 41-й дивизии Сибирского стрелкового полка, 1-го Туркестанского армейского корпуса 10-й армии.

Словно осенний лист ветром, занесло Родиона через всю державу на другой конец страны. Много чего нового, невиданного ранее, проплыло за окном вагона. Поначалу Родион дивился всему, что видел, особенно поразили его большие города, размеров которых он даже не представлял, а потом просто отмечал себе в памяти, что-то новое – и только. А к концу пути даже и не смотрел по сторонам – устал.

Определили Родиона в пешую разведку как охотника и таёжника. Его навыки должны были пригодиться в особых заданиях командования. Разведке надлежало, кроме всего прочего, ещё и наводить панику среди немцев во время наступления, поэтому туда брали только отменных стрелков, каким назвался Родион, а также два его новых товарища из Канска: Васька Конев да Петруха Мамаев. Ещё в пути они сговорились помогать друг дружке и быть всегда вместе. Компанией даже батьку бить проще, а уж по войне идти тем более.

Свой первый бой друзья вместе с полком приняли уже в сентябре у русской крепости Осовец. В крепости были российские солдаты, нужно было разорвать кольцо немецких войск, блокировавших эту крепость. Разведчиков определили немного в стороне в небольшой рощице, где они обосновались и приготовились к выполнению своей задачи. Они должны были при наступлении наших войск выискивать во вражеских рядах офицеров и выбивать их. Солдаты без офицерского пригляда превращаются в стадо коров, и, при первой же опасности, убегают с поля боя. Для начала получилось неплохо. Как только русские стрелковые роты пошли в атаку, немцы поднялись и строем двинулись на русских. Тут-то и показались офицеры: они ходили по окопам, что-то кричали или стояли и смотрели в подзорные трубы. Здесь и пригодились навыки охотников. Парни били без промаха, жалея каждый попусту истраченный патрон. Когда офицеры стали замертво падать, началась паника в немецких рядах. А тут ещё русское ура. Не каждый выдержит. И противник дрогнул: стройные вражеские ряды превратились в бессмысленную толпу насмерть перепуганных людей. Враг побежал, да так побежал, что оставил после себя, кроме винтовок, ещё и пару пушек.

Были потери и у сибиряков, но на фоне общей победы потери переносились не так тяжело. Только горевали по погибшим друзья-товарищи, с кем уже сдружились и ели из одного котелка. У разведчиков никто не пострадал – немцы не сразу сообразили, откуда ликвидировали офицеров, потому и не ответили.

Родион с горечью поглядывал на убитых, кого собирались хоронить, и разные мысли вертелись у него в голове.

На построении командир полка полковник Вставский поблагодарил солдат за успешно выполненный ратный труд, особо отметив разведчиков, сделавших своё дело отменно.

Через месяц полк участвовал в Лодзинской операции, длившейся целый месяц. Вот здесь по-настоящему хлебнули горького опыта сибирские стрелки. Но самое страшное для полка, как и для всей 11-й Сибирской дивизии, было Праснышское сражение, где у немцев был численный двукратный перевес, а по числу орудий превосходство было трёхкратное. Тем более, что обеспечение русской армии было неважным: кормили плохо, не хватало снарядов. Было странное распоряжение – производить не более пяти выстрелов на орудие. Вот и воюй тут. А главный удар принимала на себя 11-я дивизия.

Батальон, в котором воевал Родион, занял боевые позиции в районе Ольшевец, где разведчики опять оборудовали себе место немного в стороне от основных сил. Родион выкопал себе окопчик, приготовил обоймы с патронами. Васька с Петрухой расположились немного пониже и левее, но так, чтобы видно было друг друга.

За прошедшие полгода ребята так сдружились, будто всю жизнь прожили по соседству. Делились последним, что было, и если приходилось получать что-либо, то брали сразу на троих. За неделю до боя, о котором говорили, что битва будет очень тяжёлая, Петруха Мамаев умудрился достать новое нижнее бельё для себя и друзей. Предстать перед Всевышним, по православной вере, требовалось достойно. Перед боем сообразили баньку: на краю небольшого оврага выкопали яму, накрыли её железными прутьями, а потом сверху наложили камней, а в яме разожгли костёр. Полдня жгли дрова и грели камни, а потом огонь залили водой и на месте костра поставили палатку – вот и баня готова. Воду грели в деревянной кадке, бросая в неё горячие камни, хватило и пару, и воды. Порадовали солдаты тело веничком.

Жару хватило всем разведчикам. После баньки переоделись в чистое бельё и приготовились встретить врага по всем правилам. Для настроения нашлось и немного водки, кое-кто успел и поспать. Теперь можно было и стоять насмерть – ведь нельзя русскому солдату, тем более сибиряку, бросать позиции и убежать.

Первый выстрел раздался в 4 часа 45 минут – и начался ад. Более 800 орудий били по русским позициям. Сплошной шквал огня крушил всё подряд. Отдельных выстрелов не было слышно. Стоял сплошной рёв. Над позициями висела земля, не успевая падать от очередных разрывов. Мало спасали окопы и убежища, которые, разрушаясь, заживо погребали солдат. Брустверы сметало, и вместо них оставались огромные воронки. Кое-кто не выдерживал такого натиска, выскакивал из укрытий и бежал, не понимая куда. И тут же попадал под очередной снаряд.

На позицию, где был Родион, тоже прилетали снаряды, но не так много, как на основное место, где ожидалось сражение. Попривыкнув к взрывам, Родион посмотрел, что творится там, где в окопах был его полк, казалось, что никто не мог выжить в этом аду.

Когда 1-я германская дивизия атаковала русские позиции, самый страшный удар принял на себя 41-й полк. Стрелки ещё не пришли в себя от обстрела, как пошла в атаку немецкая пехота. Поначалу слабый отпор только подстёгивал немцев на успех, но постепенно бойцы приходили в себя и от унижения страхом, от обстрела, вылили всю злость на нападавших. То тут, то там вспыхивали рукопашные бои, люди бились молча, оттого и было особенно жутко. Противники сходились и отступали, потом снова сходились, ожесточаясь и тупея от крови. Разведчики поначалу отстреливали офицеров, но потом, когда всё смешалось и было непонятно, где свои, а где чужие, стали бить по тылам, стараясь посеять панику в стане врага. Силы были неравные. Упорная оборона окопов дала немцам возможность окружить разведчиков и первый батальон полка. Остальные уже отступили.

– Родька! Кажись немцы со всех сторон, что делать будем? – крикнул Васька.

– Дай оглядеться, мы здесь не одни. Вон там, чуть пониже, ещё наши бьются, пробивайся к ним.

Родька кубарем покатился по склону вниз, останавливался, стрелял и снова скатывался вниз. Друзья пробирались следом. Так они и скатились на голову немцам, поджидавшим в засаде отступающих бойцов 1-го батальона. Родька ударил одного штыком, другого прикладом, вкладывая в удар всю силушку. Петруха Мамаев бросил винтовку и выхватил нож, он крутился между немцами и бил их ножом, пока они разворачивались с винтовками. При этом он орал благим матом, подавляя свой страх, отчего становилось жутковато. Немцы не выдержали неожиданного удара и побежали вниз, прямо на остатки первого батальона. Некоторые, скошенные выстрелами, падали. Друзья короткими перебежками рванули к своим. Пули свистели над головой, но никакая сила не могла остановить разведчиков.

Лишь к ночи остатки батальона выбрались из окружения. Их вышло только тридцать пять человек, ровно столько осталось от всего батальона. Люди были истощены морально и физически, шли с потухшими глазами, совершенно безразличные ко всему.

Родька по очереди с Васькой несли на себе раненого Петруху. В самый последний момент пуля догнала друга и пробила ногу. Петруха поначалу стонал, но потом потерял сознание, по-видимому, из-за сильного кровотечения, его срочно переправили в госпиталь, а других бойцов отправили в обоз – приходить в себя.

В обозе друзья узнали, что потери полка были очень большие. Много солдат попало в плен, значительная часть офицеров погибла.

– Подвезло малость, вырвались. Только Петрухе досталось, авось, выживет, – пробормотал Васька, засыпая от усталости.

Полк, отступая, геройски бился за каждый окоп, неся огромные потери от превосходящих сил врага. Когда от полка осталось не более пятисот штыков, его пополнили седьмым и восьмым батальонами Туркестанского полка. Сводный полк упорно оборонялся, теряя силы. 11-я Сибирская дивизия, куда входил данный полк, потеряла две трети своего состава.

Родион вместе с полком переносил все тяготы и лишения. Когда было нужно, он стойко сражался в окопах, был приказ отходить, покидал окопы вместе со всеми, вместе с ним неотлучно был и Васька Конев.

Однажды на привале после очередного похода на врага Родион сказал другу:

– Надо было научиться ножом крутить, как Петруха, в окопах – знатное оружие.

– Он у одного черкеса научился ещё дома, часто на улице в драках крутил так.

– Что? И людей резал в драке?

– Про людей не слыхивал, но страху нагонял, будь здоров.

Судьба хранила их, как и тех немногих, кого пощадила пуля, до кого не дотянулся штык. А на сборном пункте их, оставшихся в живых, оказалось чуть более пятисот

человек из четырёх тысяч. Усталые, осунувшиеся, голодные, они уснули прямо на сборном пункте.

Но на этом война для них не закончилась. Остатки полка передали в пополнение 43-го Сибирского полка, и всё началось сначала, потому что немцы опять свой удар обрушили на 11-ю Сибирскую дивизию.

В результате Праснышского сражения первоначальный состав 41-го полка был практически уничтожен, кроме нескольких солдат, которым повезло пройти эту «мясорубку», среди них был и Родион Цыганков.

За эти бои Родион был награждён Георгиевским крестом четвёртой степени.

После таких кровопролитных боёв 41-й полк потерял всех бойцов, хотя было ещё много сражений. Родион Цыганков заработал второго Георгия третьей степени, участвуя в вылазке разведчиков у деревни Боровая, где по собственной инициативе дерзкой атакой выбили они немцев за реку Неман и освободили деревню. Непосредственно в самой атаке он не участвовал, поддерживал точным огнём из схрона, пристрелив несколько офицеров. Оставшиеся без руководства солдаты с испугу отступили: форсировали реку, на чём пришлось. Из деревни, которую они освободили, Васька принёс несколько кружков домашней колбасы и сыру.

– Ловко ты щёлкал их, где так насобачился? Вот бы мне так, – сказал Васька. – Без офицеров немцы – не вояки.

– Зачем тебе стрелять, когда ты по ихнему брешешь складно, крикнул чего – и готово.

Потом война превратилась в редкое постреливание с обеих сторон, в окопах стали появляться агитаторы, которых Родион никогда не слушал, каждую свободную минуту он думал о родных. Никогда так надолго он не оставался без брата. Вспоминал тайгу, походы к карагасам, и на душе становилось теплее. Нестерпимо хотелось домой, в деревню.

Для всех солдат пребывание на передовой стало утомительным, вот люди и стали прислушиваться к «говорунам». Некоторые принимали эти речи близко к сердцу, другие матерились, третьи, совсем бесшабашные, ходили в окопы к немцам покурить и выпить шнапса. Поначалу это показалось дикостью, но потом всё больше бойцов желали испытать себя и принимали в этом участие. Дисциплина в армии стала разваливаться на глазах. Родион смотрел на всё это со стороны, он словно его друг Оробак, когда не хотел говорить, замыкался в себе и словно никого не слышал. Ему что-то говорили, о чём-то спрашивали, а он словно не слышал ничего и делал вид, словно первый раз видит собеседника.

После Февральской революции полк превратился в базарную толпу, половина которой сочувствовала революционерам, другая категорически была против. А в середине лета полк и вовсе расформировали.

Родион сразу направился домой, стараясь нигде зря не задерживаться, однако везде были толпы народа, уехать на поезде не было никакой возможности. Они с

Васькой Коневым кое-как пристроились к воинскому эшелону, следовавшему в Новониколаевск, а там было уже попроще. Через неделю Родион прощался с другом Васькой в Канске. А на другой день утром Родион сошёл на перрон в Тайшете. Одноэтажный вокзал с резными наличниками и шпилем на крыше, был таким родным и желанным, что у Родиона навернулись слёзы. Он присел на скамеечку и какое-то время смотрел, как снуют люди по перрону, посвистывают паровозы в депо, покрикивают извозчики. Не слышно ни стрельбы, ни криков. На душе стало спокойно и тепло. Родион встал и огляделся: нужно было ещё добираться до деревни, а это более полусотни вёрст. Постояв ещё немного на перроне, Родион направился на Первую Зелёную улицу, надеясь найти Хрустова – он-то поможет доехать до дома. Лавка Ильи Саввича выделялась среди других размером, она была больше других, и крыльцо у лавки было резное – работа братьев Никитиных. Приказчик в лавке был незнакомым, и сказать, где находится хозяин, отказался категорически. Родион уговаривать не стал, а направился прямо домой к Хрустову. Возле церкви сел на скамейку и решил немного отдохнуть и посмотреть, что же переменялось здесь за три года, которые он был на фронте.

Возле церкви толстым слоем лежала пыль, превращающаяся после дождей в жидкую грязь, по которой невозможно было пройти. Тротуары, сделанные одновременно с храмом, были наполовину разломаны колёсами от телег. По периметру площади поднимались молоденькие тополя, набирая силу и стремясь вверх. Несмотря на будний день, возле храма толкались люди, по улице носились пролётки, покрикивали кучера.

«Словно и не уезжал, – подумал Родион и улыбнулся, – теперь-то всё наладится».

Он встал и решительно направился через площадь к знакомому дому на Первой Зелёной улице, что была сразу за церковью, к дому, где жили Хрустовы.

30

Через три месяца после проводов Родиона, Евсей затосковал. Он даже и не представлял, что так привязан к брату, о котором столько лет заботился вместо отца и матери. Поначалу отвлекали домашние заботы, но когда всё понемногу сделалось и появилось много свободного времени, Евсей всё чаще садился и вспоминал Родьку. «Как он там? Война – это не прогулка по тайге, сколько народу положат головы». И начинал изводить себя разными мыслями, а хорошие-то не лезли в голову, рисовались только самые страшные картины. Бывало, что Евсей ловил себя на том, что просто сидел и плакал, доводя себя до такого состояния, чёрными думами. В таких случаях старался, чтобы никто не видел его слёз, уходил куда-нибудь на двор, прислонялся к забору и долго смотрел на занесённые снегом поля, а сам мыслями был где-то далеко. Вспоминал, как брат рос рядом с ним, старался равняться на старшего, Евсея, рано стал самостоятельным, а самое главное, думал Евсей, был

человечным. За ним никогда никто не примечал какие-либо шалости и проделки, всё он делал по-доброму, по-взрослому. На память приходили нечастые случаи, когда была возможность порадовать брата подарками, тогда глаза у Родиона загорались радостным огоньком, и весь он светился от счастья. Будучи уже взрослым, брат был любимцем всей деревенской детворы, а уж племянники с рук его не слазили. И в деревне Родион старался быть незаметным, но в нужный момент всегда был рядом, во всех поездках Евсея был главной опорой.

Вот такие думы изводили Евсея. Он старался прогонять горькие мысли, да только получалось это не всегда. Будто кто-то выключал запрет помимо воли, и опять воспоминания бередили душу и рвали сердце.

Прошла зима. Вместе с деревенскими мужиками Евсей снова ушёл с обозом к карагасам, которые уже стали почти родными. Эти люди были очень ранимыми, потому что были доверчивыми, верили любому данному слову, считали, что слово – это не просто звук, а кусочек человека, сказавшего его. Раз человек сказал слово, значит, исполнит его, не будет же он собой разбрасываться.

На этот раз они немножко припозднились.

Их уже ждали не только Эликан со своим родом, но и другие карагасы, кому было проще обменять свои товары здесь, кому надоели постоянные обманы на суглане. Евсей взял за правило: водку доставать только тогда, когда торги окончатся. Хотя и сам торговал, но потом попробуй объяснить протрезвевшему человеку, что всё было сделано по совести. Лучше уж не доводить человека до невменяемого состояния. Такому правилу хозяева были даже и рады. Не каждый был уверен в себе, что не напьётся и не накуролесит, а потом будет ходить с поникшей головой, или, что ещё хуже, потихоньку снимется и уедет, оставшись без ничего, как бывало на суглане.

– Родька охотится? – спросил Эликан, обнимая Евсея.

– Нету нынче Родьки, без Родьки в этот раз, – расстроился Евсей.

Старик удивлённо посмотрел на Евсея.

– На войну забрали Родьку ещё в конце лета, с тех пор ни весточки о нём, ничего нету.

– Слышал я о войне, только не совсем понял, почему война, что не поделили?

– Честно сказать, и я не совсем понимаю, из-за чего скандал, знаю одно – погнали русского мужика на убой.

Старик раскурил трубку и долго молчал. Прошло около часу, когда Эликан вдруг сказал:

– Когда закончатся торги, останьтесь на два дня, мы с тобой сходим к шаману, он всё расскажет тебе. Шаман добрый – плохого зря не скажет. Я заранее пошлю к нему Оробака, он подготовит всё, что требуется. В этом году шаман кочует недалеко от нас.

– Разве шаманы кочуют, как охотники? – спросил Евсей.

– У карагасов шаманы не ждут, когда им принесут подаяние, они сами охотятся наравне со всеми. Когда его просят шаманить, то дают и шкурки и мясо. Но шаман

живёт не этим, потому и говорит всегда то, что ему скажут духи, а не то, что хочет услышать тот, кто дал хорошую плату. Это другие шаманы так делают, но не карагасы.

– Далеко придётся идти?

– На оленях за день дойдём, немного отдохнём, а там и камланье будет. Шаман камлает только ночью.

Торги закончились за один день, каждый остался доволен и собой, и продавцами. Под вечер Евсей вынес немного водки, чтобы отметили хорошие торги да повеселились немного. Выпивка была бесплатной. Желających выпить было много, почитай все. За разливом следил Маркел, которого знали все в стойбище и кого слушались. Он наливал всем одинаково, чтобы никого не обидеть, добродушно матерился при этом и посмеивался, не забывая плеснуть и себе.

Евсей с Эликаном выпивали в чуме, в стороне от других, чтобы им не мешали разговаривать.

– Утром Оробак ушёл. Шаман приготовит всё, а завтра мы с тобой поедем вдвоём. Пусть Маркелка поживёт в стойбище – шибко он девкам нравится.

– Я им сказал, они подождут. Погода тоже терпит – лёд на реке ещё хороший.

– Река не скоро пойдёт, через месяц, – подтвердил Эликан.

– Скорей бы уже узнать хоть что-нибудь, совсем душа изболелась, ведь нас только двое, других братьев и сестёр – нету.

Рано утром, когда женщины ещё не разжигали костры, Эликан с Евсеем тронулись в путь. Олени были сытые и шли хорошо, не отвлекаясь ни на что, ныряя под огромные ветки вековых елей, обходя частые заросли молодых сосняков, вскарабкиваясь на крутые склоны распадков. В полдень Эликан остановился у ручья, где на наледи можно было набрать воды, оленей пустил на поляну, где виднелись лохматые куски мха, висевшего на старых кедрах. Увидев удивлённый взгляд Евсея, сказал:

– Не уйдут, пусть тоже отдохнут. Ну, а мы чаю поьем. Разжигай костёр.

Евсей быстро сладил костерок, достал котелок и пошёл за водой. Вскоре вода в котелке весело шипела, собирая кусочки угольков, отлетавших от костра, в середине котелка. Эликан подождал, пока вода закипит и поднимется пеной, выплеснул эту пену из котелка вместе с угольками, сыпнул чаю и снял котелок с костра, прикрыв его крышкой из бересты.

Путники пили чай молча, щурясь от пара из кружки и от дыма костра, который ветром швыряло из стороны в сторону.

– Скоро поедём дальше, – сказал Эликан. – Ты собирай котелок, я пойду за оленями.

До самого вечера больше не останавливались да и ручьёв не встречали. Когда солнце коснулось макушек старых кедров, путники неожиданно выехали на поляну возле небольшого озера, где стояло три чума. Залаяли собаки, из чумов вышли люди. Среди них был и Оробак. Он что-то сказал старику с небольшой седой

бородкой, в хорошем, расшитом орнаментами халате. Старик вышел немного вперёд, поджидая путников.

Поприветствовав друг друга, карагасы обнялись, было видно, что они давние друзья.

– Это Улубек, – представил Эликан шамана, – а это Евсей.

Улубек кивнул и улыбнулся. Редко увидишь улыбающихся карагасов, значит, здесь им были рады.

– Отдохните немного, потом пойдём в чум и будем камлать, надеюсь, духи расскажут всё, что вас ожидает.

– Это самый сильный шаман в нашем роду, он на самой верхней ступеньке стоит среди шаманов, на двенадцатой, – шепнул Эликан, давая Евсею ещё большую надежду на то, что шаману доступно узнать будущее любого человека.

Только тут Евсей стал побаиваться откровений шамана: а вдруг он скажет то, о чём старший Цыганков и думать боится – он не готов был услышать плохую весть. Но теперь уже не воротись назад: раз пришли, значит, надо до конца пройти весь этот путь.

Когда совсем стемнело, мужчины поднялись и пошли в другой чум, стоявший в стороне на небольшом пригорке. К нему вела плохо протоптанная в снегу тропка, петлявшая вокруг деревьев.

Эликан с Евсеем прошли в помещение, сели в стороне, подальше от огня, горевшего ровным пламенем прямо посередине чума. На ближней стенке висели различные фигурки, где, как сказал Эликан, жили духи. Фигурки были сделаны из ткани, вырезаны из дерева, здесь же находились чучела соболя и филина.

Шаман вошёл неожиданно, не замечая присутствующих. Подошёл к костру, умыл в пламени руки, потом протянул их к фигуркам и стал читать молитву. Затем он стал распевать медленные, протяжные песни, громко стуча в бубен. Время от времени пение прерывалось пронзительными криками, затем снова громко звучал бубен. Всё это чередовалось и завораживало. Огонь в костре то угасал, то снова вспыхивал. Длилось это настолько долго, что, казалось, никогда не закончится. Евсею чудилось, что он уже сходит с ума, не понимая, что с ним творится. Со звуками бубна он словно улетал куда-то, потом снова обретал нормальное сознание, пытался осмыслить происходящее, но вновь мысли уносили его в странный другой мир. Когда кончилось камлание, Евсей не понял, его будто и не было здесь, хотя тело его находилось рядом с Эликаном и никуда не пропадало. С трудом приходя в себя, он осмотрелся: шамана в чуме уже не было, только Эликан сидел рядом и с тревогой смотрел на друга.

– Давай, пойдём, пора уже, – сказал он Евсею.

– Что-то узнали? – растерянно спросил Евсей.

– Всё узнали, пойдём, шаман сам расскажет тебе, что ему сказали духи, шаман ждёт нас внизу в другом чуме.

– Давно закончилось камланье? – Евсей вдруг осознал, что прошло уже много времени, раз шамана здесь нет.

– Пошли.

Шаман сидел у костра и пил чай, покуривая трубку.

Когда все уселись у костра, шаман сказал:

– Духи сказали мне, что у тебя хороший брат, Евсей, ваш Бог хранит его. Ему сейчас тяжело, но он всё выдержит и вернётся живым и здоровым, ваш Бог позаботится об этом. Могу ещё сказать, что сейчас у него самое тяжёлое время, которое продлится ещё целый год, но он всё пройдёт достойно. Вот это мне сказали духи. А ещё духи сказали, что они знают его, что он тоже бывал в этих местах и никого не обижал.

– Спасибо, Улубек, спасибо на добром слове, а то я уже и места не нахожу от тяжёлых дум. Прими от меня подарки за доброе слово.

Евсей подал шаману большой пакет с чаем, такой же – с табаком, а также подал свёрток, который предложил развернуть самому. Улубек развернул его и увидел нож в ножнах с металлическими набойками, обшитый замшей, ручка у ножа набрана из бересты, что очень ценилось охотниками. Когда лезвие сверкнуло в свете костра, Улубек едва не привстал от восторга. Каждый охотник знал цену ножу, тем более таёжный человек, у которого вся жизнь проходит рядом с ножом и боевым луком. Теперь многие меняют лук на ружьё.

– За чай и табак спасибо, а нож принять в подарок не могу, ножи не дарят – удачи не будет, – сказал Улубек и положил нож.

– А ты купи его у меня, тогда будет удача, – предложил Евсей, видя, как нож пришёлся по душе шаману.

– Сколько шкурок ты хочешь за него? – обрадовался шаман, видя в этом выход. Уж больно хорош был нож.

– А вот за туесок, пожалуй, продам, – сказал Евсей и показал пальцем на несколько туесков из бересты, сделанных на обмен.

– Ох, и хитрый ты человек, Евсей, ладно, я согласен, – сказал Улубек и подал туесок.

– Теперь будет удача? – спросил он шамана.

– Теперь будет, – кивнул он.

Возвратившись домой, Евсей немного успокоился, потом затянули весенние заботы, жизнь покатила побыстрее, но к осени опять стали приходить недобрые мысли.

Так и шло время в неведении и тревоге. Евсей, бывая в Конторке и Тайшете, ходил по знакомым в надежде узнать хоть какие новости, так как с фронта приходили списанные по ранению солдаты, рассказывали разные страсти, матерились и пили водку в больших количествах. Одни заливали ею свои беды, другие приспособились к такой жизни и с каждым разом рассказывали небылицы всё страшнее, вызывая всё большую жалость, а значит, и возможность приобрести выпивку. Но никто из них не

знал о Родионе ничего. Один из Конторских мужиков только и сказал, что виделись они в Новониколаевске, когда отправлялись на фронт, а потом слышал от сослуживцев, будто полк, где был Родион весь погиб в боях. Других новостей не было. С этого дня Евсей каждый раз, когда обходил значные места, прислушивался к рассказам, но уже не спрашивал о Родионе, потому что не надеялся на хорошие вести. Рассуждал, что если бы Родион был жив, нашёл бы, как послать весточку.

Прошло более двух лет, война продолжалась. Мало того, и в стране стало тревожно – народ стал колобродить. Даже в Тайшете частенько собирался толпы, где разные ораторы говорили про что-то такое, что простому обывателю было не совсем понятно, но интересно. Говорили такие странные вещи, будто можно жить всем в добре и богатстве, как в сказке. Хотя многие понимали, что это только говорильня и не более, каждый понимал, что «без труда не выловишь и рыбку из пруда». Но уж очень хотелось посмотреть эту новую жизнь, где нет ни господ, ни батраков, одни только счастливые люди гуляют под ручку по Базарной площади и по улицам.

Евсей приезжал в Тайшет только по крайней необходимости, решал свои дела с Хрустовым и отбывал домой, иногда забывая купить подарки детям, в таких случаях Илья Саввич сам посылал приказчика в лавку и вручал подарки от себя. Иногда Евсей видел и Лизавету, которая из подростка превратилась в девушку, настоящую красавицу. Она ловила взгляд Евсея и ничего не спрашивала, понимая, что ему ничего не известно.

Евсей больше времени стал уделять семье, о Родионе думал постоянно. Но ни с кем не хотел говорить о нём. Никого не посвящал в свои сердечные боли и научился гнать из души чёрные думы. Чаще занимался с детьми, которые уже подросли и стали настоящими помощниками, да больше начал уделять внимание жене. Она, привыкшая к его скупым ласкам, поначалу удивлялась, когда Евсей вдруг спрашивал, что нужно купить или не нужно ли ей самой чего, а то вдруг сядет напротив и сидит, смотрит на неё.

– Не заболел ли? – спросит она, хотя понимает, что всё оттого, что нету вестей от брата.

Бабка Пелагея в последнее время приболела, не могла помогать по дому, теперь уже внуки заботились о ней: где воды принесут, где чего подадут. Она вдруг начала чувствовать себя лишней, часто плакала, сидя у окошка. Однажды, увидев плохое настроение Евсея, сказала ему:

– Евсей Митрофаныч, вы уж потерпите, скоро Бог приберёт меня, не буду я обузой вам.

Евсей сначала не понял ничего, даже переспросил, а когда бабка повторила, он взорвался:

– Ульяна! – крикнул он. – Ты слышишь, что она говорит! Это ж надо такое придумать! Где только слова такие нашла!

Ульяна прибежала на крики мужа.

– Посмотри на неё, – немного успокоившись, сказал он, – говорит, что мешает мне и собралась помирать! И чтобы я никогда не слышал больше такого, здесь нахлебников нету, здесь одна семья. Это понятно?

Старушка растерялась от такой реакции, губы у неё задрожали и неожиданные слёзы потекли из глаз.

– Простите меня глупую, – пробормотала она и закрыла лицо руками.

Евсей махнул рукой и вышел во двор, а Ульяна обняла бабушку и спросила:

– И чего ты надумала?

– Я смотрю, в последнее время Евсей ходит сам не свой, вот и подумалось, что это он из-за меня такой, – пробормотала старушка сквозь слёзы.

– Да это он из-за Родиона, вестей от брата с войны нету, вот и хмурый такой.

– Боже мой, а я-то подумала о человеке недоброе, грех-то какой.

Евсей вышел на улицу, прислонившись постоял у калитки, и вдруг расхохотался: вспомнил, что сейчас говорила ему бабка Пелагея.

– Истинно, что старый, что малый, – вслух сказал он и ещё сильнее рассмеялся.

Посмотрев на улицу. Евсей увидел братьев Никитиных, прекратил веселье, успокаиваясь.

– Бывай здоров, Евсей, – сказал Иван. – Покурить вышел?

– Не сподобился курить, просто подышать вышел, женщины повеселили.

– Евсей, мы тут с Семёном сделали наличники резные, давай приладим к дому Родиона – придёт домой, а дом-то веселёхонек.

– Когда придёт, кто ведаёт? Никаких весточек нету.

– И что? А вот Саша Поляков недавно сон видел, что вскорости зайвится Родион и не один, а у Саши что ни сон, то вещий.

– Сейчас придумали эту байку, али давно? – спросил Евсей, понимая, что все стараются подбодрить его, дать надежду.

– Правду говорю, вот тебе крест, – перекрестился Семён. – Если Саша соврал, тогда и я брешу, но такой разговор был.

– Ладно, давай и прилепим. А что Саша говорил, с кем придёт Родион-то, с другом али ещё с кем?

– Нет, будто с невестой придёт.

– Вот бы так и было. Какую бы свадьбу закатили. Раз с невестой, значит, давай и прилепим вашу красоту – пусть знают, что в добром месте проживает жених.

Братья заранее сняли все размеры и наделали резьбы на наличники на калитку и ворота. Засиял дом, засветились окна, вышли все женщины посмотреть на такую красоту.

– Ульяна, – сказала Настя, – а давай и мы порядок в доме наведём – долго ли компанией?

– И вправду, – поддержала Дарья Лисицина.

Женщины быстро принесли воды и стали мыть окна, подбелили печь, отскоблили полы. А потом и растопили печь, чтобы пустить жилой дух в комнаты. И случился небольшой праздник в деревушке. Мужики тут же предложили обмыть это дело. Согласны были все.

– А чего? Давненько мы не собирались и не веселились, постарели, что ли? – сказала Настасья. – Маркел, я постарела или нет?

– Ты? – Маркел удивлённо посмотрел на жену.

– Я, а то кто ж?

– Ну, ты это, – стал растягивать слова Дронов.

– Говори быстро! Не тяни kota за хвост – орёт больно громко.

– Нет, ты такая же молодая, как и под венцом.

– Все слышали? – спросила Настасья. – Теперь ты меня по деревне на руках носить будешь, раз такая же молодая.

Маркел, было, разинул рот, но жена добавила:

– А ты как хотел? Обещал на руках носить – вот и носи!

– А я истинно говорю, приедет наш герой на днях, сон видел, – твердил подвыпивший Саша Поляков, но ему не особо верили.

Да это было и не важно, видел он чего или нет, главное, что люди верили, что не может не вернуться Родька, для того и дом подновили, чтобы надежду сберечь.

31

Родион не сразу постучал в калитку. Немного постояв у ворот Хрустова, он, наконец, решился и взялся за железную ручку. Удар железом о дерево получился громкий, во дворе залаяли собаки. Родион отошёл немного от ворот и стал дожидаться. Долго не открывали, но потом послышались шаркающие шаги и калитка открылась. Вышла незнакомая пожилая женщина, осмотрела его с ног до головы и спросила:

– Тебе кого, мил человек?

В это время мимо неё проскочила видная девица и бросилась прямо на шею пришельцу.

– Барышня, разве так можно, люди кругом, что батюшка скажет?

– Родя, приехал, живой, – прошептала девушка. – Я знала, что ты приедешь.

Родион разглядывал девушку, знал, что это Лиза, но не узнавал её – так она изменилась: выросла, похорошела, стала совсем взрослой.

– Лиза, какая ты стала, я тебя и не признал бы, если встретил где. Просто красавица.

– Ты бы ещё лет десять не появлялся, тогда бы увидел и сказал:

– Лиза, да ты уже старушка.

– Молодые люди, может, зайдёте уже домой, не надо давать поводов для сплетен? – сказала женщина.

– Ты дома был? – спросила Лиза.

– Нет, прямо с поезда пришёл сюда – мне всё равно некуда податься. А отсюда, может, с кем и доберусь домой, – Родион отвечал, а сам не мог оторвать глаз от своей детской подружки.

– Сколько ты времени добирался?

– С месяц почти. Кругом народ митингует. Работать никто не хочет.

– Сара Иосифовна, распорядитесь там насчёт бани – и поскорее, пожалуйста, – сказала Лизавета и потянула Родиона к себе. – Дома кроме нас и Василия, нашего управляющего, больше никого нет. Отец куда-то уехал, сказал, что будет завтра. А мы сегодня будем отмечать твоё прибытие, а завтра батюшка приедет, тогда и решим, как тебя доставить домой. Евсей, брат твой, часто бывает здесь, всё расспрашивает у отца о тебе. Здесь многие пришли с войны, некоторые вернулись калеками. В Конторке ходили слухи, что, будто ваша армия вся погибла, а значит, и тебя нету. Вот я наревелась вволюшку, но только я всё равно верила, что ты вернёшься.

Лиза говорила и говорила, не останавливаясь, стараясь выговориться за все эти три года, которые так дорого обошлись для неё.

– Ты почему мне не написал письмо? – вдруг сказала она. – Я столько ждала, а ты даже и не подумал писать!

– Я и адреса-то не знаю, куда писать, да и писать поначалу некогда было.

– Ты и уехал не попрощался, – недовольно проворчала она.

– Но ведь тебя и дома не было – ты была в Канске.

– Я знаю, а всё равно обидно. Больше не буду капризничать, лучше расскажи ты, как там на войне?

– Страшно на войне – и рассказать нечего.

– Три года пропадал невесть где, а рассказать нечего.

– Баня готова, – сказала Сара Иосифовна.

– Давай собирайся, в баню пойдёшь, смоешь все свои страхи, я тебе бельё чистое дам и полотенце.

Во дворе Родиона встретил управляющий и сказал:

– Пойдём, покажу, где и чего.

Он рассказал, где воду горячую брать, где холодную. Родион до этого никогда не видел баню, которая топилась бы по-белому. Здесь всё было чисто побелено, полы отскоблены. В шайке два запаренных берёзовых веника издавали пьянящий аромат.

Родион несколько раз залазил на полоч, парился до треска в волосах, поддавал так, что ногти горели огнём, потом выливал на себя ведёрко холодной воды и шёл в предбанник остывать. После небольшого отдыха тело просило ещё пару.

Родион вышел во двор и присел на скамейку рядом с баней. Было так хорошо и легко, что не хотелось больше ничего.

Лиза позвала в дом.

– Ты ложись, отдохни немного, а я на стол приготовлю, мы с тобой пообедаем и поговорим заодно.

Родион прилёг на диван и незаметно уснул – расслабился солдат, подвела банька. Когда Лиза принесла еду, он уже сладко спал. Она не стала будить его, понимала, что неспроста человек уснул мгновенно: намаялся в последнее время, а может, и вообще давно не отдыхал. Девушка присела на маленькую табуретку рядом с Родькой и стала разглядывать его. Сразу отметила множество морщинок у глаз, потом пригляделась и увидела седые волосы у виска. От этого открытия ей стало нехорошо, она поняла, что страшно – это не тогда, когда собака напугает, а когда у молодых людей появляются седые волосы. Насмотрелся он страха на войне. Слёзы опять накатились на глаза, и она сидела рядом, плакала и гладила его волосы, его сединки, словно от этого они могли поменять цвет.

Родион проснулся через два часа. Лиза сидела в кресле и читала журнал. На столе, накрытом салфеткой, стояло что-то вкусное, от чего шёл приятный запах. Родион и проснулся от голода, сел на диван и улыбнулся.

– Свалился, не утерпел, – сказал он. – Мне бы одеться теперь, а то я в исподнем и сижу. Где мой мешок, там у меня новая гимнастёрка, я её и одену.

Лизавета вышла из комнаты. Когда вернулась, то Родион был уже одет в форму – на груди висели два Георгиевских креста. Девушка растерялась от вида наград, потом подошла и потрогала их.

– Это настоящие? – задала она настолько глупый вопрос, что сама и расхохоталась. – Родя, ты ведь герой! Ты знаешь об этом?

– Какой я герой, – смутился солдат. – Это так, мимоходом.

Они сидели при свечах напротив друг друга, вспоминали детство, пряники с молоком, которые жевали за печкой, и весело смеялись.

– Василий, ты не знаешь этого юношу? Кабы беды не было, а то хозяин строгий: как спросит, так не возрадуемся? – шептала Сара Иосифовна.

– Нет, не знаю, не приходилось видеть. Конечно, хозяин строгий, но и она ведь хозяйка, разве скажешь супротив что?

– И то верно. Пошли к себе, а как увидит, что мы здесь – тоже скандал будет.

– Какая ты стала, просто глаз не отвести, – сказал Родион, разглядывая девушку, понимая, что это неприлично, но не мог ничего с собой поделать.

– Ты на меня смотри и глаз не отводи, не отводи, – громко сказала Лиза и захохотала, потом бросилась к Родьке, обняла его и сказала:

– Ты даже не знаешь, как я рада, что ты вернулся, даже не знаешь, – она опять расплакалась, уже который раз за вечер.

Родион обнимал её вздрагивающие плечики и говорил:

– Ну что ты, всё закончилось, авось, больше не придётся уезжать.

– Да знаю я, но сегодня что-то со мной, прямо рёвушка какая-то – сладу нету. Всё, больше не буду, – сказала она и присела рядом на стул.

– А ты как жила? – спросил Родион, пытаясь отвлечь её от грустных воспоминаний.

– Жила. Учитель ходил два года, учил разным наукам, а потом сказал, что больше меня учить ему нечему и перестал ходить. Два года училась в Канске, воевала с тётушками, закончила учёбу и там, вернулась назад – вот уже год как я здесь. Беру книги, читаю, познаю мир самостоятельно. Всё лучше, чем сплетни пересказывать, как мои немногочисленные подружки. Батюшка хотел было к делу меня приставить, да не люблю я торговлю. Крутиться надо, обманывать – это не по мне. Батюшка говорит, что хочет скорей меня замуж отдать за богатого жениха, чтобы ему кровь не портила.

– Неслух, отца не почитаешь? – улыбнулся Родька.

– Да почитаю, только не всегда получается. Ему не нравится, что Нестор в рот заглядывает, самостоятельно шагу не сделает. Не нравится и что я делаю не по его разумению, а на всех не угодишь.

– А как жить думаешь?

– Так и думаю. Вот выйду за тебя замуж и буду тебя любить, и детишек тебе нарожаю, и буду сопلي им вытирать.

– А батюшка благословит ли за меня, говорила, что за богатого хочет? – в тон ей стал говорить Родион.

– А куда он денется? Не благословит – внуков не покажу, даже сопливых, – сказала она и рассмеялась.

– Ну, а как я не возьму, что будешь делать?

– И тебя спрашивать не стану, знаю, что ты не такой вредный, как я.

– С врединой мне не резон жить, сама понимаешь.

– Когда нужно, я хорошая.

– Ну, если хорошая, тогда придётся подумать, – заключил Родион.

– Вот и думай, да недолго, а то и я могу передумать, не видать тогда вам с батюшкой сопливых детишек, – Лиза опять рассмеялась во весь голос.

Потом они опять сидели за столом, пили чай с бубликами и говорили о чём-то несущественном, делали вид, что этого шутейного разговора совсем и не было. Только у каждого из них зародилась маленькая надежда, что так и случится. Может, всё и шло к тому, что они однажды пойдут под венец и не из-за выгоды, а потому, что кому-то при виде другого беспричинно плачется, а другому не хочется отводить взгляд, и не хочется выпускать друг друга из объятий.

– Вот крестик, – Лиза показала золотой крестик на цепочке. – Ты мне самородок дарил, помнишь?

– Помню.

– Это из него.

Уже лёжа в постели, Родион всё пытался понять: разве так можно, чтобы месяц назад ещё над головами летали пули и снаряды, а теперь вот такое счастье – встретиться с человеком, который уже много лет был рядом с тобой и кому ты совсем не безразличен. Уснул он нескоро.

Проснулся Родион от тишины. Он открыл глаза, прислушался. За окном совсем негромко пели птицы, словно боялись разбудить заспавшихся полуночников, мягко постукивали копыта лошадей на пыльной улице. Родион вышел во двор, приметил бочку с дождевой водой, направился к ней. Раздевшись по пояс, стал с удовольствием плескаться, разливая воду вокруг. Когда он стал стряхивать ладонями капли с тела, рядом увидел Василия, державшего небольшое полотенце.

– Спасибо, – сказал Родька и стал вытирать мокрые волосы.

– Ты чей будешь? Что тебя здесь встречают, как барина? – спросил он. – Родственник, что ли?

– Батрачил у них.

– Иди ты? Не встречал, чтобы так батраков встречали, а не врешь?

– Самую малость.

Василий стоял и смотрел на этого бывшего батрака и ничего не понимал, потом махнул рукой и пробормотал:

– Батрак так батрак, видно, что не барин.

– И кто он? – спросила Сара Иосифовна.

– Говорит, что бывший батрак.

– Дивны дела твои, Господи, – перекрестилась она и пошла к себе.

– Может, надо чего? – спросил Василий Родиона.

– Илья Саввич когда будет, не знаешь?

– Так приехавши уже, ещё только светать стало, почивает сейчас, к обеду будет.

– Подожду.

– Ты, если чаёвничать будешь, скажи, Иосифовна принесёт.

– Чаю можно, – сказал Родион и направился в дом.

Присев у окна, стал разглядывать улицу. Редкие прохожие, не торопясь, следовали по тротуару, на дороге в пыли купались курицы, у дворов в тени развалились свиньи, похрюкивая во сне.

– Ну-ка, покажись, солдат, – громко сказал Хрустов, входя в комнату.

В длинном светлом халате, подвязанным поясом, с заметной сединой на висках, таким увидел Родион Илью Саввича. Годы плохо справлялись с ним, выглядел он очень неплохо для своих лет.

– Мужик совсем, гляньте на него: давно ль на бочке воду возил, а теперь герой, два «креста» имеет. Небось, «Егория» заслужить – это не по тайге прогуляться?

Родион стоял и улыбался, никогда Хрустов столь много не разговаривал с ним.

– Заговорил совсем, – сказала Лизавета, появившаяся в комнате уже прибранная и принаряженная.

Она прошла мимо отца и обняла Родиона, подняв глаза, тихо сказала:

– А у тебя сединки на висках есть.

– Когда ты высмотрела?

– Высмотрела.

– Дождалась-таки, – сказал Илья Саввич, – все уши прожужжала.

– Дождалась, – Лиза обернулась и показала отцу язык.

– Срамница, да отпусти ты его, никто не украдёт. Дай нам поговорить взрослые разговоры.

Лиза отпустила Родьку и, проходя мимо отца, снова показала ему язык.

– Вот прикажу выпороть – будешь отца почитать, – сердито произнёс он, хотя в глазах блуждала улыбка.

Илья Саввич любил дочь за несговорчивый характер, только она могла заставить сделать всё так, как она хочет. Эх, была бы у сына такая хватка. До смеха дошло: Лизавета стала в запальчивости называть Нестора сестрицей, а тот и побаивался Лизавету, хотя она была намного младше его.

– Сестрицей командуй, – крикнула она в запальчивости отцу и указала пальцем на Нестора, – она всё стерпит! А на меня не смей орать!

Нестор хотел было возразить, как она резко оборвала его на полуслове:

– И ты тоже!

Тогда Илья Саввич понял, что дочь выросла.

– Вот Евсей обрадуется, все глаза просмотрел за это время, – сказал Хрустов, – да ты присаживайся, не вырастешь более. Рассказывай, хлебнул лиха?

– Было дело, малость хлебнул, – ответил Родион, растерявшись такому приёму.

– Я уже знаю: много людей проходящих рассказывали, поговаривали, что и газами германцы травили?

– Мне не пришлось испытать, но слух был на фронте, что много людей сгубили газом.

– То-то, что сгубили. Война – это, брат, не с похмелья поболеть. Да что я тебе говорю, ты и сам испробовал этого зелья с избытком. Смотрю я на тебя и вижу: а глаза всё те же добрые, душу, выходит, сохранил, молодец. Беда многих перекалечила, не только тела изранила, но и нутро вывернуло наизнанку, если была в человеке червоточина, то вылезла бы наружу. А ты ничего, какой был, таким и выбрался из этой бойни. Как это дочка высмотрела тебя в друзья ещё маленькая совсем? Я всё дивился вашей дружбе, думал, что это просто детские капризы, а тут вон как вышло, выходит, глаз у дочки острее моего.

Родион слушал и смущался ещё больше, потом спросил:

– Мне бы домой добраться как-нибудь, не подскажите, может, кто поедет?

– А чего гадать, дам я тебе коня – вот и поедешь. Под седлом сможешь? Потом заберу при случае.

– Вот спасибо, а то я уже всякое подумал, хотел было пешком идти.

– Только давай договоримся так: отправишься завтра с утра, а ночь побудь здесь, приготовим чего надо твоим родным, вечером посидим, поговорим, а завтра к вечеру, даст Бог, и доберёшься. И Лизавета не простит меня, если я тебя на ночь не задержу, сживёт со свету.

– Так ли?

– Характер у неё, даже я завидую: упрётся так, что тройкой лошадей не сдвинешь, и веришь, не просто так, ради каприза, а по сути.

– Выросла, изменилась она, едва узнал.

– Красавица, – сказал Хрустов, явно радуясь за дочь, – мать её была тоже красивая, только характером полегче, хотя тоже не подарок. Трудно Лизе придётся в жизни: попробуй кто-нибудь жить с ней – это ж сущий ад, если ей не по сердцу что придётся. Вот и думай теперь, как быть. Ладно, время терпит, а там жизнь сама подскажет.

От такого разговора Родион только краснел. А ещё больше его смутила Лиза: она вошла в комнату, держа в руках поднос с чаем, и, глядя прямо в глаза отцу, спросила:

– Батюшка, хотела тебя спросить, да ты погоди, чай поставь пока. Я решила, что пойду замуж за Родю, ты меня, нет, ты нас благословишь?

Это было словно гром среди комнаты. Хрустов даже вспотел от неожиданности, Родион разулыбался той странной улыбкой, какой улыбаются влюблённые. Его настолько приводило в восторг поведение Лизы, что он даже немел от этого.

– Срамница! Как ты с отцом разговариваешь? – Хрустов растерялся от поведения дочери и сейчас, играя возмущение, думал, что же ей сказать.

Лиза взяла свою кружку с чаем и села рядом с Родионом.

– Мала ещё, чтобы говорить об этом, – нашёлся отец.

– Не сегодня же замуж, я так спрашиваю, чтобы ты и не думал женихов подыскивать. Тебе Родя нравится?

– Угомонись ты уже!

– Нравится, я знаю, иначе ты бы криком изошёлся.

– Ну, вот что с ней делать? – заулыбался отец. – У неё на каждую мою мысль ответ есть, не только на слово. На месте Родиона я тебя не взял бы ни за что.

– Почему?

– Ты же любого изведёшь, от тебя хоть кто убежит через пару дней.

– Любой убежит, любой останется, да так останется, что не оторвёшь потом ничем. Говори прямо: дашь благословение или нет?

– Дам, куда ж деваться, – отмахнулся отец, понимая, что этот разговор несерьёзный.

– А ты возьмёшь меня в жёны? – обратилась она к Родьке.

– Прямо сейчас и забираю, – не стал перечить он.

– Зря сразу согласился, – сказал Хрустов. – Намаешься ещё, хлебнёшь горюшка. На войну ещё раз сбежать захочется, чем жизнь с такой женой.

– Не говорил бы ты, батюшка, так, обижусь я. А ты меня знаешь: тогда ты никогда не увидишь ни Настеньку, ни Машеньку.

– А это кто ещё? – удивился Хрустов.

– Внучки будущие.

И они все втроём дружно захохотали.

– Если они пойдут в мать, тогда их стоит посмотреть, обязательно стоит, – смеялся Илья Саввич.

После обеда Родион с Лизой занялись сборами подарков племянникам и всей малышне в деревне. Их было не так много, но Родиона они любили, а значит, обидеть нельзя никого. Надо впрок взять чего, может, и ещё кто родился.

Вечером поужинали втроём, потом Хрустов, сославшись на дела, ушёл к себе, Лиза с Родионом остались одни. Они вспоминали прошлое, разговаривали, потом вдруг замолкали, смотрели друг на друга, прятали глаза. Потом снова разговаривали ни о чём. Между ними появилась тайна, которую они ещё не могли осознать, но она им нравилась. И эта тайна была необычайно красивой.

32

Длинный, летний день клонился к закату. Солнце превратилось в большой красный шар и едва катилось по небу в сторону сосновых макушек, поджидавших его на вершине сопки. Всё затаилось, даже тучи насекомых притихли, отдыхая от дневного зноя и готовясь к своим кровососным делам.

Немолодой, спокойный конь белой масти, которого выделили Родиону, утомился от дороги. Полсотни вёрст, пройденных за день, утомят, кого хочешь. Сам наездник тоже притомился, но усталость уходила при приближении к дому. Вот уже последний подъём, полверсты вдоль околка, а там поворот к деревне, откуда её уже видно. На повороте Родион слез с коня и повёл его в поводу, хотелось унять волнение, внезапно нахлынувшее на него.

– Что, друг, добрались? – сказал Родион, перекидывая узду через голову коню и протирая веки на лошадиной морде, где скопилась мошка. – Пойдём потихоньку, впереди есть валёжина, там и передохнём малость, оглядимся.

Поваленная ветром сосна не годилась на дрова: она была обильно покрыта крупными сучьями, пилить и колоть – все руки обобьёшь, а упала она от стихии. Сначала молния ударила её под самый корень да выжгла ствол, а потом порыв ветра уронил красавицу. Теперь она стала местом отдыха всех жителей, возвращавшихся домой и желавших передохнуть, а также грибников и ягодников, промышлявших возле своей деревни.

Внешне деревня не изменилась: домов не прибавилось, значит, и сельчан не прибавилось. Родион даже обрадовался тому, что всё осталось по-старому: таким, каким он вспоминал эти места там, в далёкой стороне, а ещё снилась ему Бирюса, по

которой ему пришлось походить и пешком по льду, и на лодках, чтобы проверить шивера. Снились сине-зелёные дали бескрайней тайги – на них когда-то он любовался, взбираясь на высоченное дерево. Эти зелёные волны поднимались по вершинам распадков и опускались в небольшие долины, вечно колыхаясь под порывами бродяги-ветра. Если внизу было совсем тихо – не шевелилось ни травинки, то макушки высоченных сосен и лиственниц покачивались из стороны в сторону и поскрипывали.

Только третий день заканчивался, как Родион вышел из вагона на Тайшетском вокзале, а столько событий произошло, но самое главное и самое важное – Лиза. Теперь только она занимала все его мысли. Раньше она была для него необычной подружкой, а теперь что-то произошло – весь мир переменялся, и казалось, что даже война, о которой он пытался поскорее забыть, ушла куда-то далеко, будто сон. Он видел только глаза Лизы: то полные слёз, то лукавые, то весёлые. Вот и теперь, вспомнив эти глаза, Родион улыбнулся и поднялся с сосны.

– Пошли дальше, – сказал он коню, пощипывающему траву.

Последние полверсты до первой поскотины закончились быстро – через прогон Родион вышел прямо к дому брата. Забасил кобель во дворе не то, чтобы от злобы, просто для порядка. Родион окликнул его, кобель прислушался, замолчал и стал старательно вилять хвостом.

– Кто там собаку изводит? – проворчал Евсей, выходя из сарая, где он готовил инструмент к уборке хлеба.

Покос только закончили, теперь было немного времени передохнуть и подготовиться к осени. Евсей открыл калитку и онемел.

– Вот и потеря наша, – только и сказал он, прислонившись к калитке.

– Брат, ты чего? – растерялся Родион и придержал Евсея.

– Ничего, теперь уж ничего, всё хорошо, – сказал Евсей и обнял брата.

Из дома выскочила Ульяна, за ней – дети.

– Дядя Родя приехал! – кричали они. – Дядя приехал!

Со всех сторон по улице бежали дети посмотреть на солдата, уже спешили и сельчане, повинувшись нежданной радости. Мужики степенно и важно подходили к Родиону, пожимали руки; женщины, отворачиваясь, вытирали влажные глаза. Ребятишки крутились вокруг, разглядывая гостя, некоторые уже и забыли его. Только Саша Поляков стоял возле своего дома и издали смотрел за происходящим.

– Саня, ты чего в стороне от людей? – крикнул Евсей. – Иди сюда.

Только тогда Саня медленно подошёл и протянул руку Родиону.

– Вот и сон в руку, как и сказал, что скоро Родион приедет, так и вышло по его, – сказал Кирьян.

Бабы загомонили, удивляясь такому совпадению.

– Ведь точно говорил Саня. Мы и порядок у тебя навели в доме, – сказала Настасья.
– Теперь и встречины сделаем, а ну, бабоньки, давай неси, что у кого есть, сейчас и стол соберём.

– Правильно сказал Саня, что не один придёт Родион, видишь, коня привёл, а наши бабы думали, что с жёнкой придёт.

Мужики поначалу захихикали, а потом и вовсе захохотали, разряжая обстановку.

– Тебе и дом бабы принарядили. Раз Саня сказал – пришлось постараться, – смеялся Маркел.

Встречины решили делать в доме Родиона. Со всех домов потянулись женщины с чугунками, а Родион тем временем одаривал ребятешек.

Засиделись допоздна. Пришлось зажечь две лампы – одной было мало. Плясали, пели песни, веселились, как умели, как душа велела. Евсей весь вечер сидел рядом с братом, словно боялся, что тот опять может исчезнуть. Дети подходили к Родиону потрогать награды. Маркел оглядел награды и сказал:

– Я сколько раз бывал в Конторке, там, в забегаловках, много бывших фронтовиков видел: калеки есть, разные болтуны есть, но «Георгия» я ни у кого не видел – а здесь сразу два. Молодец, Родька, не посрамил наши Тальники. А скажи-ка, Родион, про нашу деревню никто и слыхом не слыхивал?

– Верно, про Тайшет знали мои дружки из Канска, а о нашей деревне не только там, но и в Тайшете мало кто ведаёт.

– Вот и хорошо: меньше знают – нам спокойнее, – заключил Маркел и поднял стакан. – За нашего героя, за нашего Родиона, а Евсей? Совсем пацаном с нами на Бирюсу бегал, а смотри теперь – герой.

Когда все разошлись, Родион вышел на крыльцо и сел подышать прохладным воздухом августовской ночи. В воздухе появилась мелкая изморось, выпадавшая в обильные утренние росы. Хотелось посмотреть на звездопад – особенно красивый в августе. Не успеваешь задумать желание, а две-три звезды уже прочертили небо белыми линиями и упали за дальнюю сопку. Звезды торжественно и тихо соскальзывали с поднебесья и сгорали, не долетая до земли. Никакого шума или даже шороха, словно всё живое на свете замирало, любуясь ими. А ещё любил Родион тихие летние зарницы, разрезавшие дальний край неба во всех направлениях так часто, что, казалось, – ночное чёрное небо вот-вот загорится огнём. Но зарницы гасли, небо темнело, а потом всё начиналось снова. Уже стали понемногу исчезать звёзды, когда Родион пошёл спать.

На другой день гуляние продолжилось. Поначалу пришёл Евсей с женой, чтобы прибраться после вчерашнего, а уж потом стали подтягиваться мужики, после того, как управились с хозяйством. Сначала Евсей сидел на крыльце неприступной стеной, не пуская в дом никого, чтобы не разбудить брата, а когда тот сам открыл дверь, быстро поднялся и первым зашёл в комнату.

Мужики выпили понемногу и вскоре разговорились. Родион, слегка пригубивший за компанию, рассматривал своих сельчан, с кем был знаком так давно, что они все были словно одна семья. Только постарели мужики с тех пор, как приехали сюда искать своё место в жизни, седина покрыла некоторых обильно. Братья Никитины совсем белыми стали, у Евсея тоже седых волос на висках много, только Маркела ничего не берёт, разве что морщин немного добавилось.

«Так им уже всем на пятый десяток перевалило, – подумал Родька, – вот и берёт время своё. А мне-то тоже уже скоро тридцать. Неужели тридцать? Как время летит».

– Расскажи нам, Родион, за что тебе «Георгия» дали, за какие такие заслуги? – спросил подвыпивший Маркел.

– Какие там заслуги: всем давали, и мне досталось, – сказал Родька.

– Ты мне уши не притирай, давай рассказывай, – настаивал Маркел.

– Помнишь, как ты оглоблей Туманшетских мужиков гонял, вот что-то подобное произошло со мною на войне, – отшутился Родион.

– Слышали? Мне тоже крест нужно давать, а Настя моя меня черешком да вдоль хребта!

Раздался дружный смех. Только к вечеру пришли жёны и забрали своих подвыпивших суженых, правда, и сами немного посидели и поговорили с солдатом. Расспрашивали, как там наряжаются барышни в Рассее, какие города там большие, какие дома. Никто из женщин не спросил о войне, словно Родион ездил на отдых в дальнюю сторонуюшку, специально посмотреть, как там одеваются модницы. И он был доволен, что спрашивают именно это, а не о его подвигах, о чём он рассказывать стеснялся.

А когда все разошлись, Родион взял свою армейскую котомку, развязал её и достал пару наганов, завёрнутых в холстину.

– Вот, брат, мой тебе подарок, и себе тоже на всякий случай приберёг.

– Что ж, они вот просто так валяются? Бери, не хочу?

– Нет, это трофейные. Бери, времена грядут тревожные, я видел, что творится в стране. С опозданием, но и к нам дойдёт: что-то доброе и затерялось бы в пути, а это дойдёт.

– Спасибо, хоть и баловство это, а приятно, да и правду ты говоришь: беспокойно стало везде – может, и сгодится.

– То-то и оно, что сгодится, – кивнул Родион. – А я два дня у Хрустовых был, коня Илья Саввич одолжил, сказал, что потом заберёт.

– Хорошо он устроился в Тайшете, крепко. Мы с ним также и гоняем обозы к карагасам, всё хорошо идёт, даже Эликан к шаману водил меня, про тебя уж очень хотелось узнать что-нибудь.

– Узнал? – усмехнулся Родион.

– Узнал, сказал, что тебя Бог хранит, и домой ты вернёшься невредимым. Страшно было на войне?

– Хватало страху, особо, как пушки начинают бомбить, тогда только на Бога и надежда: земля кругом, словно мячик скачет, и гул сплошной. А когда бой зачнётся, бояться некогда, там отбиваться нужно: будешь бояться – пропадёшь.

– Я и то думаю, не просто так мужики душой исковерканные сидят повсюду с протянутой рукой, помолотила их жизнь.

– Об этом лучше не вспоминать – свихнёшься; столько кровушки окропило землю – страсть.

– Ладно, хватит об этом, – сказал Евсей. – Раз так всё получилось хорошо, надо бы тебя оженить. Пора уже, не мальчик, скоро и четвёртый десяток разменяешь.

– И невесту присмотрел, поди, – спросил брат и улыбнулся.

– С этим дело не станет – девок в округе хватает: хоть в Туманшете глянь, в церковь поедешь, хоть в соседней Камышлеевке.

– Наверное, уже и пора, а невесту я уж сам присмотрю, ладно? Вот приберёмся с урожаем, тогда и поедем в сваты.

– Вот это дело, – обрадовался Евсей. – Ты не думай, твоя доля в цельности и сохранности ожидает тебя – сгодится на свадьбу.

Только к началу ноября освободились от хозяйственных забот.

– Мне нужно в Тайшет съездить. Поедешь со мной или отдохнёшь? – спросил Евсей брата.

– С тобой поеду, – сказал брат.

– Вернёмся оттуда, тогда и в сваты поедем, куда ты укажешь.

– Ладно.

В Тайшет въезжали уже в сумерках, ворота во двор Хрустовым открыл Василий. Родион расстегнул полушубок и стал стряхивать прилипшую солому. С крыльца с визгом сбегала Лиза в одном платье и кинулась к Родиону, тот едва успел раскрыть полушубок и прикрыть её.

– Приехал, наконец, ну сколько можно ждать? Я уже чуть не умерла, – без умолку говорила она.

Евсей стоял посреди двора, открыв рот. На крыльцо вышел и Илья Саввич, держа в руках шубку для дочери.

– Остынешь же, на улице прохладно, – сказал Родион, обнимая девушку.

– Да, и заболела, и умру, раз ты так долго не едешь, – обиженно проворчала она, но так, чтобы посторонние уши не слышали это.

– Здравствуйте, – сказал Евсей, – извиняйте за беспокойство.

– Здравствуйте, какое тут беспокойство? – сказал Хрустов. – Беспокойство только с дочерью вот, да в селе беспокойно стало – постреливают по ночам. Василий, пристрой коней да накорми.

– Вы проходите в дом, – сказал хозяин. – Лиза, на-ка шубку, не дело раздетой по морозу бегать: будешь потом сопля на кулак мотать.

Лиза накинула на плечи шубу и повела Родиона в дом. Теперь только Евсей понял, кого хочет сватать брат, и вдруг заволновался так, что затряслись руки. Хотя с Хрустовым они были и в приятельских отношениях все эти годы совместной работы, но Евсей знал определённую границу между ними и никогда не переступал её. Вот теперь предстояло перейти эту грань, и непонятно было, как отреагирует Илья Саввич.

После ужина Хрустов увёл Евсея к себе в кабинет, нужно было поговорить по обоюдным делам. Там он налил коньяку Евсею и себе. Дела были оговорены быстро, потом вдруг замолчали, словно уткнулись в стену. Наконец, Евсей решился.

– Илья Саввич, такое дело, – начал он.

– Знаю я это дело, – перебил Хрустов. – Сам уже несколько месяцев места себе не нахожу. Скажу, Евсей, тебе прямо: в другое время я постарался бы искать для дочери другого жениха, но с ней самой не поспоришь; она только его и ждёт, ни о ком и говорить не хочет – да ты и сам видел во дворе. Знаешь, я всё больше склоняюсь к тому, что Родион – самый достойный жених для неё. И его знаю сизмальства: нытиком не был, старательный, характером схожий с дочкой. Я всё дивился тогда, когда Лиза, ещё совсем маленькой, выбрала его себе в друзья, видно, их тянуло друг к другу ещё с тех пор. Противиться этому – глупо. Приданое у дочери есть, так что, если дело за мной, я согласен.

– Слава Богу! Я же и не знал, что Родион хочет сватать Лизавету, так и молчал до последнего. Я и понял, когда во дворе увидел встречу.

– Вот этим мне и нравится твой брат: другой раз смолчать лучше, чем зря словоблудить. Пошли официально свататься, а то негоже как-то без жениха с невестой.

В большой комнате горело много свечей, Евсей с братом сидели за столом с одной стороны, хозяин – с другой.

– Такое дело, Илья Саввич, приехали мы присмотреть голубку для нашего сокола, – он кивнул в сторону брата.

Родион не знал, что всё было договорено, волновался, краснел, не знал, куда деть руки.

– Хорош герой, знаю, но подумать надо – нельзя просто так с налёту решать.

– Нам бы и вашу голубку посмотреть? – тихо сказал Евсей.

– За голубкой дело не станет. Аннушка, позови нашу голубку, – крикнул Илья Саввич.

Лиза влетела в комнату, улыбнулась Родиону и сказала:

– Вот и я. Смотрите не смотрите, но знайте – я согласна, и всё будет по-моему!

– Это мы ещё посмотрим, – буркнул Хрустов.

– Батюшка, это радость для тебя большая, наконец-то, тебя никто не будет дергать, и ты будешь жить спокойно.

– Родион, предупреждаю, назад я её не возьму! – торжественно сказал он. – Забирай скорее.

Лиза бросилась на шею к жениху и спросила:

– Ты возьмёшь меня в жёны?

– Возьму.

– Назад батюшке возвращать не будешь?

– Не буду.

– Батюшка, он возвращать не будет, так что цену себе не набивай, – улыбнулась она, взяла жениха за руку и увела за собой.

– Вот, видел? Нынешняя молодёжь.

– Лизавета выросла как, давно ли девчонкой бегала, а сейчас глянь, – барышня, статная, красивая. Хороша голубка, Илья Саввич, ой, хороша.

– Хороша, да только характер сложный. Может, и колючая она такая, что не даёт к себе приблизиться никому. Я и сам виноват: после смерти жены вёл себя недостойно, думал, что она маленькая, ничего не понимает. А когда спохватился – уже было поздно: она мне такие концерты устраивала, что не приведи Господь. Вот, может, ей и будет счастье с Родионом, и не будет такой колючей. А приданое? Денег хватит и ей, и внукам, давно уже хватит. Интерес у меня уже не в деньгах, а в делах. Вот и с тобой интересно работать, а не будь у нас совместных дел, приезжал бы ты сюда? Тот и оно. И ещё вот что скажу тебе, Евсей: забирайте вы Лизу сразу, через пару недель приеду, обвенчаем, и пусть она у вас живёт в деревне. Что, думаешь, пытаюсь избавиться поскорее? – увидел удивлённый взгляд Хрустов. – Нет. И даже хотел, чтобы они жили здесь, в этом доме, а я бы в Конторку подался, там за сыном пригляд нужен, да только тревожно стало в посёлке. Ты слышал: опять революция была, большаки власть взяли.

– Какие большаки?

– А кто их там разберёт? Баламутят державу – и только. Здесь в Тайшете тоже ходят с красными тряпками, на них намалёвано: «Вся власть народу». Ты подумай, Евсей, где власть, а где народ? Давешний учитель Лизаветы говорил мне разные страсти, я думал – сказки всё это, а выходит, что и не сказки. Здесь тоже какие-то советы собрали, правят бывшие ссыльные: ходят по селу, наганами машут да людей пугают. Кричат, что власть взяли в руки, даже урядник побаивается их. Только ты сам подумай, власть – это должность такая, а не нутро какого-нибудь горлопана. Чтобы занимать должность, надо и в голове иметь, а не только наган в руке. Вот будут голодранцы страной править, до чего же доживём. Придётся всем с протянутой рукой ходить. Белые и красные образовались – кто их там размалевал? Чёрт бы их всех подрал: и тех, и других. Вот почему прошу забрать Лизу сразу – страшно мне за неё. А когда всё успокоится, если захотят жить здесь, я перечить не стану.

– Наговорил ты страстей, Илья Саввич, просто оторопь берёт, – сказал Евсей. – А за дочь ты не переживай – жить есть где. У Родиона свой дом имеется.

– Вот и хорошо, на том и сговоримся.

33

На следующий день на трёх подводах братья направились в Конторку, рассудив, что с девушкой не стоит ехать по морозу сразу до Тальников. В Конторке Хрустов решил задержаться и проверить, чего там натворил Нестор. Иногда приходилось делать небольшие ревизии да вправлять мозги старшему сыну, не желавшему больше ничем заниматься, кроме как сидеть в лавке. Лиза захотела забрать в деревне свои вещи, особенно дорогие для неё. Здесь же хранились её детские игрушки, их она пожелала подарить деревенским детям, с кем ей придётся жить по соседству. По приезде они сходили на кухню к Никитичне, почитаемой и любимой ими обоими.

Никитична, услышав шум за спиной, не оборачиваясь, сказала:

– Нечего здесь толкаться, не готово ещё. Через полчаса заходите.

– Нам бы хлебушка, – попросила Лиза, улыбаясь.

Никитична обернулась и присела на скамейку.

– Боже мой, радости-то, радости какие, Лизанька, лапочка, сколько ты не была, я уже истосковалась. А это кто?

– Ты присмотришь, присмотришь, – расхохоталась девушка.

– Родька, ты, что ли? А-яй! Мужик уже, как времечко спешит.

Она протянула к нему руки:

– Дай-ка я тебя рассмотрю получше, сколько годов не видела. И герой ты у нас, вон крестов нацепил сколько! А сидел в уголочке да сухарями хрустел по вечерам, словечко, бывало, не выпросишь у него. Так вы вдвоём и грызли пряники, будто мышки, да молоко клянчили, – ворчала счастливая старушка. – Слава Богу, тебе, Родион, довелось невредимым вернуться, а другим судьба так не улыбнулась. Много их ходит сейчас, подкармливаю по возможности.

Лиза с Родионом присели за стол, разглядывая кухню, пытаясь высмотреть что-нибудь новенькое.

– Ничего не изменилось, только я постарела, ходить тяжело стало, а так всё по-прежнему. Вам молочка принести холодненького или парного дождётесь?

– Мне холодного, – сказала Лиза.

– Мне тоже.

Никитична налила две глиняные кружки и подала по краюшке хлеба:

– Сегодня стряпала, свежий, – она села напротив и стала любоваться ими, покачивала головой и молчала.

– А я замуж выхожу, – заявила Лиза, – за Родю.

Никитична привстала и тихо спросила:

– Верно, или ты над старухой подсмеиваешься?

– Ей Богу, уже еду с ними в деревню, – Лиза улыбалась, и было непонятно: шутит она или нет.

– Ну, тебя. Ты всегда надо мной подшучивала, – махнула рукой кухарка.

Молодые переглянулись и засмеялись.

– Верно, что ли? – недоумённо переспросила она.

– Верно, – сказал вошедший Евсей. – Здравствуй, Никитична.

– Здравствуй.

– Родион, мы поедем к Лаврену, проведем старика; говорят, опять приболел. Ты останешься или поедешь с нами?

Родион посмотрел на Лизу.

– Ты поезжай, только недолго; они там засидятся, а ты приходи пораньше, ладно? Я тоже пока свои дела поделаю – не буду же я свои платья при тебе перебирать.

– Я недолго, – сказал Родька и пошёл вслед за Евсеем.

– Он хороший. Не смотри, что крестьянского роду; душа у него добрая, я-то заметила его ещё маленьким, – сказала Никитична, когда Родион ушёл.

– Хороший, я знаю. Едва дождалась его с войны.

– Отец долго упирался?

– Нет, а я бы и слушать не стала, даже если бы и не благословил.

– Нельзя так, детонька, отец же, он любит тебя.

– Потому и не упирался, что отец.

– Рада я за вас, выросли на глазах, не избаловались, но никогда не подумала бы, что вы повенчаются. Эх, пути господни...

Лиза обняла Никитичну, женщина растрогалась и смахнула платочком слёзы.

Лаврен сидел у окна и смотрел, как спускались сумерки. Вдруг увидел, что у ворот остановилась лошадь, из кошёвки вышли трое мужиков в полушубках и направились к калитке. Лаврен поднялся и поспешил к двери: в спине кольнуло, и он медленно присел на лавку.

– Акулина, глянь-ка, к нам гости.

– Варька уже побежала, сейчас встретит.

Варька, уже взрослая внучка Акулины, симпатичная девушка, но не замужем, хотя её подружки уже имели детей. Не желали с ней хороводиться местные парни по причине, которая была смешной: бабушку Варвары все считали ведьмой, хотя она перелечила почитай всех нынешних женихов. Но молва есть молва: с ведьминой внучкой никто не хотел родниться, от греха подальше. Девушка всё понимала и не обижалась. Просто стала старательно перенимать все бабушкины тайны.

– Ничего, всё у тебя наладится, ещё увидишь свет в окошке, ты только потерпи. А тайны я тебе передам, никакой чертовщины в них нету, просто я травки знаю да молитву читаю – вот и вся тайна, – говорила ей бабушка.

В дом ввалились гости.

– Вставай, Лаврен, принимай гостей, – весело сказал Хрустов.

– Здравствуйте, – сказал Евсей.

Поздоровался и Родион. Лаврен собрался с силами, привстал и поздоровался со всеми.

– Это Родион, верно? Дождлся Евсей брата, слава Богу. Ну, покажись, солдат, поел походной каши? Молодец, теперь и жить можно – всё самое страшное посмотрел, дальше только доброе осталось тебе.

Илья Саввич поставил на стол гостинцы и водку. Гости расселись на лавки вокруг. Бабка Акулина поставила на стол грибов и чугунок с картошкой, чашку с солёными ельцами и сало.

– Ты приberi это, пригодится ещё, – подвинул кульки с продуктами Хрустов, – да не стесняйся в лавку наведываться.

Акулина взяла пакеты и унесла их в кладовую с недовольным лицом.

– Что-то не так? – сразу понял Хрустов. – Ничего, я разберусь с сыном, будет знать, кому зубы показывать.

После выпитой рюмки все повеселели, разговорились. Родион посидел немного и собрался домой к Хрустовым.

– Ты чего так рано? – спросил лавочник.

– Так невеста приказала явиться пораньше, – ответил за брата Евсей.

– Пропал парень, – заключил Хрустов. – Ты возьми лошадь, только пришли её назад.

– Да я и пешком пройду – посмотрю деревню.

– Ну, иди пешком.

– Уже оженили парня?

– Сосватали Лизавету мою, – буднично сказал Илья Саввич и ещё налил водки. – Дай Бог, пережить нам все эти революции да митинги. Чудится мне: прольётся кровушка ещё – не возрадуемся.

– Ты про что? – не понял Лаврен.

Хрустов не стал ничего разъяснять. Выпил водку и стал вилкой ловить гриб, потом взял его пальцами и отправил в рот.

– Хотел бы я свадьбу здесь провести, да думаю, что пусть лучше там, на месте. Никого не удивишь, только завистников подразнишь.

– Так вы что? Породнились? – спросил Лаврен.

– Породнились, породнились, мы, почитай, годов десятка полтора роднимся, только не знаем про то, – ответил Илья Саввич.

– Эко, как дело повернулось, тогда давай за молодых, – предложил Лаврен.

– Давай, – поддержал Евсей.

– Ты думаешь, что я против такой родни? – спросил Хрустов. – Да такую родню, скажу, поискать ещё надо. Посмотри, как на земле крепко встали, а пришли ко мне сиротами. На такую родню только и опираться надо, я против времени, что выпало им на долю. Нам с тобой, Лаврен, ещё куда ни шло – пожили, хотя я и ещё пожить не

отказываюсь, а вот им как начинать жизнь в этой суматохе? Большаки, меньшаки, эсеры, кадеты – зараз всех и не запомнишь, а уж разобраться, кто и зачем – это и вовсе тёмный лес. Нет, правильно всё: вези их, Евсей, подальше отсюда, там у вас спокойней. Даст Бог, и пронесёт мимо, как накипь из котелка. Через пару недель я подъеду, если и раньше не придётся.

Родион медленно вошёл в комнату Лизаветы. Она сидела на кровати, а перед ней кучами лежали её наряды.

– Всё забирать собралась? – спросил он. – Подвод пять-шесть нужно.

– Проходи, только аккуратней.

Родион присел в кресло и стал разглядывать девичье богатство.

– Может, и не брать ничего? – спросила Лиза и посмотрела внимательно на жениха.

– Что ж не брать? Этим печку пару дней можно топить, – заметил он с иронией.

– И то верно, – она подошла к Родиону, внимательно взглянула ему в глаза и крепко поцеловала. – Вот тебе!

Затем она села ему на колени и стала целовать. Вдруг, остановившись, она сказала:

– Мы ведь никогда не целовались раньше.

Это открытие стало откровением, которое смутило их обоих.

– Ты почему меня никогда не целовал? – спросила Лиза.

Родион растерянно развёл руки в стороны.

– Всё приходится делать самой, – сказала девушка.

Молодые долго сидели рядом. Говорили ни о чём, просто им хорошо было вот так сидеть и слушать друг друга. Затем разошлись на ночь по разным комнатам – завтра рано утром надо было выезжать в Тальники. Начиналась новая жизнь. Какой она будет – покажет время.

Утром раньше всех встал Евсей, разбудил остальных.

Зима сжалилась на один день, когда небольшой обоз из трёх подвод отправился в путь. С утра пошёл небольшой снег, отодвинув мороз на время, к обеду выглянуло солнце, правда, совсем ненадолго. Подоспевшие тучи сделали всё серым и сумрачным. Погода поторапливала. К вечеру проехали Камышлеевку и уже в темноте добрались до Тальников.

Темнота зимой относительна: едва выглянувший месяц или стайка звёзд, отражаясь от снега, расцвечивали округу, делая всё торжественным и безмолвным. Ровные белые дымы диковинными столбами, едва пошевеливаясь, ползли вверх. Кое-где в домах слабо светились окна.

Забрехали собаки, заливаясь всё сильнее. Обоз подошёл к воротам Евсеевой избы. Открылась дверь, с шубейкой на плечах выскочила Ульяна, за ней выбежал сын Мишка и стал открывать ворота.

– Принимай гостей, – крикнул Евсей жене.

Лиза, на которую поверх её шубки был надет ещё и тулуп, едва вылезла из кошёлки. Родион скинул тулуп, сказал:

– Ты иди в дом, согрейся, а мы сейчас определимся с вещами.

Пока Ульяна раздевала гостью, братья часть вещей снесли в дом Родиона, чтобы не таскаться с ними потом, другие сложили в сенцах у Евсея.

– Лиза, ты в гости к нам? – Ульяна узнала девушку, хотя видела её совсем малышкой.

– Вот, пришлось, – виновато ответила она, уставшая, но счастливая.

– Как же ты решилась в такое время? Ладно, Евсей с Родионом, им что ни хуже, то лучше, а ты-то как?

– Так уж вышло.

– Давай поближе к печке, Ньюша, – сказала она дочке, – подай чаю горяченького, там, на загнетке стоит.

Ньюша, девочка лет десяти, быстро побежала на кухню и принесла кружку ярко-бордового чая, заваренного ягодами шиповника.

– Спасибо, – улыбнулась Лиза и сделала глоток, – горячий какой.

– Пейте, ещё принесу, – сказала девочка.

Когда Лизавета согрелась, пришли мужчины, управившись с лошадьми.

– Ульяна, сегодня они у нас переночуют, а завтра протопим печь у Родиона, и они будут жить там.

– Как там? А у нас что – места мало?

– Лиза – наша невестка, прошу любить и жаловать. Но пока только невеста: недели через две повенчаем их, как это положено по-христиански, и будет у нас ещё родственница, а в деревне появится новая семья.

– Вот и хорошо, вот и ладно, – засуетилась Акулина. – Пора уже Родиону семью заводить, а то неприкаянный ходит, прислониться не к кому.

После ужина Акулина спросила Евсея:

– Стелить им отдельно или уже вместе?

– Раздельно, нечего греховодить, – строго ответил тот.

Лиза, я тебе на печке постелю с Ньюшкой, а Родион на лавке поспит. Завтра у него приберёмся, и будет вам свой угол.

– Ничего, – Лиза кивнула в знак согласия.

Она присела рядом с Ульяной, пока та мыла посуду.

– Родька хороший, ты не думай. У меня на глазах вырос. Я другой раз думаю, что таких парней и не бывает. Возьми вон моего Мишку, сына, что-нибудь да набедокурит: пацаны – всё им надо, а Родион серьёзный был всегда. И с мужиками на промысел сколько раз ходил, никто слова плохого не скажет, любую посильную работу делал. Охотился, добывал провизию для мужиков, но он с характером. Если что не по нему – делать не станет, молча поднимется и уйдёт. Потом слова от него не добьёшься, пока Евсей с ним не поговорит. Тот хоть и брат ему, а за отца всю жизнь,

примером всегда служил и защитой. Только секрет я тебе скажу маленький: дорогие они на ласку, Евсей – мужик добрый, ладный мужик, подарки привозит всегда, не забывает, а бабе, может, важнее всех подарков, когда мужик просто обнимет да пожалеет. Этого не дождешься, не обучены. Родион такой же. Ты его приучай сразу по-своему, иначе не увидишь бабьей радости, да и сама не стесняйся приголубить, ведь на ласку быстрее откликаются. Меня никто не научил этому, а когда дошло, то и дети уже были, времечко упорхнуло. Сейчас, бывает, сяду рядышком, подвинусь поближе, но чтобы Евсей сам обнял – никогда. А ведь вижу – приятно ему ласка. Да, бабка моя научила, чтобы в баню вместе ходили. Поначалу я стеснялась, просто даже дыхание перехватывало, а потом ничего. Но примечать стала, что муж-то мой по-другому относиться ко мне стал – поглядывать начал чаще в мою сторону. Другой раз делаю чего, чую, что кто-то смотрит на меня, обернусь, а он взгляд отведёт, значит, всё же нужна я ему. Они же часто уезжают по своим делам. Подолгу не бывают дома; поначалу я вся изводилась, хоть и понимала, что не с кем ему там, в тайге, милоститься, а сердце всё ныло. Но потом немного успокоилась: пусть не слишком приветлив он, но мой – и другого не нужно. Он и на других не заглядывается, я чувствую это. Нет, Лиза, что хочешь думай, а Родион – достойный мужик. Пусть не богач какой, но и не нищий. А то среди богатых ещё такие есть, что не приведи, господи, к примеру, сын лавочника, Нестор в Конторке. Хорошо тогда батюшка его вовремя подрос, не знаю, чем бы закончилось всё. Погибла бы я.

Тут до Ульяны дошло, что Лиза – это сестра Нестора, она словно поперхнулась на слове.

– Я его сама терпеть не могу, – рассмеялась Лиза.

– Ничего, девонька, у нас хорошо, тихо. Мы по привычке здесь – другого места и не надо. В церковь по праздникам ездим в Туманшет, неподалёку тут, там и лавка есть, и в Камышлеевке, вы, должно быть, проезжали её, тоже лавка есть. А я ж тебя помню совсем маленькой, на кухню прибежала всё, высматривала кого-то да от няньки своей пряталась за печкой.

– Присмотрюсь здесь, может, и её перевезём сюда, у неё никого из родных не осталось, она в Тайшете у батюшки в доме живёт.

– И привези, здесь летом особенно хорошо: цветы да травы силу возьмут, дух блаженный стоит, так бы и пил его, да и самое главное, здесь в деревне никакого зла нету, ни разу никто не поругался. Дивно даже. Только Настя своего Маркела иногда поколачивает, так и то по любовно – больше для смеху.

Лиза слушала хозяйку и смущалась всё больше и больше. Приходила растерянность от того, что оказывается, чтобы семьёй жить, надо ещё учиться этому, а не ждать, пока всё само придёт. Нужно уметь всё делать по хозяйству: варить, стряпать хлеб, стирать и корову доить, и ещё много других дел. Растерянность и смущение вскоре прошли, и появилось огромное желание приобрести всё умение сразу, как в сказке. Лиза улыбнулась своему желанию и спросила:

– Ульяна, я ничего не умею делать по дому, ты меня научишь, а то выгонит муж. Потерпит немного неумёху да и укажет на дверь, а мне без него не жить.

– Конечно, научу. Вот прямо сегодня и начнём. Я буду квашню заводить, хлеб будем стряпать поутру – сразу и приглядывайся, спрашивай, что непонятно.

Перед сном квашня с тестом стояла накрытая тряпицей: до утра тесто должно подойти. Лиза прилегла на тёплую печь рядом с девочкой.

– Нюша, ты тётю не обижай, – сказал Родион, заглядывая за занавеску.

– Ну, дядечка Родя, не говори так, я никогда никого не обижаю, – ответила девочка.

– А Мишку кто гоняет палкой?

– Мишку можно, если он заработает.

– Спокойной ночи, – сказал Родион.

– Надо не так говорить, – сказала Нюша.

– А как?

– На новом месте приснись жених невесте, – выпалила девочка и спряталась под одеяло.

– Нюшка, сейчас ремешка всыплю! – крикнула мать.

– Побольше ей, побольше ремешка! – крикнул Мишка. – Вредная шибко!

– И ты ещё? Евсей, хоть ты уйми их.

Евсей улыбнулся и промолчал. Такие перепирания были в радость всем, беззлобные, добрые.

– Правильно, пусть и приснится, – сказала Лиза, вдруг ей стало хорошо и уютно здесь, среди людей, которые вдруг стали ей близкими.

За всю свою недолгую жизнь ей очень редко приходилось быть близкой и нужной другим, а так всё больше одинокой и «колючей».

Утром Лиза помогала Ульяне готовить хлеб к выпечке, а также ставить его в печь, предварительно вычистив её от остатков углей, только белый пепел оставался подложкой для ковриг, которые ставились в печь деревянной лопатой.

– А где мужчины? – спросила она хозяйку.

– Евсей управляет с хозяйством, а Родион пошёл домой печь затапливать. Сейчас заявятся чаёвничать.

Томительное ожидание закончилось. Ульяна лопатой вытаскивала ковриги, пышущие жаром, и складывала на небольшую лавку, накрытую полотенцем, затем смочила корочки молоком и накрыла другим полотенцем. По дому пошёл хлебный дух, разбудивший всех заспавшихся домочадцев, потому что это маленький праздник в доме, когда стряпают хлеб.

Мишка выскочил прямо босиком на улицу по мелкой нужде.

– Ты уже весь снег у крыльца выкрасил – от людей стыдно, чтобы сегодня почистил, – проворчала мать.

Мишка хлопнул пару раз рукомойником и спросил:

- Мам, молока налей.
- Успеешь, скоро все садиться за стол будем. Отца не видел на улице?
- Они с дядей Родионом стоят возле калитки.
- Зови их, сейчас будем завтракать. Нюшка, поторапливайся, опоздавших за стол не пускаем.

Пока мать загляделась на дочку, Мишка отломил напльвчик от горбушки, самый вкусный и желанный кусочек горячего хлеба.

– Мишка, руки оборву, – заворчала Ульяна беззлобно, скорее, для остратки; знала – всегда ребяташки ломали горбушки и будут ломать, сколько не ворчи на них: слава Богу, что есть от чего отламывать.

У Родиона в доме было чисто, но для женского взгляда оказалось не совсем то, что желает хозяйка. Лиза осмотрелась, прошлась по всему дому и, резко обернувшись, сказала:

- Мне здесь нравится.
- Здесь раньше не было хозяйки, а мне и этого хватало.
- Всё хорошо, только немного переставим, помоем, накроем – и всё. Я обещаю, что стены и печь останутся на месте.

Через два дня дом было не узнать. Стол и кровать были переставлены на другие места, развешаны занавески, застелены лавки, на полу появились самотканые дорожки. Для хозяина всё было непривычно, и казалось, что это не его дом, а девичья светлица. Лиза просто светилась от счастья, потому что это она сама всё сделала так, как ей хотелось.

34

Венчание назначили перед Рождественским постом. Целую неделю Лиза училась вести хозяйство: варить щи и каши, замешивать хлеб и многое другое, что понадобится им дальше после того, как их обвенчают. Все эти дни Лиза ночевала на печке вместе с Нюшей, подружившись с ней. Родион жил в своём доме, где боялся находиться, стараясь не перевернуть или не нарушить порядок, наведённый Лизой.

– Мы поживём отдельно, я не хочу, чтобы ходили разные разговоры, – сказала она жениху так, что возражать тот и не стал.

Потом приехал батюшка, привёз ещё разных нарядов и прочих нужных вещей, привёз и Аннушку, слёзно просившуюся побывать на свадьбе своей воспитанницы. Ей Хрустов отказать не мог. Начались приготовления, женские хлопоты.

Илья Саввич всё больше разговаривал с Евсеем, оставаясь наедине, после тех бесед, оба выходили невесёлые, видно, дела продвигались неважно. Однажды Родион случайно подслушал часть разговора, из которого понял, что в Тайшете происходят какие-то перемены, которые, как сказал Илья Саввич, не сулят ничего хорошего.

– Поездку на весну отменять не будем, раз обещано, только надо обоз готовить отсюда, из Тальников. Зимой перевезём товар, чтобы не привлекать внимание, а когда настанет время, и отправитесь к карагасам. Что будет дальше – загадывать не будем, ближе к сроку станет ясно.

– Что же творится в стране? И порядок навести некому, – заметил Евсей.

– Верно, некому. Власть поделить не могут и, похоже, это надолго. Послушаешь, одни говорят красиво, другие ещё лучше, а вдумаешься, – собачий брех. Где это видано, чтобы не работать и жить хорошо. Вот говорят, мол, богатые не работают, а денег – куры не клюют. И невдомёк им, что не сразу те деньги пришли, прежде пришлось попотеть – и немало. Зависть – это страшное дело: глаза застит, голову отключает, как быка на красную тряпку, прёт человека на злодейство. И не остановить потом никак – вот что опасно.

– Хватит, Илья Саввич, страху нагонять – свадьба у нас назначена, не будем настроение портить ни себе, ни молодым.

– Верно. Что-то я нынче расслабился, старый стал, слезливый. Поглядим мы ещё на мир и широкими глазами. Наше дело – в политику не вляпаться, а там проживём, коль голова на плечах имеется. И не только, – Хрустов подмигнул, намекая, что на чёрный день кое-что есть. – Хорошо тут у вас в деревне, тихо, будто в церкви в будний день. Здесь только сил набираться.

Вот и пришёл самый важный день для молодых. Ульяна увела Лизу к себе домой и с помощью Дроновой Насти и Аннушки стала наряжать невесту. Родион находился в своём доме – там тоже хватало людей. Готовили закуски, стаскивали мебель, расставляли столы. Вся деревня пришла в движение: у всех было дело, дети и те носились по улице для того, чтобы не путаться под ногами у взрослых. Наконец, всё закончилось, наряженными стояли пара кошёвок и с десятков саней, украшенных разными лентами. В первой кошёвке ехали жених с родственниками, во второй невеста, а дальше тянулись гости, для которых были запряжены сани. До Туманшета ехали треть часа. Жених направился прямо в церковь, а кошёвка с невестой завернула к знакомым Евсея, чтобы соблюсти правило и не заморозить невесту. Жених должен был терпеливо ждать суженую в церкви. Только когда невеста убедится, что он там, может тоже ехать в храм.

Лиза прямо выпорхнула из кошёвки и, ведомая отцом, направилась в церковь. Перед дверью они остановились, перекрестились троекратно. Дверь отворилась, и вышел Родион. Он помог девушке снять шубку и взял за руку.

В храме ярко горели свечи, освещая лики святых, пламя подрагивало на фитилях, и казалось, что святые любят молодых и приветливо кивают им головами.

Началась праздничная литургия. Дьякон на подносе вынес кольца, которыми должны венчаться новобрачные, к молодым подошёл священник и вручил жениху и невесте зажжённые венчальные свечи. Затем он взял поднос с кольцами и трижды предложил жениху и невесте обменяться ими. Только они трижды отодвинули их

друг к другу, а потом каждый взял своё и надел себе сам. В храме зашушукались в знак одобрения. Священник взял венец, перекрестил им жениха и дал поцеловать образ спасителя, прикреплённый к венцу, а затем надел на голову жениха. Очередь дошла до невесты. У Лизы уже от волнения подрагивали ноги, но она старалась не показывать своего страха; поцеловала лик Пресвятой Богородицы, прикреплённый к венцу, и венец лёг на голову девушки, прижимая фату. Зашушукали старушки у дверей. Священнику подали чашу с вином, он освятил её крестным знаменем и подал молодым. Они попеременно в три приёма выпили всё вино. После этого батюшка соединил правую руку жениха с правой рукой невесты и трижды провёл вокруг аналая, затем повёл к царским вратам, где жених должен целовать образ Божьей матери, а невеста – образ Спасителя. Священник тут же подал им крест для целования и вручил две иконы новобрачным: жениху – образ Спасителя, невесте – Пресвятой Богородицы. Эти иконы они должны будут повесить над своим брачным ложем. Едва батюшка закончил петь «Многие лета», как родные поспешили поздравить молодых.

Назад кошёвка с молодыми летела впереди всех, правил ею, сидя на козлах, племянник Родиона Мишка, счастливый и гордый от такого доверия.

Когда молодые вошли в дом, осыпанные во дворе зерном и деньгами, всё уже было готово к празднованию. На крыльце с хлебом и солью встретили молодых Евсей с супругой и Илья Саввич с Аннушкой, самые близкие люди новобрачных. Молодые откусили от каравая хлебushка, выпили вина и дружно разбили рюмки на счастье.

Застолье шумело, звенели стаканы, говорили гости, звучали пожелания. Лиза сидела, прижавшись к Родиону, держа его за руку. Она виновато посмотрела на него и прошептала:

– Я так счастлива, что мне даже стыдно перед людьми за это.

– Я тоже очень рад, что мы вместе.

– Горько! – закричали за столом гости.

– Горько! – подхватили на другом конце стола.

Молодые поднялись и, смущаясь, приблизились друг к другу. Поцелуй вышел робкий, тогда гости закричали ещё сильнее. После этого пришлось постараться. Гулянка затянулась допоздна, затем перетекла в соседний дом к Евсею, чтобы не мешать новобрачным.

Оставшись одни, жених с невестой немного посидели молча.

– Ты иди на кровать – там постелено, я сейчас приду, – взволнованно сказала Лиза и принялась тушить лампы. Родион смотрел в просвет окна, освещённый снегом и лунным светом, вдруг в просвете появилась Лиза. Вся её девичья фигурка выглядела обнажённой, а лёгкая ночная рубашка, просвечиваясь насквозь, струилась до пола.

Родион поднялся и подхватил её на руки.

– Ты будто ангел, светишься вся.

Она обняла его и прошептала:

– Я и не могла представить себе, что кто-нибудь, кроме тебя, притронется ко мне.

Месяц и звёзды ещё больше набирали силу и, отражаясь в снегу, сделали всё светлым и сверкающим. Даже далёкие ели, прикрытые шапками снега, словно свечи испускали лунный свет. За окном стало совсем светло.

Светло стало и в доме. Лиза лежала на спине, склонив голову набок, по щеке сползала слезинка.

– Лизонька, что с тобой, – встревожился Родион.

– Разве так бывает? Сначала вспыхнули звёздочки и закружились, потом запели птицы, и я полетела куда-то. Боже мой, как же мне было хорошо, а вот теперь лежу и реву, не могу понять: то ли это было со мной, то ли приснилось.

– Плачешь отчего?

– От счастья. Только у меня есть ты, ни у кого такого нет, – она подняла голову и внимательно посмотрела на него. – Конечно, нету. Родя, это всегда будет такое счастье?

– Будет, – ответил он и прижал к себе жену.

– Какой же ты вкусненький, – она стала целовать его медленно и старательно.

Когда он попытался в шутку уклониться от её поцелуев, она сказала:

– Не мешай! – потом обняла его крепко и затихла.

Через некоторое время Родион услышал ровное размеренное дыхание спящего человека.

А звёзды всё заглядывали в окна, искрились вокруг, пока откуда-то из-за леса не наполнили тучи и словно шторой прикрыли свет.

Утром гуляние продолжилось. Длилось оно ещё три дня, переходя из одного дома в другой. Даже собаки перестали лаять на гуляющих людей – просто крутили головами и хвостами.

Через неделю уехал и Хрустов, захватив с собой Аннушку. Перед отъездом он поговорил с молодыми, передал им свои подарки.

– Не стал дарить при всех, чтобы не привлекать внимания. Здесь драгоценности. Пригодятся, жизнь, она длинная, а это тебе отдельно, – он подал дочери небольшую шкатулку. – Там украшения, от матери остались, теперь твои будут.

У Лизы навернулись слёзы, она уже привыкла, что матушки нет, но каждый раз при упоминании о ней приходили слёзы.

– Спасибо, батюшка, – прошептала она.

– Вот что я тебе скажу, дочь: посмотрел я на всё здесь и ещё раз убедился, что лучше жить в бедности и дружбе, чем в богатстве и одиночестве, ты характер свой уйми и привыкай тут. Пока поживите здесь, а там видно будет, место у вас ещё есть. Надо в деревне пожить, пока не утрясётся всё.

– А мне нравится здесь, – сказала Лиза своим обыкновенным тоном, – и муж у меня здесь. А мне без него нельзя, как же мне теперь без него?

– Вот и хорошо, что так. А мужа тебе никто не навязывал, сама выбрала, теперь и слушайся: жена должна покорность проявлять мужу.

– Кто это сказал? – спросила дочь.

– В писании сказано, – ответил отец, улыбаясь.

– Раз в писании сказано, значит, буду проявлять покорность, – неожиданно быстро согласилась Лиза.

Хрустов обнял и расцеловал молодых, пожал руку Евсею, вышедшему проводить теперь уже не только компаньона, но и свата, сел в кошёвку и укатил.

– Пошли к нам, что ли, – позвал Евсей, – Ульяна сготовила постряпушек, зовёт чаёвничать.

– Ура! – закричала Лиза и побежала в дом.

Братья переглянулись и заулыбались.

– Теперь все свои обязанности я исполнил: вырастил тебя, вот оженил, думал, что не получится с этим делом, а теперь ты уже сам с усами. Рад я, брат, что и у тебя сложилось, теперь только беречь надо всё это, тогда и день светлее станет, и зима теплее, и лето длиннее. Ну, пошли, а то заждались там нас, – сказал Евсей.

В окно раздался стук, дочка Нюшка звала в дом.

У печки женщины секретничали.

– Не расхотелось быть замужем? – спросила Ульяна.

Лизавета закрыла глаза, закрутила головой и выдохнула:

– Нет!

– Вот и хорошо, вот и тебе досталось нашего бабьего счастья кусочек. Когда всё хорошо, тогда и муж хороший. И утром, и вечером накормить его желание есть, посидеть с ним за столом, а как плохо – всё валится их рук, и на мужа глаза бы не смотрели. Вот такая жизнь. Будут ещё и неурядицы, ты не раздувай их сильно, покажи свой характер немного, чтобы с тобой считались – и всё.

Много ещё чего говорила Ульяна, только Лиза не всё принимала для себя. Хотя во многом Ульяна была права: у неё судьба не так сладко сложилась, но смогла и она счастье себе устроить.

После Рождества Родион принялся доделывать баню. Не как у всех, по-чёрному, а такую, какую он присмотрел у Хрустовых в Тайшете: чистенькую, побеленную, чтобы и дымом не пахло, а самое главное – в саже не вымажешься. Сруб для бани, крытый драньём, стоял уже несколько лет и ждал. То не доходили руки, то на службе был. Ещё летом он заказал в Камышлеевку кузнецу трубу, заваренную с одного конца. По осени собрал печь, и в широкий дымоход наложил камней, приделал дверку, чтобы поддавать пару. Трубу с заваренным концом вмонтировал в топку, а другой конец, открытый, закрепил в кадке на пятнадцать ведер. Внизу прорезал круглое отверстие, вставил трубу, чтобы она заходила до середины кадки, и законопатил её снаружи. Воду наливали в кадку, а она через трубу нагревалась в топке. Было очень удобно: не нужно кидать горячие камни в кадку, чтобы греть воду. Оставалось застелить кусок

пола, сделать полки в парной и скамейку в предбаннике. Предбанник был небольшой и нагревался вместе с баней, но в нём всегда было прохладней, чтобы отдыхать после парной.

С утра Родион взялся за это дело, чтобы к обеду закончить и затопить свою баньку.

– Я где-то это уже видела, – сказала Лиза.

– У вас такая в Тайшете.

– И правильно, а то я не могу привыкнуть к другой, прошлый раз и сама вымазалась и бельё сажей покрасила.

– Теперь удобно будет.

Пришёл Евсей. Сел в сторонке и смотрел на диковинное устройство. Такой бани не было ни у кого в деревне.

– Приду опробовать, какой у ней жар, может, и себе слажу такую же. Удобная штука.

– В этой бане и дров меньше надо: протопилась – закрыл трубу. Вот здесь открыл дверцу – и поддавай сюда кипятком.

– Я уже вижу, где высмотрел такую?

– У тестя своего пришлось помыться после поезда, так понравилось. Решил ещё летом собрать, да всё тянул чего-то – вот и настало время.

– Сруб долго стоял без дела.

– Стоял и стоял, одному много ль надо, а теперь и сгодился.

– Мы сегодня тоже топим баню, приходите.

– Хочу с обеда затопить эту, проверить, как вышло.

– Испытаешь, потом меня позовёшь.

На обед Лиза поставила миску щей. Поначалу Родион опасался, что Лиза не умеет готовить – ведь выросла она не у плиты, учиться не у кого было. Но на удивление у неё всё получалось неплохо. И каша не пригорала, и хлеб получился с первого раза, Родион сам, как в детстве, обламывал напльвички с краёв ковриг, а жена ворчала на него, подражая Ульяне.

– Ой, кому-то руки оборву, а сама тоже любила отломить кусочек и с молоком – ничего вкуснее нет.

– Корову нужно заводить, – сказал как-то муж, – молоко-то любим.

– Давай не сейчас, я попривыкну ещё немного к хозяйству, – попросила Лиза.

Сейчас же, съев миску щей, Родион спросил:

– Кто ж тебя научил щи так варить?

– Не понравились?

– Наоборот, кусок от миски откусил.

– Где? – спросила Лиза и взяла миску, поняв, что её разыграли, заулыбалась и присела рядом.

– Сама научилась?

– Ульяна секрет указала, говорит, когда половник в чугушке стоит, тогда даже без мяса щи хороши, а уж с мясом и подавно, а как картошка капусту догоняет, тогда и муж жену выгоняет. Тебе молока или чаю?

– Чай тоже Ульяна научила варить?

– Она. Говорит, покупной чай – это баловство, а вот из травок да из шиповника – это другое дело.

– Я умею иван-чай приготовить на зиму. Когда у вас работал пацаном ещё, меня Митрич учил, он рыбу приносил, помнишь?

– Нету его уже, нашли у костра мёртвым. На кухне рассказывали, а я услышала. Ой, страху натерпелась.

– Говорили мне, будто сам он умер, лёг спать – и всё.

Отставив пустую кружку, Родион пошёл заниматься баней. Привёз пару бочек воды, растопил печь. Остаток дня ходил по двору, делал какие-то мелкие дела, колот суковатую сосну, от которой было много жару. Когда печь протопилась, он попросил жену:

– Лиза, надо баню приготовить – полы и полки сполоснуть, сделаешь? Потом приготовь бельё, а я к Евсею пока за вениками сбегая.

Через полчаса Родион взял бельё, полотенце и направился к двери.

– Ты не закрывайся, я сейчас приду, – сказала жена между делом.

Он оглянулся и ответил:

– Конечно, приходи.

Родька уже распаривал веники, готовился лезть на полку, когда дверь раскрылась и вошла Лиза, на ходу освобождая длинные волосы, заплетённые в косу. Родион присел на скамейку, любуясь женой.

– Чего засмотрелся, девок голых не видел? – шутливо сказала жена, хотя и сама первый раз оказалась перед мужем вот так раздетой и при свете лампы.

– Нет, не видел.

– Раз так, тогда уж посмотри, – сказала она, справившись с волосами, откинув их назад.

Она подошла к мужу и прижала его голову к груди.

– И не стыдно тебе ходить нагишом перед мужиком? – разговор принимал шутливый тон.

– Нет, – просто ответила она. – Ты мой богом данный муж, а не просто мужик. Ты моя половинка, я тоже хочу рассмотреть свою половинку. Давай, показывайся!

Потом он парил её веником, поддавая в каменку настой мяты, берёзового веника, пихтового масла и кваса.

– Это же хлебом пахнет, – удивилась жена. – Пихтой и ещё чем-то. Как здорово!

Затем он сам парился так, что ногти горели. Помогал жене мыть голову, смывая мыло с длинных волос, она и ему сама помыла голову и тёрла спину.

Потом они сидели дома за столом напротив друг друга и пили чай с баранками. После чего Лиза распустила из-под полотенца волосы и стала их прочёсывать. Такие длинные пышные волосы, если сразу не расчесать, пока они ещё влажные, потом наплачешься. Раньше это делала Аннушка, теперь приходилось самой приводить себя в порядок. Родион присел рядом, разглядывая процесс.

– Не сиди сиднем, вот поддержи эти пряди, а то путаются, – Лиза подала прочёсанные волосы.

– Какая ты у меня красавица, – сказал он, блаженно улыбаясь.

– Я знаю, а тебе что – страшилки нравятся?

– Нет, не надо мне страшилку.

– Тогда помогай красоту наводить.

Уже прошёл медовый месяц, но молодожёны только больше тянулись друг к другу, находя в своих половинках всё больше хороших черт и привычек. Наверное, так и бывает в жизни, когда люди просто любят друг друга.

35

Хрустов второй день сидел дома и крепко выпивал. Он пытался понять, что происходит в Тайшете и как из этого выбраться без убытков.

– Это же надо, собрались беспортошники и разогнали всю власть! – громко разговаривал сам с собой лавочник. – Два ссыльных латыша захватили власть в селе! Явь ли это или похмельный кошмар? Без бутылки фамилии их не выговоришь! Тийс и Кепул. Какого чёрта они оказались здесь? Собрались, порешили, и никто не пикнул – вот тебе и гвоздь в дышло. Но это люди пока молчат, приглядываются, чем всё закончится, а потом и за винтовки возьмутся. Это миром не кончится. Горлопанить мы способны, но и жрать всем хочется, только на митингах хлебушек не растёт. Что будут делать? Чем детей будут кормить? Вот то-то и оно. Только думать надо за себя. Лавку потихоньку придётся прикрывать. Товар надо увозить от греха подальше. Из дома всё ценное надо перевезти пока не поздно в Конторку, там, думается, спокойнее будет. Вот и поглядим тогда, с чего и как начнут править самозванцы.

Илья Саввич решил, что раз день пропал сегодня, то вечером нужно будет затопить баньку, выгнать хмель, а завтра на свежую голову всё продумать, как следует и принять какие-то меры. Неправда, придёт время и образуется жизнь, тогда и опять развернуться можно будет. Хвалил себя Хрустов и за то, что золотишка припас порядочно. Золото – оно при любой власти – золото, а сбыть его можно всегда, было бы что сбывать. Только теперь стало ясно, для чего он давным-давно выбирал себе место для заимки подальше от всех дорог. Теперь там крепость, там дочь с зятем – вот куда надо вывозить богатство да прятать там потихоньку.

Это обрадовало Хрустова и он, приняв ещё чарку, крикнул:

– Василий, затапливай баньку, грехи смывать буду!

Осторожно, не привлекая внимание вооружённых людей с красными тряпками на одежде, Хрустов стал вывозить все свои богатства, закупленные заранее, в Конторку. Одна-две повозки через день – обычная жизнь в селе. В Тайшете стали закрываться торговые и увеселительные заведения. Не только Хрустов смекнул, что к чему и чем это всё может закончиться. По Тайшету прошёл слух, что первыми задачами, какие перед собой поставила новая власть – это национализировать лесозавод Жернакова, а так же собирать продовольствие для центральной России, где его не хватало.

– Как же, орать на митинге не поле пахать, оно попроще будет. А потом у пахаря прийти и забрать его труды – вот она новая власть, – говорил сам с собой Илья Саввич, довольный тем, что осознал всю суть нынешних перемен. – Да только кто ж вам за просто так отдаст хлебушек? Брюхо словами не набьёшь. Это вам не с красными тряпками бегать по улицам. Где только набрали столько?

К февралю основной товар лавочник перевёз в Конторку, а там, не мешкая, стал готовить переправку всего добра в Тальники. Понимал, что и здесь нет никакой гарантии: слишком людно стало в Конторке.

В начале февраля обоз из трёх подвод отправился на юг. В Тальники прибыли затемно. Евсей вышел на лай собак и увидел, что к его воротам приближаются лошади, запряжённые в сани, нагруженные доверху и перевязанные верёвками.

– Евсей, ты, что ль? – раздался крик.

– Здорово были, Илья Саввич! – узнал говорившего хозяин. – Сейчас открою ворота, погоди малость.

– Доброго здоровья, хозяин, не ждал?

– Не ждал, не гадал. Загоняй во двор повозки. Места хватит всем. Вон туда под навес, там и коней распрягай, сейчас и напоим, и накормим лошадок. Ты проходи в дом, намёрзся?

– Не привыкать. Гриша, ты разберись с лошадьми, – сказал он вознице, с которым прибыл.

Гриша, молодой расторопный парень, работал у Хрустова в Конторке. Работник толковый и молчаливый, которому не было дела до того, что и куда везли, лишь бы хозяин не скупился.

За столом Хрустов спросил:

– Как там молодые, ладят? Лиза не рвётся назад?

– Будто нет, всё тихо у них. Как ни зайдёшь, всё обнимаются да посмеиваются.

Илья Саввич подозрительно посмотрел на свата.

– Ей Богу, сам дивлюсь, будто дети, никакой сурьёзности. Лиза соберёт детей со всей деревни вокруг себя да в снежки с ними играет. Гоняются они за ней, будто младенцы за титькой.

– Не наигралась ещё, – пробурчал Хрустов.

– У них и в доме любо-дорого: чистота и порядок. Ульяна моя научила её хлеб стряпать да щи варить.

– Ульяна научила? А хлеб какой у дочки получается? Есть можно? – спросил Хрустов

– Ты, Илья Саввич, не слушай, что тебе тут Евсей говорит, возьми да сходи к ним, чай, рядом живут. Сам и испробуешь.

– Верно, чего это я. Пойдём. Евсей, заглянем к молодым, – засуетился Хрустов.

Проходя мимо окна, Илья Саввич невольно глянул в него. Под потолком висела лампа, ярко освещавшая середину комнаты, на скамейке сидел Родион и подшивал валенки. Рядом, обняв его сзади, чтобы не мешать, сидела Лиза, что-то говорила ему; он кивал ей, и они улыбались.

– Вот, видишь, – сказал Евсей. – Всё обнимаются.

На стук дверь открыла Лиза.

– Батюшка, – воскликнула она и бросилась в объятия.

Отец даже растерялся: дочь никогда так не радовалась ему, даже когда была маленькой.

– Ты когда приехал? Раздевайся, проходи. Дядя Евсей, вы тоже проходите, – засуетилась она. – Сейчас я на стол накрою.

– Да мы только от стола, – сказал отец.

– Ничего, у нас есть чем отметить, присаживайтесь.

Пока Лиза раздевала гостей, Родион отложил рукоделье, помыл руки.

– Здравствуй, Илья Саввич, хорошо добрался?

– Добрался я хорошо, ты только скажи, где моя дочка?

Родион удивлённо посмотрел на тестя.

– Это не моя, у моей характер был совсем другой, – заулыбался он, довольный своей шуткой.

– Твоя дочка, твоя, – сказал Родион, – хорошая она, даже сам боюсь, какая хорошая.

Лиза поставила на стол ковригу хлеба да чугунок со щами, стоявший в печи, подала чашки с ложками, затем принесла бутылку и рюмки.

– Раз такое дело, можно и посидеть, – сказал Евсей и стал раздеваться.

За столом командовал хозяин, а Лиза примостилась позади него и положила голову на плечо мужу. Мужчины выпили, разговорились, а она просто сидела, слушала и улыбалась. Как радостно, когда всё хорошо и складно.

– Не скучаешь по дому? – спросил её отец.

– Нет. Всё моё здесь, – сказала она и засмеялась.

– Ох, и проныра ты, дочка, это ж надо в какие годы ты высмотрела себе счастье? – усмехнулся отец. – Скажи мне такое тогда, посмеялся бы и забыл.

– Вспомни, сам же говорил: смотри, Лиза, какой парень, держись за него, – сказала она, сделав лицо серьёзным.

Хрустов от неожиданности даже перестал дышать. Наступила тишина, а потом раздался дружный хохот.

– Теперь вижу, что моя дочка.

На просьбу дочери остаться ночевать, Илья Саввич сказал:

– Успею я у вас переночевать, а сегодня пойду к Евсею – разговор серьёзный есть да дела. Я ещё пару дней побуду, поговорим ещё.

Утром Хрустов уединился с Евсеём.

– Такие, Евсей, дела, могут прижать наше дело, – и он рассказал обстановку в Тайшете. – Я перевёз всё, что нужно в Конторку, теперь нужно перевезти товар сюда. Здесь есть где спрятать?

– Есть место, есть, раз такое дело. Люди у нас тоже надёжные, зря болтать не станут.

– Это хорошо, но лучше, чтобы поменьше знали: мало ли кто сболтнёт, может, и без умысла, а оно может и боком выйти. Нам с тобой ещё обоз к весне готовить, а осталось времени немного, вот я и думаю, чтобы побыстрее перевезти всё сюда. Обоз будем собирать у тебя, да и люди здешние пойдут, я своего возницу тоже сюда привезу с последним обозом, и до весны он поживёт здесь, а потом пойдёт с вами. Парень неплохой, боюсь, что там ему мозги промоют, а здесь под приглядом будет. Найдётся, у кого пожить?

– Найдётся, хоть у Саши Полякова – всё помощь ему.

– Хорошо у вас здесь, спокойно, может, и мне сюда перебраться, а Евсей? Будем на завалинке семечки лузгать да собак пинать.

– Нет, Илья Саввич, захиреешь ты здесь, тебе простор нужен, – усмехнулся Евсей.

– Укатали Сивку крутые горки, – вздохнул Хрустов. – Веришь ли, посмотрел я на молодых, позавидовал: живут друг для дружки и радуются, а тут всю жизнь в заботах.

– Сколько молодые ещё живут? Погоди, посмотрим, как дети пойдут. Да ты, вон, говоришь – перемены идут. Не дай, Бог, – Евсей махнул рукой. – Стараешься, стараешься, а толку что? Может, ещё и обойдётся?

– Дай то, Бог. Есть ли место помимо деревни, где можно воз, другой добра спрятать?

– Есть на примете местечко, никто не знает, кроме Родиона. Он и нашёл, когда бродил на охоте.

– Готовь на всякий случай, может, и сгодится.

– Чего готовить? Там всё готово, года четыре как готово. Родион ещё перед войной сыскал пещерку ту, случайно камень отвернул – а там, что твоя комната. Неприметная, никогда не найдёшь, рядом будешь стоять – не поймёшь.

– Родион-то сыскал.

– Говорю ж случайно. Подводы четыре, а то и пять можно спрятать.

– Скоро потребуется. А подъезды там имеются?

– Имеются, только надо самим выгружать, чтобы посторонних не привлекать.

– Осилит, думаю, только следы на снегу приметные останутся.

– Надо под пургу подгадать – и всего делов: заметёт, сам не сразу отыщешь.

Сложив груз в амбар к Евсею, через три дня Хрустов укатил назад в Конторку, готовить новый обоз.

К середине марта всё было переправлено в Конторку и спрятано. Что требовалось в скором времени, было в амбарах, что могло полежать, то свезли в пещеру в трёх верстах от деревушки.

В середине апреля обоз двинулся вверх по Бирюсе. Товара удалось собрать достаточно, продовольствия тоже, осталось только обменять на пушнину и вернуться назад благополучно. Хотя в деревнях, находившихся в низовьях Бирюсы, начались уже разнотолки, на юге было тихо и спокойно. Сюда ещё не добрались разные агитаторы, «мутившие» воду, но слухи доходили и в эту глушь, поэтому стоило опасаться лихих людишек, появившихся здесь. С обозом пошли Трухин, Лисицин, Кадимов, Маркел Дронов, братья Цыганковы, кучер Хрустова Гришка да ещё один человек, который своё место выбивал с боем. Это была Лиза. Она напомнила Родиону, что тот обещал взять её посмотреть оленей. Но Родион ответил, что надо спросить Евсея; если он согласится, тогда, пожалуйста. Только разговаривать с Евсем Лиза должна сама.

– Конечно, сама буду договариваться, вы ещё сговоритесь меня не брать – потом попробуй, проверь.

– Дядя Евсей, – сказала Лиза, – возьмите меня с собой. Родион сказал, что вы всё решаете.

– А муж чего ж?

– Он согласен, если вы позволите.

– Слёзы дома оставишь?

– Да.

– Я согласен, но только не ныть, – сказал Евсей.

– Спасибоочки! – воскликнула Лиза, и вприпрыжку побежала домой.

До Благодатской добрались в один день. Дорога по реке была пробита так, будто по ней сплошным потоком шли обозы.

– Ныне много народу рвануло в верха, – сказал Никодим Нестеров, – будто свихнулись люди. Думают, что там мёдом намазано.

– Куда все идут? – спросил Евсей.

– Золотишко покою не даёт, лёгкая жизнь манит. Только мало кто знает, что их там поджидает и кто из них вернётся назад.

– Балуют в тайге?

– Балуют. В прошлую осень многие не вернулись ни по воде, ни по льду. Сгнули ни за понюшку табаку. Что там, в Тайшете, делается, не знаешь? Хрустов говорил чего-нибудь?

– Власть захватили какие-то Советы, шастают, выгребают всё, у Жернакова лесозавод забрали.

– Гляди-ка, что деется? Хрустов что ж?

– Думает, что пронесёт мимо беду, – Евсей не стал ничего рассказывать Никодиму.

Не так прост Нестеров, как хочет казаться. Сам уже давно знает, что творится в волости, но делает вид, что неведомо ему. Надо смотреть, кого он отправит следом. Но мы присмотрим за ним, а там решим, как быть: нынче все мужики вооружены хорошо: не берданками, а карабинами, а это посерьёзней будет. Евсей заранее предупредил обозников, что возможно и стрелять придётся, чтобы были готовы.

Обоз шёл ходко, дорога была известна заранее, пройдено не один раз. Ночевали в удобных местах, закрытых от ветра и постороннего взгляда. Выбирали места, где дрова готовить не надо было. Лиза сначала была бодрая, улыбалась, иногда шла пешком рядом с мужем, держась за руку, потом всё чаще ехала на санях. Устала, но держалась стойко: не хотелось показывать слабость – тем более сама напросилась.

– Лиза, если замёрзать начнёшь, ты сходи с саней, пройдишь ножками – согреешься, тогда садись снова, – говорил ей Родион.

– Долго ещё добираться? – спросила она его потихоньку, чтобы никто не слышал.

– Устала? Ничего, потерпи, ещё ночьку переночуем, а там и приедем. Если всё пойдёт хорошо, то скоро прибудем на место. Я сам уже соскучился, сколько лет не бывал здесь – душа зовёт. Посмотришь, какие здесь места, тебе понравится, будешь ещё проситься.

– Нет, мне этого раза должно хватить, – возразила жена.

– Не загадывай, я совсем малым первый раз пришёл сюда – трудно было. Ничего, стерпел, а потом приновился. Вот отдохнём – легче будет.

– Как ты? – спросил Евсей Лизу. – Терпишь?

– Да.

– Завтра к обеду прибудем на место. Вот расскажешь нашим жёнам, какие у нас прогулки, а то не верят, говорят, что мы вышли погулять да водки попить.

– Расскажу.

– Всё, готовимся к ночёвке! – крикнул Евсей. – Родион, сбегай, глянь: тянется кто за нами или нет. Не верю, что не послал Никодим никого.

Пока Родиона не было, мужики приготовили место для ночёвки, развели костёр, стали кипятить чай. Готовить никто не хотел – устали. С собой было мясо, отваренное ещё дома и замороженное, сало, хлеб. Просто отрезали по кусочку и грели на костре. Медленно жевали. Чай пили все в охотку, разогревая себя изнутри, а потом заваливались на лапник, прикрывшись тулупами, и заснули.

Родион пришёл, когда половина мужиков уже спала. Лиза вся извелась, пока дождалась мужа. Он появился совсем неслышно, только чуть качнулось пламя в костре, и мелькнула тень. Лиза вздрогнула от неожиданности.

– Есть кто? – спросил Евсей, который следил за костром, пока люди спали.

– С версту отсюда кто-то ночует, костёр видел, хотя хоронится.

– Значит, есть посыльный за нами. Ты поешь – там есть мясо разогретое и чай в котелке. Посмотри, чтобы жена не замёрзла, а то будет делов, как разболеется.

Родион поправил тулуп у Лизы и сел у костра ужинать.

– Можно, я посижу с тобой, – спросила она, выглядывая из-под тулупа.

– Чего не спишь?

– Тебя не было долго – вот и не сплю.

– Давай вместе поедим тогда, – предложил Родион.

– Давай, – обрадовалась Лиза. – А то я не смогла справиться с мясом – оно мёрзлое было, я не могла его грызть.

Родион погрел кусок, пока с него не пошёл пар, и подал жене:

– Ешь всё, а то сил не будет завтра.

– Если нужно, я съем всё.

Потом они пили чай и смотрели на костёр, пока Лиза не уснула сидя.

Родион уложил её рядом с собой, накрылся тулупом и обнял свою Лизавету, чтобы ей было ещё теплее.

36

Эликан ждал обоз. На последнем суглане ходили разные слухи, будто «Белого Шамана» скинули, только старик не понял, куда скинули и как теперь жить без него. Там, на суглане, никто не давал ответа. Говорили, что скоро перестанут возить товар, тогда в тайгу придёт голод, никто ничего не сможет дать даже за соболя. Цены на всё сразу подскочили, разобрали и нужное, и не нужное, ещё и не хватило. Дело доходило до споров, в чём карагасы ранее не были замечены. Эликан начал сомневаться, сможет ли прийти обоз, хотя Евсей и обещал. Только посмотри, что вокруг творится. Старик не утерпел и пошёл к шаману, узнать, ждать ли обоз. Шаман обнадежил его и ещё сказал, что с караваном придёт тот, о котором спрашивал в прошлый раз Евсей, и придёт он не один, а с женщиной.

– Когда они придут, пусть тот, которого ждали, придёт ко мне вместе с женой, мне есть, что им сказать.

– Неужели, Родька пришёл, хороший охотник. Я передам ему твоё слово.

Теперь Эликан сидел и просто посматривал на реку, ожидая друзей. Уже неделя прошла с тех пор, как стойбище встало здесь, уже Оробак добыл изюбря и косулю, а обоза всё не было.

Повозки показались неожиданно, как всегда бывает. Ждёшь, пождёшь, а потом раз – и упустил момент. Эликан сидел в чуме, когда закричали ребятишки. Он вышел и увидел, что лошади уже свернули с реки к стойбищу.

– Здравствуй, Евсейка, долго ждал тебя, думал, совсем не придёшь. Здравствуй, Родька, ты где пропал? – старик по очереди обнял братьев. – Где твоя жёнка? Показывай! Родион недоумённо посмотрел на старика.

– Эликан всё знает, показывай.

– Лиза, иди сюда, – когда Лизавета подошла, Родион добавил: – Вот моя жена.

- Хорошая жёнка, молодец, не зря не хотел наших девок брать в жёны.
 - Рано было жениться, – смутился Родька.
 - Хорошая девка. Родька, тебя вместе с твоей жёнкой зовёт шаман. Оробак отведёт. Шаман говорит, что хочет на тебя посмотреть и что-то сказать.
 - Это далеко?
 - Один день на оленях, доедете.
 - Хорошо. Эликан, а где Оробак?
 - На охоте, вечером придёт, тоже ждёт тебя.
 - А это кто? – спросил Родион, увидев подростка с берданкой.
 - Это мой внук Улуской, разве забыл? – удивился старик.
 - Он маленький был, а теперь смотри – охотник.
- Улуской смутился и скрылся за жилищем. Вышли женщины и позвали Лизу в чум, чтобы не мешала мужчинам. Вскоре в котлах уже варилось мясо. Лиза вышла из чума, переодетая в халат по-карагаски. Она растерянно улыбалась, разглядывая свой новый наряд, особенно ей нравилась шапка с мордочкой, а также унты, расшитые бисером.
- Так и пойдёшь к шаману, он сказал нарядить тебя так, – сказал Эликан.
- Залаяли собаки, из леса вышел Оробак с косулей на шее. Бросил её на землю перед чумом – женщины тут же принялись за работу: для гостей надо свежее мясо.
- Здравствуй, Оробак, всё охотишься? – поприветствовал Родион. – Мы вот зашли ненадолго, пустишь?
 - Будь долго, ты хороший гость, совсем давно не был, говорили на войну ходил?
 - Ходил, теперь пришёл назад.
 - Война – это совсем плохо.
 - Верно говоришь. Как ты поживаешь?
 - Ничего поживаю. Сына только нету, жена всё девок таскает, выгоню, однако.
 - Девки – это плохо? – спросил Родька.
 - Помогать некому, когда старьё буду, кто кусок мяса даст? – улыбался Оробак.
 - Лиза, иди сюда, – позвал Родион. – Вот, Оробак, моя жена Лиза.
 - Ты сюда совсем пришёл? Надо чум ставить.
 - Не надо, у нас есть свой чум, – улыбнулся Родион. – Вот Лиза просила показать ей, как вы тут живёте. Говорит, хочу посмотреть, как Оробак поживает.
 - Посмотрела? Вот мой чум, – и охотник указал на чум, где переодевали Лизу.
 - Посмотрела, – смутилась Лизавета.
- Ей было удивительно, что все мужчины, которые прибыли сюда из деревни, были будто родными здесь: все с ними разговаривали, смеялись, показывали разные безделушки.
- Вас здесь все знают? – спросила Лиза мужа.
 - Гришка только в первый раз, смотри, как всё разглядывает.
 - Как и я.

– Я тоже смотрел во все стороны, когда первый раз пришёл сюда.

– Красиво здесь: все горы в снегу, как под одеялом.

– Летом ещё лучше, правда, комаров много, но если поближе к реке сидеть, то ничего, терпимо.

– Я бы не смогла здесь жить, наверное, – Лиза посмотрела на чумы.

– А со мной?

– Только с тобой. А где олени?

– Где-нибудь неподалёку, где снег помельче. Увидишь ещё.

Только через день Оробак повёл гостей к шаману. Отправились они на оленях. Поначалу Лиза боялась садиться на животное – женщины в стойбище прыснули в кулак. Эликан строго взглянул на них, и смех мгновенно притих.

– Иди сюда, – позвал он Лизу. – Посмотри оленю в глаза. Разве можно с такими глазами делать худо?

Лиза увидела виноватые глаза животного, и от этого ей стало немного стыдно. С помощью старика она уселась на оленя и посмотрела на мужа.

– Хорошо, привыкнешь, – сказал Эликан и пошёл к костру.

Евсей присел рядом и стал смотреть на огонь.

– Шаман сказал Оробаку, когда он вылечит белую женщину, духи подарят ему сына. Вот он и поторопился в дорогу.

– Лиза, вроде бы, не болеет, – сказал Евсей.

– Шаман сказал привести. Он знает всё. Помнишь его – вы к нему ходили?

– Улубек, кажется, – вспомнил Евсей.

– Верно, Улубек, хороший шаман, зря не скажет и не позовёт. Расскажи мне, Евсей, что там у вас хорошего? Люди говорят, что только плохое осталось, верно это? На суглане я ничего не сумел узнать, а что услышал, то совсем не понял.

Евсей рассказал, что знал о событиях в Тайшете и округе. Передал, чем это может закончиться. Рассказал об опасениях Хрустова, который боялся, что новые власти могут запретить индивидуальную торговлю.

– Илья Саввич сказал, что на следующую весну ещё есть надежда прийти сюда, запасы товара имеются, а дальше ничего непонятно. Эликан, мне жаль, но лучше не станет. Мне тяжело об этом говорить, но я пока даже не знаю, что нас самих ждёт. Пока всё происходит далеко от нас, не на глазах, но может докатиться и до нашей деревни. К вам далеко, но посмотри: дорога наезженная – идёт сюда добытчик. Только с чем идёт и зачем? Остерегайтесь чужих людей, особо тех, кто сладко говорит.

– Думал, что ждёт меня спокойная старость, – вздохнул Эликан. – Последние годы было хорошо, спокойно, теперь опять пришла беда. Придётся уходить дальше и дальше. Только есть и граница, за которую нельзя шагнуть.

– Прав ты, Эликан, но надо жить: есть дети и внуки, кто их поведёт?

– Надо, – старик раскурил свою трубку и замолчал.

А молодые тем временем уже подходили к чуму шамана.

Улубек ждал гостей на улице. Сидел у костра и вглядывался в пламя. Он слышал шаги оленей, тяжело приближавшихся к чуму. Улубек уже был одет и готов к камланию – время подходило.

– Здравствуй, Улубек, мы пришли, – сказал Оробак.

– Я ждал вас, у меня всё готово, – сказал шаман.

Он посмотрел на Родиона и Лизу, улыбнулся и кивнул, приглашая за собой. Чум для камлания стоял недалеко на пригорке, в него никто посторонний не может зайти без разрешения шамана. Одинокий чум выделялся на фоне звёздного неба, венчался ровным столбом дыма.

Лиза стала осматривать внутреннее убранство. Ей показалось, что эта комната из её детства, заполненная игрушками, только эти игрушки были очень серьёзными. Шаман усадил гостей позади костра и начал камлание. Это действие продолжалось долго: наконец-то обессиленный шаман упал на шкуры и притих. Уставшие Родион и Лиза не знали, что делать. Они сидели и смотрели на затихшего шамана. Наконец, Улубек зашевелился и сел напротив. Он долго внимательно смотрел на Родиона, изредка бросая взгляд на его жену.

– Я давно хотел посмотреть на человека, которого охраняет ваш Бог. Когда в прошлый раз я камлал, духи мне сказали, что ты под охраной Бога и все люди, кто рядом с тобой.

Родион смутился и покраснел от таких слов.

– На тебя плохо посмотрели и поставили крест, когда ты была ещё маленькой, – сказал Улубек Лизе. – Кто-то шибко хотел, чтобы у тебя не было детей. Духи помогли мне снять этот крест – теперь всё будет хорошо. Вот это я и хотел вам сказать. Идите вниз, я ещё останусь здесь. Там вы отдохнёте от дороги, и вас ждёт угощение.

Эта новость Лизу испугала, она разволновалась, едва сдерживала слёзы.

– Лиза, ты чего такая? – спросил Родион.

– Мне страшно, – тихо пробормотала она.

– Теперь бояться уже нечего, всё закончилось.

– А я всё равно боюсь.

– Это ты-то? Разве тебя можно напугать?

– В последнее время – можно. Я очень боюсь потерять тебя, просто не представляю, как бы я смогла жить, если бы это, не дай Бог, случилось. Я боюсь, что ты меня бросишь, – добавила она, увидев его вопросительный взгляд. – Теперь вот этого известия боюсь, выходит, что меня кто-то сглазил в детстве?

– Теперь об этом говорить не стоит.

– Но я-то думать об этом буду.

– А ты роди Настеньку и не думай, – усмехнулся Родион.

– Тебе легко говорить. Это тебя кто-то там охраняет, а не меня.

– Теперь и тебя тоже.

Пришёл Улубек. Он раскурил трубку и позвал Оробака.

– Радуйся, охотник, будет теперь у тебя сын, – сказал он устало.

Оробак бросился скакать вокруг костра, выкрикивая слова восторга. Затем он принёс мешок с дарами для шамана. Гости вручили Улубеку свои подарки, затем все сидели в чуме, ели мясо и пили чай.

– Родя, а мясо не солёное, соли забыли положить?

– Нет, они так едят, у них чай солёный.

– Как, солёный?

– Они так едят. Ничего не солят, кроме чая и рыбы. Привыкли они так.

– Ты шутишь?

– Нет.

– Но я не могу несолёное мясо кушать.

– Вот, подсоли, – он подал ей небольшой мешочек с солью.

Шаман увидел мешочек, улыбнулся и кивнул Лизе, она посыпала солью мясо и принялась за угощение.

– Так хорошо? – спросил Улубек.

Лиза кивнула в ответ:

– Мы так не привыкли. У вас соли мало? – спросила девушка.

– Соли хватает, много соли даём оленям, а сами солим только чай.

Лиза осмелела и спросила:

– А скоро у меня будут дети?

– Скоро, – ответил шаман. – Ты береги этот наряд, он будет амулетом для тебя и сохранит от злых духов.

Он протянул руку и тронул русые волосы девушки. Он ни разу не видел у женщин волосы цвета осенней травы.

Утром в чуме шамана не оказалось, гости уехали без него.

– Неудобно так уезжать, шаман обидится.

– Нет, шаман специально ушёл, чтобы удержать злых духов, боится, как бы они не поехали за нами, – ответил Оробак. – Теперь ты мне брат и твоя жена мне брат, – торжественно сказал карагас.

– Почему?

– Шаман сказал, что теперь и моя женка принесёт сына после того, как он полечил твою жёнку.

– Это как?

– Шаман сказал мне давно, что у меня до тех пор будут рождаться девки, пока он не вылечит жёнку моего белого друга. Вот теперь он сказал, что у меня будет сын.

Дорога домой оказалась легче и быстрее. Мужики ехали на санях, демонстративно держа оружие на виду, чтобы ни у кого не было желания испытать обоз на прочность, так сказал Родион. То ли это сработало, то ли просто повезло, но всё прошло тихо и спокойно. Даже в Благодатской не стали останавливаться, чтобы не терять время –

дорога «падала». Солнце разрушало снег, он становился хрупким и проваливался, особенно на солнечных местах. В тени наст ещё был крепкий, поэтому нужно было торопиться. Ехали половину ночи, пользуясь наезженной дорогой и лунным светом. К утру подъехали к своей деревне. Пушнину выгрузили у Евсея и пошли домой спать.

Лиза открыла дверь в дом и тихонько вошла. В комнате было темно и тепло. Она присела на лавку и прислушалась: в углу на кровати сопел Мишка, сын Евсея, остававшийся хозяйничать, пока хозяева были в отъезде. Присмотревшись, Лиза прошла к своей постели, откинула покрывало и присела на край. Едва скинув с себя лишнюю одежду, она просто упала на подушку и мгновенно уснула. Когда пришёл Родион, в доме сопели уже двое. Чтобы подвинуть Лизу к стенке, пришлось взять её на руки, но она даже не проснулась, только лицо сделалось обиженным, словно у ребёнка.

К обеду, когда проснулся Родион, Мишки уже не было, печка топилась, и в чугуне варилось мясо. Лиза спала, разметав руки и чуть приоткрыв рот. Родион оделся и вышел на улицу. Брат уже возился во дворе. Евсей раскрыл амбар и приготовился перенести туда пушнину.

– погоди, я помогу, – сказал Родион.

– Чего тут помогать? Больше разговоров.

Родион взял мешок со шкурками и понёс в амбар. Там мешки связывали попарно и подвешивали под потолок на крючья. Только так можно спасти товар от мышей.

– Отдохнул немного? – спросил Евсей.

– Поспал.

– Как жена, поедет ещё? – усмехнулся старший брат.

– Не знаю, спит ещё, надо баньку сегодня стопить да погреться, тогда можно будет и говорить.

– Я тоже буду топить.

– Тесть когда приедет?

– Должен на днях заявиться, надо пушнину сбывать. Чего её сторожить? Уже и боюсь его приезда – какие вести он привезёт?

Лиза ещё спала. Родион присел рядом на кровать, разглядывая жену.

– Не смотри на меня, я такая страшная, – пробормотала она и накрылась с головой одеялом.

– Вставай, страшилка, обедать будем, там нам Мишка мяса без соли наварил.

– Почему без соли? – спросила Лиза, выглядывая из-под одеяла.

– Сама спросишь потом, – пошли, мяса поедим, бульона попьём, сил наберёмся, да я пойду баню топить. Хочешь в баньку?

– Только с тобой, без тебя не пойду.

– Вставай, я соберу на стол.

Родион поставил чугунок посреди стола, рядом была большая миска, в которую он выложил мясо и две небольших чашки, куда половником налил бульон.

- Мясо солёное? – спросила Лиза.
- Не знаю, Мишка варил, может, и не солил.
- Лиза попробовала кусочек и расхохоталась.
- Что, несолёное?
- Да, – смеялась Лиза.
- Родион попробовал мясо и пошёл за солонкой.
- Мишку надо свозить к карагасам – пусть поест мясо без соли.
- После бани Лиза совсем не хотела вставать с постели.
- Меня кто-то сильно бил, всё болит, – жаловалась она. – Руку поднять не могу.
- Понятно, больше тебя никуда брать не будем, а то и вправду развалишься где-нибудь по дороге. А я ещё говорил Евсею, что ты молодец: всё вытерпела, не жаловалась, а оказывается всё не так.
- И куда ты меня больше не возьмёшь? – спросила жена с любопытством.
- Куда тебя брать, если у тебя всё болит?
- Уже не болит, – сказала Лиза. – Так куда же ты меня не возьмёшь?
- Летом хотел сходить на Туманшет: рыбку половить, присмотреть места хорошие, может, сгодятся когда.
- Это же далеко?
- Нет, это поближе будет, но идти надо пешком, летом там не проедешь.
- А на олене?
- У тебя олени есть? – спросил Родион.
- Нет. Знаешь, я тебе хотела сказать, раньше я думала, что олени большие, просто огромные, а они маленькие и очень послушные. Зря мы не купили себе оленя, я его кормила бы.
- Олень не лошадь, не стреножишь его, а так он уйдёт от тебя.
- Жалко. Родя, а можно я с тобой пойду на Туманшет, я больше не буду жаловаться?
- Разве ты сможешь?
- Я всё смогу, хочешь, я буду щи варить тебе по вечерам на костре?
- А где капусту найдёшь?
- Ну, можно рыбу готовить.
- Ловить рыбу ты, конечно, умеешь?
- Я видела, как на палочку привязывают крючок и бросают в реку, а потом выдёргивают рыбку.
- Тогда придётся брать, – ответил муж, смеясь.
- Ура! А когда идём?
- Завтра.
- Нет, завтра не хочу, давай немного отдохнём, – сморщилась Лиза.
- Ладно, давай отдохнём, надо ещё и хлеб сеять и картошку садить, что ты, конечно, видела, как надо делать.

- Видела, а что мы сами будем сеять?
- Сами, сами, кто ж ещё?
- Здорово. Ты не думай, что я ничего не умею: меня Уля всему учит.

37

Лето запоздало. Снег медленно сходил с полей, земля не прогревалась. Отсеялись на неделю позже, но и после этого тепла особого не было – ни весна, ни лето. Мужики поговаривали, что и урожая хорошего ждать не стоит: уйдёт время, а потом времени не хватит вызреть зерну, если даже будет дальше хорошая погода.

Хрустов приехал уже в начале июня. Раньше не мог: сначала задержали дела, а потом пошла река – нужно было ждать, когда пройдёт лёд и поставят паромы. Настроение у Ильи Саввича было неважное. Хоть все свои дела он вёл осторожно, но страшной всего была неопределённость. В Тайшете днями бродили солдаты в поисках пропитания, а ночью в них постреливали то ли бандиты, то ли революционеры. Стрельба в посёлке бывала каждую ночь по нескольку раз. Советская власть ушла неизвестно куда, пришли солдаты, старавшиеся установить прежнее управление. Лютовали белочехи, для которых здесь было всё чужим. Самым главным желанием для них было – набить себе брюхо. Лавки стояли закрытыми уже давно, брать продукты было негде. Солдаты ринулись в ближайшие деревни на промысел. С хозяевами не церемонились – забирали, что могли унести, и уходили. Если бывало, что хозяева упирались, то в ход шли приклады.

Обстановка накалялась. Деревни, находившиеся рядом с Тайшетом, были, в основном, новыми, люди не держались друг за друга, поэтому для солдат добыча была лёгкой. Но когда белочехи сунулись в старые деревни, то там стали получать отпор. И кровопролитных столкновений становилось всё больше. Солдаты забирали скот и уводили из деревни, но мужики, умевшие держать в руках оружие, охотники и бывшие солдаты, устраивали засады и отбивали своё добро. В следующий раз солдаты приходили большими силами, но результат был тот же. Назревали серьёзные события.

Хрустов приехал, как обычно шумно, привёз подарки детям, потом разговаривал с мужиками, и только ближе к ночи сели вдвоём с Евсеем, чтобы обговорить свои дела.

– Не знаю, что тебе сказать, – сказал Илья Саввич. – У нас скоро стрелять начнут серьёзно: люди злые, многие готовы кинуться друг на друга в драку. Это у вас здесь тишь и благодать. Никто не приходил агитировать за новую власть?

– Приходил кто-то, но его слушать не стали – никто и не вышел.

– Придут ещё. Голод – не тётка: придут за хлебушком, будут разные страсти рассказывать. Хорошо, что до вас далеко – солдаты боятся углубляться в тайгу.

Разговор был долгий, проговаривали разные ситуации, но пришли к одному: стоит ждать – чем же всё это закончится?

– Схожу я, Евсей, к молодым, скучать что-то стал. Старею.

– Сходи. Они ждут, – поддакнул Евсей.

– Оно верно, вот только не хочется старости поддаваться. Как они там поживают, не собачатся? Верно, что Лизавету с собой брали?

– Родион пообещал ещё в детстве, так она напомнила – вот и пришлось брать, негоже мужику словами бросаться, – усмехнулся Евсей.

– Пожалели?

– Нет, ничего. Притомилась, конечно, но терпела. Правда, после с недельку отлёживалась, но сейчас и забыла уже.

– Дивно. Только ты более её не бери, ни к чему.

– Ещё неизвестно, будет это более или не будет.

– Я тебе так скажу, Евсей: вывернемся, надо только глаза людям не мозолить, жить потихоньку.

– Хорошо бы.

Молодые Цыганковы ждали гостя: Родион вышел во двор встречать тестя, обнял старика прямо посреди двора. Хрустов растрогался. Вечер просидели, проговорили, Илья Саввич расспрашивал дочь, как ей понравилась прогулка, не устала ли.

– Родя хочет меня ещё и на Туманшет сводить, – похвалилась она.

– По делу или просто так?

– Места хочу присмотреть – может, заимку придётся поставить потом, – сказал Родион, – или зимовьюшку.

– А что ж, присмотри, сгодится при случае. Я хотел вам предложить переехать жить в Тайшет, в мой дом, только не сейчас, когда потише станет. По ночам стреляют, днями ходят бездельники и промышляют, раньше урядник за порядком смотрел, а сейчас никому и дела нет. Урядник, как уехал в Нижнеудинск, так и с концами. Я что хотел: у меня там связи есть, через которые можно и товар добывать и пушнину сбывать, а передать некому. Постороннему человеку не отдашь, а из родных только вы у меня и остались. Нестор нерасторопный, всё завалит да и людей подведёт, а мне нужен твёрдый человек. Лизавета далека от торговли, может, ты, Родион, сподобишься на это дело?

– Я? – Родька заулыбался. – Нет, я не очень способный по этому делу, у нас только Евсей на все руки мастер.

– Евсей с чего начинал? Поначалу совсем ничего не понимал, но не убоился, вникал понемногу. Теперь как компаньон, он нужен здесь. Дело поворачивается так, что рядом всем не быть – разделяться надо. Конечно, можно и здесь жить, только скоро закончатся обозы: с такой жизнью товаров не достанешь просто так, нужно подвязываться туда, где эти товары будут.

– Нет, я не готов к этому, – ответил зять.

– Дело не завтрашнего дня. Я с тобой поговорил об этом, чтобы ты на досуге поразмыслил, как жить далее. Мне немного осталось, а вам жить да жить. Детишки

пойдут, а вы даже золотишко, которое есть, поменять не сможете без нужных людей. Так что думайте. В Тайшете лавка уже закрыта, в Конторке ещё работает, но до поры, а к тому времени у нас уже будет найден выход. Было бы здесь десятка три-четыре дворов, можно было бы и здесь открыть что-нибудь – а так хлопоты и только.

Через пару дней Хрустов забрал товар, кучера Гришку и укатил.

Прошло лето. Осенние дела отвлекли от плохих мыслей: люди старались не упустить погоду, убрать хлеб, прибраться в огородах. О новостях узнавали только тогда, когда ездили за покупками в Туманшет и Камышлеевку, но и там многого не знали. Слышали, что появились партизаны, которые выступили против белочехов, гибли люди. Вести толковали по-разному, у каждого своя правда, только было понятно, что уже дерутся по-настоящему. Чувствовалось, что армии врага противостоит не горстка крестьян, а крепкое партизанское соединение, куда входили отряды из многих деревень, находившихся поблизости от железной дороги и от больших поселений.

Активные боевые действия начались в конце зимы 1919 года, когда очередной колчаковский отряд направился в Шиткино за продовольствием. Партизаны обстреляли их, а когда белые побежали назад, у людей появилась уверенность в том, что с белогвардейцами можно воевать успешно. Дело дошло до того, что в середине апреля был послан карательный отряд, чтобы выбить партизан из сёл Бирюса и Конторка, где они находились, но атака была отбита. Через несколько дней карательный отряд вместе с белочехами повторил попытку, применив пушки и броневик. Бой длился весь день, села горели, но каратели не смогли взять ни Бирюсу, ни Конторку. Сёла сильно пострадали: сгорели церкви, были разрушены дома, много погибло людей. Больше каратели не решались вступать в бой с партизанами.

Хрустов приехал в Тальники в конце апреля по последней дороге – через неделю всё стало таять. Старик выглядел усталым и несчастным. Он подъехал не, как обычно, шумно и весело, а тихо и остановился у дома дочери. Сидел в кошёвке и смотрел на калитку, потом едва поднялся и подошёл к лошади.

– Батюшка, что случилось? – испугалась Лиза, не видевшая отца таким.

Родион раскрыл ворота и завёл лошадь во двор. Илья Саввич посмотрел, как Родион распряг коня и медленно вошёл в дом.

– Тебе чаю или квасу? – спросила Лиза.

– Дай квасу, а лучше водки налей, – сказал отец, садясь на лавку.

– Да что случилось?

– Нестора схоронили.

Лиза присела рядом с отцом и прикрыла рот ладонями.

– Под обстрел попал в Конторке – лавку разбило полностью, а он там был. Дом тоже сгорел, ничего не осталось. Похоронили рядом с матушкой. Лаврен с Акулиной погибли: дом их сгорел, внучка где-то спряталась, жива осталась. Сирота теперь. Полдеревни домов выгорело.

Лиза поставила бутылку водки на стол и закуски, Родион, слышавший весь разговор, был поражён вестью.

«Как же так, ведь мирная деревня, не фронт какой, а смотри, что делается? Это война настоящая».

Вечером у Родиона собрались все жители деревни, всем хотелось узнать о своих родных: почти все они были родом из Конторки. Жалели Лаврена, жалели своё село, дорогое с детства. О других погибших Хрустов не знал, и каждый из мужиков надеялся, что его не коснулось горе. Решили, когда пройдёт река, ехать в Конторку, может, придётся забирать своих родных сюда.

Илья Саввич несколько дней ходил сам не свой. Помогал Родиону готовить инвентарь к пахоте, ходил к Евсею и подолгу о чём-то разговаривал с ним. Недели через две он снова был готов заниматься своими делами несмотря ни на что. Уезжая в Тайшет, он только и сказал зятю:

– Хочешь ты или нет, но придётся ехать в Тайшет. Особенно когда дети пойдут, их учить надо, а ещё при них надо быть – вот и думай. Пока же никуда не трогайтесь, а место, что говорил на Туманшете, присмотри.

Управились с покосом только в середине августа. Лето клонилось к закату. Всё чаще, умываясь обильными утренними росами, небо становилось бездонно-синим, ночами падали звёзды в огромном количестве – столько желаний не было, чтобы загадывать.

– Пойдёшь со мной на Туманшет? – спросил Родион жену.

– Пойду, – сразу же согласилась она. – А когда?

– Завтра утром и двинемся, мы всего на неделю ходим, мне кое-что посмотреть надо.

– Пешком?

– Пешком. Мы далеко не пойдём, порыбачим немного, посидим у воды. Ухи поедим свежей.

– Всё, я иду собираться, – сказала довольная Лиза и стала напевать любимый мотивчик.

– Пусть Мишка присмотрит за домом, мы с Лизой ходим на Туманшет. Помнишь, я тебе говорил про место, где можно зимовьё поставить – хочу ещё раз глянуть, – сказал Родион брату.

– На охоту туда бегать собрался? – спросил Евсей.

– Нет, там тайга поделенная, просто переждать там лихое время можно, если что.

– А как же хозяин угодья?

– Я с ним говорил, он не против. Туманшетский мужик, уже в годах, а сыновей у него нету, использовать некому. Но я не для охоты ищу место, он это понимает. А вот рыбачить там можно сколько хочешь, только ямы надо делать, иначе рыбу сквасишь.

– На рыбалку решил перейти?

– Думки есть, пока не знаю.

- С Лизаветой пойдёшь?
- Пусть сходит – всё ж отрада.
- Ну и пускай.

Шли напрямую через лес, Родион предусмотрительно раздвигал ветки, где они мешали проходу, помогал жене перелезть через огромные валёжины. К полудню подошли к речушке, она была немного больше той, что протекала у них в Тальниках.

- Сейчас перебираться будем на другой берег, – сказал он.
- А как? – удивилась Лиза.

Кругом не было никакого перехода. Родион снял обувь и стал закасывать штаны.

- Ты прямо так пойдёшь через речку?
- Да, вода не очень холодная, перейду.
- А я?
- И ты со мной.
- Я боюсь.

– Ладно, пока посиди, посмотри, а потом решим, как ты пойдёшь.

Лиза присела на траву, отмахиваясь ветками от назойливого гнуса. Родион перешёл реку, она оказалась неглубокой, всего по колено, положил там вещи и вернулся за женой.

- На лошади умеешь ездить? – спросил Родион.
- Немного умею.
- Тогда верхом на муже и труда не составит.

Лиза крепко обняла за шею мужа.

- Ты меня так задушишь, – сказал он.
- А так я упаду.
- Не упадёшь, держать буду, небось, своя не чужая.
- То-то, что своя, держи крепче.

На другом берегу Родион развёл костёр и поставил котелок на огонь.

- Лиза чаю хочет? – с улыбкой спросил он.
- Лиза и поесть не откажется, – заявила она и достала свёрток с продуктами, специально приготовленный для этого.

– Устала?

– Немножко устала.

– Отдохни, сейчас перекусим, я штаны подсушу, и пойдём дальше, к вечеру до реки дойдём. Уже немного осталось.

– Сколько?

– Столько же, сколь и прошли.

– Это много.

– Здесь идти будет легче: дальше есть большие поляны, по краю трава маленькая и валёжника нету, только запинаться будешь о грибы. Грибов там – тьма.

– Мы их собирать будем?

– Можно для супа взять, а больше и не стоит – пропадут. Да и зачем отсюда тащить, если около деревни их хватает.

Река открылась внезапно. Путники шли по склону небольшого распадка, лес вдруг расступился, и во всей красе предстала живая голубоватая лента с серыми вкраплениями на перекатах. Река вырывалась из скал и выплёскивалась на небольшую равнину, шумела, искрилась, шелестела. На перекатах играла рыба, выпрыгивая из воды, выхватывая на лету неосторожных паутов. Путники присели на поваленную сосну и стали смотреть на это чудо, редко кем нарушаемое.

– Тихо, не дёргайся, – прошептал Родион. – Медленно поверни голову вправо, смотри. Кто там, на той стороне у тальников.

Там по колено в воде стояла лосиха с небольшим телёнком: то ли зашли попить, то ли прятались от гнуса.

– Не бояться.

– Они не видят, хотя, возможно, их здесь никто ещё не пугал.

Лосиха подняла морду, повела носом, осмотрелась и медленно пошла на берег, лосёнок поплёлся за ней.

Пошли, присмотрим место, где будем ночевать. Вскоре горел небольшой костёр, кипятился чай. Лиза сидела у костра и отдыхала: не привыкла ходить пешком на такие расстояния. Ныли ноги, побаливала спина.

– Лиза, уху будешь варить? Если будешь, я сейчас рыбы наловлю немного, или запасами обойдёмся?

– Давай не будем сегодня варить – что-то ноги не слушаются.

– Тогда отдыхай, успеем ещё и ухи испробовать. Нам надо сил набираться: завтра пойдём вверх по реке, придётся и по сопкам ходить.

Лиза благодарно кивнула. Балаган ставить не стали – дождя не ожидалось. Одну ночь можно было и так переночевать. Родион нарубил лапника, настелил его рядом с костром прямо на галечник, чтобы мошка не сильно донимала. Ночь была тёплая и тихая. Рано утром, проснувшись, позавтракали и сразу же отправились в путь.

До нужного места дошли только к концу третьего дня, там увидели старенький шалаш, который Родион делал много лет назад, когда был здесь в последний раз. Лапник засох, хвоя осыпалась, остались только бодылья. Подновить жилище не составило труда: вскоре весело потрескивал костёр, в котле варилась рыба. Лиза немного привыкла к походу и теперь не сидела возле костра, а готовила еду. Вечера у костра были вообще чудом: огонь, выстреливающий искорками в разные стороны, шум реки, рядом любимый человек – всё, что надо человеку для счастья.

Ещё пару дней Лиза командовала на таборе: её муж обошёл всё вокруг и понял, что кроме зимовья здесь ставить ничего не стоит – земли даже для огорода нету. Вокруг на несколько километров распадки и сопки, да валёжника кругом столько, что и ходить невозможно. А для зимовья место хорошее: высокий берег, небольшая поляна, за которой сплошной стеной стоял лес, старый, с буреломами, совершенно

негодный для строительства. Только с одной стороны можно будет набрать молодой сосны для зимовья.

– Завтра пойдём назад, – сказал Родион.

– Посмотрел, что хотел?

– Посмотрел.

– Я бы ещё пожила – здесь хорошо.

– Лето кончается, надо домой – работы много.

Погода заставила задержаться здесь ещё на пару дней. Пошёл проливной дождь. Он не шлёпал по листьям и воде, а просто шумел сплошным гулом, пробивая густые кроны берёз, заваливал траву, наполнял сыростью воздух.

Родион отрубал длинные куски валёжин и складывал их на костёр, они подсыхали на жару и медленно горели, не давая дождю загасить пламя. Только в балагане было сухо и тепло: толстый слой лапника не давал дождю возможности проникнуть внутрь.

Лиза прижалась к мужу и смотрела на огонь, потом неожиданно сказала:

– Родя, у нас маленький будет.

Наступила тишина, только громче стал шипеть и постреливать костёр, да хлюпал дождь.

– Ты не рад? – спросила Лиза и посмотрела на мужа.

Он сидел, улыбаясь и закрыв глаза.

– Хорошо, – вдруг сказал он. – Она будет похожа на тебя. Я сейчас вспомнил, какая ты была хорошенькая маленькая: с бантами и косичками, в длинном платьице и такая серьёзная.

– Почему она?

– Ты же сама сказала, что будут Настенька и Машенька.

– Лучше, конечно, девочки.

– Почему?

– Я бы не смогла пережить, если бы моего сына забрали на войну, как тебя.

– А как же помощник отцу?

– Я всё понимаю, но всё равно боюсь.

Родион обнял жену и прижал руку к животу.

– Ещё не скоро будет, после Пасхи, – засмеялась Лиза.

38

Зима 1920 года началась сильными холодами, и к Рождеству они только усилились. Морозные туманы часто висели днями; всё вокруг покрылось инеем, тяжёлым, ломавшим ветки на деревьях.

Жизнь в деревне замерла. Такое глухозимье становилось настоящей пыткой для мужиков: сидеть дома у бабьего подола да смотреть в окно было невыносимо. Выйдет мужик на часок утром, управится со скотиной – да опять домой. Скотине

хорошо в хлевах, тепло, только лошади стоят под навесом, укрытые лишь от ветра попоной; покрытые инеем, они жмутся друг к другу, согреваясь.

Через неделю после Рождества, Родион не вынес заточения и стал собираться на охоту:

– Посмотрю сохатых, они сейчас в пихтачах стоят, никуда не уходят, строганинки захотелось.

– Надо тебе, – буркнула Лиза. – Все дома сидят, тебе только не сидится.

Лиза стала немного раздражительная, иногда капризничала, плакала, а потом прижималась к мужу и засыпала. Родион понимал, что так проходит беременность, у некоторых бывает и хуже.

– Лизонька, я ещё засветло приду, мне самому по такому морозу без радости бродить.

– Вот и сиди дома, – Лиза отвернулась от мужа, но потом вдруг сказала. – Родя, ты не слушай меня, просто я вредная.

Она виновато посмотрела мужу в глаза и отвернулась.

– Я пришлю тебе Нюшку – вдвоём веселее будет.

Евсей приболел и не выходил из дому: ещё перед Новым Годом он простыл и до сих пор не мог оправиться.

– Чего тебя понесло в такую погоду? – спросил он брата.

– Мочи нету дома сидеть, как конь стреноженный.

– Лиза не болеет? – спросила Ульяна.

– Слава Богу, ничего.

– Что, капризничает?

– Терпимо, – усмехнулся Родион.

– Терпи, родит, и все капризы пройдут.

– А ты откуда знаешь? – спросил Евсей, улыбаясь.

– Ой, скоморох старый, – махнула рукой Ульяна.

– Нюша, тебе дома не надоело? – спросил Родион.

Девочка сидела у окна и что-то вязала. Она посмотрела на дядю с удивлением.

– Бери своё рукоделье, сходи к нам, а то Лизе скучно одной, а я тебе серы принесу.

Девочку упрашивать не пришлось, она и сама любила гостить у Лизы. Только в последнее время мать стала ворчать, чтобы она не беспокоила тётку.

Половину дня Родион проходил зря. Только ближе к вечеру он нашёл следы лосей, ведущих в густой ельник. Родион постоял, осмотрелся и повернул назад: решил вернуться сюда завтра с лошадьёю. Если удастся добыть, то нужно мясо забирать сразу, а то замёрзнет – не возьмёшь тогда. Стоило позвать кого-нибудь для помощи. Что лоси не уйдут, он не сомневался: в такой мороз они никуда не денутся – стоят и едят хвою да мох на ветках.

– Я не смогу тебе помочь, – сказал Евсей, когда Родион зашёл к брату поделиться своими мыслями.

– Я зайду к Маркелу, он тоже мечтает из дому убежать, – сказал Родион.

– Верно, он согласится.

Родион договорился с Маркелом на следующее утро отправиться на двух повозках: вдруг улыбнётся удача, тогда можно будет и парочку сохатых взять.

До места не доехали с полверсты, привязали лошадей, накрыли попонами и задали сена. Маркел стал обдирать сосульки с лошадиных морд, а Родион взял свой карабин и на лыжах двинулся к ельнику.

– Я махну рукой – лошадей подгоняй туда.

– Ладно, иди, – сказал Маркел. – попутно выдирая сосульки из своей бороды.

Прошло около получаса, как раздался один выстрел, через несколько мгновений ещё один. Маркел всматривался в то место, где скрылся Родион. Увидев напарника, он отвязал лошадей и, ведя их в поводу, направился к ельнику. Когда Маркел пришёл, Родион уже разделявал одного лося, второй бык лежал рядом.

– Двое было, что ли?

– Нет, вон посмотри, рядом в ельнике ещё трое стоят. Нам и этих хватит, лишнего не стоит бить – им сейчас и так не сладко.

Мясо разделали, пока было теплое, и сложили в сани, прикрыли шкурами и сеном.

– Удачно вышло, – сказал Маркел. – Я, бывало, и с братом твоим ездил вывозить мясо, ещё на лесозаготовках, – братец твой ловкий был на охоте, чего сейчас не поехал?

– Приболел.

– Я и забыл, заходил к нему как-то. Вот времечко скачет: оглянуться не успели, а уже у самих дети выросли. У моего пацана уже усы пробиваются. Да и ты, давно ли сам мальцом с нами везде таскался, а сейчас и не плюнешь в твою сторону, герой, два «Егория» на груди – это, брат, не в деревне подраться.

– Да ну тебя, Маркел, возможно, у тебя и поболее наград было бы, случись тебе воевать.

– Чего загадывать? Я и сейчас воюю по случаю.

– С Настей своей? – усмехнулся Родион. – У Насти рука крепкая? Приложится, щека, наверное, долго горит?

– Нет, – расхохотался Маркел. – Она размахивается на рубль, а бьёт на копейку, видимость одна. Другой раз и сам злюсь на неё, а вот отбери её у меня, я не знаю, что и делать – прикипел.

Когда они выехали на дорогу, идущую из Туманшета, Родион сказал:

– В нашу сторону прошли трое саней чужих. Кто б это мог быть?

– Мало ли кто, может, мимо проехали, – Маркел сначала улыбался, а потом притих.

Какая-то тревога охватила мужиков, они невольно ускорили лошадей, вглядываясь вперёд. Деревня была на месте, всё было тихо, но тревога не отпускала: Родион невольно пододвинул к себе карабин.

Маркел загнал лошадь во двор и вдруг увидел, что из хлева задом выходит мужик, держа в руках кур. Маркел мгновенно поднялся с саней и, подойдя к мужику, ударил его головой о косяк. Мужик ослаб, куры опять кинулись в хлев. Маркел осмотрел мужика. Худой, с обмороженным лицом, в шинели, под ней была меховая душегрейка. Закинув мужика на кучу соломы к курам, Маркел закрыл хлев на задвижку.

Родион увидел пеший след к своему крыльцу, стиснул карабин и бесшумно поднялся на крыльцо. Дверь в сенцы была приоткрыта. Осторожно открыв дверь в дом, он незаметно проскользнул за занавеску, только облачко холодного воздуха колыхнуло пламя на лучине.

– Ты не бойся, мы сейчас немного позабавимся – и всё, – услышал он мужской простуженный голос. Выйдя из-за занавески, Родион увидел, что мужик надвигается на Лизу. Она с испуганными глазами отступает назад к столу, где лежал кухонный ножик.

– Может, со мной позабавишься? – ледяным голосом спросил хозяин.

Родион с ужасом узнал в этом мужике одного из своих фронтовых друзей. Пришелец медленно потянулся к нагану, спрятанному за поясом.

– Даже и не думай, наган отбрось в сторону, нож тоже, – а когда оружие звякнуло возле печки, добавил:

– А то, что у тебя привязано на правой ноге, можешь оставить, только не пытайся вытаскивать.

Мужик стал медленно поворачиваться, он был озадачен: кто же мог знать все его секреты.

– Родион? Ты? – спросил солдат.

– Лиза, иди ко мне, не бойся.

Она кое-как заставила себя пройти мимо чужака в сторону мужа, глаза были полны слёз, руки подрагивали

– Всё кончилось, иди в комнату, присядь там.

Незванный гость стоял, ошавевший, ничего не соображая. Он недоумевал, как это здесь оказался его друг Родион, с кем они вместе мыкали горе в окопах на войне, кто на себе выносил его раненого из-под огня. Когда-то и он мог отдать жизнь за Родиона не раздумывая.

– Ты не узнал меня? – спросил солдат.

– Узнал, – холодно ответил Родион.

– Мы же друзьями были, – на что-то ещё надеялся гость.

– Были. А сейчас кто ты?

– Мы, это, на соединение с армией Каппеля идём в Нижнеудинск.

– А сюда чего занесло?

– Разделилась армия, чтобы легче идти было – вот и попали сюда.

– Сколько вас в деревне?

– С десяток, – быстро отвечал солдат.

– Кем ты стал, Петруха? – сказал Родион. – Со своими воюешь.

– Так везде брат против брата идёт, вроде бы.

– А твоя какая доля в этой войне? Какая твоя выгода? Ты-то чего с братом не поделил?

Солдат замолчал вдруг и отвернулся, потом, словно ухватился за последний момент, упал на колени и прохрипел:

– Родион Митрофанович, не знаю, как чёрт попутал. Ведь мы под одной шинелькой грелись, как же так?! Для чего это всё было? Для чего ты меня от смерти спасал? Бросил бы – и делов-то. Нет, ты тащил, сам подставляясь под пули. Для чего? Нет, ты скажи, для чего всё это? Думаешь, я забыл? Ответь мне!

– Ну уж не для того, чтобы ты с моей женой забавлялся да мужиков грабил. Не для того, – холодно ответил Родион.

– Постреляете нас? – спокойно спросил Петруха Мамаев, бывший однополчанин и друг Родиона.

– Если бузить не станете, езжайте утром своей дорогой. А если что, сам понимаешь, у нас здесь все охотники живут. Чтобы не случилось беды, ты пойдёшь сейчас и соберёшь у своих друзей всё оружие, для верности. Ты моё слово знаешь. Иди.

Опустив голову, Петруха прошёл мимо хозяина.

– Оружие принесёшь прямо сейчас.

– Понятно.

Вскоре Петруха принёс винтовки и положил их на крыльцо. Родион отнёс оружие в сарай и направился домой.

– Как это они сами тебе винтовки сдали? – спросил Маркел.

– Попросил, и принесли, – Родион ничего не стал объяснять. – Завтра они уедут.

– Ты их попросил? Интересно, как ты их просил, – недоумевал Маркел.

– Я пойду, у меня там Лиза испугалась – утром увидимся. Мясо раздай всем, пока не замёрзло, мужиков попроси: пусть помогут.

Лиза сидела в комнате и беззвучно плакала.

– Лизонька, всё закончилось, можно уже не бояться, – успокаивал муж.

– А слёзы сами бегут, – сказала она, размазывая их по щекам.

Родион взял полотенце и стал вытирать жене лицо.

– Ты его знаешь?

– Потом расскажу, давай успокаиваться. У нас, случайно, чаю нету?

– Там чайник на загнетке стоит, я сейчас налью.

Они сидели напротив друг друга и пили чай. Лиза перестала плакать, но страх ещё совсем не прошёл.

В доме Сани Полякова, где ночевали солдаты, все сидели хмурые. Самогон давно закончился, из еды остались только огурцы и картошка, но идти промышлять солдаты

боялись. Особенно после того, как Петька Мамаев собрал все винтовки и снёс неведомо куда.

– Ты, никак, свихнулся? – спросили его сослуживцы.

– Свихнулся, как есть свихнулся. С винтовками пришлось бы расстаться всё равно, а так Родион обещал, что завтра мы уедем живыми. Винтовки ещё найдутся.

– Кто он такой, твой Родион?

– Помните, на фронте долго по окопам пересказывали, как десять человек остановили наступление немцев? В пятнадцатом году это было. Так вот, один из них был Родион. И геройствовать не надо: здесь, в этой деревушке, все мужики охотники, так что давайте тихо ночевать, а завтра будем уносить ноги.

В дом вошёл ещё один вояка, заглянувший в хлев к Маркелу. На его лбу красовалась огромная шишка. Он осоловелыми глазами осмотрел остальных.

– Ты где был?

– За курами ходил.

– Где куры?

– Хозяин не вовремя вернулся, лбом меня об косяк стукнул. А когда я очухался, отправил сюда и сказал, чтобы сидели тихо до утра.

– Ни хрена себе, куда это нас занесло? – раздался голос с печки.

– Это тебе не старух обирать. Здесь и лбом об косяк могут, а то и пристрелят – мужики крутые.

– Как же так случилось, мужики, или мы не русские? – спросил Петруха. – Родион-то прав, мы на неметчине такого не свершали, а здесь, будто с ума походили?

– Дурак ты, Петруха, будешь много думать – умом тронешься. Ты не думай. День прожил – а там как придётся.

– А Божьего суда не боишься?

– На мне грехов – что на собаке блох: одной меньше, одной больше – не велика разница. А если и пристрелят где, так ещё и лучше: я не цепляюсь за жизнь такую.

Петруха не спал всю ночь. Он вспоминал, как было на фронте; тяжело, но понятно – а здесь чего? Теперь и на нём, Петрухе, грехов хватает, никогда он уже не сможет отмолить свои грехи. Самое страшное в жизни, оказалось, глядеть в глаза бывшему другу, к которому ты пришёл с подлостью. Как посмотрел Родион – лучше бы убил на месте.

Петруха сел у окна, закурил и стал вглядываться в звёзды, словно пытался там найти зацепочку, хоть небольшое оправдание своей жизни за последнее время. Только ни одна звёздочка не подмигнула ему и не подарила надежду.

Утром, едва стало светать, к дому Полякова подогнали три солдатские повозки. Деревенские мужики встали немного в стороне от них и ждали, когда незваные гости выйдут. Братья Никитины, Еремей Трухин, Кирьян Лисицын стояли вместе, Маркел – чуть поодаль, Родион пристроился возле своих ворот, прислонившись к столбу.

Солдаты медленно выходили из избы, собирались возле саней. Когда последний Петруха вышел, Маркел сказал:

– Садитесь и уезжайте – никто вас не тронет, но забудьте дорогу в нашу деревню.

Сани понемногу заполнились, повозки медленно тронулись. Только один Петруха шёл пешком. Дойдя до Родиона, он кивнул своим:

– Езжайте, я догоню.

Остановившись, посмотрел в глаза бывшему сослуживцу и сказал:

– Прости меня, Родион Митрофанович.

Родион не отвёл взгляда, но и ничего не ответил.

– Что ты всё молчишь? Тебе легко молчать, ты всегда молчишь, даже когда нас на войне убивали, все орали, а ты молчал! Да пристрели ты меня, только не молчи! – Петруха опять упал на колени. – Прости меня ради всего святого! Слышишь, прости!

– Бог простит, – холодно сказал Родион.

– Ну, хоть так.

Петруха поднялся с колен, отряхнулся, посмотрел на восходящее солнце.

– Я рад, что у меня в жизни был такой друг, – сказал он, повернулся и поднёс руку к виску.

Раздался хлопок. Петруха упал лицом вниз, раскинув руки, из ладони выскочил маленький дамский пистолетик, которым только и можно было, что пугать. Петруха носил его, привязывая к ноге, чтобы можно было доставать через карман. Родион подошёл к бывшему другу, перевернул его лицом вверх. В открытых глазах была только тоска. Подошли мужики узнать, что же произошло. Родион прикрыл глаза Петрухе и попросил братьев Никитиных:

– Соберите ему гроб, негоже так закапывать.

– Твой знакомый? – спросил Маркел.

– Воевали вместе.

– Вот оно что. Теперь всё понятно. Я помогу могилу выкопать. Где будем рыть?

Родион подумал, а потом указал место на бугре подальше от деревни. Копали яму вчетвером, постоянно меняясь: земля поддавалась только кирке, и та отскакивала, отбивая небольшие куски. К вечеру могила была готова, пусть не совсем нужной глубины, но достаточно, чтобы достойно закопать гроб. Из деревни показалась лошадь, которую вели в поводу, на санях стоял свежестроганный гроб с забитой крышкой.

Братья, Иван с Семёном, вдвоём подняли его и поднесли к краю могилы.

– Обскажи, кого хоть хороним, – попросил Маркел.

– О нынешних подвигах не знаю, но довелось мне воевать с ним. Пулям не кланялся, спина к спине в рукопашной стоял, надёжный был друг. Только видишь, как жизнь сломала его, не посмотрела на былые заслуги. И я отдаю почести тому, которого знал тогда, на войне, его хороню. Вот моё слово.

Закапывали без Родиона, он сидел и смотрел на куски земли, летевшие в яму, и думал, что, может, стоило забрать этот маленький пистолетик, и не давать случая осудить себя. Только всё больше приходил к мысли, что если бы ему, Родиону, оставили такой шанс, он был бы благодарен за это.

Домой Родион пришёл в сумерках, долго отскабливал землю с валенок, потом вошёл в дверь, разделся.

– Лиза, мне бы умыться, – устало попросил он.

– Я сейчас, – она поставила на табуретку таз и набрала в ковш тёплой воды из чугуна, стоявшего на печи.

Она поливала ему на руки, на шею, потом подала полотенце.

– Родя, садись, я приготовила ужин, – она сняла полотенце со стола.

Вместе со снедью на столе стояла бутылка с водкой. Родион налил себе полный стакан и выпил, едва закусив капустой. Потом долго сидел и молчал.

– Он сам себя убил? – спросила Лиза.

Родион долго молчал, словно не слышал вопроса, а потом повернулся к жене и сказал:

– Это совесть его убила. Постели мне, Лиза, что-то притомился я.

Неделю Родион валялся в жару, впадал в забытье, «воевал» в беспомощности, кричал кому-то что-то несвязное, вспоминал и Петруху Мамаева. Через неделю ему стало легче, и вскоре он стал выходить на улицу. Через месяц Родион оправился, занялся своими обычными делами. Только Лиза заметила, что седых волос на висках у мужа изрядно прибавилось.

39

Вот уже прошло две недели, как стал Родион отцом. Перед родами Лиза старалась особо не капризничать, хотя иногда очень хотелось. В такие минуты её раздражали все и всё, хотелось кричать, плакать, но потом такое настроение вдруг проходило и опять окружение становилось добрым и приятным. В последнее время Лизавета волновалась больше обычного, хотя рядом жила бабка Пелагея, – она была знатной повитухой. Все ребятишки в деревне, весело носившиеся по улице, пришли на этот свет с помощью бабки Пелагеи. Рядом жила и Ульяна, с ней у Лизы сложились добрые отношения, но страх и волнение всё же были – в первый раз как никак.

Родиону много раз было наказано, чтобы он не мешкал, а, как только жена скажет, сразу бежал за бабкой. И когда Лиза сказала, что пора идти, Родион всё же немного оторопел.

– Да иди уже, – прикрикнула Лиза. – Скажи бабке, что воды отошли.

Родион бегом вскочил на крыльцо соседского дома и закричал:

– Бабка Пелагея, иди быстрее! Там у Лизы началось!

– У, оглашенный, напугал до смерти – потише нельзя.

– Лиза сказала, что воды отошли.

– Я мигом, – быстро накинув шаль, бабка, оттолкнув Родиона, поспешила к роженице. – Вода горячая есть?

– На печке в чугунах стоит.

– Я сейчас помогу, – засобиравалась и Ульяна.

– А мне чего делать? – растерялся Родион.

– Ты своё дело уже сделал, теперь на завалинке жди, – Ульяна тоже поспешила за бабкой.

Родион присел на завалинку своего дома и стал ждать. Для начала мая погода стояла тёплая, солнце уже припекало, слизывая остатки снега. Не успел он осознать своё новое положение, как вдруг из дома раздался звонкий детский крик. Родион вскочил и, было, побежал в дом, но на крыльце появилась Ульяна.

– Ты куда?

– Как куда? А там чего?

– Дочка у тебя родилась, радуйся! Пока не ходи туда, потом посмотришь. Слава Богу, всё разрешилось быстро, – пробормотала она и вернулась в дом.

А через полчаса Родиона позвали посмотреть дочь. Лиза лежала, счастливо улыбаясь, только на щеках блестели слезинки. Девочка, завернутая в пелёнки, лежала рядом на подушке и морщилась, по очереди прищуривая глазки.

– Глянь-ка, какая красавица получилась, – сказала бабка. – Ещё поискать таких надо. И ты, девонька, молодец, – зря и сама не мучилась долго, и дитя не мучилось. И не скажешь, что по первому разу.

Лиза кивнула Родиону, тот и не сразу вспомнил, что нужно делать дальше. Вскочил, достал из сундука свёрток, приготовленный для этого случая бабке Пелагее. Там был красивый цветастый платок, отрез на платье и деньги – так было заведено. Ведь ещё не раз придётся обратиться, дай-то Бог, а потом с какими глазами пойдёшь? Конечно, бабка ничего не скажет и поможет. Но в традиции русского народа за добро платить добром.

– Как назовёшь дочку? – спросила Пелагея, довольная подарком, а ещё больше вниманием. Значит, ценят, раз подарками отмечают.

– Так Настенькой назвали уж.

– Как же ты назвал, когда не знал, кто народится? – улыбнулась старуха.

– Чего не знал? Знал, мне Лиза давно сказала, что сначала Настенька будет, потом Машенька, а далее как Бог даст.

– Ишь, мужики? Для вас всё просто: кого захотел, того и родил? Нет, милоч, не всё так легко. Тебе вот что скажу: пусть твоя суженая пару деньков полежит, ну и потом смотри, чтобы за тяжёлое дело не хваталась, побереги её.

Старуха поднялась и тяжело направилась к двери, обернувшись, сказала:

– Если что случится – дорогу знаешь, да не тяни – сразу приходи.

– Иди, проводи, – сказала Лиза устало.

- Я сейчас, – Родион довёл бабку до своего дома.
- Спасибо тебе за всё, – сказал молодой отец, улыбаясь.
- Да мне чего? Чем могу, как говорится.

Только через месяц немного освободился Родион от дел – земля трудов и времени требует. Как обычно, помогали всем миром друг другу, всё делали сообща. И отсеялись, и отсадились вовремя – можно было немного передохнуть.

После обеда Родион вернулся из леса, ездил за черемшой, которая ещё была в тёмных ельниках. В маленьком дворике болтались на ветру пелёнки, радовали глаз. После рождения дочери отношения между молодыми родителями стали ещё трогательнее. Родион едва ли не забрал всю домашнюю работу, ладно бы, со скотиной, но ещё и по дому. Тут Лиза не вытерпела и сказала:

- Ты не знаешь, где можно седло заказать?
- Зачем тебе седло? У нас же есть?
- На тебя одеть да верхом ездить – вот будет потеха.

Родион растерялся, ничего не понимая.

– Ты меня не позорь перед бабами, а то уже стыдно выходить на улицу, будто барыня я какая. По дому работу оставь за мной, а немного малышка подрастёт, так я и остальное буду делать.

- А как же роды? Мне бабка сказала, чтобы всё сам делал.
- Так сколько времени прошло, теперь я и сама могу.

Родион, стараясь не шуметь, прошёл на кухню и положил черемшу на стол. Раздевшись, вошёл в комнату.

Лиза уснула вместе с дочерью. С утра пришлось устроить небольшую стирку, чтобы не скапливалось помногу, готовить обед – и немного притомилась. Когда Настенька, наевшись, засопела, Лиза тоже задремала.

Родион взял табуретку, сел рядом и стал рассматривать дочь, меняющуюся с каждым днём. Она становилась всё привлекательней. Личико посветлело, и ярко выделились бровки, реснички стали длинными и пушистыми. Губки были словно нарисованные карандашом. Личико было настолько нежное, какое может быть только у девочки. Настенька вдруг вздохнула и заулыбалась во сне, показав розовые дёсна. От неожиданности Родион даже задохнулся. Затем улыбка исчезла, и девочка опять мирно спала.

- Ты ел? – спросила Лиза, проснувшись.
- Лиза, а она улыбается, – Родион кивнул на дочь.
- Знаю, я видела. Ты посиди с ней, я на стол накрою. Там щи свежие, будешь?
- Буду.

За столом Лиза спросила:

- Когда крестить повезём? Сейчас самое время – сразу и крестины отметим.
- Так давай и повезём, когда скажешь. Я хоть сейчас коня запрягу.

– Вот и поедем в конце недели. Сорок дней прошло, мне самой можно присутствовать в церкви, а не стоять на крыльце и ждать.

Перед крестинами приехал Илья Саввич.

– Успел к празднику! – шумел Хрустов. – Ну-ка, покажите мне внучку.

Лиза поднесла деду девочку. Она смотрела на нового человека, спокойно причмокивая, потом протянула ручку и сладко зевнула. Илья Саввич прослезился:

– Вот она наша кровушка, тут дед приехал, а она себе зевает. Характером вся в мать будет, хоть мир перевернись, а ей спать приспичило, – дедушка явно был в восторге.

– Вот подарков ей привёз, – смахнув слёзы, старик стал вытаскивать свёртки из большой сумки.

На столе появился целый серебряный сервиз, много золотых украшений и игрушки.

– Нынче достать что-либо доброе – непросто, времена настали, мать их, – ругнулся Илья Саввич. – А тебе вот такой подарок.

Отец подал свёрток дочери, Лиза медленно развернула. На ладони сверкали золотые изделия дивной работы: цепочка с кулоном, серьги и перстень, сделанные одним рисунком и составлявшие одно целое. Лиза, не особо любившая украшаться, всё же задержала свой взгляд на подарке, примерила перстень, приставила серьги к ушам и улыбнулась:

– Спасибо, батюшка.

– Ладно уж, ты мне подарок большой сделала, не думал, что до внуков доживу.

Лиза обняла отца, помолодевшего сразу, которого любила всегда, хотя иногда и злилась на него за его выходки. Часто не слушалась, всё делала по-своему, но всё равно он был для неё самым дорогим человеком, как и она для него.

– Дочка, давай собери что-нибудь на стол, совсем проголодался я, – сказал старик, усаживаясь рядом с уснувшей внучкой. – Ладненькая, как нарекли?

– Настенькой зовём, как и хотели.

– Эх, бабушке не довелось посмотреть, – вздохнул он. – Но, видно, так Богу было угодно.

Илья Саввич попил чаю, потом прилёг отдохнуть и уснул до вечера.

Вечером в гости пришли Евсей с Ульяной. Посидели, выпили немного, мужики разговорились, а женщины ушли в другую комнату и занялись ребёнком.

– Слышали, что весной открылось возле Тайшета? – спросил Хрустов. – Сколько упокойников растаяло после зимы.

– Будто кто-то что-то болтал, – сказал Евсей, – только мы думали, что это слухи.

– Снег стал сходить, упокойники проявились вдоль дорог. Воняло так, что проехать не было сил. Потом выяснилось, что некоторые деревенские мужики караулили отставших солдат да убивали их, а сами забирали всё, что можно было забрать. Солдаты тоже не безгрешные были: кое-что имели за пазухой, а кто и ничего не имел,

с того последнюю одёжку снимали, забирали оружие и лошадей полуголодных. Из разных деревень промышляли мужики, некоторые целыми семьями. Они даже не пытались скрыть своё злодейство, наоборот, говорили, что боролись с белыми. Только боролись нескладно, не по-человечески. Некоторые дороги мимо Луки и Сполоха пришлось бросить. Попытались было схоронить убиенных, да только так воняло, что не подойти.

– В наших местах мне тоже приходилось наткаться на запах, только я и не подходил к пропастине, думал, что зверь зимой пропал, – сказал Родион, – по дороге на Еланку и на Ингашет.

– Значит и в наших местах убийцы нашлись, – удивился Евсей. – А чему дивиться – они сами напрашивались. У нас в деревне были. Родион вовремя пришёл, а так бы тоже побили всех да закопали, – Евсей рассказал свату историю, случившуюся в январе.

– Вот ведь как бывает, – сокрушался Хрустов. – Человеческая душа – потёмки, не зря люди говорят. Слава богу, что обошлось для вас хорошо, а потом и спросить не с кого было бы.

Мужики выпили водки и продолжили разговор.

– Новая власть, похоже, устояла, теперь начнёт свои порядки устанавливать. Ходят слухи, что будут трясти всех самостоятельных хозяев, кто имел торговлю или какие-то промыслы. Мне нужные люди подсказали, какие дела затеваются, так что я стараюсь опережать события. Выявились новые холуи, нацепили кожаные куртки, наганы по карманам рассовали и ходят по домам с обысками, не просто в любой дом, а знают нужные адреса. В Тайшете уже начались такие походы, вот я и приехал сюда, привёз все свои ценности, мне они уже ни к чему, а вот внучка народилась, дай Бог, и ещё будут детки – вот им сгодится. Я думаю, и у вас имеется на чёрный день кубышка, так советую припрятать, чтобы никто не сыскал. Своих мужиков предупредите потихоньку, без лишнего шума.

Крестить Настеньку поехали в Туманшет на четырёх подводах, желающих собралось много, да и погода позволяла. Четыре телеги, украшенные ленточками, словно свадебные тройки, мелькали среди густой листвы просёлочной дороги. Возле церкви все прихорашивались, старательно осматривали друг друга, ждали, пока закончится служба. В нужное время вошли всей толпой и притихли.

Крещение прошло быстро, вот уже крёстный отец – Маркел, передал крёстной матери Ульяне ребёнка, все стали поздравлять родителей, а потом дружно вышли на улицу. Счастливые лица людей, смущённые улыбки родителей, гордый взгляд деда, прекрасный солнечный летний день. Праздник!

А дома прямо на улице ждали накрытые столы. Гуляй деревня, веселись, ещё один твой житель пришёл на этот свет и, отмеченный Божьей благодатью, лежит себе, потягивает титьку и шевелит ногами. Праздник!

Гуляй, народ деревушки Тальники, есть повод выпить и закусить, есть повод сплясать и спеть. Гуляйте, добрые соседи и друзья, гуляйте все: и большие, и малые – за одним столом, веселитесь и радуйтесь! Праздник!

Длинный, тёплый летний вечер понемногу оделся в сумерки, наползавшие из соснового бора, за которым скрылось солнце. Начало смеркаться, а потом на светлом ещё небе вспыхнули звёзды. Потянул прохладный ветерок, зашевелились листья на черёмухе. Вот и закончился ещё один день. Со столов бойкие женщины стаскали всё в дом, успели перемыть посуду, оставили только несколько чашек с закуской на одном столе, куда подходили мужики и выпивали свои рюмки, не таясь от жён. Праздник!

После того как все уже разошлись по домам, за столом остались только братья Цыганковы да Хрустов Илья Саввич. Старик подпил немного, но держался достойно.

– Хорошо здесь у вас, – сказал он. – Всё куда-то спешил, времени не было приехать отдохнуть, а здесь благодать – и только.

– Хорошо, тихо, – поддакнул Евсей.

– Вот ты, Евсей, молодец, смог оторваться от села и уехать в глушь, да ещё и мужиков с собой увёл добрых. Смотрю, а живёте вы все неплохо и самое главное – дружно. Бывает так, когда народу немного, то они надоедают друг дружке да собачатся. А у вас хорошо.

– Делить нечего.

– Оно так, да только куда зависть девать? Это, брат, такая штука, что и родного человека может не пощадить.

– Бог миловал от такой напасти.

– Это ещё и от человека зависит, сумел ты сразу поставить правильный закон в деревне, все и поддерживают его, будто так и надо, будто по-другому и нельзя. Люди привыкают, потом передадут нажитые устои своим детям. И потянется цепочка из одного века в другой. Ты посмотри, сколько деревень в округе, а порядки в каждой свои. Немногие сёла со своими законами, как у вас, вот им при новой власти придётся тяжелей всех – не захотят они рушить свои устои, наперекор пойдут, а вот тут их и сломают.

– А другие чего ж? – спросил Евсей.

– А бестолковым легче: им сегодня так, завтра по-другому, словно прошли и не заметили. Для таких людей любые перемены, будто ветер подул с другой стороны, у них стержня нету крепкого. А один человек – он и есть один, опереться ему не на кого.

– Я чего ещё хотел спросить, – сказал Евсей. – А вот ты и другие торговые люди, куда подались при новой власти? Ты говорил, что по ним первым пройдёт новая власть. Чего это они за своё добро не встали, ведь была сила, которая могла сладить с большевиками?

– Здесь самое интересное. Те, у кого были большие капиталы, исчезли, как и не было их, а те, кто попроще, как я, те стали быстро приспособляться. Кто-то открыто перекрасился, стараясь пригреть местечко потеплее, другие затаились, вроде меня, некоторые уехали неизвестно куда. Но больше тех, которые пригрели себе местечки: разные кооперации, торговые организации. Новая власть тоже понимает, что кого попало не поставишь на торговлю, вот и берёт специалистов.

– У тебя есть уже нужные связи? – поинтересовался Евсей.

– А как же! Скоро можно будет сбывать и пушнину, и золото – если не отберут. Сейчас главное переждать это смутное время. Если сможем устроить сбыт, тогда снова можно будет налаживать отношения с карагасами.

– Слышал ли, как они сейчас? – спросил Родион.

– Знаешь, а для них находят товар. Меняют продукты, ружья на пушнину: за границей за соболя платят золотом, а деньги любой власти нужны. Подождём немного, присмотримся, потом и решать будем.

Ещё пару дней мужики отмечали крестины, сделав себе передых в работе. Жёны помалкивали до поры до времени, потом собрали столы и снесли в сарай – до новых праздников. Илья Саввич остался у дочери на несколько дней. Выносил внучку на улицу, прятался в тень и сидел, разглядывая её, пока она не просыпалась, потом нёс к матери.

– Всё не спрошу тебя, – как-то сказал он, – вот ты не один год живёшь с Родионом, не пожалела?

– Чего не пожалела? – не поняла Лиза.

– Что за Родиона пошла замуж?

– Четвёртый год живём, – уточнила дочь. – У нас эти года словно один денёк. Нет, батюшка, я не знаю, за что мне такое счастье выпало. А теперь уже и Настенька у нас, даст Бог, ещё рожу. Да разве ты не видишь, как у нас всё ладом?

– То-то, что вижу да думаю, что так не бывает, я же твой характер помню.

Лиза расхохоталась:

– За это время ни разу ни одной ссоры у нас не было, будто характер сменился за раз.

– Ни разу? – засомневался отец.

– Я увижу его – улыбнуться охота, он зайдёт домой, обнимет – про всё забываю.

– Дивно. Теперь успокоюсь. Всё хотелось спросить, знаю, что некоторые на людях за ручку ходят, а без людей коромыслом друг друга мутузят. Смотрю, а Родион как был молчаливый, так и сейчас помалкивает.

– Болтливость мужика не красит, а для меня у него слов хватает, мне достаточно.

– Дай Бог, – сказал Илья Саввич. – Я пристройку в тайшетском доме отдал Аннушке, твоей воспитательнице – ей податься некуда. Обрадовалась, когда услышала, что у вас дочка родилась, говорит, если бы вы приехали в Тайшет, она бы помогала тебе.

– И ты зовёшь?

- И мне спокойней было бы, – признался отец. – Только с тобой спорить я не умею.
 - Мы пока поживём здесь, а что будет дальше, никто не знает – может, и приедем.
 - Живите, как знаете, – согласился Илья Саввич.
- В конце июня Хрустов уехал домой, не смог долго сидеть без дела.

40

Последние денёчки цвела черёмуха, обильно осыпая всё вокруг белой пылью. Ночами иногда немного примораживало, но днём пригревало совершенно полетнему.

Илья Саввич, словно старый кот, нежился на солнышке, восседая на стуле посреди двора. Дела шли в последнее время гладко. Осталось доделать кое-какие мелочи – и можно подаваться в Тальники, оттуда пришла сладкая весточка, что родилась ещё внучка Машенька. Счастливый старик прыгал от радости, словно юнец, готов был сорваться и верхом лететь в деревню. Новость была неожиданной, но не застала врасплох старика. Словно предчувствуя пополнение в семье, он давно заготовил подарки. Старшая Настенька – баловница, ей исполнилось уже два года, всю теребила дедушке бороду, вызывая слёзы умиления. Нарядная, с бантами, она была желанным гостем в каждом доме. Девочка не ждала, когда её пригласят в гости. Каждый день с утра устраивала обход соседей. Лиза бегала по домам и искала дочку. Иногда посылала племянницу Ньюшу. А вот младшенькой, Машеньке, исполнилось только две недели. Все с нетерпением ждали дедушку в гости.

Хрустов, решив доделать свои дела, чтобы подольше погостить в Тальниках, усердней занялся своими заботами. В воскресенье, отстояв службу в церкви, куда он ходил в последнее время всё чаще, Илья Саввич сидел во дворе, изнывая от безделья. В воскресенье всё закрыто, поэтому приходилось терпеть вынужденный отдых. Раньше старик в такие дни занимался винопитием, но сейчас здоровье поослабло, и приходилось себя ограничивать.

В калитку громко и нахально постучали.

– Эй, хозяин, открывай! – раздался сиплый голос.

Хрустов нехотя поднялся и пошёл к калитке. За воротами стояло двое мужчин, одетых в кожаные куртки, с наганами на боку.

– Чего изволите? – спросил хозяин.

– Ты будешь Хрустов Илья Саввич?

– Я буду. Есть дело?

– Есть.

– Что за дело?

– Может, лучше пройдем в дом, чего разговаривать на улице? – один из них, что был повыше, отодвинув хозяина, пошёл в дом.

Старик направился следом. В доме незваные гости расселись на стульях, и один из них спросил:

– Дома есть кто?

– Нету.

– Это хорошо, а дело такое: Советской власти требуются деньги, и мне с моим товарищем поручено реквизировать излишки денег, золота и других ценностей. Советуем всё отдать по-доброму.

– Кто вам сказал, что у меня есть излишки ценностей? – поинтересовался Хрустов.

– Так как ты занимался торговлей, а также добычей золота и скупкой пушнины у иноверцев, у тебя есть ценности, которые должны быть реквизированы.

С самого начала Хрустов не мог понять, где же он видел этого наглого представителя власти, и, наконец, вспомнил: этого мужика он видел вместе с Никодимом Нестеровым, когда тот приезжал Хрустову в Конторку. С Никодимом у Ильи Саввича были свои дела, а этот мужик был у Нестерова в работниках. Ещё тогда не понравился он Илье Саввичу: взгляд блудливый и пронырливый.

– Раз так, давай бумагу, – сказал старик.

– Какую бумагу?

– Что ты уполномочен реквизировать все ценности: да под опись, да при свидетелях, а так, батенька, получается грабёж.

– Что? – посетитель схватился было за наган, но, опомнившись, сказал. – Бумага будет завтра.

– Будет бумага, приходите да свидетелей приводите, а сейчас, любезные, прошу покинуть мой дом. И передайте привет вашему начальнику, скажите, что я завтра с утра наведаюсь к нему для уточнения дела.

– Причём здесь начальник? Жди, мы ещё зайдём с бумагой.

– Милости прошу.

Как только незваные гости ушли, Хрустов стал собираться к поездке. Он, как только узнал посетителя, сразу понял, зачем пришли эти молодцы. Только не в первый раз приходилось сталкиваться Хрустову с грабителями – умел он ответить.

Через два дня все дела были решены, и счастливый дед отправился к дочери.

– А ты, что ли, мой дед? – спросила Настенька, за полгода она уже и забыла старика.

– Конечно, дед, разве ты не помнишь?

– А у нас Машенька есть, вот. Маленькая ещё, совсем не ходит. Только ест и спит, ну, сколько можно спать, – заявила внучка.

– А ты мне покажешь Машеньку?

– Чего её смотреть? Она ещё совсем маленькая, чужим смотреть нельзя, – вдруг заявила девочка.

– Я же не чужой, – растерялся дед. – Твоя мама – это моя дочка, значит, я не чужой.

Девочка растерянно посмотрела на мать, та рассмеялась. Лиза объяснила дочери, почему дедушка совсем не чужой, потом пошли смотреть спавшую малышку.

– Наших кровей, – прослезился Илья Саввич. – Крестить когда повезём?

– Батюшку Родион привезёт сюда, дома и окрестим, – сказала Лиза.

– Чего так?

– Власти закрывают церковь, батюшка по домам ходит.

– Ишь, какое дело, от Бога морду власть воротит. Ну-ну. И дома окрестим, да и отметим это дело, – махнул рукой Хрустов. – Сама-то как?

– Слава Богу.

– Родион рад?

– Рад. Всё хорошо, и соседи помогают. Мы здесь, как одна семья, радость или горе – так на всех. Деревня маленькая – все на виду.

– Славно. Поживу я у вас пару недель, думаю, утерплю.

– Хоть сколько живи, места хватает.

– И на том спасибо.

– Случилось что? – спросила дочь, чувствуя тревогу у отца.

– Нет, мне потом надо переговорить с братьями. Где они?

– Вечером должны вернуться, на Туманшет поехали рыбачить – рыбки захотелось.

– Ну, пока суть да дело, плесни мне чего-нибудь покрепче, чтобы ждать было ловчей.

Лизавета улыбнулась, но поставила для отца настойку на клюкве и закуски.

– Господи, до чего же хорошо у вас, – сказал старик и выпил настойки.

Мужики приехали поздно вечером, довольные: рыбалка удалась, рыбы взяли много. Особенно счастливым был Мишка, сын Евсея. Он наравне со взрослыми учувствовал в ловле, помогал ставить сети, выбирал рыбу, потрошил и солил. Вместе с Ванькой Дроновым они готовили дрова, делали всю работу на таборе.

– Вот и помощь подросла, не заметили, – сказал Евсей Маркелу.

– Давно ли сами такими бегали?

– Идёт время.

Переночевали одну ночь, взяли рыбы, сколько могли, и поехали домой. Долго рыбу не сохранишь – скиснет, даже и присоленная. А дома можно в подвале держать – там у каждого сделан ледник. И угостить селян надо – так принято в деревне. По приезде Мишка с Ванькой оповестили всех, чтобы приходили за рыбой, а сами, довольные, все в чешуе сидели вместе с мужиками на завалинке и слушали их разговоры. Вскоре с рыбой разобрались и пошли в баню – смыть рыбий дух, Ульяна протопила её к приезду рыбаков.

Уже при лампе гости сидели за столом у Евсея и выпивали настойку.

– Раздобрили вы здесь, ишь, животом обзавёлся, – сказал Хрустов Евсею.

– Есть маленько, какие теперь дела: сидим дома да едва шевелимся.

– Смотрел внучку, эх, радость какая, – старик похлопал по плечу зятя.

Родион заулыбался.

– Про наследника надо подумывать. Девки – это хорошо, а помощника ещё надо.

– Бог даст, и парень ещё будет, – сказал Родион.

– Крестить когда надумали?

– Через неделю, уже с бабушкой договорено.

– Славно.

Ещё немного выпив, Хрустов сказал:

– Вот что, братовья, дело намечается, возможно, и последнее, но прибыльное. Давайте я вам растолкую, а потом вы сами решайте. Значит так: в прошлом году наша новая власть объегорила большое количество карагасов, можно сказать, едва не погубила их, благо запасливые карагасники подсуетились да подкинули товара в долг. А случилось вот такое дело: многие фактории, что меняли пушнину на товар, посчитались убыточными, пушнину у карагасов приняли в счёт уплаты долгов, а потом закрылись, оставив их ни с чем. И сделано это было официально. Предложили охотникам отовариваться в других местах, да только ушло время, да и пушнины уже не было. Особенно тяжело приходится карагасам в наших местах. У меня появилась возможность взять товар в обществе потребителей в кредит, осталось только переправить его сюда. А когда встанет река, можно обозами отправить товар карагасам. Только надо оповестить их, что мы можем привезти обоз, а это надо сделать летом, пока карагасы ещё стоят на реке – потом их не сыщешь в тайге. Дело законное, мы только будем посредничать между кооперацией и карагасами. Свою плату возьмём товаром. Дело стоящее, я просчитал всё. Прибыток будет хороший, и наши кредиторы будут довольны. Тем более, что кооперативы большую цену дают за шкурки, чем госторговля. Там агенты ещё те ухари, цену сбивают наполовину, но платят сразу и наличными, а это карагасам нравится. Вот такой момент. Решимся на такое дело, как вы думаете?

– Дело привычное, только надо сообщить карагасам, а кто пойдёт? – сказал Евсей.

– Сходить могу и я, – ответил Родион, Мишку твоего возьму в напарники, и сбегает.

– Можно и так.

– За моими присмотрите только, Лизе одной тяжело будет.

– Не беспокойся, Нюшка поживёт у неё, пособит, что надо, да и мы рядом.

– Это хорошо, что мы сговорились. Теперь главное: через неделю обоз с товаром будет здесь. Есть место, где можно схоронить всё?

– Ну, Илья Саввич, ты даёшь, ещё не договорился, а обоз уже в пути, – удивился Евсей.

– А чего тянуть – делать надо сразу.

– И в верха идти надо сразу, – сказал Родион. – Потом и своих дел хватит, а там хлеб убирать надо.

– Сено мы накошим и без тебя, а к уборке вернёшься, – сказал Евсей. – Туда можно напрямую пойти налегке, а оттуда на плоту сплавится – быстрее будет.

– Обоз придёт, посмотрим, что имеем, потом и пойдёте, с конкретными цифрами, – сказал Хрустов. – А то позовём людей и ничего не привезём, не по-купечески это будет – слово надо держать.

– Так и решим. А до этого крестины отметим, – Евсей налил ещё настойки.

– Не хуже коньяка, помнишь, тебя угощал в Конторке?

– Лучше, Илья Саввич, лучше, это самодельное, а там, кто его знает?

– Да уж не хуже. Вот ещё что хочу вам сказать: случай тут произошёл у меня.

Хрустов рассказал, как к нему приходили реквизировать ценности, обрисовал посетителей:

– Один будто в Благодатской у Никодима работал в батраках.

– Высокий такой? – переспросил Родион. – Взгляд такой мутный?

– Да, точно сказал, что мутный.

– Знаю я его, да и Евсей знает, это Чирей. Гнилой мужик, пакостный.

– Вот в том-то и дело, что пристроился он к власти, а сам свои делишки обделывает. Я потихоньку вызнал, что никто никого не посылал его ко мне, сам пришёл, поживиться решил. Может и у вас появиться, раз такое дело.

– Будем знать.

Через неделю деревня гуляла на крестинах у Родиона Цыганкова. После церемонии крещения батюшку усадили за стол почётным гостем, подливая ему спиртного. Батюшка был доволен отношением к нему, а также оплатой своей работы. Уже вечером совсем пьяненького его усадили в телегу, сложили все его вещи и подарки, и Мишка повёз его домой в Туманшет.

– Мишка, ты аккуратней, не растрясси батюшку, доставь во здравии.

– Доставлю, – смеялся Мишка.

– Трогай, отрок, – скомандовал батюшка, завалился на сено и захрапел так, что лошадь испугалась.

Через два дня гулянка понемногу утихла. Евсей с Хрустовым поехали на перевоз встречать обоз. Родион остался дома разбирать столы и скамейки, таская их в сарай. Племянник Мишка, как только узнал, что его дядя Родион берёт с собой в тайгу, помогал ему во всём, старался угодить.

Уже вечером Родион увидел, как к калитке подъехали двое в кожаных куртках, перетянутых ремнями, в фуражках, с наганами на боку. Родион сразу узнал одного из них. Это был Чирей. Он подозвал Мишку, что-то спросил, а потом направился к дому Родиона.

– Лиза, ты не выходи из дома, – сказал он жене.

– Что случилось?

– Потом расскажу.

Родион встретил посетителя на крыльце. Чирей представился уполномоченным власти и предложил сдать золото и ценности.

– С чего бы вдруг? – спросил Родион.

– Мне известно, что ты со своим братом мыли незаконно золото – нужно всё сдать.

– Было дело, мыли золото, только когда это было?

– Наверняка, осталось что-то.

– Может, и осталось. А ты своё золото сдал? – спросил Родион.

– Какое моё, я не мыл песок, – голос у представителя власти дрогнул.

– Верно, ты старателей стрелял, а потом грабил их, или не так? – холодно спросил Родион.

– Ты видел? – Чирей весь напрягся.

– Видел, как ты, переодетый карагасом, промышлял золото.

Чирей медленно поднимал глаза, рука его потянулась к оружию. Медленно отстёгивая кобуру, он взглянул на Родиона – и замер. Прямо в лоб ему смотрел чёрный зрачок нагана.

– И не думай – не успеешь, – тихо сказал Родион. – А теперь собирайся и поезжай куда подальше. Дорогу сюда забудь, здесь все про тебя знают: встретят как надо.

– Мы ещё встретимся, – прошипел Чирей и быстро пошёл на улицу.

Через несколько минут уже затих цокот копыт и улеглась пыль на дороге.

– Дядя Родя, чего он хотел? – спросил Мишка.

– Дорогу до Благодатской спрашивал, – Родион пошёл в дом.

– Кто это был? – спросила Лиза.

– Да, заблудились, дорогу спрашивали.

– До Благодатской? – передразнила мужа Лиза.

– Да, – улыбнулся он.

– Настеньку домовой не любит – опять искать нужно по деревне.

– Куда она денется?

– Вы когда пойдёте?

– Думаю, что через неделю. Ты управишься одна?

– Нюшка хоть сейчас готова сюда перебраться. А по хозяйству помогут.

На следующий день вечером пришёл обоз, а ещё через три дня Родион с Мишкой ушли в верховье Бирюсы.

41

В середине апреля 1926 года небольшой обоз из пяти подвод последний раз шёл вверх по Бирюсе. Ещё до встречи с друзьями, братья Цыганковы уже знали, что принято правительственное решение сделать карагасов оседлыми, расселив их в трёх посёлках. Теперь заставят охотников разводить коров и лошадей, отнимут у карагасов

исконный промысел – охоту. Не все охотники подчинятся такому указу, но со временем у них отберут участки тайги, где они промышляют сегодня.

И теперь обоз шёл в неизвестность: никто не знал, будет ли кто ждать их на стойбище.

– Мишка обиделся, что его не взяли, – сказал Родион брату.

– Мишка ещё находится, какие его годы, а я вот в последний раз пошёл. Помнишь, Лаврен просился с нами, душа, видно, просила проститься с карагасами. А ведь пришло и моё время, и меня просто потянуло в те края, да так потянуло – душу вынимает. А дома без мужика никак нельзя, сам знаешь, да и твоим помогать надо.

– Да, знаю я, просто думаю, как быстро привыкаешь к такой жизни. Вот скажи мне, мол, давай живи там, так ведь отказался бы, а иногда приходиться – милое дело. Вроде, как в жару водички испить.

– Всё думаю: как получится в этот раз. Круто новая власть взялась за карагасов: хотят посадить на месте, сделать для них райскую жизнь, отняв привычную.

– Тебя из Тальников никуда не пускай, так и ты взвоешь, а они без тайги и вовсе не проживут. А кормиться чем будут? Без охоты у них и работы нету. Охота и та без оленей у них не получается.

– Не приживутся они на одном месте, разбегутся. Они же, как дети, за ними глаз да глаз нужен. Для себя рыбы поймать не хотят, а другую работу делать и вовсе не пожелают.

– Жалко их. Люди хорошие.

– Жалко. Считаю полжизни с ними в дружбе, а ничего сделать нельзя – не старое время. Там, если деньги есть, то решить всё можно было, а сейчас и деньги есть, только купить на них нечего. Ладно, не рви душу.

– Чирей-то пропал тогда, – сказал Родион. – Нынче с мужиками в Благодатской разговаривал. В тот раз прискакал он от нас к Никодиму, давай у него перед носом наганом махать и требовать денег, да только Никодим и сам не промах. Говорили, будто пальба была, а потом кто-то видел, как ночью мешки в реке топили. С тех пор и не видно Чирья. Никодим тоже вскорости уехал – и с концами. Вроде бы в Суетику переселился, а уже три года о нём ни слуху, ни духу.

– Тебе какая забота?

– Нет, ничего. Просто вспомнилось.

– Я тебе еще когда говорил, что Бог сам накажет его – вот и свершилось.

– Теперь в Благодатской и остановиться не у кого.

– А более и ни к чему. Тесть твой говорил, что с товаром в другой раз не выгорит, его дружка попёрли с должности, а больше взять негде.

Стойбище стояло на месте: горели костры, валялись полуголодные собаки. Ребятишки, завидев обоз, бегом кинулись навстречу.

– Ну, здравствуй, Оробак, – сказал Евсей, обнимая друга – Где Эликан?

– Эликан стал, как кобель, уже днём спит, сейчас выползет из чума.

– Какой ты старый стал, – шутя, сказал Родион. – На охоту бегаешь?

– Мало-мало бегаю, – улыбнулся Оробак.

Вышел и Эликан. За последний год он сильно сдал: согнулся, глаза слезились. Старик обрадовался гостям.

– Думал, что уже не придёте, совсем худые времена стали, – старик присел на валёжину у костра.

– Как поживаешь, Эликан? – спросил Евсей, присаживаясь рядом.

– Мне немного осталось, а вот им плохо придётся, – сказал старик.

– Может, ещё и обойдётся?

– Был я на суглане. Сначала забрали шкурки, а потом затеяли собрание, вместо расчёта. Мы уже не карагасы, мы тофалары. Теперь, если сказал, что я карагас – это как будто выругался. Выбрали какие-то Советы, которые и будут теперь править нами, будто мы и без них раньше не жили. Сказали, что отменили все налоги, но за пушнину рассчитались плохо. Раньше с налогами выходило лучше.

– Эликан, вы же сами выбирали власть? Почему так вышло? – спросил Евсей.

– Ты же нас знаешь, если карагас не понимает чего, он просто молчит, а чтобы отвязались побыстрее, проголосует хоть за что. Вот и подняли руки. А там наверху без нас всё уже было решено. Захотели они карагасов посадить на одно место, чтобы они никуда не ходили, отнять охоту, чтобы только разводили оленей да коров. Говорят: плохо карагасу зимой в тайге, а на одном месте, когда все рядом, будет легко. Только что будет делать карагас зимой в стойбище, когда не надо будет соболя гонять, белку стрелять? Будет сидеть в чуме и трубку курить? Плохо решили на суглане. Некоторым понравилось так жить, ушли довольные, только кто их будет кормить? Сказали, что государство позаботится. Где ты видел, Евсей, чтобы кормили за просто так?

– Я думал, что у нас времена плохие настали, а у вас ещё хуже.

– Я решил, что будем кочевать, сколько сможем. А за соболей и белок муки купим – по лесу ещё промышляют купцы. Их с суглана выгнали, сказали, что народ спаивают, а сами руки просили поднимать после того, как привезли вина и напоили карагасов. Все выпили и дружно проголосовали. Им за это ещё вина подали. Шаманов с позором выгнали, сказали, чтобы теперь говорили только по-русски. Кому шаманы мешают? Зачем всем говорить по-русски, когда и свой язык есть? Стали строить три посёлка, где должны жить все карагасы: Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара. Нас определили жить в Верхней Гутаре.

За ужином Эликан не отказался от водки, правда, выпил немного, но ему стало немного легче.

– У нас главным в стойбище сейчас Оробак, я просто у него в помощниках.

– Не знаю, куда убежать от такого советника, – сказал Оробак и засмеялся.

– Плохое время выпало для него – много думать надо. У нас в стойбище тоже есть желающие ничего не делать. А разве хорошо сидеть в деревянном чуме да водку

пить? Таких мы оставим в следующий раз, нечего их нытьё слушать. Пусть у нас в стойбище будут три чума, но достойных.

– Мы тоже в последний раз прибыли сюда с товаром, – горестно сказал Евсей. – А я так и вообще больше не пойду – старый становлюсь. Если кто и будет ходить сюда, так только молодые. С товаром больше ничего не выходит – вот и пришёл попрощаться с вами, ведь много лет знаем друг друга.

– Хорошо, что пришёл, – ответил Эликан. – Я уже и твоего сына Мишку видел, добрый сын у тебя. Выйдет из него охотник. Мы уже послали человека, завтра ещё подойдут люди, всё что привезли – разберут. Если бы не вы, совсем плохо было бы: муки уже нету, чаю нету, табаку совсем мало. Ничего нету.

– У нас тоже выбор не велик, но самое главное есть. Патронов удалось добыть немного, в прошлый раз совсем не было.

Через три дня всё было распродано, хотя желающие что-нибудь приобрести ещё были. Многие просили в долг, но Евсей, как мог, разъяснял, что больше они не приедут сюда и рассчитывать им будет не с кем.

Через день все карагасы разъехались по своим стойбищам, остался только род Эликана – здесь была их стоянка на всё лето. Ещё на несколько дней можно было задержаться в стойбище: лёд на реке был крепкий, дорога держалась. Евсей с Эликаном сидели у костра и разговаривали, вспоминали прошлое время, иногда смеялись, иногда грустили. Старики прощались друг с другом. Оробак с Родионом побродили по соседним распадкам, им удалось подстрелить изюбря. Разделав добычу, они жарили на прутиках печень животного и тоже вспоминали время, когда для них не было усталости, когда они днями могли рыскать по тайге в поисках добычи.

Родион посмотрел на готовую печень, достал мешочек с солью и посыпал еду. Оробак засмеялся:

– Не привык?

– Нет, я без соли не могу.

– Сладко, зачем солью портить еду?

– А я тебе и не предлагаю.

– Дома всё хорошо?

– Дома хорошо: дочки растут, баловницы мои, Лиза стала ещё лучше. Ты помнишь же её?

– Сам водил вас к шаману. После этого и у меня сын родился, мал ещё, на охоту не беру.

– Придёт время, и возьмёшь, помощник будет.

– Придёт. Только времена сейчас плохие, как говорит Эликан. Мы не пойдём жить в посёлок, кочевать станем, охотиться станем. Нам сказали, что будем коров разводить, рыбу ловить, оленей разводить. Зачем мне рыба с коровами, корова – это не олень, корове сено надо готовить, зимой кормить, поить – разве карагас это будет

делать? Рыбу ловить карагас тоже не станет. Что с ней делать? За рыбу муку не дадут. Охотиться карагасу надо: за соболя и белку всё дадут. Мясо можно добыть, изюбря, лося. Кто придумал жить в посёлке? Жизнь будет хуже, чем у собаки. Только и будешь ждать, когда тебе кинут кость. Собака хоть зимой работает, потому её и летом кормят, а если ни зимой, ни летом не работать – кто станет кормить?

– У нас тоже много плохого и непонятного, но мы пока держимся. Живём далеко ото всех: нас и не беспокоят. Если кто и приходит, так мы поговорим, послушаем и всё равно делаем по-своему. Только я думаю, что это ненадолго: тоже начнут указывать, как жить надо.

Мясо пришлось ко времени: вечером наварили полный котёл и стали отмечать прощание. Выпили водки, много говорили, вспоминали. Радовались, что в жизни были такие друзья, которые всегда спешили на выручку, кого всегда было радостно встретить, поговорить, поделиться сокровенным, спросить совета. Только прошло время, и теперь впереди неизвестность, от которой хорошего ждать не приходится – только трудности и сомнения.

Утром, пока ещё морозец слегка пощипывал щёки, обоз приготовился в обратный путь. Провожать вышли все: обнимались, дарили друг другу нехитрые подарки. Эликан получил в дар хорошую трубку и кисет табаку, а Оробак принял от Родиона дорогой нож в красивом чехле.

– Пусть он тебе в жизни помогает, – сказал Родион, вручая подарок.

– Спасибо, Родька, а это тебе, – Оробак подал кожаный мешочек с десятком небольших самородков. – Пригодится.

Растроганный Эликан тоже вручил Евсею мешочек с самородками.

– Теперь уже только вам и пригодятся жёлтые камни.

– Родька, я хочу тебе сказать, – Оробак отвёл Родиона в сторону, – в тайге я видел чужих людей, плохие люди. Смотри по сторонам, очень плохие люди.

– Спасибо. Буду посматривать.

– Сегодня к вечеру будете проходить два распадка, где речка впадает, там я видел их неделю назад.

Когда чумы скрылись за поворотом реки, Родион сказал брату:

– Евсей, приготовь карабин на всякий случай.

– С чего бы?

– Оробак сказал, что плохих людей видел, возможно, промышляют разбоем.

Евсей достал карабин и положил рядом с собой.

– Мужикам ничего не говори, а то будут всю дорогу головами крутить, если что, то успеют достать оружие.

Половину дня всё было тихо, только к вечеру, когда стали подъезжать к указанному месту, Родион почувствовал запах дыма, видно те, кто сидел в засаде, не учли ветер. Он указал брату на одну вершину распадка и на другую. На одной рядом с деревом стоял человек, слегка прислонясь к стволу, на другой вершине стояли двое,

даже не пытаясь прятаться, демонстративно держа оружие наперевес. Родион разом вспомнил все приёмы разведчика: он показал пальцем Евсею сначала на него, а потом на одинокого стрелка, а потом показал, что он будет работать на тех двоих. Старший Евсей даже ни на секунду не противился приказам брата.

Сухо щёлкнул выстрел, пуля упала рядом с санями Родиона. В ответ прогремели два выстрела подряд. Один из двоих, стоящих на косогоре, покатился по склону, другой упал навзничь. Пока Евсей размышлял, Родион успел выстрелить и по третьему, тот согнулся пополам и упал.

– Гони! – крикнул Родион и хлопнул вожжами.

Лошади, напуганные выстрелами и криками, рванули и понесли. Мужики выхватили свои карабины, оглядывались по сторонам, но никого уже не было. Вскоре распадки скрылись за поворотом, но обоз продолжать мчаться подалее от этого места. Только когда совсем стало темно, они остановились у места прежней ночёвки. Место, укрытое с трёх сторон от посторонних глаз, позволило путникам спокойно отдохнуть.

– Что случилось? – спросил Маркел, неожиданная стрельба его разбудила.

– Стреляли по нам, – сказал Евсей.

– Иди ты? А я самое интересное пропустил.

– И хорошо, спокойнее спать будешь.

– Опять Родька отличился?

– Опять.

– Придётся бутылку ставить, – заключил Маркел.

– Бутылкой не отделаешься – неделю поить будешь.

– Я согласен, только с моей Настей договориться надо, а по мне – хоть и месяц гулять.

– Мужики, придётся ночь караулить, раз такое дело, – сказал Родион.

– Надо, так надо.

Решили дежурить по очереди.

Ночь прошла тихо, как и остальная дорога. Через четыре дня приехали в Тальники, там их уже поджидал Хрустов. Всю пушнину нужно было срочно везти в Тайшет, пока ещё стояла река. За знакомого Ильи Саввича власти взялись всерьёз, и чтобы не подводить его и обезопасить себя, нужно было срочно погасить все кредиты пушниной. Осталось три дня до конца расследования – вот эти дни и решали всё.

Довольный, Илья Саввич рассматривал пушнину, раскладывал её по стопкам, потом упаковал всё, мешковины подписывал угольком. Вскоре стал готовиться к отъезду.

– Ты один собрался ехать? – спросил Родион.

– Один. В первый раз, что ли?

– Я с тобой поеду до Тайшета, а потом вернусь.

– Родя, ты только приехал и сразу уезжаешь? – недовольно сказала Лиза.

– Лизонька, так надо, я быстренько, через день буду дома.

– Что-то случилось?

– Потом расскажу.

Ехать собрались рано утром, а вечером Настенька с Машенькой верхом катались на дедушке и на отце, визжали от счастья, особенно младшая.

– Угомонитесь, потом вас спать не уложишь, – ворчала Лиза.

Рано утром Родион с тестем сели в сани, а другую повозку с мехами привязали к саням и отправились ещё затемно. За день надо было добраться до Тайшета.

– Случилось чего? – спросил Хрустов.

– Обстреляли нас – пришлось отбиваться.

– Когда нету порядка, то его везде нету, – сказал Илья Саввич. – Может, Чирей?

– Мне сказали, что он сгинул ещё три года назад, будто нарвался на пулю. Хотя, кто его знает? Сам не видел, а люди наболтают всякого.

– Спасать меня поехал? – спросил тесть, улыбаясь.

– Родня, как-никак, – в тон ему ответил Родион.

Они захохотали, довольные шуткой.

В Тайшет приехали, когда стало смеркаться. Хрустов проехал мимо своей усадьбы и остановился на Волостной улице у крепкого дома в четыре окна на улицу. Старик потянулся, хрустнул суставами и громко постучал в калитку, громко залаяли собаки.

– Кого там черти носят? – раздался недовольный низкий голос.

– Кириллыч, выдь на минутку, дело есть.

– Илья Саввич, ты, что ль?

– Да я, выходи.

Со скрипом отворилась калитка, вышел крепкий бородатый мужик среднего роста, одетый в овчинную безрукавку.

– Вот, Кириллыч, принимай, как я и обещал. Это пушнина за твои кредиты, – Хрустов подал меченый мешок. – А вот это тебе за труды.

– Илья Саввич, родненький, век бога молить буду – выручил. Я уже сухари сушить принялся. Слава Богу, Слава Богу.

– Знакомься, мой зять Родион, тоже причастный к этому делу.

Кириллыч подскочил и стал крепко жать руку.

– Спасибо, ребятки, дай вам, Бог, здоровья. Вот выручили. Давайте зайдём, отметим это дело.

– Не сейчас, Кириллыч, успеем. Я бы и к тебе не поехал на ночь глядя, кабы не сроки. Потом соберёмся и посидим.

– Какое счастье, как на свет народился, – бормотал Кириллыч.

Через два дня Хрустов принимал у себя Кириллыча.

– Рассказывай, как у тебя доходы с расходами сошлись? Пронюхала чего-нибудь ревизия?

– Слава Богу, всё хорошо. У них нету специалистов, чтобы в тонкостях разбираться: цифры сходятся – и порядок. И никому невдомёк, что деньги могут приносить доход.

– Ты не резвись, как только ослабишь внимание, тут же и попадёшься. Это дело такое.

– Страх удерживает от резвости.

– Это хорошо. Кириллыч, я тебе не зря показывал своего зятя, парень достойный, хотя в торговле слаб. Он со временем может приносить тебе золотишко на продажу, так ты прими его, сделай как надо. Если всё пойдёт славно, то у вас связи завяжутся крепкие, а у ребят есть, что тебе предложить, в накладе не останешься.

– Золото не ворованное?

– Золото, добытое на Бирюсе, песок в основном, но есть и самородки.

– А ты куда собрался, что подставляешь мне зятя?

– На всякий случай. Пока я живой, я с тобой связь имею, но предвидеть надо наперёд.

– Парень, значит, толковый?

– За дурня дочку бы не отдал, – сказал Хрустов.

42

Зимой из деревни в деревню поползли слухи – грядёт коллективизация. Что это такое и с чем её едят, никто не знал и даже не догадывался. Вместе со слухами к крестьянам выехали и агитаторы. Они собирали сельчан и рассказывали, как это будет хорошо жить, когда всё будет общим и доступным каждому. Только не до всех доходило, как это можно иметь общее хозяйство. Что значит всё для всех? Не могли понять, как это можно отдать свою скотину соседу, а самому идти к другому соседу и забирать его корову или поросёнка. Но агитаторы делали своё дело терпеливо и не спеша. В середине весны такие люди приехали и в Тальники. Евсей с Родионом готовили плуги и бороны к пахоте: дни стояли погожие, только и занимайся такими делами. После обеда подтянулись Маркел Дронов, братья Никитины и Кирьян Лисицин перекинуться парой слов. В предпосевные дни, перед тяжёлой работой, словно магнитом манило мужиков поговорить да узнать, у кого и как сохранился инструмент, нужен ли ремонт. Бывало, что собирали на телегу всё, что нужно отремонтировать, и везли в соседнюю Камышлеевку в кузницу. Там кузнец толковый, и делал он своё дело добротнo, и брал за работу недорого. Вот и собирались мужики потолковать о том о сём.

Коляска, запряжённая сытым жеребцом, показалась из леса ближе к вечеру.

– Глянь-ка, кого-то чёрт несёт, – сказал Маркел.

– Почему чёрт? – удивился Кирьян.

– Ты посмотри на коляску: рессора мягкая, значит, кто-то важный катит. А когда кто-нибудь важный с добром приезжал?

– Верно, важные люди едут. Двое, вроде бы? – разглядел Семён Никитин.

– Чего-нибудь нужно – зря не поедут, – буркнул Евсей.

Коляска подъехала прямо к сельчанам, из неё первым вышел мужчина средних лет, роста невысокого, с большими очками на носу. Другой был повыше и поплотней, но резвый. Он быстро соскочил с коляски и привязал лошадь к забору.

– Здравствуйтесь, товарищи, – сказал очкастый, улыбаясь мужикам.

– Здорово, – за всех ответил Маркел.

– Чего сердитые такие?

– Пока радоваться нечему.

– Разговор у нас есть к вам, может, после разговора и настроение поднимется.

– Говорить – это не землю пахать, это мы всегда, – добавил Маркел.

– Давайте всех соберём жителей, а потом и поговорим – дело касается всех, – предложил другой приезжий.

– Можно и позвать, – тихо сказал Евсей.

– Мишка! – крикнул он сыну. – Обойди всех, пусть прямо сейчас идут сюда для разговору.

– Видно, у вас тут народу немного, судя по домам, – сказал приезжий. – Как поживаете?

– Живём помаленьку, чего не жить? – ответил Евсей. – Да вы садитесь на брёвна, у нас других табуреток в таком количестве нету.

– Ничего, постоим, насиделись за дорогу.

– Нюшка, – сказал Евсей дочке, – принеси-ка людям квасу – притомились с дороги.

Нюшка принесла туюс из бересты и кружки, тоже берестяные. Евсей налил полную кружку и подал очкарику. Тот пил медленно и щурился, как кот на весеннем солнышке.

– Испей, Николай, чудо просто, а не квас, – протянул он кружку товарищу. – Из чего делаете?

– Из сока берёзового.

– И только?

– За секретами к бабам обратись, это по их части.

Через полчаса собрались все: женщины пришли прямо с малыми ребятишками. Одни присаживались на брёвна, другие стояли у забора – все настороженно смотрели на приезжих.

– Все пришли? – спросил очкастый Евсея, понимая, что тот главный в деревне.

– Кажись, все, – сказал Евсей. – Мужики точно все.

– Меня зовут Никита Иваныч, мой товарищ Николай Семёныч, мы приехали из Тайшета по поручению Совета Народных депутатов. Наше правительство решило, что крестьяне живут в деревне очень тяжело, работа у них нелёгкая, и чтобы облегчить труд ваш, решено из каждой деревни сделать одно коллективное хозяйство. Что такое коллективное хозяйство? Все мы знаем, что не у всех крестьян есть в достатке

лошади, плуги, бороны и другой инструмент, а у некоторых вообще ничего нету. Наша власть не даст в обиду никого, поэтому и решила, чтобы всё, что имеется в каждом хозяйстве объединить, собрать под общее начало: лошадей, коров, овец и другую живность. Каждый надел земли превратить в один общий клин, так и обрабатывать будет проще всем вместе.

Никита Иваныч ещё долго рассказывал, как будет хорошо жить, стоит только собраться всем под одну крышу. Селяне слушали всё, как красивую детскую сказку, у некоторых женщин разгорелись глаза – так всё понравилось.

– Может, вопросы будут у кого? – спросил Николай Семёнович.

– А есть ли поблизости такие колхозы? Посмотреть бы? – усомнился Маркел.

– Хочу вас обрадовать, – заулыбался Никита Иваныч, – у нас в округе уже две деревни, которые решили вступить в колхоз. Это село Конторка, многие знают, где это, а вторая деревня совсем рядом с вами – это деревня Камышлеевка.

Мужики переглянулись, когда услышали о Конторке. Наступившее молчание стало затягиваться.

– Может, кто хочет спросить о чём-то, не стесняйтесь, пожалуйста, мы постараемся всё разъяснить.

– Я так понял, что всех лошадей надо собрать в один двор, а значит, над ними надо поставить человека, чтобы ухаживал за ними?

– Правильно понимаете.

– Скотину собрать в одном дворе: коров, овец, свиней – за ними тоже уход нужен, ещё человека ставить?

– Верно.

– Коров пасти – это пастух нужен?

– Да.

– И теперь нужен главный человек в хозяйстве, который будет смотреть, чтобы не было так – один в лес, другой по дрова?

– Для этого нужно выбрать председателя, кого-то из селян, например, вас, – улыбался Никита Иваныч.

– А теперь, мил человек, посчитай, сколько человек осталось. А кто будет пахать и сеять? В Конторке народу много, в Камышлеевке тоже немало, там, возможно, и есть резон собираться в колхоз, а у нас и пахотной земли только для себя.

Никита Иваныч поначалу растерялся от таких вопросов, но потом быстро смекнул.

– Правильно, для вашей деревни не годится колхоз, народу мало, но для таких, как вы, есть коммуна.

– А это ещё что за зверь? – спросил Маркел.

– Коммуна – это небольшое хозяйство, там даже живут все в одном доме. В коммуне всё общее: ложки, чашки – обедают все за одним столом. Все друг у друга на виду.

– А если я, к примеру, захочу со своей Настей помиловаться, мне что просить всех выйти или у всех на виду заголяться? – брякнул Маркел

– Я тебе дома обскажу, где заголяться, – громко сказала Настя. – Кому что, а тебе только разговоры про баб.

Раздался смех.

– А в своих домах жить нельзя? – спросил Евсей.

– Положено в одном месте.

– Смех смехом, а Маркел прав: задумает кто пожениться, что делать, где им уединиться? Летом еще куда ни шло, а зимой? Разве не для того люди стараются построить себе дом, чтобы жить отдельно от других, своим умом жить.

– В стране много коммун, люди там живут все вместе, и все довольны, – возразил Николай Семёнович.

– Конечно, может, и хорошо жить под одной крышей, как ничего другого нету, а если вот, к примеру, у меня есть дом, для чего мне идти на постой к Маркелу, или ему ко мне? Разве у меня во дворе моим лошадям будет хуже, чем в чужом месте, или моя Ульяна хуже свою корову подоит, чем кто-то?

– Это всё оттого, что вы привыкли к частной собственности, но придёт время, и все будут жить в одних больших коммунах.

– А спросить можно вас, где вы живёте в Тайшете? – спросил Евсей.

– У меня небольшой домик, там мы и живём с женой и дочкой.

– Так собрались бы всей улицей и поселились бы в одном доме, раз так хорошо?

– У нас у всех разные работы, люди работают в разных местах, не связанные друг с другом, а коммуна делается для того, чтобы было легче делать одно общее дело.

– Вот и я про то. Для посёлка и живи, как пожелаешь, и работай, где хочешь, а для деревни – дело общее придумали и коммуны.

Наступила пауза, которая становилась неловкой. Никто из гостей не знал, что сказать, чем возразить. И снова заговорил Евсей:

– То, что вы говорили про коммуны, насчёт общей работы, я скажу так: пусть меня поправят селяне, если скажу неправду. Мы сюда и приехали изначально с такими мыслями, уже пару десятков лет живём так: помогаем тому, кто нуждается, никто у нас не в обиде, никто не голодает и не замерзает. Но живём каждый в своём доме, и никому это не мешает. Надо, и погуляем всей деревней, никто в стороне не остаётся. Но никто не лезет в чужой дом без спросу и никто не мешает Маркелу с Настей миловаться.

Раздался смех. Пользуясь случаем, Настя влепила оплеуху мужу, тот расплылся в улыбке, вызвав ещё взрыв хохота.

– Вот мы и придумали коммуны, если назвать по-вашему, и живём в ней, для чего нам ещё что-то? Или я не прав, мужики?

– Верно, говоришь.

– Так оно и есть.

– Правду, как есть, правду говоришь.

– А вам, товарищи, я скажу так: я понимаю, что вы не по своей воле поехали в нашу деревню, у вас тоже работа. Вот и запишите там себе, что в деревне Тальники вы организовали коммуну, и вам отчитаться надо, и нам лучше, чтобы не трогали.

– Тогда, товарищи, давайте придумаем название вашей коммуне, – предложил Никита Иванович, – без названия нельзя.

– Можно и название, хотя у нас деревня называется Тальники.

– Тальники звучит не революционно, прямо скажем, слабо звучит. Вот, к примеру, – «Красный богатырь».

– О нашей деревне не скажешь, что она богатырь. Насмешка выходит – и почему красный?

– Знамя у нас теперь красного цвета, вот поэтому, – раздражённо сказал Николай Семёнович. – Так звучит гордо.

– А нельзя оставить просто Тальники – и всё. Нам не нужно гордо, хотя бы для начала, а уж потом выберем другое прозвище.

– Хорошо, пусть будут Тальники, только подумайте о другом названии, – разрешил Никита Иванович.

Приезжие были довольны выходом из сложившейся ситуации.

– А что? Так будет правильно, – сказал Николай Семёнович. – Как ты считаешь?

Никита Иванович, кому был задан вопрос, радостно закивал в ответ.

– Так и порешим, а теперь все расходитесь, – обратился Евсей к сельчанам.

Все нехотя пошли домой, только Маркел что-то прошептал Насте на ухо и тут же получил крепкую оплеуху; заржав, как застойный жеребец, он подхватил жену на руки и понёс домой. Она что-то говорила ему, махала перед носом кулаком, а он только похохатывал.

– Чего это они? – спросил Никита Иваныч.

– Любовь у них такая, с самого начала, – ответил Евсей. – Мы уже привыкли.

– Странно, жена мужа поколачивает, обычно наоборот.

– Попробуй ты против её мужа скажи что – глаза выдерет, я же говорю: любовь такая у них. Ладно, пойдёте ко мне домой: нечего ехать голодными и на ночь глядя. Мишка, лошадь распряги и накорми.

Подвыпившие гости разговорились.

– Не всё так просто с коллективизацией по всей стране, – сказал Никита Иваныч. – Редко, где все идут в колхозы. Записываются охотно только там, где совсем одна беднота живёт; а где есть крепкие хозяйства, там желающих отдать своё добро мало. Но только и на них есть управа: такие хозяева вместе с семьями объявляются кулаками и высылаются из родных краёв, а всё хозяйство их всё равно переходит в колхоз. Много таких спецпереселенцев отправляют и к нам в Сибирь: сюда народу много требуется. Коллективизация только начинается в стране, много людей ещё приедет сюда, чтобы осваивать наши земли. Раз не желают работать на своих,

Советская власть не будет церемониться с кулаками и их пособниками – такое принято решение.

– У нас в округе тоже пока не торопятся выполнять решение партии и правительства, только две деревни согласились стать колхозами, – добавил Николай Семёнович. – Ничего, придёт время – и за это дело возьмутся жёстко. Тех, кто не пожелает вступать в колхоз, раскулачат и найдут им место получше. А тем, кто станет работать в колхозе, государство обещает всяческую помощь. Сейчас пока агитируем, а потом всё станет серьёзно.

Из всех пьяных разговоров Евсей понял, что приближается беда и требуется что-то решать. Надо будет переговорить с мужиками и всё обмозговать. Эти товарищи зря болтать не станут, значит, и вправду есть такое решение правительства. Евсей даже растерялся поначалу, но потом, когда гости заснули, он успокоился и понял одну простую вещь: надо бросать деревню и уезжать в Тайшет или Суетику. Там можно затеряться среди людей, устроиться на работу и жить потихоньку. Были бы молодыми, можно было бы податься в тайгу, подальше от всех властей. Но как без людей прожить? И годы уже не те. Самое лучшее – это податься в Тайшет, там Хрустов, там можно пристроиться лучше всего, а здесь в деревне не дадут жить. Уснул он только под утро.

На следующий день, отправив гостей, Евсей собрал одних мужиков и пересказал весь пьяный разговор агитаторов. Вчерашняя тревога усилилась.

– Мужики, надо думать, у нас ещё пару лет есть, может, чуть больше, а там что будет – никто не знает. Головы вешать рано, но подумывать уже нужно.

После посевной Евсей с Родионом направились к Хрустову в Тайшет. Накопилось много вопросов, на которые Евсей хотел услышать ответ, а кроме всего, нужно было прикупить для дома вещей и продуктов.

– Слышал я о коллективизации. Если разобраться, то дело толковое, но только руководить надо крепко да спрашивать, а кто это будет делать? – сказал Илья Саввич. – Если поставить начальным человеком крепкого хозяина, то толк был бы. Только где его сыщешь? Опять же, всё хозяйство в одну кучу – это глупость. Это только людей злит. Нет, не стоит участвовать в этой аванюре. Зачем жизнь гробить неизвестно на что. Нужно выезжать оттуда сюда, в Тайшет, купить небольшой домик: в каждой усадьбе земли достаточно, можно картошку садить, овощи разные, поросёнка держать, кур, другую птицу. Вот и живи, при этом устроиться можно сторожем куда-нибудь, чтобы глаза соседям не мозолить. Надеюсь, у вас и золотишко есть, при случае можно продать. Человека, который всё это устроит, Родион знает.

Родион удивлённо посмотрел на тестя.

– Помнишь, пушнину возили к Кириллычу – вот он и есть. Ему о тебе всё сказано, можешь обращаться смело – только большими партиями не носи. Ему тяжелее сбыть, а тебе дешевле отдавать. Думайте, ребятки, думайте. Только выбора у вас мало.

Родион, весь дом отписан на Лизу, она уже разберётся, как разделить всё среди внучек, так что тебе заботы мало. С работой тоже попытаюсь помочь.

– Чего же правительство крестьян так невзлюбило? – спросил Евсей. – Может, ты объяснишь?

– Кушать хочется всем, а у кого взять? У крестьянина. Купить бы хлебушек у крестьянина – а где денег взять. Всё стоит, никто не работает, поэтому и делают колхозы, чтобы обирать проще было. Честно сказать, от политики я далёк, но, как торговый человек, я понимаю всю эту политику до конца. Могу ещё добавить, что в деревне лучше жить не станет. Смыслю, что даже если здесь будет достаток в хлебе, то в другом месте прореха найдётся, которую придётся затыкать – страна у нас большая. Так, Родион?

– Да уж, большая так большая, – ответил тот.

– Вот и думай. Евсей, если надумаешь переезжать, скажи мне, я буду присматривать домик для тебя, чтобы тихо, мирно переехал и жил по-человечески.

– А что хозяйство?

– А ничего. Скотину и инвентарь сбыть можно потихоньку, обменять, а постройки придётся бросить, куда ты с ними? Да не жалея, махни рукой – и всё. Я бросил всё и не обернулся ни разу, а теперь и пристроился к новой жизни, голодным не сижу, ещё и хлебушек с маслом ем. Хорошие люди остались, многие пригрелись на сытных местах – с ними и имею связь. Я им – они мне. Против закона не прю, хожу на грани и доволен, других тому же учу: не надо высовываться.

– Значит, всё так плохо? – спросил Евсей.

– Да не совсем плохо, просто приспособиться надо. Мне проще, потому что я всю жизнь приспособивался ко всяким случаям, а тебе, конечно, тяжело будет поначалу, а потом привыкнешь.

– А людей бросить, что ли? Столько лет друг друга выручали, а теперь бросить всех на произвол судьбы?

– Седой ты уже, Евсей, а дурной, прости на слове. Ты поговори с мужиками, надеюсь, что и у них есть деньги на домик здесь, пусть также готовятся. Только просьба: не надо всем сразу в один день собираться и уезжать. Власти расценят это, как саботаж – и примут меры. А за два-три года можно и всех перевезти – всё будет шито – крыто. Была деревня - и нету, а куда подевалась – никто не ведает. Вознеслась. У вас уже дети взрослые: пора умом шевелить. Если у кого денег не хватит, так помочь надо, не чужие люди – сочтётесь.

– Так-то можно, – обрадовался Евсей.

– И тянуть с переездом не надо. Времени пару лет, не больше. Когда начнут закручивать гайки, тогда просто так не уедешь – все будут на учёте.

Тридцатый год начался с похорон. Первым похоронили Сашу Полякова: промаялся с месяц и скончался. Могилу копали все мужики, земля промёрзла основательно, хоронить вышли всей деревней. Это были первые похороны в Тальниках. Через два месяца преставилась бабка Пелагея. По ней плакали все деревенские женщины: жила себе незаметно, ушла тоже тихо. Только как без неё теперь? Она лечила ребятишек не только в своей деревне, но и в соседних. А в начале мая умерла трёхлетняя дочка Семёна Никитина: поперхнулась чем-то, пока бегали, пытались помочь – а уже и помогать оказалось некому. За полгода три покойника в деревеньке привели всех жителей в уныние. Люди стали малоразговорчивые, всё больше молчали, иногда встречаясь, перебрасывались парой слов, а потом опять каждый находился в своём дворе. Хотели или нет, а каждый подумывал: а кто же будет следующий? Да и грядущие перемены тяготили людей, навевали тяжёлые думы.

Первым разорвать такое настроение решился Евсей. Собрал мужиков и сказал:

– Был у нас разговор о переезде в Тайшет, видно, наступила пора. Смотрю, люди совсем упали духом, надо решаться. Понятно, что жалко всё здесь бросать, нажитое таким трудом, только и вы посудите: в колхозы по округе загоняют уже палками – все об этом знают. А как в том колхозе живётся, можно посмотреть хоть в Камышлеевке. Какой урожай ни собери, всё приходится сдавать, только и живут своим двором да огородом. А что там можно вырастить? Картошку да капусту? К нам пока не добрались, но это пока, глядишь: могут прямо и завтра прикатить. Осенью две-три семьи нужно вывозить. Кто не хочет, может оставаться здесь, но как бы потом не пожалеть. Дома в Тайшете присмотрены, осталось отдать деньги – и переезжать. Конечно, шумно там, толчая кругом, но в той толчее и есть наше спасение. Не тот возраст у нас, чтобы всё сызнова начинать. Я сказал, а вы как хотите, так и решайте. Что касается меня, то я не мыслю жить дальше без вас, почитай полжизни бок о бок, и дальше хотелось бы, чтобы хоть на виду у друг друга жить. Может, помощь кому понадобится, так вместе оно всегда легче.

– Я тоже думаю, что надо подаваться отсюда. Видишь, какой знак нам дан: три покойника за полгода, – сказал Маркел. – Мне хотелось бы в Конторку поехать, да только там колхоз, и дела идут неважно, а в дерьмо самому лезть не хочется.

– То-то и оно, – сказал Кирьян Лисицин. – Будто зверей обкладывают со всех сторон.

– Чтобы хомут вернее накинуть, попробуй потом – скинь его, – согласился Еремей Трухин. – Я согласен с Евсеем: нужно друг за дружку держаться, иначе пропадём.

– Сколько уже говорено об этом, а всё сидим сиднями, – сказал Иван Никитин. – Пора что-то решать. Мы с братом надумали подаваться в родные места. До Тайшета доберёмся, а там на поезде.

– Воля ваша, – сказал Евсей. – Мы постараемся помочь вам добраться до поезда.

– Раз не здесь доживать век, так лучше поближе к своим могилкам – всё же у нас там родня похоронена, – поддержал брата Семён.

Остальные решили, что самое лучшее – это перебраться в Тайшет и там затеряться среди людей.

Лето прошло в заботах, а в начале сентября случилась большая радость: у Родиона родился сын. Родион уже и не надеялся на такое счастье, а когда ему сказала Лиза, что ждёт ребёнка, он весь засветился от счастья, надеялся на сына. Роды принимала Ульяна, наловчившаяся от своей бабушки. Она вышла на крыльцо и посмотрела на небо, специально делая большую паузу. Родион смотрел во все глаза и тоже молчал. Наконец, Ульяна не выдержала и сказала:

– Пляши, папаша, сын у тебя.

Родион подскочил к ней и стал кружить вокруг себя.

– Ты чего с моей женой делаешь? – усмехнулся Евсей.

– Сын родился, – выдохнул брат и бросился в дом.

– Эй, ты куда? А ну назад! – прикрикнула Ульяна. – Вечером посмотришь, пусть жена твоя отдохнёт.

– Дождался-таки, – Евсей обнял брата.

– Уже и не чаял.

– С того и радости больше.

– Тятя, у нас братик родился, – выскочили две дочки и стали обнимать отца.

Девчонки были уже большие, старшей исполнилось десять лет, а младшенькой – восемь.

– Вот и будете нянчиться с ним, матушке помогать, – улыбнулся Родион.

– Будем, – согласились дочки и побежали на улицу, крича, что у них брат народился.

А перед самой уборкой опять приехали уполномоченные в деревню, теперь уже с новым постановлением. Пришла разнарядка на раскулачивание зажиточных хозяев.

– Такие люди мешают нам идти вперёд, ставят палки в колёса Мировой Революции, – заключили они.

Никто с ними спорить не стал, соглашались во всём, обещали раскулачить даже сверх разнарядки.

– Вы приезжайте сюда к Новому Году, тогда и увидите, скольких кулаков мы раскулачили, – сказал Евсей.

Это посещение ускорило отъезд жителей из деревни. Ещё по теплу Родион повёз Лизу с детьми в Тайшет. В округе нигде не работали церкви, а сына требовалось окрестить. Только в Тайшете ещё работал храм – вот туда и направился Родион. Семью возвращать он и не думал, а самому нужно было вернуться и уладить все дела. В помощь себе он взял племянника Мишку: дорога нелёгкая, а с детьми всегда тяжело ехать. К Тайшету подъезжали в сумерках. Знакомой дорогой направились по нужному адресу. Когда проезжали мимо железной дороги, показался состав.

– Дядя Родион, смотри, сами едут, – с непосредственностью малого ребёнка, крикнул Мишка.

– Да, видел я, и не раз.

– Какая силища, – восхищался племянник. – Можно потом поближе посмотреть, а?

– Будет время, так и сходим, посмотришь.

– Вот это чудо.

Незаметно подъехали к дому Ильи Саввича.

Хрустов сдал в последнее время. Старался казаться живым, подвижным, но на самом деле движения стали всё более медленными, и старик всё больше стал уставать. Сядет, отдышится, поспешит делать новое дело – и опять задохнётся и присядет. Иногда становилось обидно до слёз. Голова соображает, думается, что сейчас всё бы переделал, а встал – и силы закончились.

Хрустов ещё и не знал, что у него родился внук. Давно не виделись с дочкой. Когда Родион распахнул ворота и стал заводить лошадей, Илья Саввич смотрел в окно, пытаюсь понять: кто это так смело хозяйничает. Увидев внучек, завёрнутых в шали, поднялся и поспешил к выходу.

– Принимай гостей, – крикнул Родион.

– Гости так гости, – обрадовался Хрустов. – Кто ж вас так упаковал?

Внучки, к которым он обращался, наперебой стали говорить, что у них теперь есть братик, которого они привезли с собой. Дедушка ничего не понимал, но довольный тем, что привезли внучек, повёл их в дом.

– Там братик ещё у мамы, – сказала Настенька.

Только когда Родион взял завёрнутого сына и понёс в дом, Илья Саввич понял, что у него теперь ещё и внук есть. Старик вдруг ослаб и присел прямо на крыльцо.

– Ты бы, батюшка, не сидел здесь раздетый, прохладно уже, – сказала Лиза, – пойдём внука показывать будем.

– Сколько ж ему? – спросил дед.

– Месяц уже. Крестить привезли, да останемся здесь, наверное, насовсем.

– Навсегда?

– Родион ещё съездит в деревню, а я уже не буду с детьми мотаться.

– И не надо. Слава Богу, дошло до вас. Вот славно-то будет, а то я уже захирел один.

Старик разволновался так, что затряслись руки. Лиза распеленала сына, положила его на кровать. Ребёнок только посапывал, иногда дёргая ручками.

– Здоров парень спать, – восхитился дедушка. – Ай да молодцы. Вот радость-то. И не сообщили даже: целый месяц прошёл, как внук у меня родился, а я ни сном ни духом.

– Церковь работает? – спросила дочь.

– Пока работает, хотя грозятся закрыть, говорят, что церковь вредна для народа, – сокрушался старик. – Столько лет нужна была, а теперь в одночасье вдруг вредная сделалась.

– Надо нашего Александра окрестить.

– Надо, так и окрестим. Значит Александр, Саша. Что ж, хорошее имя. Окрестим, Лиза, как надо, и крестины отметим, как положено.

– Чего устраивать гулянки, да и людей знакомых нет.

– А мы по-семейному, тихо. А люди есть, нужные люди придут, познакомить их надо с вами – пригодится в жизни.

Вечером за ужином Мишка спросил:

– Дядя Родион, вот бы мне пристроиться на паровоз работать.

– Чего это он? – переспросил Хрустов.

– Паровоз ему сильно понравился, спрашивает, как бы устроиться на него работать.

– Чего бы доброго? Вот приедешь, постараемся пристроить тебя на паровоз, раз хочется. Коли есть желание, исполни его, чтобы потом не жалеть.

Когда Лиза увела детей спать, Хрустов спросил:

– Надумали перебираться сюда?

– Надумали, – ответил зять. – Все сразу уезжать будем. Приезжали двое из волости, говорили, что есть бумага, чтобы для раскулачивания выбрали кого-нибудь – вот мужики и решились уезжать все разом.

– Есть такая бумага, – согласился Илья Саввич. – По всей стране раскулачивают да отправляют к чёрту на кулички. Возле Тайшета целые деревни из спецпереселенцев собирают: Саранчет, Невельская, Квиток и много других. Там их держат под присмотром – вот такая народная власть. Конечно, всей деревней переезжать неверно, но видно, делать нечего. Все хотят в Тайшет?

– Нет, братья Никитины уезжают к себе на родину, в Томск.

– Дома присмотрены в Тайшете, купить можно в один день, только скажи Евсею, чтобы хоть одним обозом не ехали. Надо перебираться с разницей в несколько дней – всё ж не так заметно. А то народ начнёт говорить разное, привлекать внимание. А тебя, – Хрустов обратился к Мишке, – пристроим на паровоз, ты не сомневайся.

Сашку окрестили, отметили крестины в небольшой компании знакомых хозяина. Мишка сходил в депо, рассмотрел паровозы и ещё больше влюбился в них.

– Дядя Родион, я хочу только здесь работать. Ты представляешь, как это здорово?

– Ага, пыль да копоть, смотри паровозники все в саже ходят да в масле.

– Ничего ты не понимаешь, а представь, когда такая машина летит по рельсам и ветер лицо полощет, – это же просто здорово.

– А как отец не разрешит?

– Убёгом уйду, – заявил Мишка.

– Поедем в деревню, соберёмся, и тогда уже будешь думать о паровозах.

В конце октября, в течение двух недель, жители деревни Тальники покинули свои дома. Скотину: часть порезали на мясо, часть продали в соседние деревни. Сельский инвентарь тоже распродали, а что осталось, спрятали на подворьях, надеясь при случае забрать. Несколько дней деревня стояла, словно ожидая своих жильцов, но потом пришли снегопады и засыпали все следы покинувших жителей. Уже через неделю снегопада, вместо деревни было снежное поле, среди которого стоял десяток домов, по окна занесённых снегом, а вместо построек видны были большие сугробы. Жители соседних деревень не сразу узнали, что случилось. Только когда один мужик из Туманшета поехал в Тальники заказать себе резные наличники, увидел пустую деревню, по округе понеслись разные слухи. В конце концов выяснилось, что люди в Камышлеевке видели, как через их деревню проезжали соседи, только никто не придавал этому значения: мало ли кто и куда ездит. Поговорили и затихли: понимали, в чём причина.

Уполномоченные приехали в деревню к Новому году, как и обещали, но доехать до самой деревни не смогли – не было дороги. Услышав от соседей, что деревня брошена, обронили:

– Неужели всю деревню раскулачили и выслали?

– Вот что значит – правильно понимать линию партии и правительства, – добавил другой.

– Мне, кажется, здесь просто перегиб.

– Может, и перегиб, но можно доложить наверх, что в деревне Тальники раскулачено десять семей.

– А кто теперь работать будет?

– Это не наша забота.

Заночевать уполномоченным пришлось в Камышлеевке, где тоже успешно было раскулачено несколько семей, но там было много народу, потери были не очень заметны. На этом раскулачивание не прекратилось, а продолжалось ещё долго, каждый раз перевыполняя решения центра. Руководство заигралось настолько, что к концу тридцатых годов в деревнях работать стало некому, пришлось ехать в центральные районы России и вербовать людей на постоянное жительство в колхозы. В голодные тридцатые годы нашлось много желающих попытать счастье в далёкой Сибири, где голода не знали, хоть и жизнь не была сладкой.

Жители Тальников расселились на разных улицах Тайшета: на Первой и Второй Зелёных, на Базарной, на Волостной. По праздникам приходили друг другу в гости и помогали по возможности. Со временем все, кто пожелал работать на производстве, были устроены в различные места: рабочие руки нужны были везде. Маркел Дронов стал работать в депо, Еремей Трухин и Кирьян Лисицин – в столярных мастерских. Мишка Цыганков устроился помощником кочегара на паровоз, ходил гордый и счастливый. Евсея пристроили дворником на территории товарных складов, там, где работал Кириллыч. Работа была сносная, ходи с метлой да разгоняй листья по

территории, только зимой потрудней: кое-где требовалось чистить снег, но выбирать не приходилось. Евсею шёл шестой десяток, побаливала спина и суставы, сказывались походы по тайге да ночёвки у костра зимой. Ульяна сидела дома. Евсей завёл небольшое хозяйство, чтобы и яйцо было свежее всегда, мясо и сало на зиму; выращивали картошку и овощи, благо, что участки земли в усадьбе позволяли это делать. Но самое главное счастье – это внуки. Нюшка выскочила замуж три года назад и родила погодков-внуков. Такие сорванцы и горлопаны, что только держись. Нюшка пошла работать, подвернулось хорошее место на железной дороге, вот и водится Ульяна с внуками. И хорошо, а то совсем тошно было бы. Теперь Ванька с Димкой не дают скучать, поднялись с колен и изучают содержимое всех бабушкиных шкафов – приходится дверцы подпирать.

Два года в Тайшете пролетели, как одна неделя. Уже реже стали ходить по гостям сельчане, но не бросали друг друга, при надобности всегда собирались вместе. Устроился в депо и Родион. Поначалу тоже ходил по цеху с метлой, присматривался, но по случаю попал в инструменталку, выдавал инструмент поездным бригадам. Быстро освоившись где и что лежит, выполнял свою работу исправно, не вызывая нареканий. Поставлен был временно работать, да так и остался. Работа нравилась: принял инструмент, посмотрел, чтобы был весь в наличии и поставил в сторонку, если же нет чего, составил акт. Забегал сюда и племянник Мишка.

– Дядя Родион, жениться надумал, что посоветуешь?

– Девка хоть добрая?

– Ничего, вроде бы.

– Если ничего, то погоди ещё, когда найдёшь хорошую, тогда и женись.

– Да где их хороших сыскать?

– Ну да, ты у нас такой, что тебе во всей округе пару не подобрать, придётся на поиски ехать.

– Да хорошая девка, хорошая, наша деповская.

– А говоришь – ничего. Если хорошая, тогда и женись, давно на свадьбе погулять хочется.

– Давай инструмент, поедем мы, – сказал довольный Мишка и убежал, словно и не было его.

– Пошустрей Евсея будет, – сказал вслух Родион, – пошустрей. Оженится, и понесутся годы-годочки и для него вскачь, давно ли он пацаном бегал по Тальникам да гонял гусей? Теперь на паровозе служит.

Вдруг вспомнилось Родиону, как он сам сидел за печкой у Хрустовых на кухне, и прибежала к нему Лиза в пышном платье и с бантами; они вместе грызли пряники или просто горбушку хлеба, запивая молоком. Как давно было это, будто и совсем не было. Вечером по дороге домой, Родион купил большой кулёк пряников. Дома он положил их на стол и громко сказал:

– Эй, домочадцы! Большие и малые бегом к столу, у нас сегодня праздник!

Когда все уселись за стол, Родион высыпал пряники на стол и сказал:

– Налетай! Много лет назад в этот день я познакомился с вашей матушкой, а отмечали это дело мы пряниками.

Лиза удивлённо посмотрела на него:

– Разве в этот день?

– В этот, ты маленькая была, не помнишь.

– Мамуля, а сколько тебе лет было? – спросила Настасья, характером и норовом вся в мать, потому и слушалась её одну.

– Давайте тогда хоть чаю поставим, уж потом буду рассказывать.

Дочки быстро принесли чай и приготовились слушать, маленький Сашка забрался на колени к отцу.

– А было мне в ту пору года четыре или пять, и познакомились мы на кухне.

– Ой, как интересно, расскажи, матушка, – попросили дочери.

Лиза, смеясь, рассказала всю историю, девочки хохотали, Родион улыбался, только Сашка, молча и старательно, грыз пряник.

Осенью в гости к Илье Саввичу заехал старик, обросший густой сивой бородой. Старик да старик, только взгляд был весёлый, даже озорной. Они крепко обнялись с Хрустовым и прошли к нему в кабинет. Через час, когда домой с работы пришёл Родион, Илья Саввич выглянул из кабинета и обратился к внукам:

– Настенька, Машенька, сбегайте к дяде Евсею, скажите, что я зову, да пусть поторопится, разговор есть. Лиза, когда Евсей придёт, собери нам на стол чаю попить.

Девчонки побежали на улицу, только калитка хлопнула. Вскоре пришёл Евсей.

– Это братья Цыганковы, старший Евсей, – представлял Илья Саввич. – Это мой зять Родион, дочь Лиза, а это Иван Моисеич Розенталь, мой давний знакомый, в прошлом торговый человек и ваш коллега, – обратился он к братьям. – Он, как и вы, торговал с карагасами. Теперь у него есть последние новости, думается, вам будет интересно послушать.

– Новости, конечно, неважные, но что есть, тому и рады, – начал Иван Моисеевич. – В отличие от вас, мы торговали по реке Уде, прямо из Нижнеудинска водили обозы на сугланы, хорошие обозы. Насколько я знаю, вы немного по-другому торговали, вы с определённой группой карагасов имели дело. Но в последние годы вы не ходили на торги, и я думаю, ничего не потеряли. После 25 года всех карагасников стали прижимать, гнать из тайги, приходилось заимки скрытые делать да нарушать запреты. Уже тогда многие карагасы, те, у кого плохо получалось охотиться, захотели осесть на выделенных землях и начать оседлую жизнь. Только не у многих наладилась осёдлая жизнь. То, что давали власти, не годилось для жизни, а делать, кроме охоты, карагасы ничего не умеют. Стали понемногу спиваться да бродить по селению в поисках выпивки. Но часть карагасов исправно охотилась и продолжала жить достаточно хорошо. Тогда, чтобы и их посадить на земли, у них власти отобрали родовые охотничьи угодья. Делать нечего, пришлось им оставаться в посёлках.

Отчаянные охотники уходили на промыслы, стараясь ни с кем не встречаться в тайге. Тогда у них стали отбирать оленей и сгонять их в общее стадо, но олени пастухи тоже угоняли стада далеко от селения и без надобности не возвращались. Эта зима была самой тяжёлой: тофаларов стали принудительно сгонять в колхозы. Всё их имущество собрали в одно место и сказали, что теперь всё общее, дело дошло даже до курительных трубок. Это вывело тофов из себя: первым протестом стало уничтожение новорождённых оленят. Было уничтожено три четверти от всего поголовья. Тогда оленей совсем забрали у тофов в колхозы, объявив колхозной собственностью. Теперь у тофов совсем нет своих оленей, и ходят они по посёлку, не зная, чем заняться. На авансы, что им дают, покупают водку, чай и табак, перешли на консервы. Многие пообносились и ходят зимой и летом в резиновых сапогах да телогрейках, свою одежду шить не из чего. Больше я не поеду туда торговать, там всё разрушили, – заключил Иван Моисеич и отхлебнул из кружки чаю.

Видно было, что человек переживает трагедию, которая случилась с целым народом, хотя и малочисленным.

– Вы многих карагасов знали? – спросил Евсей.

– За все годы, что я там бывал, приходилось со многими знакомиться.

– А Эликана не знали, или у него сын был Хамышгай, может, охотника Оробака знавать приходилось?

– Нет, не припомню, – после недолгого раздумья ответил Розенталь. – Много их было, может, и приходилось встречаться, да разве ж всех упомнишь? Нет, про них ничего не скажу. Слышал только, что несколько родов, забрали своих оленей и ушли. Ни через год, ни через два о них никто ничего не слышал, поговаривали, что, возможно, и сгнули они где-то, или укочевали через Саяны в Китай – но это были только разговоры.

– Знать бы что случилось с ними, – вздохнул Евсей.

– И чем бы ты помог? – спросил Хрустов.

– Верно. Ничем.

44

Дни за днями, словно полуденные облака, улетали всё дальше и дальше, унося в памяти Тальники далеко-далеко. Чем больше проходило времени, тем сильнее выматывала все жилы тоска, когда вдруг вспоминалась деревушка, такая теплая и добрая. Если мысли приходили под вечер, то бессонная ночь была обеспечена.

Евсей тяжело переносил переезд в Тайшет. Хотя и все родные были рядом, да только чего-то не хватало. Чтобы не маяться с мыслями, он затеял строительство новой бани, а потом и нового сарая. Только работой и отмахивался от дум. Приходил брат, помогал, с ним затевали разговоры о дорогом сердцу прошлом. Только Родион поговорит немного, а потом замкнётся в себе да топором сильнее машет. Ещё

остужали тоску разговоры, что были слышны на рынке, куда приезжали деревенские мужики из всей округи. Круто закручивала гайки власть в деревне, не давала роздыху. Даже всё домашнее хозяйство было под присмотром уполномоченных, чтобы ничего не укрылось от налогов. Никакой оплаты труда в колхозах не было: дадут немного зерна на трудодень – и всё. Вот и приходилось колхознику везти в посёлок поросят продавать да ещё то, что сподобились вырастить на своём огороде. Только на это можно было хоть как-то одевать детей и самим одеваться, на другое денег не хватало.

Однажды после посещения рынка к Евсею зашёл Маркел. Евсей с Родионом ставили стропила в бане, собирались крыть крышу.

– Бог в помощь, – сказал Маркел, присаживаясь на чурку.

– Бог-то, Бог, да будь и сам не плох, – ответил Евсей, откладывая топор.

– Здорово, Маркел, – сказал Родион.

– Ходил на базар, послушал, что мужики из деревень говорят, – сказал Маркел. – Вспомнилась наши Тальники. Вы-то вспоминаете?

Евсей сел на край сруба, снял кепку и вздохнул:

– Другой раз аж до слёз, стыдно и признаться.

– Я уж думал, только у меня такая хандра, – Маркел даже улыбнулся. – Спросить у других совестно.

– Чего совеститься, разве худое дело какое?

– Оно так, да только когда бабы о том говорят – это нормально, а мужики обычно помалкивают, вон, как Родион. Разговорчивый у тебя брат, Евсей.

Родион только усмехнулся. Все мужики из деревни были будто родня, ведь вместе прожито столько лет.

– Как там твой тесть, давно не видел? – спросил Маркел Родиона.

– Ничего. Помаленьку хорохорится, хотя слабый стал.

– Зайти всё собираюсь, да как-то не складывается. Часто вспоминаю его, если бы не он, как бы жизнь повернулась? Хороший мужик, хоть и лавочник был.

– Чего там на базаре ещё говорят? – спросил Евсей.

– Того и говорят, что нынче урожай неважный ожидают: погода подкачала, так и изворачиваются, кто как может. Поговаривают, что картошки надо поболее собрать, да капустки наквасить. Только загадывать всё можно, а как на самом деле случится? У них там, пока колхозное не уберёшь, своё не дают убирать – вот и жди погоды. Когда снег сыпанёт, тогда и копай картошку в снегу, а то и помёрзнет вся.

– Бывало и такое, – согласился Евсей. – Только тебе какая тоска? Свою картошку в огороде ты соберёшь ко времени да по теплу.

– Вроде не моё, а всё душа болит. Вот и подумается: вовремя из деревни уехали, даже не представляю, как бы мы жили под присмотром.

– Так бы и жили, как все, только хуже, – ответил Евсей.

– Почему хуже?

– У нас народу было мало, схалтурить тяжелее – все на виду.

– А Настасья моя привыкла, говорит, что надо было раньше уезжать. Среди внуков, словно клуша похаживает, да уму – разуму их учит. И не только моя, другие деревенские бабы соберутся, потрещат, где и всплакнут – им и легче.

– Среди внуков проще: одному штаны смени, другому нос вытри, третьему подзатыльника выдай, а там ещё и обед сготовь, постирай – думать некогда. И хозяйство тоже пригляд требует.

Посидели мужики, поговорили и разошлись.

Так и не успел зайти Маркел к Хрустову: скончался старик в конце лета. В погожий тёплый вечер вышел на крылечко, присел на стул, специально поставленный для него, и вроде бы уснул, а когда Родион пошёл за ним звать домой, Илья Саввич был уже неживой.

В день похорон к дому Хрустова шли и шли люди: заходили в дом, сидели некоторое время, а потом подходили к Лизе и совали конвертики с деньгами. Поначалу Лиза пыталась отказываться, но ей объяснил Кириллыч, что это православная традиция – помогать друг другу.

– Ты, девонька, не обижай людей, они от чистого сердца дают, что могут, потому, как Илья Саввич помог им в жизни немало. Люди ведь не по принуждению идут, по своей воле, значит, стоит это того.

После его слов Лиза просто брала конвертики и складывала их в ящик комода. Из бывших жителей Тальников пришли все вместе с детьми и внуками. Кто-то стоял в сторонке, кто-то помогал. На кладбище провожать Илью Саввича пошли немногие. Попробуй потом объяснить, почему ты ходил хоронить бывшего лавочника, поэтому люди и шли будто мимоходом. Даже в последний путь проводить человека и то надо опасаться – такие времена.

После похорон на поминки пришли родные и все деревенские, кому не перед кем было держать ответ. Посидели за столом, выпили, как полагается, да вспомнили добрым словом человека, принявшего участие в их жизни.

– Так и не зашёл, – сокрушался Маркел. – Думалось – на днях, да завтра, а оно видишь как?

Каждый вспоминал своё, личное, к чему прикоснулся Илья Саввич, дал путёвку в жизнь. Пусть люди не стали слишком богатыми, но и не хлебали горюшко лаптем, всегда был случай, чтобы заработать копейку, да так, чтобы и на чёрный день оставить. И все эти случаи связаны с Хрустовым, никогда не нарушавшим своего слова и не пытавшимся обмануть.

За разговорами засиделись до вечера: женщины помогли собрать столы и перемыть посуду, мужики всё лишнее вынесли во двор. Там, во дворе, в уголке под навесом сидели Настенька с Машей и пятилетний брат Сашка. Дети растерянными глазами смотрели за происходящим. О них словно забыли на некоторое время в этой суматохе.

– Пойдёмте домой, – позвала Лиза. – Давайте помянем дедушку.

Она заставила расстроенных детей хоть немного перекусить.

Через три года Тайшет стал городом. Теперь в округе люди стали делиться на деревенских и городских. Знакомые встречались на рынке и говорили:

– Что, городским заделался?

– Да уж, не хлебаем щи лаптями.

И смеялись над собой, потому, как не назови чугунок, а суть его остаётся прежней, и люди по-другому жить не стали. Чего, чего, а посмеяться русский человек умеет и над собой, и над другими.

В последнее время всё больше приходило эшелонов со спецпереселенцами, их определяли в разные населённые пункты, а потом и вовсе народу потребовалось больше: затеяли руководители страны строительство железной дороги на север, вокруг Байкала. Вместе со строительством дороги появились и лагеря с заключёнными, строившими эту дорогу. В конце тридцатых годов в Тайшете было уже два лагеря: «Южлаг» и «Тайшетлаг». Они успешно пополнялись репрессированными из западных районов страны. Что творилось на стройке и в лагерях, местное население знало только по слухам, а за разговоры можно было и присоединиться к строителям великой стройки. Жители Тайшета делали вид, что ничего не происходит, и продолжали жить своими заботами.

Дочери Родиона выросли. Настенька, ей исполнился уже двадцать один год, работала на станции, в товарном отделе, окончив специальные курсы. Бойкая, весёлая красавица многих сводила с ума, да только сама не приглянула себе ещё никого. Машенька, такая же красивая, только скромная и спокойная, работала на почте. Сёстры были настолько похожи внешне, что их считали за близняшек, только характерами они были как небо и земля. Вокруг Насти всё бурлит и вертится, а Маша сидит в сторонке, смотрит да помалкивает. Сашка – брат, которому уже исполнилось десять лет, сильнее любил Машу: она больше уделяла внимания брату, а Настя только подсмеивалась. А слушаются ребятишки больше мать, она своим словом ставит на место сразу и без разговоров, а то так посмотрит, что лучше бы подзатыльником одарила. Отец души не чаёт в детях, балует их, уж тут не до строгости.

Мишка, старший сын Евсея, добился своего: стал-таки машинистом паровоза, одним из самых молодых машинистов. Должность большая, а важности никакой, как был мальчишка, так и остался, хотя ему уже и за тридцать. Зайдёт к Родиону на работу да посмеивается:

– Как там мои сеструшки-хохотушки? Замуж не вышли?

– Подыскал бы женихов, – отшучивался Родион.

– Им не угодишь, останутся старыми девами.

– Глазом моргнуть не успеешь, как разберут, хорошо если потом внуков дадут, а то и этого не увидишь.

– Сашка не желает ещё прокатиться на паровозе? – поинтересовался Мишка. (Он один раз брал его с собой).

– Сашка только и говорит, что про паровозы.

– Надо ещё взять, пусть привыкает – работа хорошая, достойная.

– Мал он ещё работать.

– Вырастит.

В очередную субботу, как обычно, Родион затеял топить баню. Любил попариться добрыми вениками да разогнать кровь по жилам. В свои пятьдесят, он чувствовал себя ещё совсем неплохо, но быстрее стал уставать от работы. Да спина иногда прихватывала, тогда только баня и спасала. Попарится, а потом отлежится денёк – глядишь, и ушла хвороба.

Спина ныла уже несколько дней, а сегодня особенно, Родион даже позвал сына в помощь.

– Сынок, давай-ка баню истопим: суббота сегодня. Помоги мне натаскать воды и дров.

Сашка довольный тем, что его попросили, как взрослого, быстро натаскал бочку дождевой воды да сухих сосновых дров.

– Тятя, если чего надо, ты скажи, я мигом сделаю.

– Скажу, сынок, скажу, а то что-то спина покою не даёт.

– Я во дворе буду, – сказал Сашка и подался в сарай, где занимался своими делами.

Настасья помогала убираться матери в доме, Маша была на работе. Ей выпало работать и в субботу. Настасье работать в воскресенье на железной дороге тоже приходится, когда выпадет по графику.

Когда баня была готова, Родион сказал жене:

– Пойдём со мной, а то спина болит, боюсь – завалюсь, что тогда делать?

Лиза приготовила баню, собрала бельё и повела мужа. Родион кое-как забрался на полук.

– Кряхтишь, как старичок, – сказала она мужу.

– Сам себе удивляюсь, – ответил он. – Вроде и не хочу, а выходить так.

– Старенький стал.

– Выгнать хочешь?

– Куда же я тебя выгоню?

Лиза могла строго разговаривать с другими людьми, детей могла приструнить, но так и не научилась говорить на повышенных тонах с мужем. Не получалось. Посмотрит на него, и все неурядицы улетучивались. Многие люди говорят, что женщина любит ушами, может, кто и любит, да только не в словах дело. Лиза за всю семейную жизнь не слышала ласковых слов, но счастья у неё было поболее, чем у других. Только глянет Родион на неё, а внутри всё уже затаилось, а если за руку

возьмёт да обнимет – голова кругом, сердце выпрыгивает из груди и без всяких слов. Так и прожили все эти годы.

– Чего это ты разболелся? – спросила она, поддавая настоем трав на каменку. – Я уже не могу парить тебя, как прежде, сердце заходится.

– А ты и не шибко старайся. Через силу не надо.

– Я пойду, отдохну, голова кружится уже.

Родион полежал ещё на полке, попытался встать. Боль ушла, видно, хватило и того тепла, что дала баня. Он ещё плеснул воды на каменку и сам взялся за веник. Напарившись, он медленно, стараясь не дёргаться, слез с полка и пошёл в предбанник. Лиза сидела, попивая квас

– Испей, – подала она ковш.

– Хорошо, – сказал Родион, глотнув кваса.

– Ты никак меня обманул? – Лиза подозрительно посмотрела на мужа. – То ходить не можешь, а то паришься, аж листья сюда летят.

– Отпустило – вот и расхрабрился.

– Пошли мыться – хватит жариться: здоровье уже не то.

Родиону всегда нравилось смотреть, как Лиза мыла свои волосы. Старательно промывала всю косу сверху до самых кончиков волос, перекинув её через плечо. А ещё он любил лить воду, когда Лиза смывала с них мыло, а потом выжимала и закручивала на затылке. Какое же это было счастье – видеть всё это. Поначалу Лиза смущалась, а потом привыкла – муж всё же.

– Лиза, годы тебя не берут, ты только краше становишься, – сказал Родион. – Любуюсь тобой, не налюбуюсь.

– Думается мне, что ты и хворь придумал, чтобы в баню со мной идти, – дочек не стыдно, срамник ты старый.

– А хоть бы и придумал? Чего стыдиться, не с любовницей пошёл, чай.

– Чего уж, знаю, что не придумал. Поберётся бы – не молод уже.

– А давай ещё родим кого-нибудь, – сказал Родион и улыбнулся.

– Только и осталось. Одевайся, пошли чаю тебе сготовлю на травках.

Из бани Родион пришёл с хорошим настроением. Допивая чай, он прислушивался к себе и чувствовал, как из глубины тела опять выползала боль, которая не становилась сильнее, просто ныла и всё. На ночь Лиза намазала какой-то вонючей мазью и обмотала старым платком.

К утру полегчало. Родион сел у окна и стал смотреть на улицу. В воскресный июньский день на улице было тихо. Выходной. Раньше в это время люди шли на воскресную службу в церковь, но сейчас церковь закрыли и разобрали. Редкий человек пройдёт воскресным утром мимо дома. К обеду Лиза напекла блинов. Чай пили все вместе, кроме Насти, она была на работе.

Через окно Родион увидел, что Настя едва ни бегом бежит домой. Стало тревожно.

– Лиза, Настасья чего-то спешит домой, никак случилось что?

– Настасью не знаешь, – ответила Лиза, занимаясь вязаньем.

– Нет, что-то приключилось.

Настя влетела в дом, широко распахнув дверь.

– Война, – выдохнула она. – С немцами война.

Молчание затянулось.

– Ошибки нету? – спросил отец.

– По радио будет сообщение, слушайте, а я снова на работу побегу, на минутку вырвалась.

– Как же это, Родя, а? – спросила Лиза, обессилено садясь рядом с мужем.

– Немец – вояка серьёзный, приходилось встречаться.

– И что теперь?

– Наш-то солдат не хуже будет, одолеем немца, только насколько затянется всё?

– А по радио говорили, будто не пустят врага на Россию, мол, на рубежах задержат.

– Говорить, что хочешь можно, только как там будет – время покажет.

– Хорошо, что Сашка мал ещё, как бы я смогла отправить его на войну? – вдруг сказала Лиза. – Страшно как. Мишку нашего заберут.

– Не должны Мишку-то, он же машинист, а в паровоз кого попало не посадишь.

И было правительственное сообщение, которое передавали через громкоговоритель на Базарной площади, и была толпа людей, а потом громкие причитания со всех сторон. А к вечеру пьяные песни под гармошку и молодёжь, готовая идти хоть сию минуту бить врага.

У Родиона собрались все жители Тальников. Разговаривали мало, только вздыхали, да женщины смахивали кончиками платков предательские слезинки. Дороже и ближе у них здесь никого не было, а куда податься в худую годину, как не к самым близким.

Июль 2013 г. – январь 2014 г.